РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр политических исследований и прогнозов

Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества»

Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК 338(510)
ББК 65.9(5Кит)
К45

Ответственные редакторы:
Д.А. Смирнов, П.В. Трощинский

Оргкомитет конференции:
к.и.н. Д.А. Смирнов (председатель), к.ю.н. П.В. Трощинский,
к.ю.н. В.Ф. Бородич, Н.В. Пржежецкая

К45 Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества». Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. — М.: ИДВ РАН, 2020. — 488 с.

ISBN 978-5-8381-0377-2

В сборнике опубликованы статьи, подготовленные на основании докладов в рамках ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока Российской академии наук. В статьях содержится анализ различных актуальных вопросов внешней и внутренней политики современного китайского государства, проведено исследование особенностей правового регулирования некоторых сфер общественных отношений. Исследуются зарубежные подходы при изучении происходящих в современном Китае процессов, уделяется внимание отдельным аспектам стратегии «Один пояс, один путь». Проведен анализ современного идеологического курса КПК, важных вопросов социального развития и социальной политики КНР на примере образования и проблемы преодоления бедности, ряда направлений национальной политики и политики в отношении религий, политической культуры современного Китая, положения на Тайване и его влияния на состояние и развитие межбереговых отношений. Содержание сборника отражает основные проблемы, с которыми столкнулось китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества», включая разразившуюся пандемию и некоторый спад в экономическом развитии страны. В сборнике также приводится перевод на русский язык Постановления Всекитайского собрания народных представителей «О создании и укреплении законодательной системы и исполнительных механизмов для обеспечения государственной безопасности Сянганского особого административного района», принятие которого способствовало повышению градуса напряженности в Гонконге.

Ключевые слова: Китай, КНР, внешняя политика, внутренняя политика, КПК, Си Цзиньпин, правовое регулирование, сяокан, Тайвань, межбереговые отношения, коронавирус.

Высказанные в статьях взгляды не обязательно отражают точку зрения редакторов.

УДК 338(510)
ББК 65.9(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0377-2

© ИДВ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Federal State-Funded Institution of Science
Institute of Far Eastern Studies
(IFES RAS)

CHINESE STATE AT THE FINAL STAGE OF THE BUILDING OF A «MODERATELY PROSPEROUS SOCIETY»

The Proceedings of the Annual Scientific Conference of the Centre for Political Research and Prognosis IFES RAS

Publisher: Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy
of Sciences (IFES RAS)
Web: http://www.ifes-ras.ru
E-mail: ifes@ifes-ras.ru
Contact number: +7 499 124-02-17

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2020

Editors-in-chief:
D.A. Smirnov (Ph.D. (History)), P.V. Troshchinskiy (Ph.D. (Law))
Conference organizing committee:
D.A. Smirnov (Ph.D. (History)) (the chair), P.V. Troshchinskiy (Ph.D. (Law)), V.F. Borodich (Ph.D. (Law)), N.V. Przhezhetskaya

Chinese State at the Final Stage of the Building of a "Moderately Prosperous Society". Moscow: IFES RAS, 2020.

In the presented collection of articles, there are those prepared on the basis of the reports in the frame of the Annual scientific conference of the Centre for Political Research and Prognosis of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. The articles contain the analysis of a variety of actual problems of the external and internal policy of the modern Chinese state, also, there is conducted a research of the peculiarities of the legal regulation of some social relations spheres. Besides, in the articles, there are researched foreign approaches to the study of the processes occurring in modern China with much attention paid to the separate aspects of the strategy "One Belt — One Road". As well as, there is conducted an analysis of the CCP ideological course, of some important questions of social development and the PRC social policy basing on the example of education and the problem of poverty overcoming, some directions of the national policy and the policy concerning religion, political culture of modern China, the situation in Taiwan and its influence on the state and development of the cross-Strait relations. The contents of the volume reflect the main problems which the Chinese state came across at the final stage of the building of a "moderately prosperous society" including pandemic out-break and some decrease of the country economic development. The collection also contains a translation into Russian of the National People's Congress Decision on Establishing and Improving the Legal System and Enforcement Mechanisms for the Hong Kong Special Administrative Region to Safeguard National Security, the adoption of which led to protests in Hong Kong.

Keywords: China, PRC, external policy, internal policy, economic development, CCP, Xi Jinping, legal regulation, xiaokang, Taiwan, cross-Strait relations, coronavirus.

Expressed in the articles views don't necessarily reflect the editorial board's views.

© The Authors Board, 2020
© IFES RAS, 2020

Содержание

Раздел I.
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Галенович Ю.М.
КРАТКО О «КРАТКОМ КУРСЕ ИСТОРИИ КНР (1949—2019)» 13

Карнеев А.Н.
ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В КИТАЕ
В ЭПОХУ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ 28

Михалев М.С.
РУССКИЕ СИНЬЦЗЯНА: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 46

Смирнов Д.А.
ТАЙВАНЬ. К ИТОГАМ ВЫБОРОВ 2020 ГОДА 57

Степанова Е.Н.
ГОНКОНГ. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРОТЕСТА 69

Гурулева Т.Л.
РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОГРАММЫ РЕФОРМЫ
ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ И ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ ДО 2022 ГОДА 81

Гулева М.А.
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КНР
КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ
СРЕДНЕЗАЖИТОЧНОГО ОБЩЕСТВА 93

Трощинский П.В.
К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР
В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ 105

Бородич В.Ф.
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ КИТАЯ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕФОРМ (ДЕКАБРЬ 1978 — ИЮНЬ 1989 гг.) 118

Баженова Е.С.
БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ В КНР: ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП 135

Сущенко М.А.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 146

Шарипов Ф.Ф., Тимофеев О.А., Сазанова С.Л.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КИТАЯ 158

Петрунько К.А., Сазонов С.Л.
КИТАЙ РАЗВИВАЕТ ПРОИЗВОДСТВО «ЗЕЛЕНЫХ» АВТОМОБИЛЕЙ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ВОДОРОДНОЕ ТОПЛИВО 174

Грачева Ю.А.
БРЕНД С НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ ТИБЕТСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВЕНЬ НАРОДОВ МЭНЬБА И ЛОБА) 185

Скосырев В.А.
«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ БУДУЩЕГО РЕФОРМ 199

Раздел II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Портяков В.Я.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ 209

Румянцев Е.Н.
КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА ФОНЕ КОРОНАВИРУСА 230

Морозова В.С.
КОНЦЕПЦИЯ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ 245

Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А.
ПОЛИТИКА КИТАЯ В ВЕНЕСУЭЛЕ: МЕХАНИЗМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 255

Виноградов А.О.
ПОЧЕМУ СЕГОДНЯШНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НЕ ЛУЧШЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ? 266

Балакин В.И.
КИТАЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ЕВРОСОЮЗОМ 279

Меркулов К.К.
УЧЕНЫЕ КНР О НОВОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЛАНЕ ИДЕЙ ПЕКИНА О «НОВОЙ ЭПОХЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ», «НОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ» И Т.П. (ПО МАТЕРИАЛАМ СПЕЦОБЗОРА ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В КИТАЕ») 293

Ван Цзинвэй (КНР) (王景伟), Сазонов С.Л.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МАРШРУТ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК В РАМКАХ ЭПШП 304

Кожухова К.Е.
ПРОЕКТ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ XXI в.» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ 315

Раздел III. ПРАВО

Трощинский П.В.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КНР 325

Смирнов Д.А.
КОНСТИТУЦИЯ КНР О РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ КПК 340

Алексеенко А.П.
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ТОКЕНОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КНР 351

Анисимцев Н.В.
ПАТЕНТНОЕ ПРАВО КНР: БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ И НОРМЫ 361

Афонина Л.А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ ПОСЛЕ XIX СЪЕЗДА КПК 372

Амурская М.А.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА 390

Трофимов А.А.
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В КИТАЕ И РОССИИ 405

Родионов А.Н.
ИССЛЕДОВАНИЕ РИСКОВ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ 415

Жилкибаев С.Н.
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНА КНР «ОБ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЯХ» 429

Приложение

Соседов Д.С.
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСНП О СОЗДАНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЯНГАНСКОГО ОСОБОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА (ГОНКОНГ) 441

Summary 447

Список авторов 484

Content

Section I. POLITICAL DEVELOPMENT

Galenovich Yu.M.
BRIEF ABOUT "A CONCISE HISTORY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (1949—2019)" 13

Karneev A.N.
MAJOR PERIODS IN THE EVOLUTION OF CHINESE IDEOLOGICAL SPHERE IN THE ERA OF REFORMS AND OPENNES 28

Mikhalev M.S.
RUSSIAN MINORITY IN XINJIANG: ETHNOPOLITICAL AND ETHNOSOCIAL POTENTIAL 46

Smirnov D.A.
TAIWAN. TO THE RESULTS OF THE ELECTIONS 2020 57

Stepanova E.N.
HONG KONG. PROTEST MOTIVE FORCES 69

Guruleva T.L.
RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE EDUCATION REFORM PROGRAM IN CHINA AND OBJECTIVES OF EDUCATION DEVELOPMENT TILL 2022 81

Guleva M.A.
PRC EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT AS AN INSTRUMENT FOR BUILDING A MODERATELY PROSPEROUS SOCIETY 93

Troshchinskiy P.V.
THE ACTUAL STATUS OF THE CHAIRMAN OF THE PRC IN THE SYSTEM OF HIGHER GOVERNMENT AUTHORITIES AND ADMINISTRATION 105

Borodich V.F.
TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF CHINA IN THE FIRST DECADE OF REFORMS (DECEMBER 1978 — JUNE 1989) 118

Bazhenova E.S.
POVERTY ELIMINATION IN CHINA: FINAL STAGE 135

Sushchenko M.A.
POLITICAL CULTURE OF MODERN CHINA: CONTENT AND DEVELOPMENT TRENDS 146

Sharipov F.F., Timofeev O.A., Sazanova S.L.
MAJOR TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF NON-FERROUS METALLURGY IN CHINA 158

Petrunko K.A., Sazonov S.L.
CHINA DEVELOPS THE PRODUCTION OF "GREEN" CARS, USING HYDROGEN FUELL 174

Gracheva Yu.A.
BRAND WITH NATIONAL SPECIFICS IN THE MODERN TIBET AUTONOMOUS REGION (THE CONTEXT OF THE MENBA AND LOBA PEOPLES' VILLAGES) 185

Skosyrev V.A.
THE NEW NORMAL: IDEOLOGY AND DISCUSSION OF ECONOMIC REFORMS IN CHINA 199

Section II. FOREIGN POLICY

Portyakov V.Ya.
FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN RECENT YEARS 209

Rumyantsev E.N.
CHINA'S FOREIGN POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF CORONAVIRUS 230

Morozova V.S.
"COMMUNITY OF COMMON DESTINY" CONCEPT AS A REFLECTION OF CHINA'S FOREIGN POLICY SOCIOCULTURAL SPECIFICS 245

Petrunina Zh.V., Shusharina G.A.
CHINA'S POLICY IN VENEZUELA: MECHANISMS
TO STRENGTHEN RELATIONS IN THE LONG RUN 255

Vinogradov A.O.
WHY TODAY'S RUSSIAN—CHINESE RELATIONS
NOT BETTER THAN SINO-SOVIET RELATIONS? 266

Balakin V.I.
CHINA'S GEOPOLITICAL ADVANCEMENT
TO THE EUROPEAN UNION 279

Merkulov K.K.
THE PRC SCHOLARS ON THE GLOBAL GOVERNANCE
NEW MODEL IN THE PLAN OF BEIJING IDEAS
ABOUT "THE NEW GLOBALIZATION EPOCH",
"THE NEW GLOBALIZATION", ETC. (ON THE BASIS
OF THE SPECIAL REVIEW OF THE JOURNAL
"SOCIAL SCIENCES IN CHINA") 293

Wang Jingwei (PRC) (王景伟), Sazonov S.L.
THE CENTRAL ROUTE OF THE AUTOMOBILE TRANSPORT
IN THE FRAMEWORK OF THE SILK ROAD ECONOMIC BELT 304

Kozhukhova K.E.
SILK ROAD ECONOMIC BELT OF THE 21ST CENTURY
AS A MANIFISTATION OF CHINESE STRATEGIC CULTURE 315

Section III. LAW

Troshchinskiy P.V.
CINSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF THE CHINA'S
ELECTORAL SYSTEM 325

Smirnov D.A.
THE PRC CONSTITUTION ABOUT THE CCP LEADING ROLE 340

Alekseenko A.P.
LEGAL REGIME OF DIGITAL INVESTMENT TOKENS
UNDER LAW OF THE PRC 351

Anisimtsev N.V.
PATENT LAW OF PRC: BASIC CATEGORIES
AND REGULATIONS 361

Afonina L.A.
LEGAL REGULATION OF THE RELIGIOUS SPHERE
AFTER THE 19TH CPC NATIONAL CONGRESS 372
Amurskaya M.A.
ABOUT THE FEATURES OF THE CHINESE ACCOUNTING
REGULATORY SYSTEM 390
Trofimov A.A.
LEGAL BASIS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY
OF BUDGET FUNDS IN CHINA AND RUSSIA 405
Rodionov A.N.
RISK STUDY OF MODERN RUSSIAN-CHINESE
INFRASTRUCTURE PROJECTS 415
Zhilkibaev S.N.
COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE CHINESE FOREIGN
INVESTMENTS LAW 429

Appendix

Sosedov D.S.
THE NPC DECISION ON ESTABLISHING AND IMPROVING
THE LEGAL SYSTEM AND ENFORCEMENT MECHANISMS
FOR THE HONG KONG SPECIAL ADMINISTRATIVE REGION
TO SAFEGUARD NATIONAL SECURITY 441

Summary 447

List of Authors 484

Раздел I
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Ю.М. Галенович

КРАТКО О «КРАТКОМ КУРСЕ ИСТОРИИ КНР (1949—2019)»

Аннотация. В 2019 г. Институт современного Китая издал «Краткую историю КНР (1949—2019 гг.)». По сути дела, это учебник истории КНР, официальная ее трактовка. История КНР и история КПК неотделимы. Поэтому есть основания считать эту книгу современным «Кратким курсом истории КПК—КНР». В КНР ее и рекомендуют как сжатое изложение 70 лет истории «Нового Китая». Она предназначена и для того, чтобы искоренять «исторический нигилизм». Выделяются периоды этой 70-летней истории. Первый период: 1949—1956 гг. — «утверждение основной системы социализма». Второй период: 1956—1978 гг. — «поиски путей строительства социализма Китая». Третий период: 1978—1992 гг. — «начало создания самобытного социализма Китая». Четвертый период: 1992—2002 гг. — «продвижение самобытного социализма Китая в XXI век». Пятый период: 2002—2012 гг. — «настойчивость в деле строительства самобытного социализма Китая». Шестой период: 2012—2019 гг. — «вступление самобытного социализма Китая в новую эпоху». Таким образом, это и трактовка трансформации понятия социализм в Китае. В книге содержится ряд положений, имеющих отношение к нашей стране и к нашим отношениям с КПК—КНР. Поэтому ее изучение

крайне важно и актуально для российской синологической науки. В настоящей статье дан лишь краткий обзор содержания книги.

Ключевые слова: Китай, КНР, КПК, Мао Цзэдун, социализм, марксизм, Дэн Сяопин, США, СССР, история.

Автор: *Галенович Юрий Михайлович*, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Galenovich Yuriy M.

BRIEF ABOUT "A CONCISE HISTORY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (1949—2019)"

Abstract. In 2019 the Institute of Contemporary China Studies published "A Concise History of the People's Republic of China (1949—2019)" (were published by Contemporary China Publishing House). The publication of this book adds a valuable general reference for the study of PRC history. In fact, this is a history book of the PRC, its official interpretation. The history of the PRC and the history of the Communist Party of China are inseparable. The book to describe how the Communist Party of China has led the people toward grand achievements through self-reliance and arduous struggle over the past 70 years. Therefore, there is reason to consider this book a modern "Short Course on the History of CPC—PRC". In China, it is recommended as a concise account of the 70 years of the history of "New China". It is also intended to eradicate "historical nihilism". Nihilistic historical views have at times emerged within China. Many people have been hoodwinked by one-sided comments or had their minds poisoned by rumors, leading them to believe in falsehoods. The periods of this 70-year history: First period: 1949—1956 — "The establishment of New China and the establishment of the basic socialist system". The second period: 1956—1978 — "Hard exploration and tortuous development of socialist construction". Third period: 1978—1992 — "The beginning of reform and opening up and the creation of socialism with Chinese characteristics". Fourth period: 1992—2002 — "Deepening reform and opening up and pushing socialism with Chinese characteristics to the 21st century". Fifth period: 2002—2012 — "Building a well-off society in an all-round way and adhering to the development of socialism with Chinese characteristics". Sixth period: 2012—2019 — "Socialism with Chinese characteristics enters a New era". This is also the interpretation of the concept of socialism in China. The book contains a number of provisions related to our country and to our relati-

ons with CPC—PRC. Therefore, its study is extremely important and relevant for Russian sinology. This article provides only a brief overview of the published book.

Keywords: China, PRC, CPC, Mao Zedong, socialism, marxism, Deng Xiaoping, USA, USSR, history.

Author: *Galenovich Yu.M.*, D.Sc. (History), Prof., Head Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

В сентябре 2019 г. в КНР была издана книга «Краткая история Китайской Народной Республики (1949—2019 гг.)» (中华人民共和国简史 (1949—2019)) [1].

Книга составлена Институтом современного Китая. Иначе говоря, это не мнение одного или нескольких ученых, а позиция официальных властей КПК—КНР. Упомянутый институт в данном случае фактически выступает в качестве партийно-государственной структуры, которая, выполняя указания ЦК КПК, специально изучает, отбирает и составляет соответствующие материалы, пропагандирует историю КНР.

По сути дела, это — учебник истории КПК в годы КНР, современный «Краткий курс истории КПК-КНР». Учебник составлен «в рамках и на основе важной программы» Центральной партийной школы (Партийной школы ЦК КПК): «70 лет Нового Китая». Книга входит в перечень тех главных изданий, которые были специально подготовлены и выпущены к 70-летию КНР в 2019 г. Она издана на китайском и английском языках. Можно отметить, что она не отпечатана на русском языке. Возможно, появится и издание, специально предназначенное для читателей в нашей стране. Книга предназначена для широкого распространения внутри страны, то есть в КНР, и за рубежом.

Утверждается, что в ней «точно и сжато» изложено главное содержание 70-летней истории «Нового Китая».

Книга является продукцией не только Института современного Китая, но и целого ряда учреждений и специалистов. Она представляет собой продукт их коллективного ума. Книга создана «при большой поддержке» Отдела пропаганды ЦК КПК.

Книга начинается с указания на то, что в ней речь идет о КНР, которую в тексте книги сокращенно именуют «Новым Китаем». Этот термин используется пропагандой КПК с той целью, чтобы внедрять в сознание читателей мысль о том, что до появления КНР Китай был старым, «старым Китаем», а 1 октября 1949 г., день объявления о создании КНР, это и день рождения того, что следует считать и именовать «Новым Китаем».

Мы будем курсивом приводить некоторые цитаты из этой книги, указывая в скобках ее страницы.

«1949 год — год основания Нового Китая. Он знаменует собой то, что народ Китая с этого момента встал во весь рост, а нация Китая, имеющая за собой историю на протяжении пяти тысяч лет, с этого момента вступила в новую эру истории, эру своего развития и прогресса» [1, с. 1].

Иными словами, предлагается исходить из того, что до появления «Нового Китая» «старый Китай» не развивался, а находился в состоянии «неподвижности». Отмечается, что Китай *«превратился из экономически отсталой аграрной страны в первое в мире крупное производящее государство, вступил в* ***новую эпоху самобытного социализма Китая****, направляется вперед к тому, чтобы быть мощным модернизированным социалистическим государством, и с каждым днем все более выходит в центр мировой арены»* [1, с. 1].

Книга также предназначена для того, чтобы «*искоренять исторический нигилизм*». Она должна играть роль тех сочинений, которые имеют своей целью пропагандировать принципы: *«не забывать о предшественниках, вдохновлять современников, открывать, давать направление потомкам»* [1, с. 2].

В этом видели свою цель составители этой книги. Она написана с позиций «*китаизации марксизма*», приведения его в соответствие с эпохой, и в расчете на массы, а также исходя из развития практики социализма [1, с. 2].

В книге утверждается, что огромные изменения в «Новом Китае» за 70 лет не только изменили облик Китая, но и «как встающее солнце» осветили весь мир. Развитие Китая не только «*представило для развивающихся государств всего мира путь индустриализации,*

отличающийся от пути развитых государств Запада, но и подтвердило жизненные силы и преимущества социализма» [1, с. 2].

Книга начинается с высказывания Си Цзиньпина: «*Китай от новой демократии направился к социализму, открыл и проложил путь самобытного социализма Китая, в результате его социализм, этот прекрасный идеал человечества, на огромном материке древнего Китая превратился в успешный путь и систему-строй, обладающие мощной жизненной силой. А это не только предоставляет важную системную гарантию великого возрождения нации Китая, но и предоставляет обладающие полной убедительностью путь и выбор системы»* [1, с. 2].

Таким образом, предлагается учебник для Китая и всего человечества.

В книге выделяются периоды истории КНР за ее 70 лет. Книга состоит из нескольких глав, каждая из которых посвящена тому или иному периоду в истории КНР. Приведем оглавление этой книги:

Глава первая.

Создание Нового Китая и утверждение основной системы социализма: 1949—1956.

1. Основание и укрепление КНР.

2. Всестороннее развертывание реформ общества.

3. Унификация финансов и экономики и восстановление национальной экономики.

4. Самостоятельная и суверенная внешняя политика и движение за оказание отпора США и помощи Корее.

5. Первый пятилетний план и первые шаги в сфере индустриализации.

6. Основание политической системы социализма.

7. Завершение в основном социалистических преобразований.

Главное при этом — мысль о социализме, о социалистических преобразованиях в Китае. История КНР представлена как начинающаяся с основания и утверждения политической системы социализма.

«Новый Китай» в такой трактовке начинается как Китай, который принял решение использовать социализм, создать в новом государстве, то есть в КНР, основы социализма, исходя из того опыта, который к тому времени был у СССР, у самого Китая, во всем мире.

Глава вторая.

Трудные поиски и зигзагообразное развитие строительства социализма: 1956—1978 гг.

1. Поиск пути строительства социализма Китая.

2. Оторванный от действительности «большой скачок».

3. Урегулирование взаимоотношений между национальной экономикой и политическим обществом.

4. Развитие дела социализма.

5. Защита суверенитета государства и усиление строительства армии.

6. Трудное развитие в период «великой культурной революции».

7. Завершение «великой культурной революции» и турбулентное движение вперед.

Здесь делается попытка представить весь период нахождения у власти Мао Цзэдуна как время поисков пути строительства социализма. При этом осуждается «большой скачок», а «культурная революция» трактуется как «трудное развитие».

Одновременно, и как бы исподволь, вводится мысль о том, что в мире к моменту появления КНР уже существовало то, что было социализмом на практике, или практическим социализмом; в КПК—КНР решили, что нужно искать свой социализм. При этом возникла и существовала альтернатива: социализм по Лю Шаоци и социализм по Мао Цзэдуну.

Глава третья.

Осуществление реформ и политики открытости и начало создания самобытного социализма Китая: 1978—1992 гг.

1. Перенос центра тяжести в работе партии и государства и основание самобытного социализма Китая: 1978—1992 гг.

2. Строительство социализма со своеобразием Китая.

3. Открытие новой обстановки в строительстве социалистической модернизации.

4. Урегулирование обороны, внешней политики и выдвижение установки: «Одно государство, два строя».

5. Движение вперед по пути социализма со своеобразием Китая.

6. Углубление реформ и политики открытости в ходе суровых испытаний.

История КНР фактически делится на две части: первая часть — эпоха правления Мао и вторая часть — времена «после Мао». Вторая часть истории КНР трактуется как время «самобытного социализма Китая», которое начинается с интродукции — «социализма со своеобразием Китая» как первой фазы «самобытного социализма Китая».

Собственно говоря, и в этом случае существовала альтернатива: социализм по Ху Яобану и социализм по Дэн Сяопину. Главное различие между ними состояло в отношении, положительном у Дэн Сяопина и отрицательном у Ху Яобана, к созданному Мао Цзэдуном бесчеловечному политическому режиму самовластия.

Глава четвертая.

Углубление реформ и политики открытости и продвижение самобытного социализма Китая в XXI век: 1992—2002 гг.

1. Утверждение такой цели, как социалистическая рыночная структура экономики.

2. Осуществление в комплексе такой цели, как средняя зажиточность и стратегия развития, переходящая на следующий век.

3. Способствование строительству политической цивилизации и строительство передовой культуры.

4. Дело объединения отечества и новое развитие работы в сфере внешней политики (дипломатии).

5. Усиление собственного строительства партии.

Речь идет о закладке основополагающих элементов всей конструкции «самобытного социализма Китая». Имели место и разногласия, особенно по вопросу о политике в сфере экономики между позициями Чжу Жунцзи и Ли Пэна.

Глава пятая.

Всестороннее строительство общества средней зажиточности и настойчивость в деле развития самобытного социализма Китая: 2002—2012 гг.

1. Всестороннее строительство общества средней зажиточности и изменения в методах развития экономики.

2. Развитие демократической политики и расцвет культуры.

3. Продвижение строительства гармоничного общества, в центре которого находится благосостояние народа.

4. Продвижение объединения отечества и строительство гармоничного мира.

5. Усиление способности партии к управлению и строительство партии, носящее прогрессивный характер.

Главное в эти годы — сосредоточение внимания на достижении «средней зажиточности», «строительстве гармоничного общества». Ху Цзиньтао стремился настаивать на научном подходе и на принципе гармонии. Внутри руководства КПК ему противостояли силы, стремившиеся вернуться «на путь Мао».

Глава шестая.

Вступление самобытного социализма Китая в новую эпоху: 2012—2019 гг.

1. Цели самоотверженной борьбы в новую эпоху и стратегическая диспозиция.

2. Претворение в жизнь новой концепции развития и продвижение высококачественного развития.

3. Всестороннее управление государством на основе закона и развитие социалистической демократической политики.

4. Строительство культуры.

5. Ликвидация бедности и улучшение благосостояния.

6. Строительство прекрасного (красивого) Китая.

7. Углубление реформы армии и новое развитие работы по Тайваню, Сянгану, Аомэню.

8. Строительство сообщества общей судьбы человечества и совместное строительство «одного пояса, одного пути».

9. Всесторонне строгое управление партией (наведение порядка в партии).

Это время трактуется как «новая эпоха» «самобытного социализма Китая». Составной частью всего этого видится «строительство сообщества общей судьбы человечества», то есть речь идет об активной фазе осуществления глобальной стратегии руководства КПК—КНР не только внутри страны, но и на мировой арене.

Заключение.

Начать новый великий поход за строительство социалистического модернизированного мощного государства.

Вся история КПК—КНР видится при этом как три переходящих один в другой этапа, три «великих похода»: «великий поход» к власти над страной, над Китаем; «великий поход» — поиск «самобытного социализма Китая»; «великий поход» — осуществление глобальной стратегии «великого возрождения великой нации Китая» в масштабах всего человечества, на планете в целом.

В целом это и трактовка процесса трансформации понятия «социализм», процесса «присвоения» себе и только себе понятия «социализм», отчуждения своего «самобытного социализма Китая» от всего остального социализма, существующего во всем мире, и процесса «китаизации марксизма» в КНР.

Социализм и марксизм таким образом фактически превращались в орудие, в инструмент, используемый в интересах «самобытного национализма Китая». Так Мао и его последователи добивались свой главной цели — власти сначала над Китаем, а затем «управления» делами всего человечества, и все это на основе «самобытного социализма Китая», который, по сути дела, является «самобытным национализмом Китая».

Обратим внимание на некоторые высказывания, содержащиеся в этом «Кратком курсе истории КНР» и имеющие отношение к нашей стране.

«С 1840 года по 1921 год, то есть на протяжении 80 лет, многие китайцы искали путь и методы спасения и существования, возрождения нации Китая» [1, с. 2].

Таким образом, главной целью или, как говорит Си Цзиньпин, «изначальными устремлениями» его самого и его приверженцев, все в мире должны считать «поиск» путей к «спасению» нации Китая, к «возрождению» нации Китая. Это — не марксизм и не стремление освободить угнетенных и эксплуатируемых во всем мире, а забота исключительно о себе, о нации Китая, это — проявление национального эгоизма и эгоцентризма.

В 1917 г. «*в России разразилась Октябрьская революция. Успех Октябрьской революции стал примером для передовых людей Китая в трудных поисках истины, помогающей спасти государство, спасти нацию». «После победы Октябрьской революции передовые люди Китая*

при помощи Коммунистической партии СССР в 1921 году создали КПК» [1, с. 2].

Следовательно, предлагается видеть создание КПК как проявление все того же стремления действовать в интересах исключительно и прежде всего нации Китая, поиска путей спасения государства Китая, спасения нации Китая. Марксизм, интернационализм при этом оказываются лишь временными средствами, инструментами для решения задач нации Китая, спасения нации Китая от опасностей, грозящих ей «со стороны».

«Мао Цзэдун по приглашению посетил СССР — первое государство, установившее дипломатические отношения с Новым Китаем» [1, с. 19].

Роль СССР, КПСС, тридцать лет искренне и существенно помогавших КПК до ее прихода к власти, видится следующей: СССР всего лишь установил дипломатические отношения с КНР. Таким образом, пытаются сводить наши двусторонние отношения к межгосударственным отношениям.

Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанный в 1950 г., *«был первым договором, подписанным на равноправной основе, это была, победа дипломатии Нового Китая»* [1, с. 21]. Пропаганда КПК в настоящее время пытается внушать, что Мао Цзэдуну удалось «одержать победу», заставив СССР пойти на подписание равноправного договора в 1950 г.

В феврале 1956 г. Хрущев на XX съезде КПСС *«сделал секретный доклад», «огульно отрицал Сталина», что вызвало «громадные потрясения и смуту в лагере социализма»* [1, с. 37].

Пропаганда КПК продолжает внушать населению КНР мысль о якобы неправильном отношении в нашей стране к культу личности на съезде КПСС в 1956 г.

В 1988 г. Дэн Сяопин сказал: *«Если бы, начиная с 1960-х годов, Китай не обладал бы атомной бомбой, не запустил спутник, он не смог бы называться крупным государством, оказывающим важное влияние; тогда он не занимал бы того места на международной арене, которое он занимает сегодня»* [1, с. 54].

Обладание атомной бомбой — это составная часть осуществления Мао его глобальной стратегии, и в особенности подготовки и

начала им войны против нашего народа и нашей страны в 1969 г., а также изменения характера взаимоотношений КНР с США.

В 1958 г. СССР предложил на территории Китая создать длинноволновую радиостанцию, которая *«была бы построена при помощи СССР и которой совместно управляли бы два государства. Хрущев хотел создать в прибрежных водах Китая управляемый совместно двумя государствами подводный флот. Мао Цзэдун сказал: Китай — это независимое государство, оно не может зависеть от СССР, и не является одной из десятка с лишним республик СССР»* [1, с. 57].

Все это — проявления курса Мао на то, чтобы не иметь «ничего совместного» с нашей страной, на создание своего, противостоящего всему остальному человечеству, военного потенциала, на внушение населению КНР мысли о том, что наш народ и наша страна якобы являются историческим, национальным, классовым и военным врагом нации Китая. Попутно Мао Цзэдун тем самым доводил и до США, других стран мысль о том, что он никогда не был союзником нашего народа и нашей страны.

В 1959 г. между КПК и КПСС стали *«развиваться разногласия по вопросу о запрещении испытаний атомного оружия, о столкновениях на границе между Китаем и Индией, о Тайване. Тогда Мао Цзэдун поставил вопрос следующим образом: “Не превратился ли ревизионизм в систему (не приобрел ли он системный характер)”»* [1, с. 57].

Мао Цзэдун настойчиво пытался внушать населению КНР мысль о нашем народе и о нашей стране как якобы предателях, классовых предателях, следовательно, смертельных и военных врагах нации Китая, а также о том, что наш народ и наша страна якобы выступают против нации Китая и в вопросе о ядерной бомбе, и в вопросе о взаимоотношениях КНР и Индии, и в вопросе о Тайване.

Мао Цзэдун внушал идею о необходимости видеть в нашем народе и нашей стране» «системного» врага, то есть врага и с точки зрения идеологии, и с точки зрения общественного строя, и с точки зрения внешней политики.

«В 1960 году правительство СССР внезапно в одностороннем порядке решило отозвать из Китая всех работавших там 1390 советских специалистов» [1, с. 58].

На самом деле Мао Цзэдун с 1964 г. активно готовил войну против нашего народа и нашей страны. Его политика при этом, в частности, состояла в том, чтобы настроить население КНР на военную вражду к нам.

Мао Цзэдун фактически выдавил наших специалистов из КНР для того, чтобы устранить тех, чья работа и поведение, искренность и оказание существенной помощи опровергали его характеристику нашего парода. Мао Цзэдун, выдавливая их из КНР, стремился «очистить тыл» накануне своей войны против нас от «агентов врага», то есть от людей из нашей страны.

Во время «культурной революции» Мао Цзэдун развернул в масштабах всего Китая охоту на «советских шпионов» и на их «пособников» из числа китайцев. Во всем этом проявлялась военная вражда Мао к нашему народу и нашей стране. В 1963 г. ЦК КПСС «выступил с открытым письмом», «развернул в своей печати» «нападки» на КПК. *«Обнародовал перед миром разногласия между партиями, вызвал начало полемики». КПК в своих статьях поименно критиковала Хрущева, говоря о «ревизионизме Хрущева». Полемика между Китаем и СССР привела к «расколу социалистического лагеря, возникшего после Второй мировой войны» и стала «важным фактором ошибочного суждения Мао Цзэдуна относительно политической ситуации в Китае»* [1, с. 58].

Пропаганда КПК пытается возложить на нашу сторону ответственность за ухудшение наших отношений. При этом даже пытается утверждать, что из-за этого и Мао Цзэдун был вынужден ошибочно оценивать ситуацию в Китае. На самом деле только и именно Мао Цзэдун виновен в осуществлении политики, которая привела к гибели Лю Шаоци и многих других людей в Китае и к началу Мао Цзэдуном войны против нашего народа и нашей страны.

Горе людей Китая — «культурная революция» и горе наших людей — их убийство солдатами Мао на границе — это звенья одной цепи ответственности Мао за все это.

В начале 1960-х гг. Мао Цзэдун полагал, что *«СССР уже изменился и превратился в государство «ревизионизма», что необходимо на мировой арене развернуть борьбу «против ревизионизма». У Мао Цзэдуна также постепенно сформировались ошибочные суждения относитель-*

но политической обстановки в партии, в стране; он считал, что здесь оказались перед опасностью реставрации капитализма [1, с. 59].

В мае 1966 г. в документе ЦК КПК говорилось о том, что *«такие фигуры, как Хрущев, как раз сейчас и спят у нас под боком», содержался призыв «открыть огонь» по «представителям буржуазии» в партии, правительстве, армии* [1, с. 59].

Пропаганда КПК в настоящее время тем самым пытается возложить вину даже за такое преступление Мао, как «культурная революция, на наш народ и нашу страну.

«В конце 1991 года СССР распался, сформировавшийся после Второй мировой войны лагерь социализма перестал существовать, было объявлено о завершении продолжавшейся несколько десятилетий холодной войны между Востоком и Западом.

Перед лицом сложной международной обстановки Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал необходимость сохранения стабильности и необходимости настойчиво осуществлять реформы и политику открытости, а также выдвинул руководящий курс на то, чтобы хладнокровно наблюдать; укрепить расшатанные собственные позиции; реагировать, проявляя выдержку; стремиться ничем не проявлять себя; стараться замкнуться в себе и ничем не выделяться; умело сдерживать свою неуклюжесть; ни в коем случае не претендовать на место впереди (не лезть вперед); и все-таки делать что-то свое.

Исходя из этого, Китай надлежащим (должным) образом разрешил вопрос о связях с союзными республиками СССР; в декабре 1991 года правительство КНР признало независимость 12 в прошлом союзных республик СССР; к июню 1992 года КНР завершила выполнение задачи установления дипломатических отношений со всеми бывшими республиками СССР» [1, с. 89].

Здесь, прежде всего, бросается в глаза стремление отделить Китай от ситуации на мировой арене, от того, что произошло с СССР, с лагерем социализма, с холодной войной между Востоком и Западом. По сути дела, с этой точки зрения, речь идет о холодной войне только между СССР и США. Более того, здесь подчеркивается, что и до 1991 г. КНР не была ни с СССР, ни с лагерем социализма, не была она и той страной, которая входила в понятие Востока, когда речь шла о холодной войне.

Далее подчеркивается и одобряется позиция Дэн Сяопина. Суть его позиции сводилась к тому, чтобы в новой сложной международной обстановке остаться в стороне от все тех же отношений, прежде всего, России с Западом, отделить Китай от России во мнении Запада, внушать ему, что Китай намерен в настоящее время и впредь оставаться в тени, не претендовать на первые роли на мировой арене.

На самом деле, помимо упомянутого, этот политический курс Дэн Сяопина имел своей целью ввести в заблуждение США и государства Запада с тем, чтобы побудить их продолжать фактически помогать КПК—КНР наращивать их военный и экономический потенциал, считая, что Китай, дескать, будет «держаться в тени», «не будет высовываться», а будет послушно следовать за Западом, приспосабливаться к Западу, возможно, даже пойдет по пути Запада.

Обман удался. США и другие государства еще два десятилетия, 1990-е гг. и 2000-е гг., продолжали выполнять все «заказы» КНР, помогая ей наращивать военный и экономический потенциал.

Только на рубеже первого и второго десятилетия нынешнего столетия в США наконец осознали, что руководители КПК—КНР, будучи последователями Мао и Дэна, считают США своим главным соперником на мировой арене и осуществляют свою глобальную стратегию на Земле, заявили, что КПК представляет собой главную угрозу на планете. Это потребовало проявления особой заботы о защите своих интересов перед лицом политики руководителей КПК—КНР.

Что касается нашей страны, то здесь, прежде всего, констатируется, что Советский Союз распался. Речь идет о крахе СССР, а следовательно о причинах этого явления, о необходимости сделать из этого свои выводы, «спасая» КПК и КНР.

Далее говорится о новой ситуации, о появлении вместо СССР 12 государств. Говорится, что КНР признала независимость каждого из них. Из этого следует, что внешняя политика КНР отныне состоит в том, чтобы иметь и развивать по отдельности отношения с каждым из упомянутых государств. При этом делать упор на том, что КНР признает и поддерживает их независимость, прежде всего, очевидно, от РФ. В то же время, очевидно, подразумевается, что отношения с этими государствами видятся в КНР как особая часть ее внешней политики.

Библиографический список

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяньши (1949—2019) (Краткая история Китайской Народной Республики (1949—2019 гг.)). Пекин: Институт современного Китая, 2019. Сентябрь. 194 с.

References

1. Zhonghua renmin gongheguo jianshi (1949—2019) [A Concise History of the People's Republic of China (1949—2019)]. Beijing: Contemporary China Publishing House, 2019. 194 p.

А.Н. Карнеев

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В КИТАЕ В ЭПОХУ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

Аннотация. Начиная с момента когда в Китае отметили 40-летие начала политики реформ и открытости, а фактически еще и до этого, в научном сообществе в КНР и за ее пределами энергично обсуждаются различные аспекты сорокалетнего китайского опыта проведения реформ. В статье делается попытка общего обзора трендов в идейном развитии страны, отталкиваясь от членения истории последних четырех десятилетий на периоды правления нескольких поколений китайских руководителей. Такой обзорный взгляд дает возможность увидеть как элементы преемственности в развитии идейных предпочтений китайской образованной публики, так и моменты серьезных сдвигов в общих трендах, связанных как с политикой властей, так и с многими объективными факторами социально-экономического и социально-политического свойства. В эволюции общественной мысли и общественно-политической атмосферы просматриваются также элементы цикличности, возвращения к тенденциям предшествующих этапов.

Несколько более подробно рассматривается последний, четвертый этап эволюции общественной атмосферы Китая, соответствующий современному этапу развития Китая при 5-м поколении руководителей КНР. Начавшийся на риторике, позволявшей прогнозировать усиление реформаторского крыла, сторонников еще более тесной интеграции Китая в мировой порядок, представляемый прежде всего развитыми странами, этот период также проде-

монстрировал разнонаправленные тенденции, в том числе позволившие ряду наблюдателей заговорить о «левом повороте». Однако не оправдались надежды ни того, ни другого лагеря, так как «новый китайский авторитаризм» стремится реализовать идею своего рода отказа представителей разных идейно-политических лагерей от публичного высказывания своих взглядов в пользу объединения всех интеллектуальных сил вокруг руководства КПК и его идеи «великого возрождения китайской нации». Тем не менее, даже в условиях американо-китайской торговой войны и баталий по поводу коронавируса, общественная атмосфера в КНР все же сохраняет достаточное пространство для разнообразия и дискуссий, хотя и в своеобразной форме.

Ключевые слова: политика реформ и открытости, «раскрепощение сознания», интеллектуалы в общественной жизни, период «просвещения», борьба с «буржуазной либерализацией», призыв «не дискутировать», левые и правые, «новые левые», националисты, традиционалисты, «левый поворот», «новый авторитаризм».

Автор: *Карнеев Андрей Ниязович*, кандидат исторических наук, профессор, руководитель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: andrei_karneev@mail.ru

Karneev Andrei N.

MAJOR PERIODS IN THE EVOLUTION OF CHINESE IDEOLOGICAL SPHERE IN THE ERA OF REFORMS AND OPENNES

Abstract. Starting from the 40th anniversary of the politics of reforms in China, and probably even before that, a serious discussion began in academic circles regarding the different facets of China's experience in pursuing reforms. In this article we undertook an attempt to track certain trends in the ideological evolution of the country, drawing upon the idea that the last four decades of PRC history could be dissected into four distinct periods and they are corresponding to the rules of the successive generations of PRC leaders. Such a bird's-eye-view approach can actually help an observer to see elements of continuity as well as manifestations of change and even disconnect. The main changes in trends are connected with the policy changes as well as shifts in social and economic environment. In the evolution of the ideas realm and intellectual atmosphere one

could also discern certain cyclical elements, sometimes going back to the tendencies of the past periods.

The fourth period of ideological evolution which corresponds to the rule of the current leadership, is treated with a slightly more detailed approach. This period which actually had started with a kind of rhetorics making observers suggest a turn on the government level to a more liberal policy, in the direction of a closer integration with the Western-led international order, it later showed some mutually contradictory initiatives and pronouncements, that persuaded many observers to suggest a «turn to the Left». None of this materialised however, as the «New Chinese authoritarianism» would rather make everything possible to ensure that all major ideological camps surrender their positions, sacrificing them in favour of the great unity of the people united behind the CPC's leadership and its programmatic slogan of «the great rejuvenation of the Chinese Nation». Nevertheless, even under the conditions of trade war with the US and coronavirus debate, the public atmosphere in China still allows some room for pluralism and debate, although in a way, not easily comprehended by outside observers.

Keywords: politics of reforms and openness, "liberation of mind", intellectuals in the social sphere, the period of "enlightenment", struggle against "bourgeois liberalization", "don't argue" policies, the Left and the Liberal camps, the New Left, Nationalists, Neo-traditionalists, "China's new authoritarianism".

Author: *Andrei N. Karneev*, Candidate of Sciences, Professor, Head of the School of Asian Studies, National Research University "Higher School of Economics", Leading Research Fellow at Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). E-mail: andrei_karneev@mail.ru

В прошлом 2019 г. году 70-летия КНР, китайская и зарубежная общественность отмечали 40-летие реформ и открытости (хотя официальная дата начала реформ — декабрь 1978, политика реформ начала воплощаться с 1979 г.). Вступив в пятый десяток лет со времени начала этой эпохи, уместно взглянуть на некоторые темы развития страны, взятые в призме относительно длительных исторических отрезков, как бы «с высоты птичьего полета».

Одним из таких сюжетов может быть попытка вычленить и охарактеризовать крупные периоды в развитии общественно-политиче-

ской атмосферы КНР в эпоху реформ и открытости, то есть с 1979 г. по настоящее время. Такая проблематика актуальна и в научном плане, в силу того, что многие аспекты данной темы продолжают вызывать дискуссии, и в плане преподавания университетскими специалистами таких дисциплин, как история Китая, история КНР, история общественной мысли в странах Азии и Африки и т. д. Четыре десятилетия развития КНР вместили в себя, на наш взгляд, четыре разных этапа, и мы ниже попробуем обосновать такую хронологию. Чуть более подробно в данной статье мы остановимся на последнем периоде.

В целом первые два периода почти совпадают с формально-хронологическим принципом — первое десятилетие реформ и второе десятилетие. Но стоит отметить, что на самом деле границей и водоразделом служит не просто календарный принцип, а важнейшее событие 1989 г. — острый общественно-политический кризис и Тяньаньмэньская трагедия. Второе «десятилетие» на самом деле чуть длиннее — с 1989 по 2002 гг. — это период правления генсека Цзян Цзэминя. (При этом понятно, что первые годы из этого периода прошли «в тени» архитектора китайских реформ Дэн Сяопина, ушедшего в начале 1997 г.). Далее следует десятилетие Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, которое полностью совпадает по срокам с утвержденным Дэн Сяопином принципом прихода к власти очередной команды руководителей раз в 10 лет. Четвертый этап начался с прихода во власть пятого поколения китайских руководителей в 2012 г. во главе с Си Цзиньпином и еще пока находится в развитии, верхняя граница этого этапа, после решения сессии ВСНП позапрошлого года об отмене ограничений на срок занятия поста Председателя КНР, не определена.

На протяжении первого десятилетия реформ (1979—1989) волны «раскрепощения сознания» сменялись периодами ужесточения идеологического контроля и борьбы против «буржуазной либерализации». Послабления со стороны властей вдохновляли интеллектуалов к горячей поддержке политики реформ и открытости, к большей автономности и самостоятельности суждений, однако партия хотела бы, чтобы этот процесс не выходил за рамки партийной идеологии, эволюция которой сама по себе была крайне непростым делом, учи-

тывая сумятицу в головах, разницу в подходах к ключевым вопросам развития страны среди разных руководителей.

Эйфория от внезапно свалившихся на интеллигенцию свобод самовыражения также усиливала чувство общественного брожения, охватившего образованные классы общества. Уже в начале 80-х годов в стране как грибы после дождя создаются разного рода идейно-философские кружки, клубы по интересам, объединения и ассоциации. Изголодавшиеся в период Мао Цзэдуна не только по материальному достатку, но и по духовной пище китайские интеллигенты принялись стремительно наверстывать упущенное, просвещая соотечественников относительно запрещенных доселе имен и течений в зарубежных (прежде всего западных) общественных науках, экономике, истории, социологии и т. д. Этот период впоследствии станут называть периодом «просвещения» (*цимэн*). Популярной формой выражения мнений становятся разного рода «салоны», где люди соответствующих убеждений могли высказываться гораздо боле свободно, чем в официальных СМИ.

Одним из заметных эпизодов этого интеллектуального поиска и брожения была дискуссия 1983 г. «об отчуждении при социализме» (异 化 问题 争论), в ходе которой некоторые свободолюбиво настроенные философы-марксисты и публицисты обратились к содержащимися в нескольких работах «раннего Маркса» рассуждениях о дегуманизирующем эффекте капиталистического общества, сводящего все богатство человеческих отношений к рыночным отношениям купли и продажи и приводящего к «овеществлению» человеческого труда. Теперь вопрос был поставлен о том, не происходит ли такого же «отчуждения» человека при социализме. После нескольких месяцев обсуждений дискуссия сошла на нет, так как поступило указание сверху не продолжать эти обсуждения. Тем не менее, к этому времени нарастающее желание интеллигенции обсуждать самые разные вопросы общественного развития и отстаивать «человеческое достоинство» перед лицом социалистического Левиафана стало всерьез беспокоить партийный истеблишмент.

Течение «нового авторитаризма». Как направление новый авторитаризм возник, когда в ходе реформ в Китае проявились уже некоторые трудности и социальные противоречия. Сторонники этого

направления утверждали, что стране не обойтись без сильного, авторитарного правительства для поддержания политической стабильности и продвижения к построению либеральной демократии. Авторитарное правительство может обеспечить необходимую стабильность для проведения экономической модернизации, которая в свою очередь даст возможность вырасти и усилиться среднему классу, который выдвинет требования политической демократии. Сторонники этого направления обращали особое внимание на опыт стран Восточной Азии, особенно «четырех азиатских драконов». Они утверждали, что Китаю не нужно никаких экспериментов с демократизацией, наоборот надо сосредоточиться на создании сильной централизованной власти во главе с просвещенным диктатором, который будет править железной рукой. Наиболее известными сторонниками этой концепции были У Цзясян, Чжан Бинцзю, Ван Хунин и Сяо Гунцинь. (Ван Хунин ныне — член ПК Политбюро ЦК КПК). «Новые авторитаристы» позиционировали себя посредине «левых» и либералов. Движение, как считается, сошло на нет после событий на Тяньаньмэне, однако некоторые из его бывших участников оставались заметными фигурами в интеллектуальной жизни страны.

Заметным событием этого периода пробудившихся надежд и разочарований, нараставшего общественного брожения стал документальный фильм «Плач о реке» Су Сяокана и Ван Лусяна (*Хэшан*). Фильм, демонстрировавшийся несколько раз по государственному телевидению КНР, а также по местным телеканалам, представлял собой яркий манифест китайского западничества. Острая борьба развернулась после того, как против концепции фильма выступил один из «восьми бессмертных» Ван Чжэнь [1].

«Прощание с революцией» — по названию сборника диалогов, изданный в Гонконге в 1995 г. Ли Цзэхоу и Лю Цзайфу [2], в каком-то смысле может быть назван основным вектором (трендом) идейного развития страны в 80-е годы.

1989 г. стал важным водоразделом в истории КНР. В этом году страна отмечала 40-летие республики. Заканчивалось первое десятилетие китайских экономических реформ. Вызванные к жизни этими реформами новые социально-экономические реалии и обществен-

но-политические тенденции привели к серьезнейшему кризису весной-летом этого года.

Тяньаньмэньская трагедия стала не просто глубокой психологической травмой для населения страны и для руководства КПК, она была в каком-то смысле и кризисом той модели реформ, которую осуществлял Дэн Сяопин и его соратники. В новой политической ситуации китайскому руководству, тем не менее, удалось стабилизировать обстановку, хотя ценой стабилизации было определенное торможение реформ в связи с заметным ослаблением позиций реформаторского крыла и вполне понятным в данных обстоятельствах стремлением властей усилить контроль в ключевых сферах экономической и социальной жизни.

В разгар драматических событий 1989 г. Дэн Сяопин выбрал Цзян Цзэминя на замену Чжао Цзыяну. Цзян, правда, не сразу стал полновластным лидером страны. Дэн вплоть до своего ухода в феврале 1997 г. продолжал оказывать влияние на ситуацию в стране, «управляя из-за занавески». Только после смерти Дэна в начале 1997 г. Цзян реально становится хозяином положения в стране.

Период правления Цзян Цзэминя пришелся на время качественного скачка в степени интеграции китайской экономики с мировой в условиях развернувшегося во всю ширь процесса глобализации. В 2001 г. КНР вступила в ВТО. Неудивительно поэтому, что этот период в целом прошел под знаком дальнейшего развития тех направлений общественной мысли, которые поддерживали еще большие реформы, открытость и адаптацию китайской социально-экономической системы к общемировым процессам. «Три представительства», основной «теоретический вклад» Цзян Цзэминя в теорию КПК, также представляли собой констатацию трансформации правящей партии в условиях бурного расцвета товарно-денежных отношений.

Одновременно в этот период гораздо более явно проявили себя силы, выступавшие против осуществлявшегося курса на рыночные реформы и разгосударствление экономики. Подробное описание идейного противоборства в период 90-х годов можно найти, например, в книге Ма Личэна и Лин Чжицзюня «Схватка», вышедшей в конце 90-х и вызвавшей серьезный общественный резонанс [3].

Обострившиеся в последние годы жизни Дэн Сяопина противоречия в идеологической сфере вынудили последнего выступить со своеобразным «запретом на дискуссии» (бу чжэнлунь), направленным в большей степени против «левых», нежели против «правых». В этот же период наметилось и появление отдельного от «традиционных левых» течения так называемых «новых левых».

Второй период развития общественной мысли был также характерен появлением на арене общественных дискуссий и таких течений, как национализм и традиционализм. Своего рода манифестом националистических настроений стала книга «Китай может сказать нет».

Эпоха Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао стала третьим этапом эволюции идейно-политической сферы. Характерными особенностями этого периода стали такие моменты, как коррекция правительственного курса в сторону выправления некоторых дисбалансов предыдущего периода. Если при Дэне и Цзяне упор делался на максимальное обеспечение темпов роста ВВП, невзирая на издержки, то теперь была поставлена задача найти возможности преодоления разрывов — таких как разрыв между городом и деревней, приморскими и внутренними провинциями, между теми, кто выиграл от экономических реформ и социально незащищенными. Не случайно основным лозунгом эпохи стала концепция «гармоничного общества». Другая важнейшая теоретическая инновация периода Ху и Вэня — концепция «научно-обоснованного развития» — также была призвана подкрепить изменения в социально-экономической стратегии. Подразумевалось, что теперь развитие, выраженное цифрами роста ВВП, будет уже не фетишем, а предметом рациональной и научно-обоснованной стратегии, учитывающей все аспекты, такие как социальные, структурные, экологические и т. д.

Период Ху Цзиньтао вместил в себя множество разнородных событий, в том числе мировой экономический кризис, который Китай успешно выдержал, эпидемию атипичной пневмонии, антияпонские протесты в крупных городах КНР, ниспровержение влиятельного партийного деятеля Чэнь Ляньюя и ослабление «шанхайской группировки», волнения в Тибете и землетрясение в Сычуани (Вэньчуань), скандал с отравлением молочных продуктов меламином и др.

В этот период Китай, оттеснив Японию, стал второй экономикой мира, провел с большим успехом Олимпийские игры, началась реализация целой серии мер по системной поддержке сельского хозяйства (политика построения «новой социалистической деревни».).

Период Ху Цзиньтао стал во многом уникальным в смысле беспрецедентной открытости общественной атмосферы для разного рода теоретических инноваций и обсуждений острых проблем развития страны, широко развивались дискуссии по поводу «внутрипартийной демократии», вокруг концепции «мирного возвышения Китая», вокруг теории «Пекинского консенсуса» и «китайской модели», политической системы Гонконга. Новые информационные технологии, проникшие в страну еще в 90-е годы, теперь охватили уже широкие массы граждан, они способствовали дальнейшему раскрепощению общественной атмосферы, плюрализации общественного сознания.

В период Ху Цзиньтао были основаны новые сайты, способствовавшие дальнейшей поляризации позиций интеллектуалов, а также образованию широкого круга читателей, способствовавших развитию, с одной стороны, либеральных взглядов и демократического движения, с другой — распространению критики с позиций левых и леворадикальных идей. С одной стороны, этот период стал временем расцвета изданий, подобных «Утопии», с другой — появлением требований, которые вобрала в себя «Хартия 08». Подъем народного национализма отразил новый бестселлер нулевых годов — «Китай недоволен». Отражением большого масштаба поляризации настроений и глубины проникновения информационных технологий стало такое явление как «кибернационализм».

Когда в 2002 г. к власти в Китае пришел генсек Ху Цзиньтао, олицетворявший так называемое «четвертое поколение руководителей», среди наблюдателей был в моде (во многом риторический) вопрос: «ху из мистер Ху?». Правление четвертого поколения руководителей, причем не только на уровне официальных речей и заявлений, но и на практике, характеризовалось стремлением к сглаживанию разного рода перекосов и противоречий в социально-экономическом развитии, к поиску способов снижения градуса общественной напряженности, построения социальной гармонии, не-

возможной без определенных шагов социал-демократической направленности. Некоторые политологи даже писали об умеренном и осторожном «левом повороте» в политике Пекина, на символическом уровне анонсированном еще первой публичной акцией Ху в качестве лидера — посещением одной из «революционных святынь» — деревней Сибайпо в Хэбэе.

Напротив, приход во власть Си Цзиньпина в конце 2012 —начале 2013 гг. был обставлен в духе возвращения к дыханию «чистого» дэнсяопинизма, то есть правления Дэна времен его знаменитой «поездки на Юг» 1992 г., перезапустившей процесс экономической либерализации после трагедии Тяньаньмэня. Крушение в 2012 г. пресловутой «Чунцинской модели» и ее создателя — политика-популиста Бо Силая — было серьезным ударом по позициям китайских левых и породило ожидания крутого поворота направо во внутренней политике, в проведении структурных реформ и в сфере преобразования политической системы.

Ничего из этих ожиданий не оправдалось. Наоборот, политологи вскоре заговорили о том, что мы являемся свидетелями не только очередной кампании борьбы с коррупцией и моральным разложением чиновников и госслужащих, но и также тренда на закручивание гаек в идеологической сфере. Рассуждения китайских руководителей о необходимости «извлечь уроки из краха КПСС», критика положений об «универсальных ценностях», «конституционализме» как идеологии «капиталистического общества», обсуждение постулатов о воспитании кадров в духе «линии масс», «трех уверенностях» (三个自信), «семи вещах, о которых не следует говорить» (七不讲) и т. д. — все это складывалось в определенную линию нового руководства, направленную на недопущение дальнейшей либерализации общественно-политической жизни в стране в целях сохранения безоговорочной монополии на власть в руках КПК и на сохранение в руках КПК «права формулировать повестку дня» продвижения реформ и развития общества (то что в Китае называют «дискурсивной властью» — 话语权).

Одним из самых важных обстоятельств, мимо которого пожалуй не прошел ни один комментатор, стала консолидация власти Си Цзиньпина и его команды, стремительное превращение нынешнего

генсека в фигуру, равную по значимости основателю КНР Мао Цзэдуну и «прорабу китайских реформ» Дэн Сяопину, а также потенциальная трансформация структуры высшей власти в КНР в некое новое качество.

После прихода к власти в 2012 г. пятого поколения китайских руководителей последовала явная «подморозка» идеологической сферы — ограничениям подверглись как силы, выступающие за дальнейшую либерализацию политической атмосферы, так и группы публицистов и политических активистов, отстаивающие «левую перспективу» развития, закрывались журналы и сайты, были выдвинуты более строгие требования к регулированию виртуального пространства, арестовывались правозащитники, адвокаты, специализирующиеся по защите прав граждан, отдельные диссиденты и блогеры, снимались с полок магазинов те или иные книги. Другими словами, чистое дыхание нового китайского авторитаризма ощутили на себе в равной степени и левые и правые. Многие китайские так называемые «публичные интеллектуалы», приобретшие известность в предшествующий период яркими выступлениями в СМИ и Интернете, теперь предпочитают молчание, или же самоцензура заставляет их высказываться гораздо осторожнее и затрагивать политически менее чувствительные темы, например, вопросы экологии, совершенствования системы здравоохранения, образования и проч. Хотя не вполне понятно, насколько долго продлится эта ситуация.

Так называемые «красные гены» Си Цзиньпина, проявили себя в призыве «не забывать о тех принципах» (*бу ван чу синь*), с которыми КПК создавала свою власть, при этом они сочетаются со вполне либерально-ориентированной повесткой дня в области углубления экономических реформ.

В феврале 2015 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована большая статья, представившая общественности «четыре всесторонних» (*сы гэ цюань мянь*). По сути в концепте «четырех всесторонних», согласно комментариям официальных СМИ, заключается суть подходов пятого поколения руководителей к решению насущных проблем, это фактически новая стратегия управления государством. «Четыре всесторонних» — это «всестороннее построение общества малой зажиточности», «всестороннее углубление реформ», «всестороннее

управление государством на основе закона» (то есть обеспечение уважения законов), «всестороннее усиление дисциплины в КПК».

В СМИ подчеркивалось, что «четыре всесторонних» стали возможными благодаря внимательному анализу руководством КПК ситуации в стране, тенденций мирового развития, новых условий и новых вызовов на пути развития современного Китая. Подчеркивается, что сердцевинный принцип «четырех всесторонних» — это придерживаться «китайского пути» и максимально наращивать преимущества Китая.

Спустя неделю после завершения XIX съезда КПК (октябрь 2017 г.) состоялось важное действо, призванное подчеркнуть неизменность конечных целей Коммунистической партии Китая. В сопровождении всех членов Постоянного комитета Политбюро ЦК генсек Си Цзиньпин прибыл в Шанхай для посещения дома-музея основания партии.

Члены Постоянного комитета Политбюро вслед за Си повторили клятву каждого, вступающего в партию, причем любопытно, что Си говорил по памяти, без всякой бумажки. «Запомнить наизусть клятву вступающего в партию несложно» — сказал в тот день Си Цзиньпин, выступая с речью в музее второй половины съезда (она проходила в Цзясине на озере Наньху). «Сложно всю жизнь сохранить преданность тем идеям, [с которыми человек вступал в партию]».

Довольно популярной в этом контексте является версия о так называемом «левом повороте» при Си Цзиньпине. Основанием для таких суждений стали как вышеуказанные высказывания и политические лозунги этого периода, так и линия партийного руководства на укрепление господствующего положения КПК в общественно-политической сфере и на сохранение рычагов контроля за экономикой в руках государства, включая всестороннюю поддержку государственных предприятий.

Обозреватели обратили внимание на то, что несмотря на масштабные ограничительные меры властей, стремящихся положить конец нарастающей поляризации китайского социума и публичного пространства, критикующие политику властей как слева, так и справа идеологические лагеря продолжают существовать и стараются пе-

риодически напоминать о себе, несмотря ни на какие меры по зачистке информационного пространства.

Среди китайских и зарубежных наблюдателей продолжаются интенсивные дискуссии относительно того, как характеризовать текущий период в эволюции китайской идейно-политической сферы. Среди сонма многочисленных комментаторов и экспертов, кто пытался концептуализировать наиболее значимые тенденции, в последнее время были и участники дискуссий о так называемой «красной империи» [4, с. 42—50] и «третьей революции Си Цзиньпина»[1]. Впрочем, в последние два года, все эти дискуссии были заслонены темой китайско-американской торговой войны, внесшей важные изменения в контекст современных идеологических споров и дискуссий.

Казалось бы, в условиях торговой войны и разразившейся в последние несколько месяцев пандемии коронавирусной инфекции, которая из-за дискуссий о «вине Китая» еще больше подняла градус напряженности в отношениях с США (и опосредованно с другими странами коллективного Запада), пространство для острых дискуссий и полемики должно было серьезным образом сузиться до выражения различной степени патриотических позиций и сплоченности вокруг правительства. Но в действительности это далеко не так. Можно упомянуть два кейса самого последнего периода в этой связи — дискуссию вокруг «Уханьского дневника» писательницы Фан Фан и реакцию китайской молодежной аудитории на рекламный ролик «Хоулан», показанный накануне 101-й годовщины Движения 4 мая.

В «Уханьском дневнике», в котором Фан Фан, сама проживающая в Ухани, делала на протяжении 60 дней записи всего увиденного и услышанного в период наиболее драматичных дней уханьского карантина, создана картина неприукрашенной действительности, со всеми ее жесткими и трагическими моментами. Этот текст стал одним из самых горячо дискутируемых тем в китайском медийном

[1] Дискуссия была порождена новой книгой американского синолога Элизабет Экономи «Третья революция: Си Цзиньпин и новое китайское государство». Обсуждение этой книги см.: [5].

пространстве весны этого года, разделив аудиторию на тех, кто поддержал откровенный подход автора и тех, кто обвинил автора в «предательстве Китая», «выносе сора из избы» и обслуживании интересов зарубежных стран.

Показанный в мае текущего года накануне «Дня молодежи» (это в день «Движения 4 мая» 1919 года) на сайте «Билибили»[1] 4-минутный ролик «Хоу Лан» (дословно: «задняя волна», в значении «новое поколение»), вызвал большой общественный резонанс. Ролик был совместно опубликован газетами Жэньминь жибао, Цюаньцю шибао, Гуанмин жибао, другими СМИ совместно с электронным сервисом «Билибили», который имеет огромную аудиторию, причем это люди в возрасте примерно от 14 до 25 лет, общее количестве около 150 млн человек. В ролике известный китайский актер Хэ Бин выступает с неким посланием от имени старшего поколения к китайской молодежи, поздравляя молодое поколение с тем, что оно оправдывает надежды страны, оно целеустремленное, живет в счастливое время, когда любые мечты и желания сбываются и т. д.

Но все это вызвало шквал критики, которая открыто обсуждается в китайском интернете и в СМИ. Некоторые пользователи стали высмеивать авторов ролика, указывая что это обращение к китайской молодежи — не более чем «тарелка успокаивающего куриного супа», это не реальное и чистосердечное отношение старшего поколения к молодежи. Появилось много роликов представителей «новой волны» которые заявляли о том, что не чувствуют себя правильно репрезентированными в этом пропагандистском видео.

В видеоролике изображены основные ценностные ориентиры, которые дает китайской молодежи современная индустриальная цивилизация: путешествия по всему миру, разнообразные увлечения, общение с друзьями, свобода в выборе стиля жизни, игры, блоги и влоги, изучение подводного мира, прыжки с парашютом и т. д. Однако массовая аудитория восприняла эту оптимистическую картинку как образ жизни современной элиты, недоступный для рядового представителя китайской молодежи. Многие пользователи написали

[1] «Билибили» (哔哩哔哩) — сайт преимущественно для молодежи, на котором представлены видео, анимация, игры и т. д.

в чатах и пабликах о том, что помимо той части «новой волны», которая путешествует по всем миру и наслаждается всем богатством современных потребительских товаров, есть еще и простые люди, работающие на заводах и фабриках, в ангарах, производственных помещениях, цехах, в офисах, а также в доставке, многие из них страдают от безумных цен на недвижимость, от потогонной «системы 996», которую недавно один из богатейших людей Китая, основатель компании Али-Ба-Ба Ма Юнь назвал «божьим даром». Многие авторы возмутились неприкрытой пропагандой консьюмеризма и гедонизма элитной части молодежи, в то время как большая часть молодых людей в Китае, по их мнению, сталкивается с совсем другой реальностью, с ситуацией неравенства и несправедливости [6].

Таким образом, как полагают ряд китайских изданий, в общественных настроениях сейчас есть серьезный запрос не только на «патриотическую тематику», но и на критику несправедливостей существующего социально-политического порядка с его растущим неравенством и другими пороками «капиталистического» уклада [7]. Складывается впечатление, что даже в условиях «нового китайского авторитаризма» Си Цзиньпина приглушенные было на какое-то время голоса различных идеологических лагерей, в том числе «левые» и «правые», находят все же различные способы для донесения своих взглядов «из-под глыб» государственной машины унификации сознания.

В целом мы видим что в развитии идейно-политической атмосферы в эпоху реформ и открытости проявляется определенная цикличность. Если первый период (1979—1989) продемонстрировал тренд на «просвещение», расширение пространства интеллектуальных свобод и возможностей самовыражения интеллигенции, то после Тяньаньмэня наступил период относительной «подморозки» общественной атмосферы, при том что сохранился общий дискурс продолжения реформ и открытости, либерализации экономической сферы, интеграции в мировую политико-экономическую систему.

В третий период (2002—2012) мы видим новый качественный скачок в расширении открытости общественного пространства, когда появилась возможность открытых столкновений представителей

разных идейных лагерей, дискуссии стали доступны миллионам пользователей, а открытая полемика сторонников чунцинской и гуандунской моделей носила беспрецедентный характер.

Четвертый этап, совпавший с приходом к власти пятого поколения руководителей (с 2012 по настоящее время), в чем-то напоминает поворот назад, произошедший на рубеже 80-х и 90-х годов. Он отражает сложности в адаптации партийно-государственного механизма к становящемуся все более зрелым и требовательным гражданскому обществу и ситуации открытого обсуждения самых важных и острых проблем развития страны и опасения утраты общественно-политической стабильности. Но также, как и 30 лет назад, этот поворот назад лишь частичный, на фоне постепенного общего тренда на рост информированности, осведомленности и продвинутости рядовых пользователей, широкого проникновения информационных технологий и социальных сетей, интеграции экономики Китая с внешним миром.

Эти же обстоятельства заставляют предположить, что на новом витке своего развития маятник, видимо, качнется в противоположную сторону и уже на качественно новом уровне могут снова активизироваться тенденции, характерные для первого и третьего этапов эволюции идейно-политической сферы. Еще одной интересной темой анализа могло бы быть изучение определенной цикличности внутри каждого из выделенных этапов, в частности в рамках последнего, четвертого этапа. Однако, как говорится, это уже тема отдельного исследования.

Библиографический список

1. Ван Чжэнь ваньнянь ну пи «Хэшан» [Ван Чжэнь в последние годы жизни в гневе критиковал фильм «Речная элегия»] // Гуаньчачжэ, 13.11.2013. URL: https://www.guancha.cn/ZhongHuaWang/2013_11_13_185329.shtml (дата обращения: 15.05.2020).

2. *Ли Цзэхоу, Лю Цзайфу.* Гаобе гэмин: эрши шицзи чжунго дуйтань лу [Прощание с революцией: записи диалогов о судьбе Китая в 20-м веке]. Тайбэй, Майтянь чубань, 1999. 339 с.

3. *Ма Личэн, Лин Чжицзюнь.* Цзяофэн: Дандай чжунго сань цы сысян цзефан шилу [Схватка: хроника трех этапов идейного раскрепощения в современном Китае]. Пекин: Жэньминь жибао чубаньшэ, 2011. 330 с.

4. *Карнеев А.Н.* Тенденции развития идейно-политической сферы: «второй сезон» Си Цзиньпина // *МЭиМО*. 2019. Т. 63. № 10. С. 42—50.

5. Book review roundtable Elizabeth C. Economy's The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State [Книжное обозрение за круглым столом. Элизабет С. Экономика. «Третья революция: Си Цзиньпин и новое китайское государство»]. New York: Oxford University Press, 2018; Asia Policy. Vol. 13, number 4 (October 2018), 145—65. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/asiapolicy13-4_thirdrevolution_brrt_oct2018.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

6. «Хоулан» циши хэн цинсин: «хоулан» дайбяо буляо вомен дадошу [С «новой волной» все ясно: «новая волна» не представляет большинства]. *Чжужэньгун*, 04.05.2020. URL: http://zhurengong.net/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=2&id=7429 (дата обращения: 15.05.2020).

7. «Хоулан» иньфадэ жэпин пэнчжуан шоминлэ шэньмэ? [О чем говорят горячие столкновения мнений по поводу «Новой волны»?]. *Хунгэхуй ван*, 14.05.2020. URL: http://www.szhgh.com/Article/opinion/zatan/2020-05-14/234143.html (дата обращения: 15.05.2020).

References

1. Wang Zhen wan nian nupi "Heshang" [Wang Zhen criticized "River Elegy" in his later years]. Гуаньчачжэ, 13.11.2013. URL: https://www.guancha.cn/ZhongHuaWang/2013_11_13_185329.shtml (accessed: 15.05.2020).

2. *Li Zehou, Liu Zaifu.* Gaobie geming: ershi shiji Zhongguo duitanlu [Farewell to the Revolution: Talks on Chinese Dialogue in the 20th Century]. Taibei, maitian chuban, 1999. 339 p.

3. *Ma Licheng, Ling Zhijun.* Jiaofeng: dangdai Zhongguo sanci sixiang jiefang shilu [Confrontation: Three Records of Emancipation of Thought in Contemporary China]. Beijing: renmin ribao chubanshe, 2011. 330 p.

4. *Karneev A.N.* Тенденции развития идейно-политической сферы: «второй сезон» Си Цзиньпина (Trends in the development of the ideological and political sphere: Xi Jinping's "second season") // World Economy and International Relations, 2019, т. 63, № 10, p. 42—50.

5. Book review roundtable Elizabeth C. Economy's The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State. New York: Oxford University Press, 2018; *Asia* Policy. Vol. 13, number 4 (October 2018), 145—65. URL: https://www.nbr.org/

wp-content/uploads/pdfs/publications/asiapolicy13-4_thirdrevolution_brrt_oct2018.pdf (accessed: 15.05.2020).

6. “Houlang” qishi hen qingxing: “houlang” daibiao buliao le women de daduoshu [“New wave” is actually sober: “New Wave” does not represent most of us]. URL: http://zhurengong.net/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=2&id=7429 (accessed: 15.05.2020).

7. “Houlang” yinfa de reping pengzhuang shuoming le shenme? [What does the hot comment collision caused by “New wave” show?]. URL: http://www.szhgh.com/Article/opinion/zatan/2020-05-14/234143.html (accessed: 15.05.2020).

М.С. Михалев

РУССКИЕ СИНЬЦЗЯНА: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В данной статье рассказывается об этнолокальной группе русских Китая, проживающих на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Приводятся данные о численности группы, истории ее появления на территории автономного района, а также краткие сведения об уровне сохранности родного языка и традиционной культуры. Обращается внимание на то, что в отличие от русских, проживающих на территории Внутренней Монголии КНР, русские Синьцзяна до настоящего момента плохо изучены. Поясняется, что одной из причин этого является оторванность мест их компактного проживания от территории России, а также сложная политическая ситуация в самом автономном районе.

Выражается сожаление, что это происходит в условиях, когда именно в районе проживания русских Синьцзяна расположен Хоргос, крупнейший в Центральной Азии перевалочный пункт для товаров, следующих из КНР в Казахстан, постсоветские страны Центральной Азии и государства Западной Европы. Анализируется ситуация, при которой русский язык является языком межнационального общения на территории расположенного здесь Международного центра пограничного сотрудничества, представляющего

собой буферную зону на границе двух государств. Обращается внимание на то, что в данных условиях представители русского национального меньшинства, для которых этот язык до сих пор является родным, могли принимать более активное участие в процессах трансграничного сотрудничества, реализуя подобным образом свой особый этносоциальный и этнокультурный потенциал. Подчеркивается, что в настоящее время он уже используется местными властями, заинтересованными в налаживании взаимодействия с казахской стороной, а также бизнесменами из КНР и Казахстана. Высказывается сожаление, что данный потенциал пока никак не используется российским государством; предполагается, что это связано с недостатком информации о русских Синьцзяна. Выражается надежда, что благодаря новым исследованиям и публикациям по данной теме ситуация будет скорректирована.

Ключевые слова: русские КНР, Синьцзян, Кульджа, Хоргос, трансграничные народы, диаспоры, Пояс и Путь, транспортные коридоры, этносоциальный потенциал, этнополитический потенциал.

Автор: *Михалев Максим Сергеевич*, PhD, доцент Центра социальной антропологии РГГУ. E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Mikhalev Maxim S.

RUSSIAN MINORITY IN XINJIANG: ETHNOPOLITICAL AND ETHNOSOCIAL POTENTIAL

Abstract. This paper introduces a local ethnic group of Russians living in Xinjiang-Uighur Autonomous District of China. It provides information on the population and the historical origin of this distinctive community and explores the level of proficiency in native language and the acquaintance with traditional culture of the group members. The paper draws attention to the fact that, unlike similar group of Russians living in Inner Mongolia Autonomous District of China, those in Xinjiang have not been properly studied by the social scientists. It attributes this phenomenon to geographical and political isolation of the region of their residence from Russia proper as well as to comprehensive political situation in Xinjiang. This paper also points out that at the same time Xinjiang Russians live in the proximity of Khorgas, the biggest transition point for the commodities travelling from China to Kazakhstan, other post-Soviet countries and as far as Western Europe. The paper stresses out that within the Transborder Trade Zone located in a buffer area bet-

ween China and Kazakhstan, it is Russian language that became a lingua-franca for the businessmen both from Chinese and Central Asian countries. It concludes that this fact could have boosted both native language proficiency and standards of living for the local Russians as they could leverage on their linguistic skills to become more involved in transborder trade. In fact, their potential as mediators has already been used by both local Chinese authorities and by local businessmen from both sides of the border. However, neither Russian government, nor entrepreneurs from Russia look motivated in exploring this opportunity at the moment. One of the reasons for this is the unavailability of up-to-date information about Russians living in Xinjiang. This paper aims to bridge this gap with the hope that further research and publications on the topic will help unleashing the economic and political potential of this tiny, yet unique ethnic group.

Keywords: Russians in China, Xinjiang, Yining, Khorgas, transborder people, diasporas, Belt and Road, transport corridors, ethno-social potential, ethno-political potential.

Author: *Mikhalev Maxim*, PhD, Assistant to Professor at the Center for Social Anthropology, Russian State University for Humanities (Moscow). E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Русское национальное меньшинство в КНР

Общеизвестно, что одним из пятидесяти пяти официально признанных национальных меньшинств в КНР являются русские, к которым в силу особенностей национального учета, принятого в стране, относят всех представителей славянских народов, выходцев с территории бывшей Российской империи и позднее Советского Союза[1]. Примечательно, что русские Китая проживают на территории двух расположенных на значительном расстоянии друг от друга и при этом практически не связанных между собою районов страны. На крайнем северо-востоке КНР, в уезде Аргунь-Юци городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монго-

[1] Стоит различать русских как национальное меньшинство, *элосы цзу*, которые являются гражданами Китая, и граждан России, проживающих на территории страны по консульским документам и обычно именуемых *элосы жэнь*. В данной работе речь идет исключительно об *элосы цзу*.

лия, на территории Эньхэ-Русской национальной волости и в непосредственной близости от границы с Россией проживают около трех тысяч *элосы цзу*. В то же самое время на дальнем западе страны, в районе государственной границы КНР и республики Казахстан, на территории Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) также зарегистрировано около восьми тысяч этнических русских. Они в большинстве своем проживают в городах и поселках округа Тачэн (Чугучак) и на территории столицы автономного округа города Инин.

С одной стороны, тот факт, что две эти небольшие, довольно компактные локальные группы русских разделяют несколько тысяч километров, является главной причиной того, что между ними отсутствуют хорошо налаженные контакты, притом что каждая из этих групп довольно прочно интегрирована в соответствующее этническое окружение. Результаты полевых исследований показывают, что русские во Внутренней Монголии и русские в СУАР иногда вообще не осведомлены о существовании друг друга, их связи с соседними народами (с ханьцами, монголами и даурами во Внутренней Монголии и с казахами, уйгурами и мусульманами-хуэй в Синьцзяне) крепкие и многосторонние [ПМА].

Географическая удаленность, однако не единственное препятствие на пути налаживания интенсивного диалога между двумя группами *элосы цзу* Китая. Не менее важными оказываются и различия в исторических судьбах, моделях поведения, образе жизни и принципах социально-экономической организации самих общин. Русские во Внутренней Монголии в большинстве своем являются потомками сельского населения Забайкалья, оказавшимися на территории соседнего государства в ходе Гражданской войны в России и сохранившими здесь патриархальный уклад дореволюционной русской деревни. Среди них практически отсутствуют представители городского населения или рабочих профессий. В то же самое время русское население приграничных районов СУАР формировалось во многом именно из выходцев из городской среды, включая представителей купеческого сословия, врачей и учителей [1, с. 75; ПМА]. Они принесли в окраинные, центрально-азиатские по своему характеру районы Китая прогрессивную для своего времени русскую

культуру и городской образ жизни. Следы этого культурного влияния ощутимы в Синьцзяне до наших дней, при этом вклад русских поселенцев в экономическое и социальное развитие этого региона не оспаривается местными жителями даже в настоящее время [ПМА]. Стоит отметить и тот примечательный факт, что в течение непродолжительного времени, с 1871 по 1881 г. Кульджа, как еще называется Инин, входила в состав России, хотя в конце концов и была возвращена Китаю в результате подписания Договора об Илийском крае.

Немаловажно и то, что в ходе Гражданской войны на территории Синьцзяна оказалось несколько десятков тысяч белоказаков под предводительством атаманов Анненкова и Дутова [2, с. 43]. Будучи дисциплинированной и при этом хорошо обученной военной силой, они в течение довольно продолжительного времени оставались значимым политическим фактором в регионе. Это сказалось и на отношении к русским со стороны местного населения, и на характере их взаимоотношений с властями Китая.

Центр приграничного сотрудничества Хоргос

В последнее время появилось достаточное много статей и даже книг, посвященных историческим судьбам, состоянию традиционной культуры и фольклору группы русских, проживающих во Внутренней Монголии [3]. Но информации о локальной группе русских Синьцзяна, являющейся более многочисленной и более развитой в социальном и политическом отношении и к тому же оказавшей большее влияние на характер российско-китайских отношений, пока, к сожалению, недостаточно. Возможно, подобное положение обусловлено историческими и политическими особенностями региона их проживания. С одной стороны, как и русские во Внутренней Монголии, практически всю вторую половину XX в. русские СУАР оставались заложниками непростых отношений между СССР и КНР, в результате чего доступ исследователей в чувствительный приграничный регион был сведен к минимуму. С другой стороны, после распада Советского Союза Синьцзян-Уй-

гурский автономный район был практически полностью отрезан от России территорией независимого Казахстана, а проживающие в Или-Казахском автономном округе русские оказались зажатыми между двумя иноэтничными по отношению к ним государствами. В этих условиях доступ к ним исследователей из России также был затруднен.

Дефицит современных исследований этой по-своему уникальной группы наших бывших соотечественников, проживающих за рубежом страны, выглядит особенно досадным, принимая во внимание геополитическое значение того небольшого района, что является территорией их компактного проживания. Дело в том, что именно в окрестностях Кульджи расположен Хоргос, важнейшая узловая точка международного транспортного коридора Европа—Западный Китай. В последнее время правительство КНР уделяет особое внимание налаживанию связей со своими соседями в Центральной Азии. Не секрет, что именно эти контакты могут предоставить в распоряжение Пекина ключ к решению важнейших геополитических и геоэкономических задач, которые он пытается решить в Евразии через реализацию своей мегаинициативы «Пояс и путь». Территория постсоветских республик региона Центральной Азии является самым простым, а зачастую и единственно экономически приемлемым способом связать сухопутными маршрутами поставщиков и потребителей, расположенных в Китае и в Европе. При этом именно Хоргос является теми центральными воротами, в окрестностях которых разнонаправленные потоки товаров физически встречаются и пересекают границу Китая и внешнего мира.

Связано это с тем, что, с одной стороны, только здесь наличествует техническая возможность для обработки крупнотоннажных грузов любого состава. С другой стороны, именно в Хоргосе был создан единственный в своем роде уникальный международный центр приграничного сотрудничества (МЦПС), в пределах которого продавцы и покупатели из КНР и стран Центральной Азии могут проводить операции в ходе непосредственного личного общения, но без необходимости получения специальных консульских разрешений на посещение соседнего государства. Многофункциональный комплекс Хоргос, расположенный в непосредственной

близости от бурно развивающегося одноименного китайского города, организован таким образом, что фактическое взаимодействие осуществляется в общей для двух государств, по сути, буферной зоне, созданной прямо на их границе. Доступ в эту зону разрешен и держателям казахских паспортов, и гражданам КНР, однако покидать ее территорию они могут только в направлении собственных государств. Учитывая то, что на самой территории МЦПС имеются многочисленные торговые, складские и производственные помещения и даже имеется возможность проживания, это означает, что коммерческие отношения между представителями двух или более соседних стран могут строиться напрямую, без отягощения их лишними бюрократическими процедурами. Не удивительно, что в этих условиях политики и бизнесмены из КНР и государств всего постсоветского пространства с самого начала заявляли о том, что Хоргос является ключевой точкой с точки зрения налаживания взаимовыгодных связей между людьми и экономиками соответствующих стран [4].

При этом стоит особо отметить следующий феномен: несмотря на то, что свободная экономическая зона Хоргос находится на границе Казахстана и КНР, языком межнационального общения на территории МЦПС является русский язык. Во многом это, конечно же, объясняется длительной традицией взаимного недоверия между народами двух соседних государств, а также тем, что большая часть населения Казахстана свободно владеет языком Пушкина и Достоевского. Однако еще одним не менее важным фактором является то, что Хоргос служит крупнейшим перевалочным пунктом не только для товаров, следующих в Китай из Казахстана или противоположным курсом, но и является таковым для товаров из других стран Центральной Азии, бывшего СССР и даже некоторых стран Восточной Европы. В этих условиях именно русский язык и русская культура являются тем мостом, который обеспечивает взаимодействие между народами внутренних районов Евразии и способствуют налаживанию эффективных социальных, стало быть и экономических отношений между людьми.

Этносоциальный и этнополитический потенциал русских СУАР

Принимая во внимание все вышеизложенное, логичным было бы предположить, что русские СУАР, сохранившие и свой язык, и свою традиционную культуру, но при этом успешно интегрированные в китайскую социальную, политическую и экономическую систему, могли бы играть значительную роль в процессе налаживания плодотворного трансграничного сотрудничества. С одной стороны, это обеспечило бы дальнейшую сохранность родного языка у русской молодежи, ибо он оказался бы более востребованным на рынке труда. С другой стороны, активное участие в трансграничном взаимодействии способствовало бы улучшению и их экономического положения[1]. Высокий образовательный уровень русских СУАР, память об историческом вкладе их предков в развитие культуры и экономики региона, относительная обособленность общины, а также сохранность традиционной культуры и языка обеспечивают необходимые предпосылки для реализации подобного сценария.

Русских охотно привлекают к сотрудничеству и китайские власти, для которых они оказываются неоценимыми помощниками в деле налаживания трансграничных связей, и местные бизнесмены, которые с их помощью надеются наладить необходимые контакты в странах ЕАЭС. Их услуги также пользуются спросом у представителей деловых кругов самих стран Центральной Азии, которым импонирует их надежность, уровень образования, а также способность налаживать отношения в деловых и политических кругах Китая благодаря знанию китайского языка и особенностей менталитета китайцев. Не так часто, как это, возможно, хотелось бы, проявляют деловую инициативу и сами представители русского национального меньшинства в КНР, которые стремятся создать свои собственные

[1] Именно так, к примеру, обстоит дело в районе еще одной зоны свободной торговли на границе России и КНР, в городе Маньчжурии. Там в схожем положении оказались шэнэхэнские буряты Китая, которые не просто смогли взять под свой контроль часть трансграничных потоков, но и благодаря этому сохранили бурятский язык и традиционную культуру, владение которой выступает теперь гарантией экономического успеха [5].

логистические компании, налаживают связи с соотечественниками по ту сторону границы, и берут часть трансграничной торговли в свои руки [ПМА].

К сожалению, приходится констатировать, что потенциал трансграничного существования русских СУАР, а также их владение языком межнационального сотрудничества в критическом, с точки зрения организации международного сотрудничества регионе, до настоящего времени используется недостаточно. И дело даже не в том, что русские Синьцзяна в основной массе до сих пор находятся в подчиненном положении по отношению к ханьскому, казахскому или уйгурскому торговому капиталу, исполняя роль наемных работников и при этом редко становясь собственниками предприятий, занятых в международной торговле. Конечно же, это не способствует росту их экономического благосостояния или повышению их социального статуса. Гораздо серьезнее то, что потенциал этой группы наших соотечественников практически не используется российским государством. И это при том, что наличие лояльной к исторической родине диаспоры, представители которой обладают довольно высоким экономическим, социальным и политическим статусом, предоставляет в его распоряжение уникальные возможности. Сохранившая в условиях иноязычного окружения память о своем происхождении, свой традиционный образ жизни, русскую культуру и русский язык, группа русских Синьцзяна могла бы превратиться и в послов доброй воли, которые способствовали бы укреплению связей России с Китаем, и в агентов ее коммерческих интересов за рубежом. Они могли бы стать и представителями российской культуры в этом далеком, но при этом чрезвычайно важном с геополитической точки зрения регионе Евразии. К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время этот ресурс никак не используется и о его существовании практически не известно.

В заключение хочется выразить надежду, что русские Синьцзяна, которые, несмотря на перипетии исторических судеб, преследования во времена Культурной революции и довольно сложный период, наступивший вслед за распадом СССР и потерей прямого контакта с исторической Родиной, не просто попадут в самое ближайшее время в объектив внимания отечественных исследователей.

Было бы намного важнее, если бы благодаря дальнейшим исследованиям на стыке политики, экономики и социальной антропологии они также смогли реализовать свой уникальный этнополитический и этносоциальный потенциал трансграничной этнической группы. Это будет выгодно не только российскому государству, но и сможет способствовать экономическому, политическому и культурному сотрудничеству народов всех стран, расположенных вдоль трассы «Пояса и пути».

Библиографический список

ПМА — Полевые материалы автора. Экспедиция в Или-Казахский автономный округ Синьцзян-Уйгурского автономного района, КНР. 2018. Октябрь.

1. *Гутин И.Ю.* Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949—2000 гг.) // Вестник МГИМО. 2011. № 3. С. 74—82.

2. *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян, 1918—1941 гг. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998.

3. *Кляус В.Л.* «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. Москва: ИМЛИ РАН, 2015.

4. *Ли Чжоу*. Развитие отношений Китая и Казахстана имеет важное стратегическое значение // Китайский информационный Интернет-центр. 2012. 11 янв. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-01/11/content_24378549.htm (дата обращения: 15.05.2020).

5. *Михалев М.С.* Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13, № 4 (25). С. 108—120.

References

1. *Gutin I.Ju.* Dinamika Chislennosti Russkogo Naselenija Sin'czjan-Ujgurskogo Avtonomnogo Rajona (1949—2000 gg.) [Russian Population Dynamics in Xinjiang-Uighur Autonomous District (1949—2000) // MGIMO Bulletin. 2011. N3. P. 74—82.

2. *Barmin V.A.* Sovetskij Sojuz i Sin'czjan, 1918—1941 gg [Soviet Union and Xinjiang, 1918—1941]. Barnaul: Barnaul University Press, 1988.

3. *Kljaus V.L.* «Russkoe Trehrech'e» Man'chzhurii. Ocherki Fol'klora i Tradicionnoj Kul'tury [“Russian Trehrech'e” in Manchuria. Essays on Folklore and Traditional Culture]. Moscow: IMLI, 2015.

4. *Li Zhou.* Razvitie Otnoshenij Kitaja i Kazahstana Imeet Vazhnoe Strategicheskoe Znachenie [China-Kazakhstan Relations Progress is of Strategic Importance] // China Internet Information Center. 2012. 11 January. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-01/11/content_24378549.htm (accessed: 15.05.2020).

5. *Mikhalev M.S.* Iskusstvo Byt' Neassimilirovannym. Strategii Shjenjehjenskih Burjat v Kontekste Rossijsko-kitajskoj Granicy [The Art of Not Being Assimilated. Shenehen Buryat Strategies in the Context of Russia-China Border] // Izvestija laboratorii drevnih tehnologij. 2017. V.13. N4 (25). P. 108—120.

Д.А. Смирнов

ТАЙВАНЬ. К ИТОГАМ ВЫБОРОВ 2020 ГОДА

Аннотация. В статье автор рассматривает особенности развития современной политической системы Тайваня и условия формирования «нормальной» оппозиции идеологической платформе ДПП при наличии так называемого «глубинного управления» и влияния СМИ в избирательных кампаниях на острове, в проведении которых (как и в составе самих партий) намечаются изменения уже в ближайшем будущем. Также анализируются основные перспективы развития Тайваня, особенно под влиянием произошедшего мирового экономического кризиса на фоне последствий пандемии COVID-19.

На состоявшихся 11 января 2020 г. всеобщих выборах на Тайване победу одержала кандидат от ДПП, действующий с 2016 г. президент Китайской Республики на Тайване Цай Инвэнь и представляемая ею партия, получившая свыше половины мест в Законодательном Юане. Партия Гоминьдан, получившая треть мест, осталась главной оппозиционной силой. Победа ДПП закрепила и усилила курс на отход от проводившейся прежней гоминьдановской администрацией острова линии на постепенное сближение между двумя берегами, а также обострила основное внутреннее противоречие в тайваньском социуме относительно развития межбереговых отношений, особенно наглядно проявившееся в противоположном подходе к ним со стороны значительной части молодых избирателей и со стороны старшего поколения.

Победа Цай Инвэнь и ДПП получила демонстративную поддержку со стороны официальных лиц США, Японии, Франции и

других стран и ожидаемо негативную реакцию со стороны пекинского руководства, тем более после последовавших за победой ДПП на выборах резких заявлений Цай Инвэнь и других представителей тайваньской администрации, содержавших демонстративное неприятие пекинской формулы «одно государство — два строя».

На фоне существующих на острове внутренних социально-политических противоречий и внешней ситуации, характеризующейся углублением глобального экономического кризиса, усугубляемого растущими противоречиями между США и КНР и вспышкой глобальной пандемии коронавируса, нарастает фактор неопределенности в дальнейшем развитии ситуации на Тайване и вокруг него.

Ключевые слова: «используемая» демократия, «оборонительная» демократия, «глубинное» управление, «нормальная» оппозиция, опоры правительства, современные вызовы Тайваню.

Автор: *Смирнов Дмитрий Анатольевич*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН; старший научный сотрудник Кафедры политологии Востока ИСАА МГУ. E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Smirnov Dmitry A.

TAIWAN. TO THE RESULTS OF THE ELECTIONS 2020

Abstract. In the article the author reviews the peculiarities of the Taiwan modern political system development and the conditions of the "normal" opposition to DDP ideological platform formation in the presence of the "deep-state" management and the mass media influence in the electoral campaigns on the island, in conducting of which (as well as in the main parties' structures) there are outlined some changes in the nearest future. Also, there are analyzed the main perspectives of Taiwan development especially under the influence of the already arisen world economic crisis at the background of the pandemic COVID-19 consequences.

At the general elections held in Taiwan on January the 11, 2020 there won the victory Tsai Ing-wen, the candidate from the DPP and current President of the Republic of China in Taiwan since 2016, and represented by her party which won more than half seats in the Legislative Yuan. Guomindang party, which won only one third of seats, remains the main opposition force. The DPP victory fixed and strengthened the cour-

se on turning away from the policy on gradual rapprochement between the two sides of the Strait pursued by the Guomindang former administration of the island. The DPP victory also aggravated the main contradiction inside Taiwan socium concerning the development of the cross-Strait relations, apparently revealed itself in the opposite approach to these relations on the part of the considerable number of the young voters and on the part of the aged generation.

Tsai Ing-wen and the DPP got the demonstrative support on the part of the officials of the USA, Japan, France and other states and expected negative reaction on the part of Beijing administration, the more so, after Tsai Ing-wen and Taiwan administration other representatives' sharp declarations, which followed the DPP victory at the elections, containing demonstrative non-recognition of Beijing formula "one state — two systems",

At the background of the existed on the island social-political contradictions and external @ANNOT2 = situation, which is characterized by the aggravation of the global economic crisis, being deepened by the growing contradictions between the USA and the PRC and the COVID-19 global pandemic outbreak, simultaneously there is growing the factor of uncertainty in the further situation development in Taiwan and around it.

Keywords: **"**utilized" democracy, "defensive" democracy, normal opposition, government's pillars, deep-state management, modern challenging problems to Taiwan.

Author: *Smirnov Dmitry Anatolyevich*, Ph.D (in History), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow); Senior Researcher, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (MSU). E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Уже несколько десятилетий мировым научным сообществом под тем или иным углом зрения рассматриваются особенности развития Тайваня согласно так называемой «тайваньской модели» демократии. Как представляется, (по сути, буржуазно-капиталистическая) «тайваньская модель» (если допустить сам факт немифического существования такой модели) формируется на протяжении нескольких десятилетий и реализуется в двух направлениях: внутреннем — «используемая» демократия, и внешнем — демократия

«оборонительная» или «мобилизационная», согласно избранному Тайванем (по необходимости) мобилизационному пути развития, сопротивление исходящей извне угрозе всегда служило консолидирующим фактором.

Вероятно, не стоит думать о тайваньской демократии как демократии ложной, сами тайваньцы определяют процесс демократического развития как трудный процесс «обучения демократии» (или «использования демократии»), так как он невозможен без воспитания народа. Одновременно демократия не предполагает узурпацию власти группой лиц, принадлежащих к нескольким влиятельным кланам, так называемому «глубинному правительству»[1], состоящему из определенного числа весьма влиятельных политиков и бизнесменов (при этом де-факто зачастую выполняющих функцию дипломатов от имени отстаивающего свой статус острова).

Процесс «обучения демократии» на Тайване, как в любом переходном обществе, долгий и трудный. При этом ничто не имеет большего значения во время избирательной кампании на острове, чем вопрос отношений с материковым Китаем. Обстоятельства серьезного экономического кризиса 2008—2009 гг., на фоне которого проходили президентские выборы 2008 г. на Тайване, как представляется, мотивировали кандидата от ГМД Ма Ин-цзю открыто заявить о его намерениях экономически сблизиться с материковым Китаем в случае победы на выборах, что определило выбор 58 % избирателей в его пользу. В свой первый президентский срок Ма Ин-цзю неизменно исполнял данные избирателям обещания, как

[1] Например, Веллингтон Ку, представитель клана Ку (Koo), которому принадлежат 3 из 14 финансовых холдингов Тайваня, является потомком основателя клана Ку Чэнь-фу (1917—2005), политика и дипломата, председателя Фонда развития связей между сторонами Тайваньского пролива (SEF); с 1991 по 2004 г. Веллингтон Ку был председателем Комиссии по финансовому надзору.

Другим примером может быть бизнесмен Терри Гоу (Terry Gou), чья компания Foxconn Technology является крупнейшим производителем электронных устройств известных марок Apple, Samsung, Xiaomi. Проявил себя как активный политик во время президентской кампании 2020 г. В качестве зарегистрированного в числе первых кандидатов на президентский пост бизнесмен заявлял о своих намерениях объединить все (включая малые) партии острова в большой альянс для обеспечения их политической устойчивости и более эффективного сотрудничества в социально-экономической сфере.

видно из нижеприведенных данных, по привлечению иностранных инвестиций в тайваньскую экономику и вложению тайваньских инвестиций в экономику материкового Китая. На первый взгляд, очевидно (правда, без учета качества привлеченных на Тайвань инвестиций и их диверсификации), что за неполные периоды правления Чэнь Шуй-бяня (с 2006 по 2007 г.) и Цай Инвэнь (с 2016 по 2019 г.) приток иностранного капитала на Тайвань превышал отток тайваньского капитала в экономику материкового Китая, по сравнению с целым периодом президентского правления Ма Ин-цзю. Особенно большие инвестиции в материковый Китай были сделаны в 2010—2011 гг., во время высокого прироста ВВП Тайваня и в момент подписания Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве с материковым Китаем.

Таблица. **Иностранные инвестиции в экономику Тайваня и тайваньские инвестиции в экономику материкового Китая за период с 2006 по 2019 г. [1]**

Годы	Привлеченные иностранные инвестиции в экономику Тайваня, млрд долл.	Тайваньские инвестиции в экономику материкового Китая, млрд долл.
2006	14,0	7,6
2007	15,4	10,0
2008	Нет данных	Нет данных
2009	4,8	7,1
2010	3,8	14,6
2011	5,0	14,4
2012	5,6	12,8
2013	4,9	9,2
2014	5,8	10,3
2015	4,8	11,0
2016	11,0	9,7
2017	7,5	9,2
2018	11,4	8,5
2019	9,8	3,2

В 2012 г. у Ма Ин-цзю было более стабильное положение, чем у оппозиции, особенно после открытого (надо полагать, поэтому ответственного) заявления о намерении подписать в будущем *мирное соглашение* с материковым Китаем (но основываясь на результатах референдума), в отличие от ДПП, имевшей перед выборами 2012 г. поддержку всего 40 % населения, на что могла повлиять позиция фундаменталистов в ДПП, настаивавших на национальной самоидентификации Тайваня.

На национальных выборах 2012 г. на политической арене Тайваня «обнаружилась» третья партия (Партия близости к народу — *Цинь-миньдан*), преодолевшая 5-процентный барьер для участия в выборах в законодательный орган. Появление тогда третьей партии свидетельствовало о дальнейшем развитии демократизации на острове.

Вместе с тем, в процессе демократизации на острове проявляются и некоторые негативные моменты. Так, предводитель влиятельной буддистской организации Тайваня «Фогуаншань» Его Преподобие Син Юнь[1] отмечал весьма неприглядную роль СМИ в избирательной кампании, когда с помощью СМИ «“политиканы” становятся “героями”; болтающие что попало “спикеры” — “специалистами”; “подлецы”, нарушающие принципы — “заслуженными деятелями”... в сообщениях идет очернение, “добродетели же задвигаются на край”... Это болезненное явление есть результат ошибочно избыточного использования свобод» [9].

Избирательная кампания 2020 г. в Законодательное собрание Тайваня отличалась участием рекордного количества партий (19), среди которых так называемые малые партии, например, Тайваньская партия народных масс (Тайвань миньчжун дан), основанная в августе 2019 г. мэром Тайбэя Ко Вэнь-цзе (Ko Wen-je, Ke Wenzhe). В преддверии выборов было заявлено, что эта партия создана с двойной целью: подчеркнуть тайваньскую идентичность и стать средством борьбы с коррупцией на острове. «Белый цвет» партии, в отли-

[1] Син Юнь — родился в материковом Китае в 1927 г. В 1949 г. прибыл на Тайвань, где пострадал от «белого террора» и даже провел несколько лет в гоминьдановской тюрьме. В 1955 г. основал на Тайване влиятельную буддистскую организацию Фогуаншань, ныне широко известную в мире.

чие от традиционного деления основных политического партий на острове на «синих» и «зеленых», представляет собой символическую «белую силу» союзников Ко Вэнь-цзе, выступающую за открытость и прозрачность политики правительства.

Ранее основанная (в 2015 г. после событий движения «Подсолнухов» на Тайване) Партия новой силы (Шидай лилян), помимо прочего, выступает за прозрачность законодательной системы Тайваня [2].

Партия Государственного строительства (Тайвань цзицзинь), основана в Гаосюне, принадлежит к лагерю сторонников независимости Тайваня. Пользующийся поддержкой у ДПП Чэнь По-вэй (Chen Po-wei), первый кандидат в Законодательный Юань от Партии Государственного строительства, выиграл во 2-м округе Тайчжуна у кандидата от ГМД Янь Гуан-хэна, сына известного тайваньского гангстера Янь Цин-бяо[1], семья которого управляла Тайчжуном почти 20 лет.

Видимая схожесть результатов обеих избирательных кампаний 2016 и 2020 гг. на Тайване у основных противоборствующих партий, ДПП — 68 и 61 мест в Законодательном Юане соответственно, ГМД — 35 и 38 мест соответственно, у малых партий 5—3—1—1—0 мест в 2016 г. и 5—3—1 и 5 мест для всех остальных партий в 2020 г., наводит на мысль об отсутствии традиционной настоящей напряженной конкурентной борьбы «синих» и «зеленых». При этом нетрудно заметить бесперебойный процесс создания на Тайване одних малых партий и поглощения других малых партий (с явлением «статусной перестановки» у их лидеров, как в случае с образованной на острове в 2015 г. Социал-демократической партией [Шэхуэй миньчжу дан]) накануне избирательных кампаний де-факто мощными машинами двух основных партий (по сути своей остающихся буржуазными партиями) в их противостоянии друг другу. Возможно, это происходит по причине желания укрепить состав этих партий путем

[1] Янь Цин-бяо (Yen Ching-piao), неоднократно отбывал заключение за связь с организованной преступностью (триада «Bamboo») и хищение казенных средств. В 2004 г. стал сооснователем партии Беспартийный Союз Солидарности (У дан туаньцзе ляньмэн).

постоянного пополнения энергичной талантливой молодежью и обновления[1].

Очевидно, что внешние факторы, связанные с COVID-19, повлияли на ситуацию на Тайване, повысив рейтинг одобрения действий Цай Ин-вэнь до 68,4 % и действующего премьера Су Цзэн-чана до 69,4 % (при условии отсутствия подтасовок в статистике). Что касается малых партий в Законодательном Юане, то Тайваньскую партию народных масс одобряют 9,3 % опрошенных, Партию новой силы — 5,1 %, Партию государственного строительства — 1,9 %, Партию близости к народу всего 0,5 % опрошенных, тогда как 27,2 % не поддерживают какую-либо партию. Можно предположить, что тайваньское общество становится менее политизированным, если свыше четверти населения вообще не испытывает интереса к какой-либо партии или доверия к существующим и вновь образованным малым партиям. Возможно, это обусловлено и действиями последних в собственных корыстных интересах, невыполнением ими функции канала взаимодействия между властью и народом, а также по причинам все возрастающего разрыва в доходах большинства населения и отсутствия существенного улучшения его социально-экономического положения.

Что касается традиционно важного вопроса национальной идентичности и отношений с материковым Китаем (по-видимому, теперь связанного с твердой позицией властей острова придерживаться до сих пор четко несформулированного (нация/государство) статус-кво в проливных отношениях и в связи возросшей военной угрозой со стороны материкового Китая [3] и пришедшей оттуда теперь эпидемиологической угрозой безопасности Тайваня), то 83,2 % респондентов считают себя тайваньцами, 6,7 % считают себя и тайваньцами, и китайцами одновременно. 70 % опрошенных одобрили политику правительства через Тайваньский пролив и всего 10,8 % ее не одобрили [4]. Отстаивая свой государственный суверенитет и демократические свободы, Тайвань по-прежнему последовательно из-

[1] По материалам конференции EATS (Европейской ассоциации тайваньских исследований) в институте Востоковедения АН Чехии, состоявшейся в марте—апреле 2016 г. в Праге, Чехия.

бегает признания формулы «одно государство — два строя» согласно озвученной Цай Ин-вэнь установке из «3-х иероглифов» — «бу кэнэн» («невозможно») [5].

В последнее время Тайвань, оказывая помощь мировому сообществу в борьбе с вирусной пандемией и заключая договоры сотрудничества со странами Европы и США по предотвращению распространения COVID-19, надеется на помощь мирового сообщества в ослаблении напряжения через пролив. В свою очередь материковый Китай обвиняет Тайвань в использовании ситуации с коронавирусом, чтобы поднять свой политический авторитет [6].

На этом фоне представляются достаточно смелыми инициативы ряда малых парламентских партий Тайваня об изменении названия тайваньской авиакомпании China Airlines и даже об изменении названия Китайской Республики в паспортах тайваньских граждан, на что последовал ответ одного из ответственных функционеров Гоминьдана Цзян Вань-аня[1], предупредившего о том, что на правящую партию ДПП ляжет в таком случае ответственность за последствия принятия подобных решений [7] (под чем понимается однозначная реакция материкового Китая).

По вопросу ближайших перспектив правления правительства Цай Ин-вэнь среди основных политических мер будут предприняты такие, которые помогут сместить фокус внимания в следующей избирательной кампании в основном на 35—50-летних избирателей как целевой аудитории. Далее, ведущие партии ДПП и Гоминьдан (эта последняя существует, поскольку «есть деньги, есть и партия») вероятно, пойдут по пути реформирования (для преодоления фракционности, обновления и омоложения) и избрания ими дальнейшего, непопулистского, пути, направленного на проведение *конструктивных переговоров через Тайваньский пролив*.

Для Тайваня по-прежнему существенным является создание «*нормальной*» оппозиции для проведения политического мониторинга ДПП, чтобы добиться прозрачности ее политики в целях укрепления самой же партии. Реализация всего вышеперечисленного на-

[1] Цзян Вань (Уон)-ань, внук Цзян Цзин-го, стал членом Законодательного Юаня от Гоминьдана в 2016 г. после возвращения с учебы из США в 2013 г.

стоятельно требует стабильного социально-экономического развития с правильно и эффективно организованным *сотрудничеством между правительством, бизнесом и гражданами*, поскольку именно поведение простого человека является драйвером популярных тенденций. Правительство не может игнорировать (по оценкам зарубежных специалистов) «неумелое осуществление бюрократическим аппаратом экономического ориентирования, двигаясь от модели развития под эгидой государства к рыночно-ориентированной неолиберальной модели», когда «происходит рост размера одних тайваньских компаний со снижением их доходности и семейственностью в управлении, на фоне сужения компаний малого и среднего бизнеса, служивших когда-то опорой тайваньского экономического чуда»[8].

Среди экономических мер правительством намечается предпринять шаги по подъему научно-технического потенциала Тайваня до самого высокого уровня, чему будет способствовать неопределенность нынешнего состояния экономики материкового Китая и его торговых отношений с остальными странами, прежде всего с США. Также в связи кризисом мировой экономики и ее замедлением уже намечен план помощи работающему населению с выплатой субсидий для 1,92 млн работников (16 % занятых) [6]. Ранее правительство намеревалось усилить производственное применение сферы программирования, чтобы таким образом увеличить использование интеллектуального потенциала. Намечается усиление интеграции между тяжелой и электронной промышленностью для ускорения применения на производстве искусственного интеллекта, несомненного приоритета тайванской экономики — фактора, обеспечивающего конкурентоспособность экономики Тайваня.

На фоне сокращения численности населения острова при низком уровне рождаемости, продолжающейся стагнации зарплат и роста неравенства в доходах граждан, социальные меры правительства Цай Ин-вэнь будут касаться пожилых людей, а также детей и людей с ограниченными физическими возможностями, предусматривается создание большего количества центров по распределению жилья по доступной для населения цене [5].

Библиографический список

1. Taiwan Raises GDP Outlook as Investment Trumps Trade War [Перспектива подъема ВВП Тайваня в 2020 г. Как инвестиции перевешивают торговую войну]. Bloomberg data Note: 2019 data Jan.-Oct. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-29/taiwan-raises-2020-gdp-outlook-as-investment-outweighs-trade-war (дата обращения: 05.04.2020).

2. Minor parties seek political alliances [Малые партии ищут политических союзников] // Taipei Times. 13 March 2015. Lii Wen. Retrieved 15 February 2019.

3. US warships in Taiwan Strait anger China [Военные корабли США в Тайваньском проливе сердят Китай]. URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2020/03/27/2003733466 (дата обращения: 27.03.2020).

4. New high of 83.2 % see themselves as Taiwanese: poll [Новый уровень в 83,3 % — они считают себя тайваньцами]. URL: http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2020/02/25/2003731565 (дата обращения: 25.02.2020).

5. Цзыю шибао (The Liberty times) [Либеральная газета]. Ся гэ сы нянь сань да мубяо [Три главные цели на следующие четыре года]. Dec1, 2019. P.A2.

6. URL: https://news.pts.org.tw/ (дата обращения: 02.04.2020).

7. URL: https://news.pts.org.tw/ (дата обращения: 17.04.2020).

8. Taiwan in Transition: Challenges facing Taiwan's economy and changing society public roundtable [Круглый стол «Тайвань в переходный период: вызовы, стоящие перед тайваньской экономикой и меняющие общество»]. London. Russell Square: College Buildings Room: DLT. Round Table organized by SOAS Centre of Taiwan Studies & IOS. 11 September 2019.

9. *Чжао Ужэнь.* Цибэй сылу, лян ань чулу: тайвань сюаньцзю силе пинлунь [Путь размышлений о милосердии: выход для обоих берегов. Несколько суждений о выборах на Тайване]. Тайбэй, 2015. С. 14—15 (446 с.)

References

1. Taiwan Raises GDP Outlook as Investment Trumps Trade War. Bloomberg data Note: 2019 data Jan.-Oct. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-29/taiwan-raises-2020-gdp-outlook-as-investment-outweighs-trade-war (accessed: 05.04.2020).

2. Minor parties seek political alliances // Taipei Times. 13 March 2015. Lii Wen. Retrieved 15 February 2019.

3. US warships in Taiwan Strait anger China. URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2020/03/27/2003733466 (accessed: 27.03.2020).

4. New high of 83.2 % see themselves as Taiwanese. URL: http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2020/02/25/2003731565 (accessed: 25.02.2020).

5. Ziyou shibao (The Liberty times). Xia ge sinian san da mubiao (Three goals for the next four years). Dec1, 2019. P.A2.

6. URL: https://news.pts.org.tw/ (accessed: 02.04.2020).

7. URL: https://news.pts.org.tw/ (accessed: 17.04.2020).

8. Taiwan in Transition: Challenges facing Taiwan's economy and changing society public roundtable. London. Russell Square: College Buildings Room: DLT. Round Table organized by SOAS Centre of Taiwan Studies & IOS. 11 September 2019.

9. *Zhao Wuren*. Cibei silu, liang'an chulu: Taiwan xuanju xilie pinglun (Compassionate Thinking. The Way Out: A Review of Taiwan Election Series). Taibei: Tianxia wenhua, 2015. C. 14—15 (446 p.).

Е.Н. Степанова

ГОНКОНГ. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРОТЕСТА

Аннотация. В статье анализируется опыт религиозных (католических) организаций Гонконга по привлечению потенциально протестной части населения с целью достижения социальных перемен. Религиозные организации, заполняя вакуум в мыслях, теории и стратегии участников социальных движений за отстаивание права Гонконга на собственное будущее, стали частью зарождающегося гражданского общества САР.

Причиной высокой гражданской активности (в этом исследовании рассматривается с 2013 г.) в Гонконге служит «недоверие поколений», но также эту причину следует искать в росте неравенства и трудностей в поиске работы, потере веры в справедливость, низком доверии правительству и элитам, опасениях в отношении усиления давления со стороны центрального правительства и урезания прав и свобод. Появление молодежных протестных движений, представляющих «новое поколение местной идентичности», автономной и критически настроенной, вполне закономерно. Именно роста сильной местной идентичности *гонконговца*, особенно среди молодежи, так опасаются власти в материковом Китае, не позволяя ввести всеобщее избирательное право в САР во избежание сепаратизма в Гонконге, а заодно и в прилегающих районах материкового Китая.

Отличие протестных движений заключалось в руководстве и «в конфликте поколений»: движение «*Захвати «Централ»* в 2013 г.

имело четкую руководящую силу и организационную структуру, а движение «*Революции Зонтиков*» в 2014 г. было относительно свободным, участники действовали, исходя из собственной мотивации, без обнаружения специального лидерства. Во втором движении в основном доминировали молодые люди, отличающиеся идейной убежденностью, оно было более интенсивным и широкомасштабным по сравнению с первым движением.

Активное участие в общественных движениях, включая участие в их руководстве на определенном этапе, принимает католическая церковь с целью сохранения фундаментальных и универсальных ценностей свободы и прав человека. Она оказалась вовлечена в борьбу за демократию и религиозную свободу, потому что средний и профессиональный класс стал политически активным из-за страха перед авторитарным коммунистическим правлением материкового Китая и требовал поддержки церкви. Эта роль католической церкви осуществляется не по политическим мотивам, а по религиозным, таким образом делаются попытки защитить основные христианские ценности и права человека. В то же время буддисты и даосы не приняли участие в социальных движениях (хотя среди даосов были и исключения), уже продолжительное время молчаливо соглашаясь с действиями правительства Гонконга.

Ключевые слова: Сянган (СОАР), католицизм, гражданская активность, недоверие поколений, новая идентичность, протесты, демонстрации, религия.

Автор: *Степанова Елена Николаевна*, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН. E-mail: helenstepanova@bk.ru

Stepanova Elena N.

HONG KONG. PROTEST MOTIVE FORCES

Abstract. In the article there is analyzed Hong Kong religious (Catholic) organizations' experience in attracting the potentially protesting part of the population with the aim of social changes achievement. Filling the space in the thoughts, theory and strategy of the participants of the social movements for asserting Hong Kong's right for its own future, the religious organizations herewith managed to become part of the SAR's arising civil society.

The reason for the high civil activity (in this research it is considered since 2013) in Hong Kong is not only in the "generations distrust", but also in the growth of inequality and difficulties in finding employment, in the disbelief in the justice, low belief in the government and elites, in the apprehension about reinforcement of suppression for the part of the Central government and curtailment of the main human rights and freedoms. The appearance of the youth protest movements representing "a new generation of local identity", autonomous and critically minded, is quite natural. It is just that very growth of a strong local identity of a *Hongkonger* which the continental China authorities are so anxious about to the extent of not permitting to introduce universal suffrage in the SAR in order to avoid Hong Kong secession simultaneously to avoid similar things in the contiguous regions of the continental China.

The difference of the protest movements lies in the management and in the "generations conflict": the movement "Occupy Central" in 2013 used to have efficient managing force and organizational structure, when the "Umbrella Revolution" in 2014 was relatively loose, the participants acted proceeding from their own motivation without special leadership. In the second movement there dominated the young people distinguished by ideological persuasion, while the movement itself was more intensive and large-scaled.

Catholic Church actively participates in the social movements, including their participation in the management on a definite stage for the purpose of fundamental and universal values preservation such as human rights and freedom. Catholic Church happened to be involved in the struggle for democracy and religious freedom, as middle and professional class has become politically active because of the fear facing the authoritarian Communist management of the continental China and this class required Church's support. This Catholic Church's role, isn't played due to the political motives, but religious ones, thus there are made efforts to defend the main Christian values and human rights. At the same time Buddhists and Taoists didn't participate in the social movements (though among Taoists there were exceptions) as they have been in quite a long time agreement with the government's activity.

Keywords: Xiang gang (Hong Kong SAR), Catholicism, civil activity, generations' distrust, new identity, protests, demonstrations, religion.

Author: *Stepanova Elena N.*, PhD (in political Sciences), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: helenstepanova@bk.ru

«Всякое царство, разделившее само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделивший сам в себе, не устоит».
Евангелие от Матфея 12:25:

Впервые католические миссионеры прибыли в Сянган по приглашению британского правительства и в течение 150 лет католическая миссия занималась образованием, организовав целую сеть католических школ, помимо обеспечения населения Сянгана другими социальными услугами. Ни одна религиозная организация, включая католическую, при британском правлении в Сянгане никогда не служила форматом для социальных движений, например, против колониализма, хотя такие возможности существовали [1, с. 286]. После возвращения Гонконга Китаю в 1997 г. католический епископ Джозеф Дзэн предложил формат для социальных движений в части защиты христианских ценностей (религиозной свободы и прав человека) [2, с. 246—247].

В последнее десятилетие XX в. католическая церковь, сумев стать частью гражданского общества СОАР, была вовлечена в борьбу за демократию и религиозную свободу, потому что средний и профессиональный класс стал политически активным из-за страха перед авторитарным правлением Пекина и требовалась поддержка церкви.

Одним из первых вопросов, которым занялась католическая церковь после воссоединения Гонконга с КНР в 1997 г., мобилизуя своих приверженцев, составлявших большинство продемократически настроенного населения, был вопрос о защите браков и законного проживания женщин — уроженок материкового Китая (и их детей) в СОАР, поскольку этим женщинам было отказано в праве постоянного проживания на данной территории по причине нагрузки на систему здравоохранения, занятости и жилищную систему. При этом, как отмечал проф. Л.М. Гудошников, еще с 1983 г. по 1997 г. население Сянгана увеличилось на более, чем 80 тыс. человек, пополнившись китайскими гражданами, в основном кадровыми работниками, под предлогом «воссоединения семей» «с целью создания» и «расширения опоры пекинского руководства» в Сянга-

не в «преддверии его перехода под юрисдикцию Китая». Номенклатурные работники и богатые семьи из материкового Китая приобретали документы, разрешающие проживание в Гонконге и обеспечивающие им возможность безвизового перемещения по всему миру. В 2018 г. каждый седьмой житель Гонконга являлся выходцем из материкового Китая (при этом говорящим на путунхуа, а не на кантонском диалекте).

Постоянный приток переселенцев с материка влияет на социально-экономическое положение, углубляет неравенство, прежде всего отражаясь на ценах на жилье, и вызывая недовольство населения, особенно среди 18—25-летних (неравенство возможностей в приобретении жилья в собственность могло быть одной из социально-экономических причин Движения Зонтиков в 2014 г. на фоне требований полной демократизации СОАР и независимости судебной системы).

В целях ускорения процесса интеграции Сянгана с материком проводится усиленное инвестирование в строительный сектор и в китайские фирмы, зарегистрированные в Гонконге, и продвигается проект «Район большого залива», что ускорит экономическое поглощение Гонконга, доля которого в экономике КНР уже снизилась с 27 % в 1997 г. до 3 % в 2018 г.

Вторым стал вопрос о реформе образовательной системы, в которой происходит смещение фокуса с изучения английского языка в пользу местного кантонского диалекта и *путунхуа*. В зарубежных исследованиях подчеркивается, что именно материальное изобилие и свобода (обеспеченные капиталом) и язык определяли различие между *гонконговской и китайской идентичностями* в пользу первой. Хотя впоследствии многие стали понимать значение *путунхуа* для собственного благополучия в ближайшем будущем.

Церковь была не согласна с выдвинутыми правительством целями в системе образования СОАР, состоящими в обогащении моральной, эмоциональной, духовной и культурной жизни учащихся для улучшения материального мира и ведения здорового образа жизни, поскольку католическая образовательная система основывается на превосходстве морали и духовности [1, с. 279—281; 2, с. 247—249; 3, с. 7, 10—11; 4, с. 3—5; 5, с. 963—967,969, 986].

Причиной высокой гражданской активности в Гонконге (в данном исследовании рассматривается с 2013 г.) служит «недоверие поколений». Также причину следует искать в принудительной усиленной экономической интеграции Гонконга с материковым Китаем, растущем социальном разрыве (35 % ВВП Гонконга контролируется десятком самых богатых людей), разногласиях среди правящих элит, миграции материковых китайцев, росте цен на жилье, растущей бедности молодежи и старшего поколения и нежелании властей в Пекине проводить политическую реформу в СОАР. Как следствие возникает пессимизм и происходит радикализация молодежи. Итогом такого положения стали события в Гонконге 2013 г. и 2014 г. (позже в 2019 г.), протесты студентов против «неудовлетворительной политической реформы», за большую степень автономии Гонконга и т. д. Появление молодежных протестных движений «нового поколения местной идентичности», критически настроенной и независимой (китайской культурной) идентичности, неконтролируемой правительством, оказалось закономерным процессом, развивающимся на фоне пропаганды конфуцианства, подходящего для современного авторитарного сплоченного государства и его экономического развития, при снижении влияния прокитайских партий.

Что касается движущих сил протестных движений в Гонконге «*Захвати «Централ» любовью и миром*» в январе 2013 г. и «*Революции Зонтиков*» в конце октября 2014 г., то в первом было заметно присутствие христиан во главе движения — христианского профессора права Бэнни Тай Ю-тина, профессора социологии Чань Кинь-маня (возможно, лютеранина)[1] и бывшего пастора баптистской церкви Чу Юймина[2], а во втором теологи были наблюдателями и участниками [7].

В *«Революции Зонтиков»* сами зонтики служили инструментом защиты протестующей молодежи, студентов из Студенческой федерации Гонконга и учащихся старших классов из организации

[1] По инициативе Чань Кинь-маня в название движения «Захвати «Централ»» были добавлены слова «любовью и миром».

[2] Чу Юймин — бывший пастор Баптистской церкви, долгое время участвовавший в социальных движениях, помогал участникам демократического движения 1989 г., спасаясь от преследования, уехать через Гонконг в другие страны мира.

Scholarism[1] (ученость) от распыляемых полицией перцового и слезоточивого газов, дубинок полицейских (что тогда могло защитить демонстрантов от резиновых пуль?). При этом важно отметить тот факт, что западные СМИ заменили первоначальное название *«Революция Зонтиков»* на *«Движение Зонтиков»*, с чем протестующие Гонконга согласились, опасаясь, что правительство Пекина неправильно интерпретирует термин, приняв протестные выступления за цветные революции, имевшие место в начале 2000-х годов в ряде стран с целью свержения правительств. Тогда как *«Движение Зонтиков»* было движением за политическую реформу, особенно по вопросу легитимности действий центрального правительства по отношению к Гонконгу. *«Движение Зонтиков»* впервые продемонстрировало относительно сильную политическую сознательность, при этом правительство Гонконга намеренно интерпретировало движение как один из видов социальных движений, причины которого можно устранить посредством решения специальных политических вопросов. На самом деле этому движению удалось, как об этом пишут исследователи, изменить идеологический ландшафт Гонконга [8].

Отличие движений 2013 и 2014 гг. заключалось в руководстве и «в конфликте поколений»: первое имело четкую руководящую силу и организационную структуру (кардинал Дзэн был заметной и важной для студенчества фигурой движения), второе было относительно свободным, участники действовали, исходя из собственной мотивации без обнаружения специального лидерства. «Движение Зонтиков», в котором в основном доминировали молодые люди, отличающиеся идейной преданностью и убежденностью, было более интенсивным и широкомасштабным по сравнению с движением «Захвати «Централ»». Участники обоих движений разделяли одни и те же ценности ненасилия и справедливости, требовали всеобщего избирательного права (так, лидер студентов Джошуа Вон[2] требовал всеоб-

[1] *Scholarism* — одна из групп активистов-локалистов (остается открытым вопрос, можно ли считать локалистов «третьей силой» в Гонконге, которая не отличается сплоченностью), из которого выросло такая студенческая организация как Demosisto, продвигающая право Гонконга на самоопределение и склоняющаяся к традиционному про-демократическому лагерю [6, p. 24—25].

[2] Джошуа Вон (Joshua Wong Chi-fung) родился в семье христиан, спикер организации *Scholarism*, открыто признает важность веры для своего политического участия.

щего избирательного права, поскольку полагал, что «каждого любит Иисус») на выборах главы САР в 2017 г., что было прописано китайскими властями в Основном Законе, но не было одобрено резолюцией ПК ВСНП от 31 августа 2014 г., в результате чего гражданам САР предстоял «выбор без выбора». Инициатива движения *«Захвати «Централ»»* по выборам главы автономии предполагала право граждан Гонконга номинировать на этот пост кандидатов, набравших большинство голосов.

Для российских исследователей социальной активности может представлять интерес социально-политическое и теологическое (философское) значение социальных движений в Гонконге 2013 и 2014 гг. и способ участия в них христиан (степень значимости христианской идентичности для самих христиан в их поисках местной и национальной идентичности в Гонконге), степень вовлеченности церквей, общественное восприятие роли христианства, равно как и сам подход к рассмотрению социальной активности под углом зрения хаоса и порядка (приводит ли существующий в Гонконге порядок к справедливости или сохранению статус-кво), примирения и напряжения (при этом речь идет о примирении, имеющем структурные и культурные величины, в реализации такого примирения напряжение и конфронтация неизбежны), а также вопросы политической тождественности упомянутых социальных движений. При этом, по мнению самих теологов, будущее развитие движений заключается не в конечном политическом успехе или поражении, а в законности поставленных вопросов (противоречивых и чувствительных) о политической идентичности в период движений и их актуальности в дальнейшем [7]. Именно роста сильной местной идентичности *гонконговца*, особенно среди молодежи, так опасаются власти в материковом Китае, не позволяя ввести всеобщее избирательное право на территории САР, поскольку процесс может привести к сепаратизму в Гонконге, а заодно и в прилегающих районах материкового Китая, изменить ситуацию в отношении Тайваня.

Следует отметить, что представители духовенства некоторых других конфессий — буддизма и даосизма, не приняли участие в этих движениях (хотя среди даосов были исключения), продолжительное время молчаливо соглашаясь с действиями правительства

Гонконга. Точнее сказать, Церковь Гонконга разделилась на тех, кто поддерживал правительство, и тех, кто искал демократии [7]. При этом протестующие для охраны своих баррикад возводили часовни традиционно почитаемых божеств: Иисуса, Будды, божества войны, справедливости и власти Гуань-гуна, особо почитаемого полицейскими, а в новых обстоятельствах служившего символом справедливости уже для протестующих (вероятно, как когда-то «Богиня Демократии», установленная протестующими студентами на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., символизировала «основные ценности и убеждения» протестного движения) [9].

Что касается вопроса о всеобщем избирательном праве в Гонконге в соответствии с международными стандартами (как предполагалось в статье 45 Основного Закона Гонконга), ключевой темы движения *«Захватить Централ»*, то с самого начала в его поддержку открыто высказывалась методистская церковь. В *«Движении Зонтиков»* отмечалась активность большего количества церквей, но не все из них выступили против чрезмерного использования силы властями, некоторые настаивали на диалоге правительства с протестующими для прекращения противостояния, выступали (по религиозным убеждениям) против любой незаконной деятельности, другие же приходили к выводу о том, что следует искать прагматичного диалога с правительствами Гонконга и Пекина и т. д.

В 2019 г. на стороне протестных сил Гонконга выступили наиболее авторитетные католические священнослужители: кардинал в отставке Джозеф Дзэн, помощник епископа Джозеф Ха Чи-шин, пользующийся особенным авторитетом среди последователей[1] и действующий по принципу «пастору следует не только оставаться с паствой, но и следует направлять ее», председатель Христианской Ассоциации Гонконга пастор Су Чэн-и и другие.

Католическая церковь поддержала требование протестующих отозвать Закон об экстрадиции, по поводу которого и начались про-

[1] В 2019 г. на 7 млн жителей Гонконга приходится 600 тыс. католиков, среди которых много известных городских лидеров, посещающих службы регулярно: действующая глава САР — Кэри Лам (Carrie Lam) и бывший глава (2005—2012) Дональд Цан (Donald Tsang).

тесты, сдерживать стороны конфликта во избежание провокаций и начать диалог правительства с представителями общественности. В результате было выполнено только первое требование, между людьми с различными политическими взглядами остались противоречия и враждебность, в связи с чем Церковь обратилась к пастве с призывом пережить испытания и трудности, прийти к внутреннему спокойствию и долгосрочному миру. Также Церковь выступила за проведение независимого расследования, поскольку знание правды приведет к реальному примирению сторон, и призывала студентов различных университетов позаботиться о собственной безопасности, вместе с продемократически настроенными законодателями обращалась к командованию полиции Гонконга во время осады Политехнического университета, надеясь на выход из политического кризиса мирным путем.

В январе 2020 г., как представляется, с целью вывода Гонконга из состояния хаоса и установления порядка, Пекин назначил опытного администратора Ло Хуэйнина своим представителем в Гонконге (Hong Kong Liaison Office Director), однако, тем временем многие жители Гонконга, не дожидаясь «лучшего будущего» в СОАР, предпочитают эмигрировать [9].

Каждый институт в современном государстве выполняет свою функцию, служа нуждам своих граждан, которые живут (иногда вынуждено) в определенной политической системе, одновременно принадлежа Церкви, которая помогает гражданину жить духовной жизнью в соответствии с моральными ценностями. Католическая церковь Гонконга продолжает свою работу, обеспечивая население различными образовательными, социальными, медицинскими услугами, в том числе для достижения, насколько это возможно, социальной стабильности и взаимопонимания с властями, стимулируя возрождение церкви и рост численности последователей, определяя рамки политического участия и социальных движений, не будучи прямо вовлеченной в движения, несмотря на видимое присутствие пасторов среди протестующих. Эта роль католической церкви осуществляется не по политическим мотивам, а по религиозным, чтобы таким образом попытаться защитить основные христианские ценности и права человека [1, с. 286; 2, с. 256—257].

Библиографический список

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т./ гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. 10: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора/ отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова. 2014. 764 с.

2. Social Movements in China and Hong Kong. The expansion of protest space (Beatrice Leung. The Hong Kong Catholic Church: a framing role in social movement) [Общественные движения в Китае и Гонконге. Расширение пространства протеста (Беатрис Леунг. Гонконгская католическая церковь: определяющая роль в общественном движении)]. Под ред. Khun Eng Kuah-Pearce and Gilles Guineux. Амсердам: Amsterdam University Press (Изд-во голландского университета). ICAS. Publications series. Edited Volume 9.2009. 316 с.

3. *Gordon Mathews*. Hèunggóngyàhn: On the Past, Present and Future of Hong Kong identity [Hèunggóngyàhn: о прошлом, настоящем и будущем идентичности Гонконга] // Bulletin of Concerned Asian Scholars 1968—2000. Vol. 29. № 3. July-Sept, 1997. 3—13 с.

4. *Jean-Pierre Cabestan, Eric Florence*. Twenty years after the Handover: Hong Kong's political and social transformation and its future under China's rule [От редакции. Двадцать лет после передачи: политическая и социальная трансформация Гонконга и его будущее под властью Китая] // China Perspectives. 2018. № 3. 3—7 с.

5. *Matthew Harrison*. Does Hong Kong have a future? [Есть ли у Гонконга будущее?] // Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: an International Journal [Современная китайская политическая экономия и стратегические отношения: международный журнал].Vol. 5, № 3, Dec. 2019. 963—992 с.

6. *Samson Yuen, Sanho Chung*. Explaining localism in Post-handover Hong Kong [Объясняя локализм в Гонконге после передачи Китаю] // China Perspectives (Перспективы Китая). 2018. № 3. 19—29 с.

7. The Umbrella Movement and Theology. A special symposium [Движение зонтиков и богословие. Специальный симпозиум]. Под ред. Justin K.H. Tse and Jonathan Y. Tan. Theological reflections on Hong Kong Umbrella movement [Богословские размышления о гонконгском движении Umbrella] // New York Asia Christianity in the Diaspora, 2016. URL: https://syndicate.network/symposia/theology/the-umbrella-movement-and-theology/ (дата обращения: 20.04.2020).

8. *Michael Sainsbury*. Top Catholic leaders in Hong Kong have backed street protesters [Высшие католические лидеры в Гонконге поддержали уличных протестующих]. Dec 4, 2019. URL: https://www.ncronline.org/news/world/top-catholic-leaders-hong-kong-have-backed-street-protesters (дата обращения: 15.04.2020).

9. Taipei Times. HK protesters erect statue on mountain [Тайбэй Таймс. Гонконгские протестующие возводят статую на горе]. URL: http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2019/10/14/2003723890/2 (дата обращения: 14.10.2019).

References

1. Istoriya Kitaya s drevneyshih vremen do nachala XXI veka [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century]: v 10 t./ gl. red. akad. S.L. Tihvinskiy; In-t Dal'nego Vostoka RAN. — M.: Nauka, 2013. T. X: Taiwan, Xianggang (Hongkong), Aomen (Macao), zarubezhnaya kitayskaya diaspora [Taiwan, Xianggang (Hongkong), Aomen (Macao), the foreign Chinese Diaspora] / Edited by: L.M. Gudoshnikov, G.A. Stepanova. 2014. 764 p.

2. Social Movements in China and Hong Kong. The expansion of protest space (Beatrice Leung. The Hong Kong Catholic Church: a framing role in social movement). Edited by Khun Eng Kuah-Pearce and Gilles Guineux. Amsterdam University Press. ICAS. Publications series. Edited Volume 9.2009. 316 p.

3. *Gordon Mathews*. Hèunggóngyàhn: On the Past, Present and Future of Hong Kong identity // Bulletin of Concerned Asian Scholars 1968—2000. Vol. 29. № 3. July-Sept, 1997. 3—13 p.

4. *Jean-Pierre Cabestan, Eric Florence*. Twenty years after the Handover: Hong Kong's political and social transformation and its future under China's rule // China Perspectives. 2018. № 3. 3—7 p.

5. *Matthew Harrison*. Does Hong Kong have a future? // Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: an International Journal. Vol. 5. № 3. Dec. 2019. 963—992 p.

6. Samson Yuen, Sanho Chung. Explaining localism in Post-handover Hong Kong // China Perspectives. 2018. № 3. 19—29 p.

7. The Umbrella Movement and Theology. A special symposium. Edited by Justin K.H. Tse and Jonathan Y. Tan. Theological reflections on Hong Kong Umbrella movement // New York Asia Christianity in the Diaspora, 2016. URL: https://syndicate.network/symposia/theology/the-umbrella-movement-and-theology/ (date of access: 20.04.2020).

8. Michael Sainsbury. Top Catholic leaders in Hong Kong have backed street protesters. Dec 4, 2019. URL: https://www.ncronline.org/news/world/top-catholic-leaders-hong- kong-have-backed-street-protesters (date of access: 15.04.2020).

9. Taipei Times. HK protesters erect statue on mountain. URL: http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2019/10/14/2003723890/2 (date of access: 14.10.2019).

Т.Л. Гурулева

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОГРАММЫ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ И ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДО 2022 ГОДА[1]

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов выполнения в Китае «Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг.» и изучению задач развития образования на ближайшую перспективу до 2022 г. Данное исследование является актуальным и востребованным в связи с реализацией Китаем долгосрочной стратегии превращения страны к 2035 г. в мировую образовательную державу (*цзяоюй цянго)*.

Анализ достижения количественных индикаторов Программы показал, что Китай практически достиг всех запланированных показателей. В области дошкольного образования Китай смог за неполные 10 лет повысить валовой коэффициент охвата трехлетним дошкольным образованием до 81,7 % (2018 г.), что превысило запланированный в Программе коэффициент, составляющий 70 %. Превышение планового показателя произошло и по валовому коэффициенту охвата высшим образованием, который уже в 2018 г. составил 48,1 %, превысив запланированный показатель (40 %) более,

[1] Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Политические и социокультурные процессы в современном Китае» (0194-2014-0066).

The article was written as part of the research work on the topic “Political and sociocultural processes in modern China” (0194-2014-0066)

чем на 8 %. По коэффициенту прочности обязательного девятилетнего образования и по валовому коэффициенту охвата старшей ступенью средней школы Китай продемонстрировал плановый рост показателей, составивших в 2018 г. 94,2 % и 88,8 % соответственно, что почти достигает обозначенных Программой коэффициентов в 95 % и 90 %. Среди основных количественных индикаторов Программы невыполненными оказались два показателя: количество получающих среднее и высшее профессиональное образование, что на фоне роста показателей общего образования может быть объяснено оттоком обучающихся из сферы профессионального образования в сферу общего образования, а самими китайцами интерпретируется как смена парадигмы профессионального образования.

В планах до 2022 г. Китай в основном ставит задачи повышения качества нравственного и идейно-политического воспитания обучающихся, качества всех видов образования: общего базового, профессионального и высшего, качества учительского и преподавательского состава, качества регионального и международного образования.

Ключевые слова: Китай, реформа образования в Китае, система образования КНР, модернизация образования в КНР, мировая образовательная держава.

Автор: *Гурулева Татьяна Леонидовна*, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, http://orcid.org/0000-0003-0253-0075;

E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Guruleva Tatiana L.

RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE EDUCATION REFORM PROGRAM IN CHINA AND OBJECTIVES OF EDUCATION DEVELOPMENT TILL 2022

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of the implementation in China of the "Outline of the National Medium and Long-term Education Reform and Development Plan 2010—2020" and studying the tasks of developing education in the near future until 2020. This study is relevant and in demand in connection with the implementation by China of a long-term strategy of transforming the country by 2035 into a world educational power.

An analysis of the achievement of quantitative indicators of the Program showed that China has practically reached all the planned indica-

tors. In the field of preschool education, China was able in less than 10 years to increase the gross enrollment rate for three-year preschool education to 81.7 % (2018), which exceeded the programmed coefficient of 70 %. Exceeding the target indicator also occurred in terms of the gross enrollment ratio of higher education, which was already in 2018 amounted to 48.1 %, exceeding the planned figure (40 %) by more than 8 %. In terms of the strength coefficient of compulsory nine-year education and the gross enrollment ratio of senior secondary school students, China showed a planned increase in indicators, which amounted to 94.2 % and 88.8 % in 2018, respectively, which almost reaches the coefficients indicated by the Program (95 % and 90 %). Among the main quantitative indicators of the Program, two indicators turned out to be unfulfilled: the number of students receiving secondary and higher professional education, which against the background of an increase in general education indicators can be explained by the outflow of students from vocational education to general education, and the Chinese analytics interpret it as a paradigm shift in vocational education.

In the plans until 2022, China basically sets the task of improving the quality of moral, ideological and political education of students, the quality of all types of education: general basic, professional and higher, the quality of teachers, the quality of regional and international education.

Keywords: China; educational reform in China; educational system of the PRC; modernization of education in China; pre-school, primary, secondary, higher education in China; world educational power.

Author: *Guruleva Tatiana L.*, Doctor of Sciences (Education), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies RAS, http://orcid.org/0000-0003-0253-0075;

E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Нынешний 2020 г. — год окончания в КНР срока выполнения «Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг.» [4]. За десятилетний период выполнения Программы Китай добился серьезных успехов в развитии образования.

Анализ количественных индикаторов реализации Программы показал следующие результаты в достижении поставленных задач.

По показателям дошкольного образования Китай намеревался за 10 лет повысить валовой коэффициент охвата трехлетним образо-

ванием с 50,9 % (2009 г.) до 70 % (2020 г.) [4]. В процессе выполнения Программы этот показатель уже в 2018—2019 учебном году достиг 81,7 %, причем доля охвата общедоступными (инклюзивными 普惠性幼儿园) детскими садами составила 73,1 % [1]. Общедоступный детский сад — достаточно новое понятие в китайской системе образования, к этому разряду может быть отнесен любой из трех видов детских садов Китая: 1) общественных (государственных); 2) коллективных или ведомственных (государственных); 3) частных в случае, если он предоставляет общедоступные услуги дошкольного образования. Очевидно, что общедоступные услуги предоставляются в большей степени государственными детскими садами.

Для обязательного девятилетнего образования в Китае подсчитывается не валовой коэффициент охвата населения (поскольку 100 % охват населения гарантирован законодательно), а коэффициент прочности, представляющий собой соотношение количества учащихся, поступивших в школу, и количества выпускников 9-го класса. Данный параметр за 10 лет планировалось увеличить с 90,8 % (2009 г.) до 95 % (2020 г.). В 2018—2019 учебном году этот коэффициент составил 94,2 % [11]. Вне всякого сомнения, введение обязательного девятилетнего образования является одним из самых значимых достижений Китая, учитывая тот факт, что в первые годы образования КНР доля учащихся, поступающих в начальную школу, составляла всего 20 %, а коэффициент неграмотного населения — 80 % [11].

По показателю «валовой коэффициент охвата старшей ступенью средней школы» Китай ставил задачи достижения 90 % порога в 2020 г. по сравнению 2009 г., когда этот коэффициент составлял 79,2 % [4]. В 2018—2019 учебном году данный коэффициент составил 88,8 % [3]. Он включает как старшую ступень средней общеобразовательной школы (10—12 классы), так и старшую ступень средней профессиональной школы.

Согласно «Государственной программе среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг.» количество получающих среднее профессиональное образование за 10 лет предполагалось повысить с 21 млн 790 тыс. человек (2009 г.) до 23 млн 500 тыс. человек (2020 г.) [4]. Однако в 2018—2019 учебном

году эта цифра составила всего 15 млн 518 тыс. 400 человек. Доля получающих среднее профессиональное образование старшей ступени составила 39,47 % от всех обучающихся старшей ступени средней школы [8]. Количество получающих высшее профессиональное образование планировалось увеличить с 12 млн 800 тыс. человек (2009 г.) до 14 млн 800 тыс. человек (2020 г.) [4]. В 2018—2019 учебном году эта цифра составила 11 млн 337 тыс. человек. Доля обучающихся в профессиональной высшей школе составила 40.05 % от всех учащихся высшей школы [8].

Валовой коэффициент охвата высшим образованием за десятилетие реализации Программы планировалось увеличить с 24,2 % (2009 г.) до 40 % (2020 г.) [4]. Однако уже в 2018—2019 учебном году данный коэффициент составил 48,1 %. Таким образом, с 2009 по 2018 гг. темпы роста коэффициента составили 23,9 %, т. е. увеличение произошло почти в 2 раза, а за весь период с момента образования КНР данный коэффициент вырос в 185 раз (с 0,26 %) [11].

Данные изменения количественных показателей за период реализации «Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг.» представлены в табл. 1.

Самый высокий рост произошел по показателям «валовой коэффициент охвата трехлетним дошкольным образованием» и «валовой коэффициент охвата высшим образованием». В 2009 г. они имели очень низкие значения, поэтому потенциально обладали высокой возможностью их повышения. Кроме того, указанные значения 2018—2019 учебного года вряд ли останутся на прежнем месте по итогам 2020 г. Что касается валового коэффициента охвата трехлетним дошкольным образованием, то его в 2020 г. планируется довести до 85 % (доля общедоступных детских садов составит в нем 80 %) [1]. В отношении роста валового коэффициента охвата высшим образованием аналитики предсказывают рост до 50 %. Коэффициент прочности обязательного девятилетнего образования и валовой коэффициент охвата старшей ступенью средней школы показали рост в соответствие с плановыми значениями. Очевидно, что в 2020 г. указанные показатели будут достигнуты, либо превышены на десятые доли процента. Неожиданное падение значений обнаружи-

Таблица 1. **Динамика основных количественных показателей реформы образования КНР 2009—2020 гг.**

№	Показатель	2009 г.	2018—2019 уч. г.	План на 2020 г.
1	Валовой коэффициент охвата трехлетним дошкольным образованием	50,9 %	81,7 % [1]	70 %
2	Коэффициент прочности обязательного девятилетнего образования	90,8 %	94,2 % [11]	95 %
3	Валовой коэффициент охвата старшей ступенью средней школы	79,2 %	88,8 % [3]	90 %
4	Количество получающих среднее профессиональное образование	21 млн 790 тыс. человек	15 млн 518 тыс. 400 человек [8]	23 млн 500 тыс. человек
5	Количество получающих высшее профессиональное образование	12 млн 800 тыс. человек	11 млн 337 тыс. человек [8]	14 млн 800 тыс. человек
6	Валовой коэффициент охвата высшим образованием	24,2 %	48,1 % [11]	40 %

лось по количеству получающих среднее и высшее профессиональное образование. Недостижение показателей высшего профессионального образования частично можно объяснить оттоком студентов в учреждения общего высшего образования, поскольку общий рост валового коэффициента охвата высшим образованием составил 23,9 %. Значительное снижение количества получающих среднее профессиональное образование в 2018—2019 гг. по сравнению с 2009 г. также частично можно объяснить оттоком учащихся в общеобразовательную школу старшей ступени (общий рост валового коэффициента охвата старшей ступенью средней школы составил 9,6 %). Китайские исследователи объясняют эту тенденцию изменением самой парадигмы профессионального образования, которая теперь сформулирована как «*от «количественного развития» к «качественному скачку»*» [8].

Что касается качественных характеристик развития образования, то на XIX съезде КПК было заявлено, что основой великого

возрождения китайской нации является превращение Китая в *мировую образовательную державу цзяоюй цянго* [10]. В связи с этим основными формулами качественного скачка были обозначены следующие: «*от «наличия школ для учебы» к «обучению в хороших школах»*, и *от «расширения» к «силе»*». Несмотря на то, что с момента обнародования этой стратегии развития образования прошло чуть более двух лет, аналитики уже говорят о постепенном переходе к образованию нового качества.

За два года до окончания реализации «Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг.» Госсоветом был принят «План ускорения модернизации образования (2018—2022 гг.)», в котором были обозначены ближайшие цели модернизации образования, заключающиеся в усилении роли образования в выполнении планов развития экономики государства и улучшения благосостояния народа, в достижении целей в области образования, способствующих завершению построения «среднезажиточного общества», в создании прочной основы осуществления модернизации образования к 2035 г. [12].

В Плане были сформулированы десять задач модернизации:

1. Реализация Проекта воспитания высокоморальных людей новой эпохи, который заключается в продвижении в процессе образования идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой нового времени, в усилении эффективности нравственного воспитания в младшей и средней школе, в повышении качества идейно-политической работы в высших учебных заведениях.

2. Повышение прочности базового образования. Выполнение данной задачи подразумевает достижение по всей стране равномерного развития обязательного девятилетнего образования, распространение качественного общедоступного дошкольного образования, прорыв в популяризации обучения в средней школе старшей ступени и др.

3. Углубление интеграции профессионального образования и производственного обучения. Речь идет о создании новой системы подготовки промышленных кадров, совершенствовании существующей системы профессионального образования.

4. Интенсивное развитие высшего образования, которое подразумевает реализацию целого ряда проектов, таких как Проект создания университетов мирового уровня и первоклассных дисциплин (Проект «*шуан и лю*», т. е. Проект «два первоклассных»); План 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся», объединяющий шесть планов обучения и подготовки превосходных специалистов в разных областях: инженеров, врачей, специалистов в области лесоводства и земледелия, учителей и преподавателей, юристов, специалистов новостного вещания и один план подготовки выдающихся студентов в области фундаментальной науки; План реформы обучения инновационным стартапам; План помощи выпускникам вузов в трудоустройстве и создании бизнеса. Данная задача также включает повышение уровня послевузовского образования, реализацию Плана повышения уровня фундаментальных исследований в высших учебных заведениях, создание ведущих научных центров, поддержку вузов в создании крупных научно-технических фундаментальных объектов и др.

5. Укрепление отряда педагогических работников, включающее усиление нравственного воспитания учителей и преподавателей, повышение качества их образования, углубление реформы системы управления учителями и преподавателями и др.

6. Активное развитие информатизации образования, подразумевающее создание новых моделей образования, предоставления образовательных услуг и управления образованием, базирующихся на информационных технологиях.

7. Реализация плана развития образования в центральных и западных частях Китая, включающая победу над бедностью в этих районах, гарантию обязательного девятилетнего образования, реализацию политики по снижению уровня бедности в образовании и повышение уровня основных государственных образовательных услуг в бедных районах.

8. Содействие региональным инновационным экспериментам в процессе модернизации образования, заключающееся в разработке новых моделей реформирования и развития регионального образования в новую эпоху.

9. Разработка образовательных мероприятий в рамках проекта «Один пояс, один путь», направленных на подготовку специалистов

для осуществления международного образовательного сотрудничества; совершенствование политики возвращения на родину китайских студентов, обучающихся за рубежом, содействие их трудоустройству и созданию бизнеса; повышение качества обучения в организованных с иностранными партнерами совместных университетах и на совместных образовательных программах; совершенствование механизма въезда и выезда из Китая иностранных студентов. Данный пункт имеет взаимосвязь с предыдущим, поскольку региональное образование Китая во многом развивается за счет международного сотрудничества регионов [9], [6], [7], и этот опыт подвергается исследователями тщательному анализу [2], [5].

10. Углубление комплексной реформы образования в ключевых областях: ускорение темпов реформы в ключевых сферах и ключевых звеньях образования, обеспечение системной поддержки ускорения модернизации образования.

Можно заключить, что в процессе выполнения «Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг.» Китай добился повышения всех запланированных показателей до установленного уровня, за исключением количества обучающихся в системе среднего и высшего профессионального образования, что в контексте повышения валовых коэффициентов охвата образованием старшей ступени средней школы и высшим образованием может быть интерпретировано не как провал развития профессионального образования, а как смещение образовательной парадигмы его развития с количественных показателей в сторону качественных. В ближайших и долгосрочных перспективах развития образования повышение его качества выходит на первый план. Так, в «Плане ускорения модернизации образования (2018—2022 гг.)» ставятся задачи повышения качества нравственного и идейно-политического воспитания обучающихся, качества всех видов образования: общего базового, профессионального и высшего, качества учительского и преподавательского состава, качества регионального и международного образования. Выполнение к 2022 г. указанных качественных показателей создаст прочную основу для реализации мероприятий модернизации образования Китая до 2035 г.

Библиографический список

1. 2019 нянь Чжунго сюэцянь цзяоюй няньду баогао: [Годовой отчет по дошкольному образованию в Китае за 2019 г.]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202002/t20200203_417501.html (дата обращения: 15.02.2020).

2. *Ван Ли, Баранова И.И.* Совместные образовательные программы китайских университетов и российских вузов: состояние, тенденции и перспективы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 134—141.

3. Во го гаочжун цзедуань маожусюэлюй да 88,8 %: [Валовый коэффициент охвата старшей ступенью средней школы в нашей стране достиг 88,8 %]. URL: http://www.sohu.com/a/298078362_372476 (дата обращения: 15.02.2020).

4. Гоцзя чжун чан ци цзяоюй гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганяо 2010—2020 нянь: [Государственная программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг.]. URL: http://www.china.com.cn/policy/txt/2010-03/01/content_19492625.htm (дата обращения: 15.02.2020).

5. *Гурулева Т.Л.* Технологии социокультурной интеграции иностранных студентов: опыт российско-китайского образовательного сотрудничества // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 148—153.

6. *Гурулева Т.Л.* Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования): автореф. дис. ... д-р пед. наук: 13.00.01. Улан-Удэ, 2011. 47 с.

7. *Гурулева Т.Л.* Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Улан-Удэ, 2011. 451 с.

8. *Пань Маоюань.* 70 нянь, чжи'е цзяоюй цун «лян дэ фачжань» дао «чжи дэ фэйюэ»: [За 70 лет профессиональное образование прошло путь от «количественного развития» к «качественному скачку»]. URL: http://www.sohu.com/a/345607299_497872 (дата обращения: 15.02.2020).

9. *Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л.* Формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири, Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 6. С. 85—92.

10. *Си Цзиньпин.* Цзай Чжунго гунчаньдан ди ши дзю цы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао: [Доклад на 19-ом Всекитайском съезде КПК]. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html (дата обращения: 26.01.2020).

11. Цзю нянь и'у цзяоюй гунгулюй да 94,2 %: [Коэффициент прочности обязательного девятилетнего образования достиг 94,2 %]. URL: http://edu.sina.com.cn/zxx/2019-09-12/doc-iicezueu5188675.shtml (дата обращения: 15.02.2020).

12. Цзякуай туйцзинь цзяоюй сяньдайхуа шиши фан'ань (2018—2020): [План ускорения модернизации образования (2018—2022 гг.)]. URL: http://djw.swsm.edu.cn/info/1041/1341.htm (дата обращения: 15.02.2020).

References

1. 2019 China Preschool Education Annual Report (In Chin.). Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202002/t20200203_417501.html (accessed 15 February 2020).

2. *Van Li, Baranova I.I.* Sovmestnye obrazovatel'nye programmy kitajskih universitetov i rossijskih vuzov: sostojanie, tendencii i perspektivy [Joint educational programs of Chinese universities and Russian universities: status, trends and prospects]. Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki — Scientific and Technical Journal of St. Petersburg State Pedagogical University. Humanities and social sciences, 2017, vol. 8, no 1, pp. 134—141.

3. The gross enrollment rate of high school in China reached 88.8 % (In Chin.). Available at: http://www.sohu.com/a/298078362_372476 (accessed 15 February 2020).

4. The state program for the reform and development of education for the medium and long term periods of 2010—2020 (In Chin.). Available at: http://www.china.com.cn/policy/txt/2010-03/01/content_19492625.htm (accessed 15 February 2020).

5. *Guruleva T.L.* Tehnologii sociokul'turnoj integracii inostrannyh studentov: opyt rossijsko-kitajskogo obrazovatel'nogo sotrudnichestva [Technologies of socio-cultural integration of foreign students: experience of Russian-Chinese educational cooperation]. Vysshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia, 2016, no 10, pp. 148—153.

6. *Guruleva T.L.* Formirovanie lichnosti novoevraziiskogo tipa v sisteme vysshego iazykovogo vostokovedcheskogo obrazovaniia (na materiale kitaevedcheskogo obrazovaniia) Avtoref. diss. dokt. ped. nauk [The formation of a personality of the New Eurasian type in the system of higher linguistic oriental education (based on the material of Sinology education). Dr. ped. sci. abstract diss.]. Ulan-Ude, 2011. 47 p.

7. *Guruleva T.L.* Formirovanie lichnosti novoevraziiskogo tipa v sisteme vysshego iazykovogo vostokovedcheskogo obrazovaniia (na materiale kitaevedcheskogo obrazovaniia) Diss. dokt. ped. nauk [The formation of a personality of the New Eurasian type in the system of higher linguistic oriental education (based on the material of Sinology education). Dr. ped. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2011. 451 p.

8. *Pan Maoyuan.* Professional education has gone from a “quantitative development” to a “qualitative leap” over 70 years (In Chin.). Available at: http://www.sohu.com/a/345607299_497872 (accessed 15 February 2020).

9. *Reznik Iu.N., Guruleva T.L.* Formirovanie mezhdunarodnogo polikulturnogo obrazovatelnogo regiona Sibiri, Dalnego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnykh provintsii Kitaia [Formation of the international multicultural educational region of Siberia, the Far East of Russia and the Northeast Provinces of China]. Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chita State University, 2009, no 6, pp. 85—92.

10. *Xi Jinping.* Report at the 19th National Congress of the Communist Party of China (In Chin.). Available at: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html (accessed 15 February 2020).

11. Nine-year compulsory education consolidation rate reached 94.2 % (In Chin.). Available at: http://edu.sina.com.cn/zxx/2019-09-12/doc-iicezueu5188675.shtml (accessed 15 February 2020).

12. Plan to accelerate the modernization of education (2018—2022) (In Chin.). Available at: http://djw.swsm.edu.cn/info/1041/1341.htm (accessed 15 February 2020).

М.А. Гулева

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КНР КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ СРЕДНЕЗАЖИТОЧНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В 2020 г. Китай будет подводить итоги 13-й пятилетки (2016—2020 годы), в рамках которой страна планирует построить «среднезажиточное общество». Руководители КНР выдвинули концепцию «китайской мечты», которая отражает идеалы и устремления всех поколений китайцев к великому возрождению китайской нации. Понятие «китайской мечты» означает, что люди смогут получать лучшее образование, иметь более стабильную работу и более высокую зарплату, а социальные гарантии станут более надежными. Среди важнейших приоритетов развития страны властями отмечалась необходимость развития образовательной системы и превращение Китая в одну из лидирующих держав в этой области.

Основными направлениями работы в XXI в. были обозначены такие цели, как: обеспечение равномерного развития базового образования во всех регионах страны, расширение охвата обязательным девятилетним и высшим образованием, в последние годы также стало актуально стимулирование процесса информатизации обучения.

С начала 2000-х годов Китаю удалось значительно сфокусироваться на развитии системы образования и постепенно начать решать накопившиеся за годы реформ и открытости проблемы. Проводились активные реформы учебных программ, осуществлялась подготовка преподавательского состава, строительство новых школ

и вузов. Показатель охвата обязательным 9-летним обучением вырос и достиг уже почти 95 %, все больше молодых людей имеют возможность получать высшее образование.

В последние несколько лет в стране быстрыми темпами стало развиваться онлайн-обучение в самых различных форматах, поэтому к моменту разгара эпидемии коронавируса в январе-феврале 2020 г. власти смогли оперативно и централизовано предоставить школьникам и студентам возможность продолжать учебу дистанционно.

Властям страны безусловно удалось достичь немалых успехов в деле образования самого многочисленного населения в мире, однако предстоит пройти еще немалый путь для дальнейшего развития данной отрасли, в том числе разрешить проблемы неравномерного финансирования регионов, увеличить объем вложений в образование, а также провести еще немало реформ в образовательном процессе.

Ключевые слова: КНР, образование, реформы, 13-я пятилетка, новые тенденции, онлайн обучение, гаокао, эпидемия коронавируса, финансирование обучения, нагрузка школьников.

Автор: *Гулева Мария Александровна*, кандидат экономических наук, доцент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-9226-6011. E-mail: guleva.m@gmail.com

Guleva Maria A.

PRC EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT AS AN INSTRUMENT FOR BUILDING A MODERATELY PROSPEROUS SOCIETY

Abstract. In 2020, China will take stock of the 13th Five-Year Plan (2016—2020), within which the country plans to build a "Moderately prosperous society". The leaders of the PRC put forward the concept of the "Chinese dream", which reflects the ideals and aspirations of all generations of Chinese people about the great revival of the Chinese nation. The concept of the "Chinese dream" means that people will be able to get a better education, have a more stable job and a higher salary, and social guarantees will become more reliable. Among the most important priorities for the development of the country, the authorities noted the need for the development of the educational system and the transformation of China into one of the leading powers in this area.

The main goals in the beginning of the 21st century were identified as: ensuring the uniform development of basic education in all regions of the country, expanding the coverage of compulsory nine-year and higher education, in recent years, it has also become relevant to stimulate the process of informatization of education.

Since the early 2000s China has managed to significantly focus on the development of the education system and gradually begin to solve the problems that have accumulated over the years of reform and openness. Active reforms of the curriculum, the training of teaching staff, the construction of new schools and universities were carried out. The 9-year compulsory school enrollment rate has grown and has reached almost 95 %, more and more young people have the opportunity to receive higher education.

Over the past few years, online learning in a variety of formats has begun to develop rapidly in the country, so by the time the coronavirus epidemic broke out in January-February 2020, the authorities were able to quickly and centrally provide schoolchildren and students with the opportunity to continue their studies remotely.

The authorities of the country certainly managed to achieve considerable successes in the education of the largest population in the world, but there is still a long way to go for the further development of this industry, including solving the problems of uneven financing of the regions, increasing the volume of investments in education, and also conducting a lot of reforms in educational process.

Keywords: PRC, China, education, reform, the 13th five-year plan, new trends, online education, Gaokao, the coronavirus epidemic, funding of education, the burden of schoolchildren.

Author: *Guleva Maria Aleksandrovna*, PhD (Econ.), associate professor of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-9226-6011. E-mail: guleva.m@gmail.com

С момента провозглашения внедрения инноваций, продолжения реформ в экономике и построения среднезажиточного общества *Сяокан*, власти Китая стали все больше подчеркивать ключевую роль развития системы образования для скорейшего достижения эпохи всеобщего благоденствия.

На протяжении всего периода «реформ и открытости» приоритетом для руководства КНР оставалось поддержание высоких темпов роста экономики, что позволяло стране конкурировать в усло-

виях глобализации. Социальной сфере не уделялось достаточно внимания.

Развитие Китая базировалось на двух «китах» — максимальных капиталовложениях и экспортной ориентации экономического развития. Мировой кризис подтолкнул руководство страны к осознанию необходимости смены модели экономического развития.

Модернизировать модель развития без изменений в системе образования невозможно. С 2000-х годов власти Китая стали уделять все больше внимания данной отрасли. В первое десятилетие XXI в. удалось достичь немало успехов, однако предстояло решить еще немало проблем и преодолеть имеющиеся диспропорции в развитии образования.

Среди важнейших целей отмечались обеспечение доступа для всех слоев населения к базовому образованию и непрерывному обучению, всестороннее повышение качества образования и внедрение новых технологий в образовательный процесс.

Рассмотрим более подробно динамику развития образования на каждой из ступеней.

В XXI в. власти Китая начали уделять внимание развитию дошкольного образования. С начала 2010-х годов благодаря различным государственным программам началось активное финансирование этой отрасли, значительно увеличилось количество детских садов, по всей стране выросла численность воспитателей. Родители стали тщательно подходить к выбору дошкольного учреждения для своих детей, выбирая между локацией, содержанием и успешностью программ обучения. На протяжении последних лет количество детских садов устойчиво растет, численность воспитателей и детей уже к 2019 г. увеличилась почти вдвое по сравнению с началом века.

На ступени начального образования удалось возобновить тенденцию роста числа посещающих начальные классы детей после того, как к началу 13-й пятилетки численность учащихся резко упала. Напомним, что в Китае начальная школа состоит из 6 классов и составляет основу обязательного 9-летнего образования. По показателю охвата базового образования (1—9 классы) уже в 2018 г. почти удалось достичь намеченного на 2020 г. показателя в 95 %.

Таблица 1. **Данные о численности учащихся, преподавательского состава и количестве учебных заведений**

		2000	2005	2010	2014	2016	2018
Дошкольное образование	Число детей, млн	22,4	21,7	29,7	40,5	44,1	46,5
	Число воспитателей, млн	0,85	0,72	1,1	1,8	2,2	2,5
	Кол-во детских садов, тыс.	175,8	124,4	150,4	209,8	239,8	266,7
Начальная школа	Число учеников, млн	130,1	108,6	99,4	94,5	99,1	103,3
	Число учителей, млн	5,8	5,5	5,6	5,6	5,7	6
	Кол-во школ, тыс.	553,6	366,2	257,4	201,2	177,6	161,8
Средняя школа 1 ступени	Число учеников, млн	62,5	62,1	52,7	43,8	43,2	46,5
	Число учителей, млн	3,2	3,4	3,5	3,4	3,4	3,6
	Кол-во школ, тыс.	63,8	62,4	54,8	52,6	52,1	51,9
Средняя школа 2 ступени	Число учеников, млн	12	24	24,2	24	23,6	23,7
	Число учителей, млн	0,75	1,2	1,5	1,6	1,7	1,8
	Кол-во школ, тыс.	14,5	16	14	13,2	13,3	13,7
Вузы	Число студентов, млн	5,5	15,6	22,3	25,4	26,9	28,3
	Число учителей, млн	0,46	0,96	1,3	1,5	1,6	1,6
	Кол-во школ, тыс.	1,04	1,7	2,3	2,5	2,5	2,6

Составлено по: «Чжунго тунцзи няньцзянь 2019» [Ежегодный статистический сборник 2019 г.] — Таб. 21-5, 21-6, 21-8 (электронный вариант) (на кит.

На всех ступенях обучения численность преподавательского состава удалось увеличить, хотя и не столь значительно. Однако с количеством школ дело обстоит несколько иначе. Если количество средних школ не меняется с большой амплитудой, то число начальных школ с каждым годом стремительно сокращается. До сих пор власти продолжают реализацию программы «Закрытия и слияния школ», начатую еще в начале 2000-х годах. Целью программы было закрытие мелких сельских школ с целью создания крупных современных уездных учебных центров [1]. Однако эти меры вызвали не-

мало негативных отзывов и последствий, поскольку многие дети, проживающие в отделенных регионах страны, вынуждены ежедневно проделывать путь от 5 до 15 км до ближайшей школы, что безусловно не может благоприятно сказываться на их успеваемости.

До сих пор в большинстве регионов страны в школах преобладают классы с очень большой численностью учащихся (от 40 до 60 человек). Учитывая же, что с 2016 г. власти КНР объявили об отмене политики планирования рождаемости «Одна семья — один ребенок», разрешив китайским семьям иметь двоих детей, очевидно, что в скором будущем Китай может столкнуться с проблемой нехватки учебных заведений и переполненных классов. Сейчас все чаще звучат призывы к приостановке программы слияния школ и поиску новых более эффективных способов развития образовательной инфраструктуры в сельской местности.

Высшее образование сохраняет тенденцию к росту и по-прежнему считается ключом к успеху среди китайской молодежи и их родителей. Старшее поколение прикладывает все усилия для того, чтобы их дети показывали хорошие результаты в учебе и поступали в престижные вузы, видя в этом своеобразную инвестицию в их будущее развитие. В 2018 г. численность студентов в китайских высших учебных заведениях составила более 28 млн человек. Именно поэтому сдача выпускного экзамена гаокао — единого государственного экзамена, в котором ежегодно принимает участие около 9 млн выпускников, — получение высоких баллов и поступление в престижные вузы является важнейшим этапом в жизни любого учащегося в Китае. Гаокао задает тон всему школьному обучению, и сейчас в системе экзамена постепенно проходят реформы, меняется структура сдачи экзаменов, абитуриенты имеют возможность выбора в рамках нескольких комбинаций предметов и направлений.

Говоря об экзаменах нельзя не затронуть содержание учебных программ и тех нововведений, которые имеют место в школьном образовании в Китае. Одной из важнейших концепций реформ образования в Китае стало решение Госсовета о необходимости развивать так называемое «качественное образование» — 素质教育. Ключевым моментом в этом переходе стало реформирование учебных программ и знакомство с современными зарубежными методами преподава-

ния. В феврале 2017 г. Министерство образования КНР объявило о концепции STEAM-образования и включения ее в программу начальной школы[1]. Разработкой концепции STEAM-образования сейчас занимаются разные представители образовательной отрасли КНР. Все они осуществляют разного рода деятельность, в том числе обучение учителей, составление учебных программ и расписания, проведения дополнительных занятий во внеучебное время и т. д. На 2017 г. объем инвестиций в STEAM-образование достигал уже 3,3 % от всех вложений в образование и оставил 47,95 млн долл. [2].

STEAM-образование неразрывно связано со стремительным развитием онлайн обучения и распространением AI-технологий в образовательном процессе.

По словам Председателя КНР Си Цзиньпина, использование новых технологий и, в частности, технологий искусственного интеллекта, будет способствовать взращиванию новых талантов, реформированию всей системы образования в целом, а также позволит сделать образование более гибким, персонализированным и доступным для каждого [3].

Государственная политика открыла двери для сотрудничества учебных заведений и коммерческих компаний с сфере IT. Крупнейшие корпорации, такие как Alibaba City Brain, Tencent Medical Imaging, iFlyTek изъявили готовность к кооперации со школами для создания соответствующих курсов и предоставления кадров для преподавания данных предметов. Компании поставляют оборудование и готовы инвестировать в создание соответствующей инфраструктуры в школах, в частности открыть новые современные классы для информатики, лаборатории и т. д. За последние несколько лет в стране появились сотни компаний, развивающих онлайн-обучение по разным предметам и в различных форматах.

---

[1] **S** — science, **T** — technology, **E** — engineering, **A** — art и **M** — mathematics. В переводе с английского это будет звучать так: естественные науки, технология, инженерное искусство, творчество, математика. Заметим, что данные дисциплины становятся самыми востребованными в современном мире. Именно поэтому сегодня система **STEAM** развивается как один из основных трендов. **STEAM**-образование основано на применении междисциплинарного и прикладного подхода, а также на интеграции всех пяти дисциплин в единую схему обучения.

Когда в феврале 2020 г. Китай вступил в период эпидемии коронавируса, для того, чтобы дети могли продолжать учиться, в стране была разработана всеобщая онлайн-платформа, позволяющая детям заниматься дома.

В национальную образовательную онлайн-платформу вошли разделы со всеми школьными предметами, материалы для скачивания (учебники для начальной и средней школы, входящие в перечень образовательного стандарта), китайские классические литературные произведения и фильмы, мотивационные видео для детей и родителей о занятиях в период карантина и информация по профилактике вируса. Говорить о результатах этого эксперимента пока рано, однако можно точно сказать, что Китаю удалось в сжатые сроки создать достаточно наполненный ресурс.

За последние годы властям, безусловно, удалось достичь немалых успехов в развитии образовательной системы. Однако до сих пор остаются и проблемы, требующие своего решения.

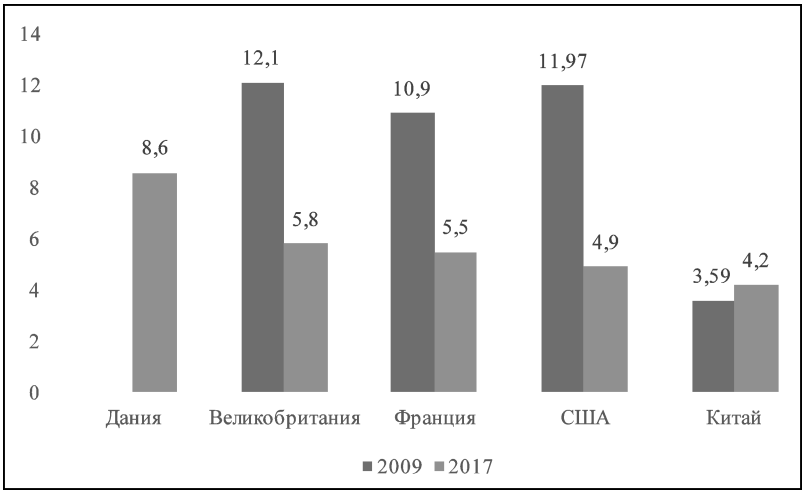


Диаграмма 1. Государственные расходы на образование в разных странах (% от ВВП). *Составлено по:* Report on China's population and labor problems, 2009. P. 114; UNESCO Institute for Statistics. Global Education Digest 2009; Jiemodui Синяя книга по образованию 2018 (на кит. яз.). С. 13—14.

Среди экономических трудностей в развитии образования до сих пор отмечается недостаточное и неравномерное финансирование данной отрасли.

Несмотря на увеличение расходов на образование в доле ВВП, этот показатель по-прежнему остается ниже уровня многих развитых стран (средний показатель 5 %) [4]. И хотя в последние годы в ряде стран наблюдается значительное снижение соответствующих бюджетных ассигнований, однако Китай лишь недавно достиг долгожданного показателя в 4 % ВВП, а в годы 13-й пятилетки рост и вовсе остановился, и вот уже три года этот показатель медленно снижается.

Одними из важнейших проблем остаются вопросы рационального распределения средств между различными районами страны, а также сохраняющийся достаточно высокий уровень учебных взносов, которые ложатся на самих жителей. До сих пор более отдаленные регионы Китая получают в 3—4 раза меньше финансирования, чем крупнейшие развитые города. Дополнительные расходы на образование вынуждены оплачивать сами семьи, и объем учебных и прочих взносов до сих пор составляет почти 15 % от всех расходов на

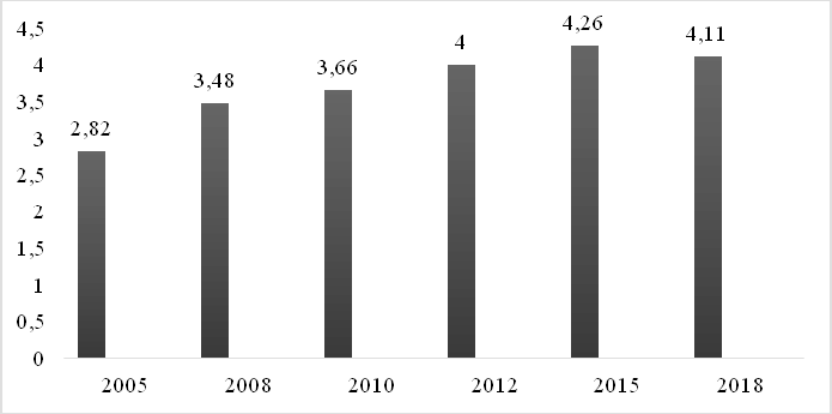


Диаграмма 2. Динамика государственных расходов на образование в КНР (% от ВВП). *Составлено по*: «Чжунго тунцзи няньцзянь 2019» [Ежегодный статистический сборник 2019 г.[— Таб. 21—23 (электронный вариант) (на кит. яз.).

образование в стране, а в сравнении с размерами семейных бюджетов эта цифра порой превышает половину всех расходов семей.

Другой проблемой, волнующей всех граждан Китая, является крайне высокая загруженность детей в школе. Несмотря на попытки уменьшить учебную нагрузку школьников вопрос до сих пор остается актуальным. Согласно результатам опроса, проведенного в ряде провинций Китая, около 80 % учеников страдают от недостатка сна. Помимо значительного количества уроков, им приходится тратить много времени на выполнение домашних заданий, дополнительные и внеклассные занятия. В последние годы отмечается увеличение числа подростков, у которых были обнаружены проблемы со зрением. Китай стоит на втором месте в мире по уровню близорукости подростков: в стране около 65 % учащихся средних школ и 83 % учеников высших школ имеют плохое зрение [5].

Родители отмечают, что важнейшими мерами для облегчения внеаудиторной нагрузки для детей могут стать такие меры, как усо-

Диаграмма 3. Пути решения проблемы загруженности китайских школьников по мнению их родителей (в %). *Источник:* Цзяньфу чжэнцэ юэ цзянь юэ чжун, «Цзяоюй ланьпишу» далэ шэйдэ лянь. URL: http://www.sohu.com/a/311446128_101928 (дата обращения: 30.04.2020) (на кит. яз.).

вершенствование критериев экзамена гаокао и как следствие подготовки к нему на протяжении нескольких лет (72 % опрошенных). Отмечается также необходимость повышения квалификации учителей (59 %) и эффективности образовательного процесса (64 %) [6].

* * *

Очевидно, Китаю предстоит и дальше идти по пути усовершенствования работы системы образования. Наряду с внедрением в образовательный процесс достижений сферы новейших технологий, властям по-прежнему предстоит решать вопросы предоставления равного доступа к обучению, повышения качества учебных программ, развития школьной инфраструктуры и подготовки квалифицированных специалистов. Председатель КНР Си Цзиньпин не раз отмечал, что реализация «китайской мечты» невозможна без строительства мощного образованного государства, в связи с чем развитие образования является приоритетной сферой и «необходимо дальнейшее углубление образовательных реформ и ускорение модернизации всей образовательной отрасли».

Библиографический список

1. Нунцунь чжунсяосюэ чэдянь бин сяо чжэнцэ хуэйгу юй фаньсы» [Пересмотр и оценка политики закрытия начальный средних школ в деревнях]. Синяя книга по образованию, 2010 (на кит. яз.).

2. Jiemodui. Синяя книга по образованию 2018 (на кит.яз.).

3. Xi Jinping sends a congratulatory letter to the International conference on artificial intelligence and education [Си Цзиньпин направил поздравительное письмо на Международную конференцию по искусственному интеллекту и образованию] // Синьхуа 16.05.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-05/16/c_1124502111.html (дата обращения: 12.05.2020).

4. UNESCO Institute for Statistics (Институт статистики ЮНЕСКО). Global Education Digest, 2009.

5. Most 12- to 14- year-olds in China are short-sighted (Большинство 12—14 летних в Китае страдают близорукостью) // Economist 18.01.2020. URL: https://www.economist.com/china/2020/01/18/most-12-to-14-year-olds-in-china-are-short-sighted (дата обращения: 12.05.2020)

6. Цзяньфу чжэнцэ юэ цзянь юэ чжун [Политика снижения бремени все более и более серьезна, по кому ударило опубликование «Синей книги образования»], «Цзяоюй ланьпишу» далэ шэйдэ лянь. URL: http://www.sohu.com/a/311446128_101928 (дата обращения: 12.05.2020) (на кит.яз.).

References

1. «Nongcun zhongxiaoxue chedian bing xiao zhengce huigu yu fansi» (Review and reflection on the policy of removing and merging rural primary and secondary schools), China blue book of education 2010 (in Chin.).

2. Jiemodui. Blue book of education 2018 (in Chin.).

3. Xi Jinping sends a congratulatory letter to the International conference on artificial intelligence and education // Xinhua 16.05.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-05/16/c_1124502111.html (accessed: 12.05.2020).

4. UNESCO Institute for Statistics. Global Education Digest 2009.

5. Most 12- to 14- year-olds in China are short-sighted // Economist 18.01.2020. URL: https://www.economist.com/china/2020/01/18/most-12-to-14-year-olds-in-china-are-short-sighted (accessed: 12.05.2020)

6. Jianfu zhengce yuejian yuezhong. “Jiaoyu lan pishu” da le shei de lian (Whose face did the “Blue book of education” hit with the policy of “Reducing burdens”). URL: http://www.sohu.com/a/311446128_101928 (accessed: 12.05.2020) (in Chin.).

П.В. Трощинский

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию формально-юридического и фактического статуса Председателя КНР в государственном механизме. Обращается внимание на недопустимость приравнивания Председателя к главе государства. Согласно Конституции КНР главой государства выступает Всекитайское собрание народных представителей. Председатель КНР является лишь исполнительно-распорядительным органом при нем. ВСНП формирует все высшие органы власти, включая Председателя КНР, премьера Государственного совета, председателя Центрального военного совета, председателя Государственного контрольного комитета, председателя Верховного народного суда, председателя Верховной народной прокуратуры и др. ВСНП вправе сместить их с занимаемой должности.

По первой Конституции КНР 1954 г. главой государства выступал коллегиальный орган в лице ВСНП и Председателя КНР. Однако роль председателя государства в политических процессах того времени была незаметна. В 1968 г. Председатель КНР Лю Шаоци был смещен с должности антиконституционным путем. Конституцией КНР 1975 г. (период «культурной революции») пост Председателя был упразднен. Его не было и в Конституции 1978 г. Лишь Конституция 1982 г. восстановила Председателя КНР в системе высших

органов государственной власти. Полномочия Председателя чрезвычайно ограничены, и он действует в основном в соответствии с решениями ВСНП. Фактически (а не юридически) государством руководит Генеральный секретарь ЦК КПК, то есть глава правящей коммунистической партии, которая определяет направления развития страны в целом. Пост Председателя КНР формален и пока не является важным в системе высших органов власти и управления.

Ключевые слова: КНР, глава государства, ВСНП, Председатель КНР, Конституция, право Китая, генеральный секретарь, правовое регулирование.

Автор: *Трощинский Павел Владимирович*, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: troshc@mail.ru

Troshchinskiy Pavel V.

THE ACTUAL STATUS OF THE CHAIRMAN OF THE PRC IN THE SYSTEM OF HIGHER GOVERNMENT AUTHORITIES AND ADMINISTRATION

Abstract. The article is devoted to the study of the formal legal and actual status of the (State) Chairman of the PRC in the state mechanism. Attention is the (State) Chairman is not the head of state (chief of state). According to the Constitution of the PRC, the head of state (chief of state) is the National People's Congress. The (State) Chairman of the PRC is only the executive and administrative organ under him. The National People's Congress to elects all the highest authorities, including the (State) Chairman of the PRC, the Premier of the State Council, the Chairman of the Central Military Commission, the Chairman of the National Supervisory Commission, the Chairman of the Supreme People's Court, the Chairman of the Supreme People's Procuratorate and others. The National People's Congress has the right to remove them from their posts.

According to the first Constitution of the PRC of 1954, the head of state (chief of state) was a collegial organ represented by the NPC and the (State) Chairman of the PRC. However, the role of the chairman of the state in political processes of that time was invisible. In 1968, the (State) Chairman of the PRC Liu Shaoqi was declared to be removed from chairmanship by the CCP by unconstitutional means. The Constitution of the PRC of 1975 (the period of the "cultural revolution") abolished the post of the (State) Chairman. He was not even in the Constitution of 1978. Only the 1982 Constitution restored the (State) Chairman of the PRC to the

system of higher government authorities and administration (the office of state chairman was not re-installed until a fourth Constitution was made in 1982). The powers of the (State) Chairman are extremely limited and he acts mainly in accordance with the decisions of the NPC. In fact (not legally) the head of state (chief of state) is the General Secretary of the CPC, the head of the ruling Communist Party, which determines the direction of the country's development as a whole. The post of the (State) Chairman of the PRC is formal and not important in the political system of China.

Keywords: PRC, head of state, NPC, State Chairman of the PRC, Constitution, Chinese law, General Secretary, legal regulation.

Author: *Troshchinskiy Pavel V.,* PhD (Law), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: troshc@mail.ru

В российской юридической и синологической литературе, посвященной исследованию системы высших органов государственной власти и управления (и в иных затрагивающих КНР работах) существует устойчивое мнение, что главой государства в Китайской Народной Республике является ее Председатель. К сожалению, это **ошибочное представление** содержится не только в трудах далеких от знания китайского законодательства авторов, но и в ряде работ авторитетных российских ученых, изучающих Китай и его право. Часто Председателя КНР по западному образцу имеют Президентом, что также **неверно**[1].

Обратившись к положениям действующей Конституции КНР (принята в 1982 г., с поправками от 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018 гг.)

[1] В англоязычных источниках термин «president» применительно к Председателю КНР впервые появился после перевода на английский язык принятой в 1982 г. четвертой Конституции КНР (действует в настоящее время) и начал использоваться в отношении первого после завершения «культурной революции» председателя КНР Ли Сяньняня (избран на пост в июне 1983 г.). Термин до сих пор имеет широкое распространение в англоязычной литературе и часто, под «кальку», переносится в русскоязычные источники. Однако он не соответствует используемому китайским законодателем термину «主席» («Zhuxi»), который ранее переводился на английский язык как «Chairman", что больше соответствует положению Председателя КНР в системе высших органов государственной власти и управления. Английское слово «president» переводится в Китае как «总统» («Zongtong»). Именно потому, что Председатель КНР не является главой государства, его обозначение как «президент» недопустимо ни в англоязычной, ни в русскоязычной литературе.

станет очевидным, что **с формально-юридической (доктринальной) стороны главой государства выступает Всекитайское собрание народных представителей** (далее: ВСНП), которое представляет собой высший орган государственной власти (ст. 57 Конституции КНР), осуществляющий законодательную власть в стране (ст. 58 Конституции КНР). Более того, все иные высшие государственные органы ответственны и подотчетны ВСНП. А местные органы — местным собраниям народных представителей (СНП).

В КНР отсутствуют система разделения властей, система сдержек и противовесов. ВСНП — не просто высший законодательный орган Китая. Оно формирует все остальные органы, которые ему подотчетны. ВСНП является главой государства, а **Председатель КНР —** лишь **исполнительно-распорядительным органом при нем**, квазисекретарем по исполнению некоторых, весьма ограниченных поручений. **Фактическим же руководителем Китая является Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая**, то есть глава правящей партии, определяющей вектор развития всего государства в целом.

ВСНП осуществляет законодательную власть в стране, образует другие высшие государственные органы, включая Председателя КНР, отвечает за решение важнейших государственных вопросов. Подтверждением тезиса о том, что ВСНП **юридически** выступает в качестве главы государства являются установленные Конституцией КНР его широкие полномочия, к основным из которых относится (ст. 62 Конституции КНР):

1) внесение изменений в Конституцию КНР, осуществление контроля за ее исполнением;

2) принятие и изменение уголовного, гражданского законодательства, законодательства о государственной структуре, других «основных законов»;

3) **избрание Председателя и заместителей Председателя КНР**;

4) **утверждение кандидатуры Премьера Государственного совета** по представлению Председателя КНР; по представлению премьера Государственного совета утверждение кандидатур его заместителей, членов Госсовета, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника секретариата;

5) **избрание председателя Центрального военного совета** и по его представлению утверждение кандидатур других членов ЦВС, включая заместителей председателя;

6) **избрание председателя Государственного контрольного комитета** (конституционная поправка марта 2018 г.);

7) **избрание председателя Верховного народного суда КНР**;

8) **избрание председателя Верховной народной прокуратуры КНР**;

9) рассмотрение и утверждение планов экономического и социального развития, отчетов об их выполнении;

10) рассмотрение и утверждение государственного бюджета и отчета о его исполнении;

11) изменение или отмена ненадлежащих постановлений ПК ВСНП;

12) утверждение образования провинций, автономных районов и городов центрального подчинения;

13) утверждение создания особых административных районов и их режимов;

14) решение вопросов войны и мира;

15) осуществление иных полномочий.

ВСНП вправе освобождать от должности Председателя (заместителей Председателя) КНР, премьера (заместителей) Государственного совета, его членов, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника секретариата, председателя и членов ЦВС, председателя Государственного контрольного комитета, председателя Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры (ст. 63 Конституции КНР).

Полномочия ВСНП чрезвычайно обширны, что позволяет **с определенными оговорками** говорить о существовании парламентской республики в Китае. На ежегодной сессии ВСНП все высшие органы власти отчитываются перед ним о проделанной работе. В 2020 г. сессия ВСНП открылась не как обычно, в марте, а 22 мая.

А что же Председатель? Что говорит о нем действующая Конституция КНР? Какие у него реальные права? Прежде чем обратиться к действующим конституционным нормам, скажем несколько слов об истории появления этого органа в КНР.

Должностное лицо с титулом «Председатель КНР» было введено в систему высших органов государственной власти с принятием первой Конституции страны в 1954 г. **Юридически** пост Председателя первоначально просуществовал 21 год — с 1954 по 1975 гг. (по второй Конституции КНР 1975 г. этот пост был ликвидирован). **Фактически**, после незаконного, антиконституционного смещения Лю Шаоци с этого поста в период «культурной революции» в 1968 г., всего лишь 15 лет. **В третьей Конституции КНР 1978 г., также как и в предыдущей Конституции 1975 г., упоминание о Председателе КНР отсутствовало**. Он был восстановлен лишь действующей Конституцией 1982 г.

По Конституции КНР 1954 г. Председатель КНР наряду с ПК ВСНП выполнял функции главы государства. Иными словами, **главой государства являлся коллегиальный квазиорган в лице ВСНП и Председателя КНР**. Когда принималась первая Конституция, докладчик по ее проекту — заместитель председателя Центрального народного правительства Лю Шаоци определил положение председателя КНР как часть коллегиального главы государства, заявив: «Функции главы государства в нашей стране исполняются совместно Постоянным Комитетом Всекитайского собрания народных представителей и Председателем Китайской Народной Республики... Таким образом, глава государства в нашей стране коллегиальный» [1, с. 326].

Современник происходящих в то время в Китае событий ученый Чжоу Фан писал: «Главой государства может быть либо одно лицо, либо коллегиальный орган. В Советском Союзе Президиум Верховного Совета СССР является коллегиальным главой государства... Институт главы государства в нашей стране по своему типу аналогичен советскому, но в силу практических условий нашей страны и нашего революционного опыта функции главы государства у нас осуществляются не одним Председателем Китайской Народной Республики или Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, а совместно Председателем Китайской Народной Республики и Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей. Такая форма института коллегиального главы государства является особенностью нашего государства» [2, с. 105].

Е.В. Куманин, проводя анализ созданной в КНР системы органов власти и управления, пишет: «в систему высших органов власти Конституция 1954 г. ввела институт Председателя КНР, который в большинстве случаев при исполнении своей компетенции действовал на основании решений ВСНП и его ПК, поэтому рассматривался как часть коллегиального института главы государства» [3, с. 29]. Действительно, свои основные полномочия председатель КНР осуществлял на основании решений ВСНП или ПК ВСНП. А.Е. Лунев констатирует: «Председатель КНР выполняет функции высшего исполнительного органа Всекитайского собрания народных представителей и Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Исполнительный характер полномочий Председателя КНР вытекает из смысла возложенных на него Конституцией обязанностей» [4, с. 128].

Конституция 1954 г. не предоставляла Председателю КНР исключительного права действовать от имени государства. Вместе с тем, в Конституции было записано: «Председатель Китайской Народной Республики возглавляет вооруженные силы страны и является председателем Государственного комитета обороны» (ст. 42), при этом ничего не было сказано о полномочиях этого комитета.

Первым Председателем КНР был единогласно избран Мао Цзэдун. Затем, после добровольного ухода с этого поста, Председателем КНР стал Лю Шаоци (избран на первой сессии ВСНП 2-го созыва 27 апреля 1959 г.), который избирался на этот пост еще раз в 1965 г., но в «культурную революцию» был смещен со своего поста антиконституционным путем, подвергся репрессиям и погиб.

В следующей Конституции 1975 г. периода «культурной революции» по инициативе Мао Цзэдуна пост Председателя КНР не предусматривался. Некоторые функции главы государства, связанные главным образом с представительством КНР внутри страны и на международной арене, возлагались на ПК ВСНП и его председателя. В качестве главы государства председатель ПК ВСНП принимал верительные грамоты от иностранных дипломатических представителей, участвовал во встречах, проводах, приемах, банкетах в честь иностранных гостей соответствующего ранга, подписывал телеграммы от имени Постоянного комитета ВСНП.

Конституция 1978 г. не предусматривала возрождения этого института в системе органов государственной власти, **часть полномочий Председателя КНР были переданы Председателю ПК ВСНП**.

Иными словами, в первый период существования КНР ее Председатель, наряду с ВСНП (ПК ВСНП), рассматривался в качестве элемента коллегиального главы государства, однако по мере развития институтов государственной власти **Председатель оставался формальной, исполнительной фигурой, все решения, относящиеся к его правомочиям, принимались в партии**. Такое положение дел продолжает сохраняться и до настоящего времени.

Во время принятия Конституции КНР 1982 г. среди китайских партийных руководителей по вопросу восстановления поста Председателя КНР проходили «ожесточенные споры» [5, с. 602—603]. Предлагались следующие варианты:

1) восстановление должности Председателя;

2) отказ от восстановления указанной должности. Его функции возлагаются на председателя ПК ВСНП или премьера Государственного совета;

3) функции председателя возлагаются на ПК ВСНП.

Впоследствии, остановив свой выбор на первом из указанных вариантов, разработчики новой Конституции не стали законодательно закреплять за Председателем КНР статус главы государства. Фактически председатель выступает в качестве исполнительно-распорядительного органа ВСНП. Учитывая политический опыт прошлых лет, в Китае подчеркивают, что Председатель КНР поставлен законом под контроль ВСНП, а его деятельность должна вестись на основе Конституции и законов государства, принятых ВСНП и его Постоянным комитетом [6, с. 164—165].

Характерно, что восстановив пост Председателя КНР, 5-я сессия ВСНП пятого созыва (1982 г.) не избрала сразу это должностное лицо. Председатель КНР был избран только в следующем 1983 г. Возможно, к моменту принятия новой конституции высшее руководство КПК не определилось с кандидатурой Председателя. Возможно и другое объяснение: было решено избрать Председателя в начале его конституционного срока, который тогда, согласно Конституции, совпадал со сроком полномочий данного созыва ВСНП.

18 июня 1983 г. на пост Председателя КНР был избран член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Сяньнянь (李先念). Следует отметить, что конституционное законодательство КНР не содержит норм, определяющих принцип президентской несовместимости. Таким образом, должность Председателя КНР может совмещаться, например, с мандатом депутата ВСНП. Практически избрание Ли Сяньняня Председателем КНР свидетельствовало, что на этот пост может быть избран депутат верховного представительного органа страны, сохраняющий при этом свой мандат.

После Ли Сяньняня Председателем КНР стал видный деятель КПК Ян Шанкунь (杨尚昆) (1988—1993 гг.). Фактическим лидером партии и страны был тогда Дэн Сяопин (邓小平), отказавшийся от руководящих партийных и государственных постов, оставив за собой в 1983 г. только пост председателя Центрального военного совета (занятие этого поста не связанно никакими конституционными сроками). С 1981 по 1989 гг. Дэн Сяопин занимал также пост председателя Военного совета ЦК КПК.

При формировании третьего поколения высших руководителей КПК и КНР, КПК вернулась к схеме, существовавшей при Мао Цзэдуне в конце 1940-х — 1950-х годов — сосредоточение в одних руках поста лидера партии, руководителя высшего военного органа и председателя. Эти посты занял Цзян Цзэминь (江泽民). Уйдя после истечения конституционно установленных сроков с партийного (генеральный секретарь ЦК КПК) и государственного (Председатель КНР) постов, он оставался некоторое время председателем Центрального военного совета и Военного совета ЦК КПК. Затем пост председателя КНР занял генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао (胡锦涛). В 2013 г. на пост председателя КНР был избран Си Цзиньпин (в 2012 г. стал Генеральным секретарем ЦК КПК).

В истории КНР был случай **присвоения непредусмотренного Конституцией звания Почетного Председателя КНР**. Такого титула была удостоена решением ПК ВСНП от 16 мая 1981 г. старейшая государственная и общественная деятельница Китая, вдова Сунь Ятсена (孙中山) Сун Цинлин (孙庆龄) незадолго до ее кончины 29 мая того же года.

Действующая Конституция посвящает правовому статусу Председателя КНР всего лишь **6 статей**. Круг его полномочий чрезвычайно ограничен. Своими приказами Председатель КНР, как и прежде, обнародует законы (**при этом наложение вето на законы Конституцией не предусмотрено**), подписывает указы о назначении ряда высших должностных лиц правительства, награждает орденами и присваивает почетные звания, издает указы о помиловании, о введении военного (после конституционных поправок 2004 г. — чрезвычайного) положения, объявляет о состоянии войны, издает указы о мобилизации. Председатель представляет КНР, принимает дипломатических представителей, а на основании решений ПК ВСНП направляет и отзывает полномочных представителей в иностранных государствах, ратифицирует и денонсирует договоры и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами (в Конституции 1954 г. не упоминалось о денонсации и важных соглашениях).

Несколько по-разному в первой и действующей (**до мартовских конституционных поправок 2018 г.**) конституциях устанавливались возрастные цензы для высшего должностного лица государства и сроки полномочий. По Конституции 1954 г. Председателем КНР мог быть избран гражданин КНР, достигший 35 лет и обладающий активным и пассивным избирательным правом. Срок полномочий — 4 года (ст. 39). О возможности избрания или неизбрания на последующие сроки в Конституции не указывалось. В Конституции 1982 г. (*до мартовских конституционных поправок 2018 г.*) впервые было введено ограничение на избрание председателя 2 сроками. Ч. 3 ст. 79 Конституции КНР гласила: «Срок полномочий Председателя и заместителя Председателя Китайской Народной Республики соответствует сроку полномочий Всекитайского собрания народных представителей. Председатель и заместители Председателя Китайской Народной Республики могут занимать эти должности не более чем два срока». **В настоящее время, после мартовских конституционных поправок 2018 г., занятие поста председателя КНР по срокам не ограничено**. *Произошел возврат к положениям первой Конституции КНР 1954 г.*

Председатель КНР по своему фактическому и юридическому статусу является не самой важной фигурой в государстве. Его поло-

жение с формально-юридической стороны определено недостаточно четко. Почти все его полномочия, кроме представительства государства и номинации кандидатуры премьера Государственного совета, основываются на решениях ВСНП и его ПК (на практике кандидатура премьера также сначала определяется ЦК КПК и согласовывается с ВК НПКСК). Даже подписание законов, принимаемых ВСНП (ПК ВСНП) не образует собственного правового акта. «Важно отметить, — пишет российский исследователь О.О. Базина (Максимова), — что указы, которые издает Председатель КНР, не являются самостоятельными правовыми актами; они приобретают характер источника права лишь в совокупности с теми решениями ВСНП или его Постоянного комитета, на основании которых они изданы» [7, с. 121].

Председатель КНР обнародует (подписывает) законы и соответствующие акты об их опубликовании обычно в день их принятия ВСНП или ПК ВСНП, но нигде не определено, может ли Председатель не обнародовать (подписать) закон, и какие это может иметь правовые последствия. О.О. Базина (Максимова) констатирует: «председатель Республики может действовать только на основе решений ВСНП или его Постоянного комитета... однако возможность конфликта между Председателем КНР и высшими коллегиальными органами и порядок разрешения таких конфликтов конституционно не предусмотрены» [8, с. 25].

Таким образом, подписание Председателем КНР закона — это не право, а его обязанность. Вышесказанное означает, что принятые ВСНП (ПК ВСНП) законы вступают в силу только после их подписания Председателем КНР. Возникает вопрос: может ли Председатель КНР не подписать принятый ВСНП (ПК ВСНП) закон? Обладает ли Председатель КНР правом отлагательного, или так называемого суспензивного, вето в отношении принятых ВСНП (ПК ВСНП), но не вступивших в силу законов? Если Председатель КНР откажется его подписывать, будет это вето в таком случае абсолютным, то есть непреодолимым решением парламента? Либо это будет относительным (отлагательным) вето (как в РФ), которое может быть преодолено парламентом либо выборочным вето, когда запрет накладывается на отдельные положения закона, а не на весь доку-

мент в целом? Об этом в китайском законодательстве также ничего не сказано, в истории КНР таких прецедентов не было.

Китайское законодательство не дает ответа и на целый ряд других важных вопросов, затрагивающих правовой статус Председателя КНР в механизме государства. Ясно одно: он не является главой государства и не может рассматриваться в качестве такого ни в юридическом, ни в фактическом смысле.

Библиографический список

1. *Лю Шао-ци*. О проекте Конституции Китайской Народной Республики // Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 1954. Цитата по: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник: В 4 т. Т. 4. Часть Особенная: страны Америки и Азии / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. М.: Норма, 2001. 656 с.

2. *Чжоу Фан*. Государственные органы Китайской Народной Республики / Перевод с китайского Л.М.Гудошникова и Г.С.Остроумова. Под ред. и с предисловием М.А.Шафира. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 224 с.

3. *Куманин Е.В.* Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. 160 с.

4. *Лунев А.Е.* Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1956. 192 с.

5. 许崇德 (*Сюй Чундэ*). 中华人民共和国宪法史 (Чжунхуа жэньминь гунхэго Сяньфа ши) [История Конституции Китайской Народной Республики]. Фуцзянь: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 2003. 898 с. (на кит. яз.).

6. 朱国斌 (*Чжу Гобинь*). 中国宪法与政治制度 [Конституция Китая и политический строй]. Пекин: Фалюй чубаньшэ, 1997. 294 с. (на кит. яз.).

7. *Базина О.О.* Конституционно-правовой статус главы государства в Китае в XX веке: монография. М.: МГИМО-Университет, 2018. 230 с.

8. *Максимова О.О.* Конституционно-правовой статус главы государства в Китае (история и современность). Автореферат ...канд. юр. наук. М., 2012. 32 с.

References

1. *Liu Shaoqi*. O proekte Konstitucii Kitajskoj Narodnoj Respubliki (On the draft Constitution of the People's Republic of China // Constitution of the People's Republic of China. Beijing, 1954. From: Constitutional (state) law of foreign countries: Textbook:

In 4 vol. T. 4. Part Special: countries of America and Asia / ed. prof. B.A. Scary. Moscow: Norma, 2001. 656 p.

2. *Zhou Fang*. Gosudarstvennye organy Kitajskoj Narodnoj Respubliki (State organ of the People's Republic of China). Translation from Chinese by L.M. Gudoshnikov and G.S. Ostroumov. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1958. 224 p.

3. *Kumanin E.V*. YUridicheskaya politika i pravovaya sistema Kitajskoj Narodnoj Respubliki (Legal policy and legal system of the People's Republic of China). Moscow: "Nauka", 1990. 160 p.

4. *Lunev A.E*. Pravovoe polozhenie organov gosudarstvennogo upravleniya Kitajskoj Narodnoj Respubliki (The legal status of government of the People's Republic of China). Moscow, 1956. 192 p.

5. *Xu Chongde*. Zhonghua renmin gongheguo xianfa shi (History of the Constitution of the People's Republic of China). Fujian, 2003. 898 p. (in Chinese).

6. *Zhu Guobin*. Zhongguo xianfa yu zhengzhi zhidu (Chinese Constitution and Political Order). Beijing, 1997. 294 p. (in Chinese).

7. *Bazina O.O*. Konstitucionno-pravovoj status glavy gosudarstva v Kitae v XX veke: monografiya (Constitutional and legal status of the head of state in China in the XX century: a monograph. Moscow: MGIMO-University, 2018. 230 p.

8. *Maksimova O.O*. Konstitucionno-pravovoj status glavy gosudarstva v Kitae (istoriya i sovremennost') (Constitutional and legal status of the head of state in China (history and modernity). M., 2012. 32 p.

В.Ф. Бородич

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ КИТАЯ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕФОРМ (ДЕКАБРЬ 1978 — ИЮНЬ 1989 гг.)[1]

Аннотация. По окончании в 1969 г. активной фазы «культурной революции» система государственного администрирования представляла собой эклектическое смешение партийно-государственных институтов. Госсовет, решая задачи по государственному администрированию, лишь частично мог регулировать деятельность провинциальных и низовых ревкомов. К концу 1970-х годов в острой внутриполитической борьбе победу одержали силы, ориентированные на социалистическую модернизацию. Составной частью модернизации было восстановление и развитие системы государственного администрирования.

При этом решались три группы задач: 1) создание политических предпосылок для восстановления дееспособной структуры органов государственного администрирования; 2) участие Госсовета в выработке стратегии восстановления страны и ее развития на пути реформ; 3) формирование и внедрение в практику эффективной модели государственного управления.

[1] Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Основные институты государственного строя» (0194—2019—0017).

The article was written as part of the research work on the topic “The main institutions of state system”.

Решение названных задач трансформировало систему государственного администрирования в духе «романтического эксперимента», основанного на отрицании практик и институтов тоталитарного правления в стране, намерении воспользоваться для решения проблемы отставания опытом передовых государств с рыночной экономикой и демократическим политическим устройством. Правящая элита КНР, ознакомившись с предложенной реформаторами моделью преобразований, не пошла на риск их воплощения. Однако десятилетие реформ вооружило систему государственного администрирования рядом новаций, которые сыграли положительную роль в проведении Китаем политики реформ и внешней открытости.

Ключевые слова: Китай, культурная революция, КПК, Госсовет, система, государственное администрирование, трансформация, Чжао Цзыян.

Автор: *Бородич Владимир Федорович*, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: borodich@rambler.ru

Borodich Vladimir F.

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF CHINA IN THE FIRST DECADE OF REFORMS (DECEMBER 1978 — JUNE 1989)

Abstract. At the end of the active phase of the “cultural revolution” in 1969, the public administration system was an eclectic mix of party-state institutions. The State Council, solving the tasks of state administration, could only partially regulate the activities of provincial and grassroots revolutionary committees. Towards the end of the 1970s, forces oriented towards socialist modernization won the battle in the acute domestic political struggle. An integral part of modernization was the restoration and development of the public administration system.

At the same time, three groups of tasks were solved: 1) the creation of political prerequisites for the restoration of a competent structure of state administration bodies; 2) the participation of the State Council in developing a strategy for the restoration of the country and its development on the path to reform; 3) the formation and implementation of an effective model of public administration.

The solution of these problems transformed the public administration system in the spirit of a “romantic experiment” based on the denial of

the practices and institutions of totalitarian government in the country, the intention to use the experience of advanced states with a market economy and a democratic political system to solve the problem. The ruling elite of the PRC, having familiarized themselves with the model of transformations proposed by the reformers, did not risk their implementation. However, the decade of reform has armed the public administration system with a number of innovations that have played a positive role in China's reform policy and external openness.

Keywords: China, cultural revolution, CPC, State Council, system, public administration, transformation, Zhao Ziyang.

Author: *Borodich Vladimir Fedorovich*, PhD in Law, Leading Researcher, Institute of the Far East Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: borodich@rambler.ru

Государственное администрирование в канун реформ. Создание правовых и политических предпосылок для восстановления дееспособной структуры органов государственного администрирования

«Культурная революция» стала самым трудным в истории КНР экзаменом для системы государственного управления. По окончании в 1969 г. активной фазы «культурной революции» эта система представляла собой, если оставить в стороне военную сферу, эклектическое смешение партийно-государственных институтов в форме ревкомов, организованных для контроля над революционным хаосом на провинциальном и низовом уровне, а также Госсовета, который лишь частично мог регулировать деятельность ревкомов, одновременно решая задачи по государственному администрированию вопросов, относящихся к ведению непосредственно центра.

К концу 1970-х годов верх в острой внутриполитической борьбе взяли сторонники переноса центра тяжести работы органов партийно-государственной власти с проведения политики «классовой борьбы при диктатуре пролетариата» на политику модернизации, которую было решено осуществлять в рамках социалистического строя. Политический курс был переориентирован с установки «политика — командная сила» на установку «политика должна служить

экономике». Составной частью политического процесса весь этот период было восстановление системы государственного управления, постепенно сменявшееся поиском пути ее совершенствования. Поиск включал в себя решение, как минимум, трех групп задач: 1) создания политических предпосылок для восстановления дееспособной структуры органов государственного администрирования; 2) участия Госсовета в выработке стратегии восстановления страны и ее развития на пути реформ; 3) формирования и внедрения в практику эффективной модели государственного управления.

Некоторые благоприятные для решения всех задач изменения нашли отражение в Конституции КНР, принятой в марте 1978 г. Новая Конституция так же, как и ее предшественница, Конституция 1975 г., носила компромиссный характер, и органы политического и административного управления, насыщенные выдвиженцами «культурной революции», в силу инерции продолжали функционировать по-старому. Однако ряд конституционных положений создавал правовые и политические предпосылки для переключения «революционного» характера организации и деятельности органов государственной власти и управления на созидательный: 1) из текста Конституции было исключено положение о «всесторонней диктатуре над буржуазией в области надстройки» и политическая установка «неизменно ставить пролетарскую политику на командное место». Эти формулировки использовались в годы «культурной революции» для подавления всех видов свобод, кроме свободы разрушать и исполнять высшую политическую волю; 2) Конституция 1978 г. определила статус Государственного совета не по аналогии с текстом Конституции 1975 г., а с текстом Конституции 1954 г. как «центральное народное правительство», что подчеркивало ведущую роль правительства в системе государственного администрирования, и как «исполнительный орган высшего органа государственной власти, высший государственный административный орган», что указывало на подчиненное положение Госсовета в системе государственной власти, высшим органом которой являлся ВСНП, сессии которого не созывались с 1965 по 1975 г.; 3) Госсовету было восстановлено право на законодательную инициативу, которым он был ранее наделен по Конституции 1954 г.; 4) новая Конституция частично усилила распорядительные

полномочия Госсовета возвращением к практике 50-х годов, когда Госсовет принимал постановления и распоряжения по широкому кругу вопросов при условии их соответствия законам, принятым на сессиях ВСНП, постановлениям и декретам ПК ВСНП [1, с. 138—139]. Вместе с тем, возможно, чтобы свести к минимуму опасность волюнтаристского вмешательства руководства Госсовета во главе с Хуа Гофэном, в текущую деятельность министерств и ведомств, Госсовет был лишен правомочий «изменять или отменять нецелесообразные приказы и распоряжения министров, председателей комитетов и комиссий», а также «нецелесообразные постановления и распоряжения местных государственных и административных органов». Такие правомочия предоставлялись ранее Конституцией 1954 г.; 5) Основной закон создавал известные свободы руководителям министерств и центральных ведомств тем, что не устанавливал их ответственность за руководство работой подведомственной им отрасли.

Параллельно с продолжающейся борьбой за власть в руководящих кругах осуществлялся поиск курса восстановления и развития страны. Принципиально важное значение имело определение детерминанты, а именно — политику или экономику ставить во главу угла. Выдвиженцы «культурной революции» отстаивали политику, их оппоненты — экономику. На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) был взят курс на социалистическую модернизацию, главным направлением которой стало экономическое строительство [2]. В силу этого в центре внимания при формировании правительства оказались министерства и комитеты экономического профиля.

Для восстанавливаемой после «культурной революции» системы государственного управления существовало несколько серьезных обстоятельств субъективного и объективного характера: 1) Премьер Госсовета и одновременно Председатель КПК Хуа Гофэн, будучи выдвиженцем, а не жертвой «культурной революции», к идее модернизации относился с опасением, так как модернизация означала смену модели политического управления, которой он был обязан своим положением, и одновременно создавала условия для усиления позиций альтернативных ему сил внутри правящей элиты; 2) в руководстве КПК не было ни ясности, ни единства относительно концепции экономических реформ, но главные фигуры в эконо-

мической политике — руководители, группировавшиеся вокруг Чэнь Юня и Ли Сяньняня — уже склонялись к необходимости разрешения некоторых рыночных свобод, отводя главную роль плану, а свободному рынку под руководством государства — роль вспомогательную; 3) социально-экономические преобразования в силу разрухи необходимо было проводить одновременно в экономической и социальной сферах с целью «накормить и одеть» людей; 4) «культурная революция» породила кадровую проблему для всех уровней государственного администрирования: а) для решения текущих задач в Госсовет рекрутировались либо уцелевшие кадры старшего и среднего поколений, либо молодежь, не получившая полноценного образования. Первые тяготели к воспроизводству имевшихся управленческих стереотипов, вторые были не вполне готовы генерировать обоснованные знаниями и опытом управленческие новации; б) на провинциальном и местном уровнях кадровый состав ревкомов был укомплектован в значительной мере лицами, выросшими на идеях и практиках «культурной революции»[1]. Такие кадры не обладали необходимыми компетенциями для административной работы, не говоря уже о компетенциях генерировать реформаторские идеи и воплощать их. Обстановка не позволяла растягивать во времени решение кадровой проблемы, и одним из шагов в этом направлении вскоре стало сокращение штатов управленцев для последующего создания вакансий, которые можно было бы заполнять отвечающими требованиям времени кадрами.

Все названные и многие другие обстоятельства[2] создавали большие трудности для выстраивания адекватной требованиям обста-

[1] К осени 1976 г. 455 из 1097 (41,4 %) руководящих кадровых работников провинциальных ревкомов в 29 провинциях и городах центрального подчинения относились к числу леворадикалов [6, с. 591].

[2] На оргштатную конфигурацию Госсовета и всей системы государственного администрирования влияли и другие факторы, прежде всего — сложившиеся до «культурной революции» военно-исторические, земляческие, ведомственные и внутриведомственные группировки руководителей, фактор личностных креатур, выводящий управленцев, группирующихся вокруг возвращающихся в разное время к активной руководящей работе старых кадров, в штат Госсовета, либо управленческих структур провинциального и местного уровней. Эти факторы будут рассмотрены в других публикациях. — *Прим. авт.*

новки системы государственного управления. На новые задачи система отреагировала структурным ростом и увеличением штатов — число министерств и госкомитетов Госсовета в 1978 г. с 28 в 1975 г. выросло до 37 [3, с. 190; 1, с. 139—140][1].

Период урегулирования — формирование условий для появления новой модели управления

Проходивший в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва провозгласил курс на «урегулирование, реформирование, упорядочение и повышение». Возглавившие новый курс заместители премьера Госсовета Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь руководствовались установкой о «трех главных и трех вспомогательных», провозглашенной Чэнь Юнем еще в 1956 г.[2] Изменения в оргштатной структуре Госсовета в конце 1970-х годов были направлены на администрирование этого курса, но за отсутствием альтернативных управленческих подходов, носили экстенсивный характер. За непродолжительный срок после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва структура Государственного совета КНР выросла и составила в 1981 г. 100 структурных единиц вместо 76 в 1978 г. [3, с. 193]. При этом количество министерств и госкомитетов увеличилось с 37 до 52 при 43 органах прямого подчинения и 5 канцеляриях [3, с. 42]. Стало очевидным, что известные и применявшиеся еще с 1950-х годов в рамках плановой экономики управленческие методы успеха не приносят.

Тем временем в научной среде и среди партийных и государственных руководителей, прежде всего провинциального уровня, непосредственно сталкивавшихся с экономическими проблемами руководимых ими территорий, оформлялось альтернативное устояв-

[1] Данные К.А. Егорова, с одной стороны, и Вэй Но и У Аймина, с другой, о количестве министерств и госкомитетов в составе Госсовета в 1975 г., различаются: К.А. Егоров приводит число 29, китайские авторы — 28 (см. указ. стр.). — *Прим. авт.*

[2] Главное — государственное и коллективное хозяйствование, а индивидуальное хозяйствование — вспомогательное или дополнительное; главное — плановое производство, а вспомогательное — свободное производство в рамках, допускаемых государственными планами; главное — государственный рынок, а вспомогательное — свободный рынок под руководством государства [16, с. 104].

шемуся отношение к взаимосвязи плана и рынка. Во властных кругах был проявлен интерес к идеям экономистов Гу Чжуня и Сунь Ефана, задолго до «культурной революции» предлагавших применять рыночные принципы к социалистической экономике [4, с. 72]. Еще до 3-го пленума ЦК КПК в пр. Сычуань, губернатором которой был Чжао Цзыян, стала проводиться реформа государственных предприятий, ограничивавшая власть над ними различных ведомств, в 1976—1978 гг. в пр. Сычуань и Аньхуй в деревне по инициативе самих крестьян местами начались преобразования, шедшие вразрез с государственной аграрной политикой, основанной на централизованном планировании, а провинциальные власти Гуйчжоу, Сычуань и Аньхуй стали поощрять местные власти разнообразить источники доходов крестьян [4, с. 78—80]. Когда в сентябре 1980 г. Хуа Гофэна на посту премьера сменил Чжао Цзыян, система государственного администрирования получила руководителя, который стал мобилизовывать и консолидировать научные и кадровые управленческие ресурсы реформаторов в Госсовете. Политическую поддержку он получил в лице сменившего Хуа Гофэна на посту руководителя КПК Ху Яобана, который вел параллельный поиск путей политического реформирования.

Институциализация административных реформ

Под руководством премьера-реформатора громоздкому и многочисленному аппарату госуправления была дана критическая оценка, на основании которой 4-я сессия ВСНП 5-го созыва (30 ноября — 13 декабря 1981 г.) приняла решение о проведении структурной реформы административного аппарата. В истории государственного управления КНР решение 4-й сессии ВСНП 5-го созыва принято считать началом серии регулярно проводимых с периодичностью примерно 5 лет административных реформ.

Реформирование административной системы было развернуто по нескольким направлениям: 1) устранялись промежуточные звенья и параллелизм в работе структурных подразделений; 2) производилось сокращение общей численности руководящих кадров;

3) подбирались новые работники административно-управленческих органов в соответствии с деловыми качествами и уровнем квалификации; 4) велись поиски правильного решения вопроса о партийном руководстве органами государственного управления [5, с. 194]; 5) для обеспечения возможности рекрутировать в систему госуправления перспективных молодых кадров, не отягощенных стереотипным управленческим сознанием, было подготовлено и в феврале 1982 г. принято решение по отмене института пожизненного пребывания руководителей на своих должностях [6, с. 698].

После обсуждения доклада Премьера Госсовета Чжао Цзыяна о реорганизации структуры Госсовета, ПК ВСНП 8 марта 1982 г., принял Постановление по вопросу о реформе структуры Госсовета [7]. Административная реформа стала одним из важных инструментов самокоррекции и саморазвития системы государственного администрирования, составной частью политики реформ.

Реализация Постановления привела к сокращению аппарата Госсовета с 49 до 32 тыс. человек, средний возраст руководителей министерств и ведомств снизился с 64 до 57 лет, число министерств и ведомств сократилось до 41 [8, с. 45]. Количество заместителей Премьера Госсовета было сокращено с 13 до 2 [6, с. 699], причем оба заместителя премьера были сторонниками разных концепций проведения экономической реформы. Сокращение числа заместителей премьера подчеркивало решимость Чжао Цзыяна сосредоточить усилия Госсовета именно на экономических преобразованиях. Упразднение 11 должностей заместителей премьера компенсировалось учреждением должности члена Госсовета, по рангу приравненного к заместителю Премьера Госсовета и входящего в состав Постоянного бюро Госсовета, но имевшего меньшие, чем заместители премьера, должностные полномочия. В интересах сосредоточения в руках премьера интеллектуальных и организационных ресурсов Постановлением был образован Государственный комитет по реформе экономической системы с премьером Госсовета во главе. Тем же Постановлением была поставлена задача по развертыванию в 1983 г. в народных правительствах провинций, автономных районов и городов центрального подчинения работы по реорганизации их структуры [7].

Административная реформа была дополнена на XII съезде КПК (1—11 сентября 1982 г.) корректировкой института партийных групп, функционирующих в руководящих структурах центральных и местных государственных органов. Пунктом 46 Устава КПК, принятого с поправками на XII съезде, был расширен определенный VIII съездом КПК в 1956 г. круг структур, где учреждаются такие группы. Отныне партийные группы должны были учреждаться в руководящих органах не только государственных структур и народных организаций, но и центральных и местных государственных структур, а также народных организаций, хозяйственных и культурных учреждений и других непартийных организаций. Был исключен ограничитель для организации рабочих групп — три и более членов КПК, занимающих ответственные посты.

Проведенной в течение 1982 г. работой были подготовлены положения новой Конституции КНР, принятой 4 декабря 1982 г. на 5-й сессии ВСНП пятого созыва. Положения определяли статус и структуру Государственного совета. Та же сессия ВСНП 10 декабря 1982 г. приняла Закон об организации Государственного совета КНР. Определяя состав Госсовета, Конституция ввела систему персональной ответственности премьера, министров и председателей госкомитетов. Система персональной ответственности сочеталась с коллегиальным руководством: все важные вопросы должны были решаться на пленарных заседаниях Госсовета либо на заседаниях его постоянного бюро; в министерствах и госкомитетах создавались коллегии, на которых должны обсуждаться и решаться наиболее важные вопросы [9].

Система персональной ответственности руководителей не предусматривалась тремя предыдущими конституциями страны, ее актуальность объяснялось необходимостью приведения государственного административного аппарата в соответствие с новыми задачами, выдержанными в духе постепенного ослабления планово-распределительной системы и противодействия перерождению административных кадров в условиях экономических преобразований. Состав Госсовета в должностном отношении был расширен за счет членов Госсовета и главного ревизора (функция контроля над состоянием финансовых дел министерств, центральных ведомств и ме-

стных народных правительств). Для обеспечения его работы в 1983 г. было образовано Ревизионное управление. Соответствующие органы были учреждены также при местных народных правительствах различных ступеней. Функцию контроля в рамках Госсовета ПК ВСНП усилил также восстановлением ранее существовавшего в КНР Министерства государственного контроля, призванного осуществлять проверку деятельности работников государственного аппарата на уровне ниже министерского [10].

Система государственного администрирования синхронизируется с курсом реформ

Важнейшим вызовом реформаторам в правительстве продолжала оставаться экономическая реформа, разработке и проведению которой командно-административная система оказывала сильное сопротивление снизу доверху. 3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. своим «Постановлением относительно реформы хозяйственной системы» оказал политическую поддержку сторонникам расширения рыночного сектора экономики при условии закрепления центральной роли за правительственными органами. Постановлением были определены функции правительственных органов, которые в последующем воспроизводились при каждой очередной административной реформе: 1) разработка стратегии, плана, курса и политических установок экономического и социального развития; 2) разработка проектов освоения природных ресурсов, технической реконструкции и выявление интеллектуального потенциала; 3) согласование планов развития районов, отраслей и предприятий и хозяйственных связей между ними; 4) составление планов строительства важнейших объектов, в частности, объектов энергетики, транспорта и промышленности сырьевых материалов; 5) сбор и распространение экономической информации, овладение и использование экономических рычагов регулирования; 6) выработка хозяйственных нормативных актов и контроль за их исполнением; 7) в установленных рамках назначение и смещение кадров; 8) управление

делами технико-экономического обмена и сотрудничества с зарубежными странами [11, с. 25—26].

Для усиления научного и правового обеспечения экономической политики в конце 1984 г. директором Института реформы экономической структуры Китая[1] был назначен Чэнь Ицзы, по поручению Чжао Цзыяна последовательно занимавшийся разработкой идей экономической реформы, сначала деревни, потом города [12, с. 97]. А ВСНП на 3-й сессии 6-го созыва 10 апреля 1985 г. предоставило Госсовету полномочия принимать временные правовые акты и опубликовывать их для исполнения (с уведомлением об этом ПК ВСНП) [13]. Политическое обеспечение реформирования государственного управления осуществлял Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, настойчиво продвигавший идею проведения политической реформы, интегрированной с экономической, и пользовавшийся в этом поддержкой первого лица китайской политики Дэн Сяопина.

В 1986 г. работа над предложениями по политической реформе осуществлялась Группой по изучению вопросов политической реформы, которую возглавлял Чжао Цзыян. Исследовательское и информационно-аналитическое обеспечение осуществляла Канцелярия по политической реформе, которой руководил зарекомендовавший себя плодотворной работой над концепцией экономической реформы Чэнь Ицзы [14, с. 382].

Вектор реформирования системы государственного управления теряет легитимность

Разногласия внутри партийного руководства по вопросу о том, как соотносить план с рынком, а также какой должна быть интегрированная с экономической политическая реформа, привели к кампании борьбы против «буржуазной либерализации», в результате которой Дэн Сяопин взял сторону консервативно настроенной части

[1] Институт реформы экономической структуры Китая предположительно был подотчетен ЦК КПК и Госсовету КНР. — *Прим. авт.*

высшего руководства КПК и пожертвовал в январе 1987 г. Ху Яобаном, обвиненным в излишнем радикализме при проведении экономических реформ и лишившимся своего высокого партийного поста [14, с. 379]. Реформаторский тандем Ху Яобан — Чжао Цзыян распался. До XIII съезда КПК (25.10.1987—01.11.1987 гг.) работу над формулированием концепции административной реформы как составной части реформы политической продолжил аналитический аппарат Чжао Цзыяна и его сторонники в Госсовете и ЦК КПК, Генеральным секретарем которого стал Чжао Цзыян. Ли Пэн, прохладно относившийся к набиравшим ход реформам, включая реформу административную, занял место Премьера Госсовета.

В Отчетном докладе, с которым выступил на XIII съезде КПК Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян, было предложено 7 направлений перестройки политической системы, большая часть которых распространялась на систему государственного администрирования: разграничение функций партийных и правительственных органов, передача прав вниз, перестройка аппарата правительства, перестройка кадровой системы, введение системы общественных консультаций и диалога, совершенствование институтов социалистической политической демократии, усиление строительства социалистического правопорядка [15, с. 47—65].

В части *разграничения функций партийных и правительственных органов* определялось, что роль партии состоит в том, чтобы «обеспечивать органам власти возможность в полной мере осуществлять свои функции», а политическое руководство со стороны КПК означает, что «в соответствии с установленной законом процедурой она превращает свои замыслы в волю государства...». Доклад предлагал видение того, как должны разграничиваться функции на трех уровнях партийного и государственного руководства, а также на уровне парткомов и администрации предприятий. На направлении *«дальше спускать права»* обращалось внимание на необходимость заботиться об обратной связи — «вести обследования и прислушиваться к мнениям низовых организаций, откликаясь конкретными мерами на назревшие вопросы». Для *перестройки рабочего аппарата правительства* было предложено, прежде всего, изменение функций, в результате чего «правительство осуществит переход от непосредственно

оперативного управления предприятиями к косвенному»; предлагались меры для решения проблемы перемещения высвобождающегося персонала; была отмечена необходимость усиления административного законодательства, установление поинстационной системы административной ответственности, разработки административно-процессуального кодекса. Остро и болезненно для всей системы власти был поставлен вопрос *перестройки кадровой системы, для чего предлагался* отказ от единой модели управления всеми кадрами партийного и правительственного аппарата и формирование многообразной системы кадрового управления, а также изменение положения недостаточной демократии и законности осуществления управления кадрами на основе закона и гласного контроля». Для устранения указанных недостатков было предложено введение системы государственных служащих. Съезду был предложено неординарное решение по применению механизма состязательности, положительно зарекомендовавшему себя в управлении предприятиями, для «управления всеми другими профессиональными работниками».

Часть предложений перестройки политической системы, прозвучавших на XIII съезде КПК, легли в основу Проекта реформы структуры Госсовета, принятого в марте 1988 г. на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва. В Постановлении, открывшем вторую административную реформу, были сформулированы ее базовые требования: изменение функций, передача прав нижестоящим органам, упорядочение структуры, сокращение кадрового состава, сокращение компетенции правительственных органов вмешиваться в управление предприятиями, усиление функции макрорегулирования и макроконтроля, проведение работы по изменению нерациональной структурной организации и неэффективному администрированию. Правительство наметило и представило сессии ВСНП трехэтапный порядок реформирования органов Госсовета: этапы реформирования министерского, провинциального и уездного уровней.

Представленные в Докладе установки по реформе государственного управления носили технократический характер, были соотнесены преимущественно со сферой экономики, оставляя другие сферы общественной жизни в тени. В политическом пространстве Китая в это время шла жаркая дискуссия о политической реформе.

В докладе Ли Пэна тема политической реформы была затронута лишь в самом общем виде. Ход реформ показал, что осуществление трех главных целей политической реформы — разделение функций КПК и правительственных органов, делегирование полномочий сверху вниз, повышение активности населения — порождает проблемы, без решения которых невозможно продвинутся в реформировании системы государственного администрирования. А в конце лета 1988 г. к этому добавился поворот от курса на углубление реформ к курсу на «выправление» и «упорядочение» [16, с. 113—114], вызванный обострением положения в экономике. В июне 1989 г. лишился всех постов Чжао Цзыян, ход реформирования системы государственного администрирования был фактически приостановлен.

Трансформация системы государственного администрирования КНР в промежутке с конца 1970-х до конца 1980-х годов заслуживает характеристики романтического эксперимента, завершившегося квалифицированной диагностикой проблем, решение которых обещало новые, но не проверенные ничьим опытом возможности для полноценного развития Китая. Романтическая составляющая этого эксперимента была основана на отрицании практик и институтов тоталитарного правления в Китае предшествующих полутора десятков лет для управления государством, отстающим в развитии, и намерении воспользоваться для решения проблемы отставания опытом передовых государств с рыночной экономикой и демократическим политическим устройством. Правящая элита КНР, ознакомившись с предложенной реформаторами моделью преобразований, не пошла на риск их воплощения. Однако десятилетие реформ вооружило систему государственного администрирования рядом новаций, которые сыграли положительную роль в проведении Китаем политики реформ и внешней открытости.

Библиографический список

1. *Егоров К.А.* Государственный аппарат КНР, 1967—1981. М.: Наука, 1982.

2. Чжунго гунчаньдан ди шиицзе чжунъян вэйюаньхуй ди саньцы цюаньти хуйи гунбао [Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва]. 22.12. 1978. URL:

http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65371/4441902.html (дата обращения: 13.05.2020) .

3. *Вэй Но, У Аймин.* Дандай Чжунго чжэнфу юй синчжэн [Современное китайское правительство и администрация]. Ди сан бань (Изд. 3). Бэйцзин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2012.

4. *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим: пер. с англ. М.: Новое издательство, 2016.

5. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1988.

6. *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. М.: Стилсервис, 2009.

7. Жэньминь жибао. 09.03. 1982.

8. Китайская Народная Республика в 1982 г. М.: Наука, 1987.

9. Жэньминь жибао. 20.01.1983.

10. Жэньминь жибао. 29.11.1986.

11. Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы (Принято на третьем пленуме ЦК КПК 12-го созыва 20 октября 1984 г.). Бэйцзин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1984.

12. *Чэнь Ицзы.* Китай: десятилетие реформ. Часть 1. Информационный бюллетень № 10. М.: ИДВ РАН, 1996.

13. Жэньминь жибао. 24.01. 1985.

14. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т.9.: Реформы и модернизация (1976—2009). М.: Наука, 2013. Автор раздела А.В. Виноградов.

15. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 г.). Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1988.

16. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «ФОРУМ», 2009.

References

1. *Egorov K.A. Gosudarstvennyj apparat KNR. 1967—1981. (State apparatus of the PRC 1967—198*1). M .: The main edition of the eastern literature of the publishing house “Nauka ”, 1982.

2. Zhongguo gongchandang di shiyijie zhongyang weiyuanhui di sanci quanti huiyi gongbao (Communique of the 3rd Plenary Session of the 11th Central Committee of the Communist Party of China). 22.12. 1978. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65371/4441902.html (accessed: 13.05.2020).

3. *Wei No, Wu Aiming.* Dangdai Zhongguo zhengfu yu xingzheng (Contemporary Chinese Government and Administration). Di san ban. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2012.

4. *Coase R., Wang N.* Kak Kitaj stal kapitalisticheskim (How China became capitalist) / Per. from English. M.: New Publishing House, 2016.

5. Gosudarstvennyj stroj Kitajskoj Narodnoj Respubliki (The political system of the People's Republic of China). Ed. By Gudoshnikov. M.: Publishing house "Science". The main edition of oriental literature, 1988.

6. *Usov V.N.* Den Syaopin i ego vremya (Deng Xiaoping and his time). M.: SteelService, 2009.

7. Renmin ribao. 09.03. 1982.

8. Kitajskaya Narodnaya Respublika v 1982 g. (People's Republic of China in 1982). Moscow: Nauka Publishing House. The main edition of oriental literature, 1987.

9. Renmin ribao. 20.01.1983.

10. Renmin ribao. 29.11.1986.

11. Resolution of the Central Committee of the CPC on the reform of the economic system (Adopted at the third plenary session of the Central Committee of the CPC of the 12th convocation on October 20, 1984). Beijing: Foreign Literature Publishing House, 1984.

12. *Chen Yizi.* Kitaj: desyatiletie reform (China: a decade of reform). Part 1. Newsletter No. 10. M.: Institute of the Far East Studies, RAS, 1996.

13. Renmin ribao. 24.01. 1985.

14. Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: V 10 t. T.9.: Reformy i modernizaciya (1976—2009) (The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 vol. T. 9: Reforms and modernization) (1976—2009). M.: Nauka, 2013. Section author A.V. Vinogradov.

15. Documents of the XIII All-China Congress of the Chinese Communist Party (October 25 — November 1, 1987). Beijing: Foreign Language Literature Publishing, 1988.

16. *Berger Y.M.* Ekonomicheskaya strategiya Kitaya (The economic strategy of China). M.: Publishing House FORUM, 2009.

Е.С. Баженова

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ В КНР: ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП

Аннотация. В статье дается анализ ситуации относительно борьбы с бедностью в КНР, рассмотрена политика в области жизненного уровня населения. Определены основные задачи по улучшению качества жизни населения и элиминированию бедности к 2021 г. Генеральный план, определяющий дальнейшие перспективы социально-экономического развития Китая до 2050 г., был очерчен на XIX съезде КПК в 2017 г. В том числе на нем были приняты решения о том, как «выиграть три тяжелые битвы»: в числе главных задач — борьба с бедностью, загрязнением окружающей среды и финансовыми проблемами. Искоренение бедности рассматривается руководством КПК как важная и необходимая часть работы по обеспечению социальной стабильности.

Председатель КНР Си Цзиньпин полагает, что при их решении нужно как можно больше использовать новые технологии, в частности, обработку больших массивов данных. Генеральный секретарь призвал сделать анализ больших массивов данных (big data) основой всех проводимых реформ. Эти планы касаются и борьбы с бедностью — ставится задача тщательного учета числа бедных районов, уездов, волостей, деревень, домохозяйств и определения степени бедности, чтобы в первую очередь направить усилия на самые бедные территории и самых бедных людей для оказания им адресной помощи и отслеживания эффективности этой помощи с возложением ответственности на соответствующие структуры местной власти.

Вскоре приближается знаменательная дата — 2021 год, год столетия основания Компартии. К этой дате Дэн Сяопин планировал построить «общество малого благоденствия, *сяокан*», что в первую очередь знаменует искоренение бедности. Си Цзиньпин неоднократно заявлял о приверженности этой цели. Особую важность мерам по уничтожению нищеты придает тот факт, что в 2018 г. страна отметила сороковой юбилей «политики реформ и открытости», с которой начался экономический подъем КНР.

Ключевые слова: Китай, численность населения, искоренение бедности, экономическое развитие, размещение населения, уровень жизни, доходы населения, западные регионы.

Автор: *Баженова Елена Степановна*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

Bazhenova Elena S.

POVERTY ELIMINATION IN CHINA: FINAL STAGE

Abstract. The article contains a brief analysis of the situation concerning elimination of poverty and living conditions in China. It outlined basic tasks, which were posed for improvement living conditions and poverty eradication by 2021. General plan for future socio-economic development of China up to 2050 was determined by the 19th National Congress of CPC and the 5th plenum of Central Committee of CPC in 2017. First of all it included decisions how to win “three great battles”: among the main tasks are poverty eradication, environment and financial problems. The CPC leadership believes that poverty eradication is an important and necessary work to secure social stability. The Chairman Xi Jinping considers that for decision of all these problems it is worth to use new technologies, especially to work with “big data”. The General Secretary proposed to make big data the basis for all reforms. These plans concern poverty eradication. It is necessary to calculate carefully a number of poor regions, villages and households and to determine the level of poverty; to make all efforts for help to the poorest areas and to the most poor people. The effectiveness of this help must be controlled by corresponding structures of local authorities.

2021 year is a significant data, this is the 100-years anniversary of founding the Communist Party of China. Deng Xiaoping planned to build “xiaokang” society up to this date, and this plan means poverty eradication. Xi Jinping repeatedly confirmed that he devoted to this aim. Poverty

eradication efforts are especially important now because in 2018 China celebrated the 40th anniversary of "policy of reform and openness" which was the driver for raising economic development.

Keywords: China, population number, poverty elimination, economic development, population distribution, living conditions, population income, Western regions.

Author: *Bazhenova Elena*, PhD (Econ.), the Leading Research Scholar, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

В настоящий период времени искоренение бедности, ликвидация нищеты — это самая настоятельная проблема на нашей планете. В решениях последних форумов КПК (XIX съезда КПК и 5-го пленума ЦК КПК) предусматривалось, что к 2021 г. — 100-летию образования КПК, Китай должен построить общество «сяокан» (малого благоденствия) и решить проблему бедности. На этом пути Китай смог прийти к немалым успехам, найдя свои методы искоренения бедности с китайской спецификой, с учетом местных условий, которые очень разнообразны на огромной территории страны. Кроме того, в результате долгосрочного роста экономики — 40 лет экономических реформ были заложены материальные основы для искоренения бедности — общий объем ВВП составил около 14 трлн долл. и ВВП на душу населения в 2019 г. достиг 10 тыс. долл. В минувшие десятилетия для роста экономики были типичны количественные показатели и экстенсивный характер. И хотя очень важные задачи были решены (жители страны были обеспечены питанием и одеждой), такой рост экономики имел результатом возникновение социальных проблем, среди которых самые острые — ухудшение экологии и социальное неравенство, несправедливое распределение доходов.

Для окончательного избавления от бедности нужно поддерживать стабильные темпы роста экономики и перейти к более современной модели интенсивного роста с использованием высоких технологий и высокой стоимостью результатов труда, идти по рельсам экологически чистого, гармоничного и устойчивого развития для устойчивого роста доходов населения и создания основ для уничтоже-

ния бедности. Одно из важных направлений для достижения этих целей — реструктуризация экономики, развитие ключевых современных отраслей и новых технологий; тому есть уже первые примеры — быстрый рост сети высокоскоростных железных дорог, которые быстро свяжут столицы всех провинций Китая, высвободив прежние железные дороги для стремительного увеличения товарных потоков; телекоммуникаций; биофармацевтики и электроники; взрывной рост современной национальной платежной и финансовой системы (она становится все более независимой от международных платежных систем) — кровеносных сосудов экономики. На 2020 г. запланировано ускорение процесса реформирования госпредприятий, улучшение бизнес-климата.

Начиная с 2013 г., после прихода к власти руководящего состава нового созыва, постепенно была разработана всесторонняя стратегия оказания адресной помощи населению бедных уездов и исполнения точечных мер искоренения бедности. На последнем этапе местные власти должны усилить динамику финансирования, тщательно учитывать в своей работе местные реалии, местные природные условия, использование которых может помочь формировать долгосрочные механизмы поддержания приемлемого уровня жизни.

На 2020 г. были поставлены цели, которые являются составной частью всестороннего построения общества средней зажиточности — избавить от бедности сельское население и вывести все бедные уезды из списков «уездов с обидным ярлыком бедности». Формируется внутренняя потребность китайского общества в более высококачественном развитии экономики страны, достижении не только более высоких количественных показателей, но и качественных характеристик социально-экономического развития.

Особенно заметно вырос жизненный уровень населения КНР в годы 13-й пятилетки (2016—2019 гг.). В частности, в 2015 г. доход на душу населения в городах составил 26 467 юаней в год (4255 долл.), а в деревнях — 9430 юаней (1516 долл.). Однако к 2019 г. эти показатели, как в городе, так и в деревне заметно выросли. В частности, в 2019 г. реальный прирост среднедушевых располагаемых доходов городского населения составил 7,9 % — 42 359 юаней в год (6229 долл.), а сельского составил 10,1 % — 16021 юань в год (2356 долл.).

С середины 80-х годов прошлого века правительство КНР начало проводить в жизнь специальные программы: «Семилетний план избавления от бедности 80 млн человек (1994—2000 гг.)», «Программу развития китайской деревни и избавления ее от бедности (2001—2010 гг.)», которая была продлена на 2011—2020 гг. Все эти меры позволили увеличить доходы крестьян, и по установленным до 2010 г. критериям бедности (не менее 1274 юаня в год на человека), за чертой бедности проживало 26,88 млн человек (всего 2,8 % населения). По новым критериям 2010 г. (не менее 2300 юаней в год на человека) в 2010 г. уже 165,7 млн человек (7,2 % населения) считались бедными и жили на доходы 2300 юаней в год (376 долл.). В 2015 г. этот показатель снизился до 55,75 млн человек (4 % населения страны), а в 2019 г. — до 5,5 млн человек (0,6 % населения) [1].

При этом за годы 13-й пятилетки в КНР заметно вырос уровень социального страхования. По данным на 2019 год, 532,7 млн человек в городе и деревне пользовались системой пенсионного обеспечения, из них 434,8 млн человек в городах и поселках; 1354,4 млн человек в городе и деревне пользовались базовой системой медицинского страхования, из которых 1,025 млн человек пользовались системой базового медицинского страхования в городах [2].

Согласно данным Государственного комитета по планированию рождаемости КНР, свыше 95 % сельских жителей уже охвачены системой социального страхования, субсидии из местных бюджетов составляли 320 юаней на человека, а страховые выплаты покрывают 75 % стоимости госпитализации и 50 % стоимости амбулаторно-поликлинических услуг. Также была изменена система оплаты медицинских услуг с постоплатной на предоплатную, что позволило населению своевременно обращаться за медицинской помощью и контролировать необоснованные медицинские расходы.

В социально-экономической сфере Китай добился заметных успехов. Уже большая часть населения — 60,6 % являются городскими жителями. Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформы, но и с 2000 г. — началом XXI в. По средней заработной плате среди рабочих и служащих в городах в конце 2018 г. — 82 461 юань в год

или 6872 юаня в месяц (около 69 тыс. руб. в месяц) Китай уже обогнал Россию (примерно 40 тыс. руб. в месяц) [3].

Основные показатели роста жизненного уровня населения КНР с 1990 по 2018 год отражены в табл. 1. Статистические данные пока-

Таблица 1. **Основные показатели роста жизненного уровня населения КНР с 1990 по 2018 г.**

Основные показатели	1990	2000	2009	2018
Доходы на душу населения в городе, юаней	1510	6280	17175	39 251
Доходы на душу населения в деревне, юаней	686	2253	5153	14 617
Вклады на душу населения в банках, юаней	623	5076	19 537	46 330*
Коэффициент Энгеля				
в городе	54,2	39,4	36,5	27,7
в деревне	58,8	49,1	41,0	30,1
Количество автомобилей на 100 человек в городе	—	0,5	10,89	37,5*
Количество мотоциклов на 100 человек в деревне	0,89	21,94	56,64	64,1*
Количество мобильных телефонов на 100 человек	0,002	6,77	56,27	235,4*
Количество цветных телевизоров на 100 семей				
в городе	59,0	116,6	135,7	123,8
в деревне	4,7	48,7	108,9	120*
Количество компьютеров на 100 семей				
в городе	—	9,7	65,7	80,8
в деревне	—	0,5	7,5	29,2*

* В 2017 г.

Источники: Чжунго тунцзи чжайяо — 2018 [Статистический справочник Китая — 2018], Пекин, 2018. С. 56; Чжунго тунцзи чжайяо — 2011 [Статистический справочник Китая — 2011], Пекин, 2011. С. 109, 115; Чжунго тунцзи чжайяо — 2001 [Статистический справочник Китая — 2001], Пекин, 2001. С. 94, 99.

зывают, что даже за девять лет доходы на душу населения в городе (юаней) возросли вдвое, вклады на душу населения в банках (юаней) — более чем вдвое; доходы на душу населения в деревне (юаней) — в три раза. В два раза снизился коэффициент Энгеля (доля расходов на питание в бюджете семьи) как в городе, так и в деревне, что свидетельствует о более полном удовлетворении других потребностей населения. Существенно возросло число автомобилей на 100 человек в городе (более чем втрое) и число мотоциклов в деревне; число мобильных телефонов на 100 человек — более чем в четыре раза, до 235 штук; значительно увеличилось число компьютеров на 100 семей.

Тем не менее, несмотря на рост жизненного уровня населения КНР в целом, существует значительный разрыв между доходами жителей города и деревни, жителей приморских и внутренних районов Китая. В частности, в 2018 г. разрыв между располагаемыми годовыми доходами сельских (14 617 юаней) и городских жителей (39 250 юаней) составлял 1:2,7 при среднегодовых доходах населения — 28 228 юаней в год. Разрыв между доходами жителей богатых приморских районов — 46 433 юаня и бедных западных районов — 21 936 юаней составлял 1:1,65 [4].

Если в городах центрального подчинения и приморских провинциях, можно сказать, что общество «сяокан» уже построено, поскольку в 2018 г. душевые показатели ВВП в год в городах центрального подчинения и почти всех приморских провинций заметно превышали средние по стране, например, Пекин — 140 211 юаней, Цзянсу — 115 168 юаней, Шанхай — 134 982 юаня, Чжэцзян — 98 643 юаня, то во внутренних западных районах эти показатели были в 3—4 раза ниже. В частности, в провинции Ганьсу этот показатель составлял 31 336 юаней, Гуйчжоу — 41 244 юаня [5].

Для борьбы с бедностью были внесены поправки в Закон о подоходном налоге в августе 2018 г., и в результате действия поправок при сохранении прогрессивных ставок подоходного налога необлагаемый налоговый минимум с начала 2019 г. составил 60 000 юаней в год (или 5000 юаней в месяц), что затрагивает более 2/3 населения страны [6].

В 2019 г. численность малоимущих жителей Китая уменьшилось более чем на 10 млн человек и около 340 уездов были вычеркнуты из списков «бедных уездов». К концу 2019 г. около 95 % нуждающегося населения смогли выйти из состояния бедности и с более 90 % бедных уездов был снят этот «обидный ярлык». В основном была выполнена задача по переселению жителей бедных районов в более пригодные для жизни и трудоустройства места. Выполнялись следующие мероприятия по искоренению бедности:

1. Оказание адресной помощи нуждающемуся населению и принятие точечных мер по ликвидации бедности.
2. Развитие производственных отраслей.
3. Создание рабочих мест.
4. Переселение жителей бедных районов в более пригодные для жизни и трудоустройства места.
5. Экологически чистое освоение природных ресурсов.

Канцелярией по ликвидации бедности при Госсовете КНР разработана «Программа по ликвидации бедности на 2020 год». В течение года на ликвидацию бедности будет выделено 113,6 млрд юаней, бюджетные ассигнования будут в основном направлены на поддержку бедных районов государственной категории. Будет уделяться пристальное внимание контролю за состоянием хозяйства 2 млн человек, для которых велика вероятность повторного впадения в нищету. Будет усилена динамика управления западными провинциями, где количество малоимущих превышает 100 тыс. человек. Будет постоянно осуществляться контроль над уездами, которым удалось снять с себя «обидный ярлык бедного уезда» (таких уездов остается более 200). Планируется, что последние 5,5 млн малоимущих избавятся от бедности [7].

Для активизации работы на местах правительство регулярно направляет значительное число кадровых работников, которые имеют высокие деловые качества, навыки работы с людьми и квалификацию управленцев. На основе исследования источников бедности, изучения особенностей географического положения и природных условий местности, ситуации, в которой находятся бедные слои населения и структуры производства в регионе, они составляют программу точечных мер по борьбе с бедностью, которые, как правило,

дают неплохой результат. Можно привести некоторые примеры способов увеличения доходов местных жителей:

1) сдача в аренду земельных участков в централизованном порядке; часто такие участки сдаются предприятиям, которые занимаются возделыванием чайных плантаций; при этом собственники могут работать на этих землях, получая заработную плату;

2) выращивание сельскохозяйственной продукции на продажу с учетом местных природных условий и традиций земледелия (картофеля, сычуаньского перца и др.);

3) активное развитие экотуризма, создание туристических баз, включая гестхаусы, сбор фруктов и овощей под лозунгом «Агротуризм — новый путь избавления от бедности»);

4) развитие мясного скотоводства в районах, где много высокогорных пастбищ;

5) создание платформ электронной торговли; здесь используется новая экономическая модель «сельские посредники в электронной торговле + бедные семьи», основанная на активно развивающихся технологиях электронной торговли. В этой схеме одни сельские жители становятся коммерческими посредниками для других жителей села, покупая товары у бедных семей и продавая их через интернет. Эта модель может стать путем избавления от бедности, а люди — посредники — новыми лидерами, локомотивами развития бедных деревень.

Для выполнения поставленных целей по искоренению бедности повсеместно нарастают усилия, ориентированные на улучшение условий жизни, рост жизненного уровня простых людей; продолжается увеличение инвестиций в инфраструктуру, идет привлечение капитала и нарастание динамики льготной политики относительно территорий, находящихся в состоянии постоянной бедности. Продолжаются действия по сокращению налогов и денежных сборов; снижению для предприятий, особенно малого бизнеса, себестоимости электричества, газа и логистических услуг; облегчению давления сложного и дорогого кредитования на частные средние, малые и сверхмалые предприятия, снижению стоимости общественного финансирования [8]. Непрестанно идет работа по перестройке структуры распределения доходов, и далее будут прилагаться все усилия для

роста доходов жителей страны со средним и низким уровнем заработков. Это чрезвычайно важно для развития потенциала спроса на внутреннем рынке, стимулирования стабильного роста потребления, который, в свою очередь, будет мощным драйвером качественного развития всей экономики Китая. В 2020 г. перед китайской экономикой стоят новые вызовы, в том числе преодоление последствий пандемии коронавируса. Одновременно возникают и огромные возможности для развития, разумное использование которых может поддержать устойчивое развитие экономики Китая.

Библиографический список

1. Чжунго тунцзи чжайяо — 2019 [Статистический справочник Китая — 2019]. Пекин, 2019. С. 22, 101; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019-нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи баогао [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году], ГСУ КНР, 28 февраля 2020 г. URL: http: //www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (дата обращения: 12.05.2020).

2. Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо — 2019 [Статистический справочник Китая — 2019]. Пекин, 2019. С. 22, 101; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019-нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи баогао [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году], ГСУ КНР, 28 февраля 2020 г. URL: http: //www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (дата обращения: 12.05.2020).

3. Zhongguo tongji nianjian — 2019 [Китайский статистический ежегодник], 2019. Пекин, 2019. С.40.

4. Zhongguo tongji nianjian — 2019 [Китайский статистический ежегодник], 2019. Пекин, 2019. С.56.

5. Zhongguo tongji nianjian — 2019 [Китайский статистический ежегодник], 2019. Пекин, 2019. С.30.

6. *Ostrovsky A.* The Law on Individual Income Tax in China // Far Eastern Affairs, 2019, v.47, No. 2. P. 104—112. (*Островский А.* Закон об индивидуальном налогообложении в Китае // Far Eastern Affairs, 2019, v. 47, No. 2. P. 104—112).

7. *Бянь Юнцзу, Цао Жонань.* Материальная гарантия ликвидации бедности // Китай. № 2 (172). Февраль. 2020, с. 32.

8. *Хуан Ханьцюань.* Стимулирующая сила в вызовах // Китай. № 2 (172). Февраль. 2020, с. 22.

References

1. Zhongguo tongji zhaiyao — 2019. (China Statistical Abstract — 2019). Beijing, 2019, pp. 22, 101; Zhonghua renmin gongheguo2019-nian guomin jingji he shehui fazhan tungji baogao (Statistical Communique of social and economic development of China in 2019). National Bureau of Statistics of China. 28th February, 2020. URL: http: // www.stats.gov.cn/ tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913 .html (accessed: 12.05.2020).

2. Calculated: Zhongguo tongji zhaiyao — 2019. (China Statistical Abstract — 2019). Beijing, 2019, pp. 22, 101. Zhonghua renmin gongheguo2019-nian guomin jingji he shehui fazhan tungji baogao (Statistical Communique of social and economic development of China in 2019). National Bureau of Statistics of China. 28th February, 2020. URL: http: //www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (accessed: 12.05.2020).

3. Zhongguo tongji nianjian — 2019 (China Statistical Yearbook — 2019). National Bureau of Statistics of China. China Statistics Press. Beijing, 2019, p. 40.

4. Zhongguo tongji nianjian — 2019 (China Statistical Yearbook — 2019). National Bureau of Statistics of China. China Statistics Press. Beijing, 2019, p. 56.

5. Zhongguo tongji nianjian — 2019 (China Statistical Yearbook — 2019). National Bureau of Statistics of China. China Statistics Press. Beijing, 2019, p. 30.

6. *A. Ostrovsky*. The Law on Individual Income Tax in China // Far Eastern Affairs, 2019, v.47, No.2, pp.104—112.

7. *Bian Youngzu, Cao Ronan*. Materialnaya garantiya likvidatsii bednosti // Kitai. N 2 (172). February, 2020. P. 32.

8. *Huang Hanquan*. Stimuliruyustchaya sila v vizovakh // Kitai. N 2 (172). February, 2020. P. 22.

М.А. Сущенко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Изменения в политической системе общества КНР при пятом поколении ее руководителей обусловили процессы развития в структуре политической культуры. После XIX съезда компартии наметился ряд тенденций в развитии политической культуры современного Китая. Они развиваются в соответствии с задачей по утверждению политической легитимности в массовом сознании после беспрецедентного укрепления вертикали власти в 2010-х годах. Это позволило КПК в кратчайшие сроки выработать верную стратегию политического реагирования на глобальные вызовы в чрезвычайных условиях 2019—2020 гг.

Политическую культуру КНР можно понимать как системное явление, существенный фактор развития государства и общества. В Китае сложился особый тип «социалистической политической культуры с китайской спецификой», сохраняющий устойчивость своих базисных компонентов. Изменения в их структуре являются частью политического процесса КНР, управляемого руководством партийно-государственного аппарата. Они отражают стремление национальной элиты к большей стабильности и управляемости политической системы, целостности и контролируемости китайского общества.

Нормативно-оценочный компонент политической культуры КНР оказался подверженным трансформации после XIX съезда КПК. Изменения в данном структурном компоненте происходят

посредством расширения сферы действия в политическом процессе КНР ее элементов — политических ценностей и традиций. Можно наблюдать более активное обращение властей после XIX съезда КПК к ценностным ресурсам национальной политической культуры в целях укрепления властных полномочий своих политических статусов. Власти Китая в основе своей политической деятельности опираются на другой важный элемент — политические традиции общества, используемые ими в качестве средства укрепления легитимности политического режима и расширения властных полномочий. В современной китайской политической системе функционируют традиции двух уровней — элементы политико-культурной преемственности, сложившиеся в китайском традиционном обществе и общественно-политической практике КПК XX в. Расширению сферы действия подвержен и поведенческий компонент в виде политических установок властной элиты.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, политическая культура, 4-й пленум ЦК КПК 19-го созыва, политическая система, политические традиции, ценности, установки, политическое развитие, трансформация.

Автор: *Сущенко Максим Алексеевич*, кандидат политических наук, заведующий лабораторией КРИПКиПРО, г. Кемерово.

E-mail: spacemirror@mail.ru

Sushchenko Maxim A.

POLITICAL CULTURE OF MODERN CHINA: CONTENT AND DEVELOPMENT TRENDS

Abstract. Changes in the political system of the people's Republic of China under the fifth generation of its leaders determined the development processes in the structure of its political culture. After the XIX Congress of the Communist party, there were a number of trends in the development of political culture in modern China. They are developing in accordance with the task of asserting political legitimacy in the mass consciousness after the unprecedented strengthening of the vertical of power of the PRC in the 2010s. The strengthening of the power vertical in the 2010s allowed the CPC to quickly develop the right strategy for political response to global challenges in the emergency conditions of 2019—2020.

The political culture of the PRC can be understand as a systemic phenomenon, an essential factor in the development of the state and soci-

ety. China has developed a special type of «socialist political culture with Chinese characteristics» that preserves the stability of its basic components. Changes in their structure are part of the political process of the PRC, managed by the leadership of the party-state apparatus. They reflect the desire of the national leadership for greater stability and manageability of the political system, the integrity and control of Chinese society.

The normative and evaluative component of the political culture of the people's Republic of China was subject to transformation after the XIX Congress of the CPC. Changes in this structural component occur by expanding the scope of the political process and its elements-political values and traditions.

One can observe a more active appeal of the Chinese authorities after the XIX Congress of the CPC to the value resources of the national political culture in order to strengthen the power of their political statuses. The Chinese authorities base their political activities on another important component — the political traditions of society, which they use as a means of strengthening the legitimacy of the political regime and expanding the power of the Chinese leaders. In the modern Chinese political system, traditions of two levels function — elements of political and cultural continuity that have developed in Chinese traditional society and the socio-political practice of the CPC of the XX century. The behavioral component in the form of political attitudes of the power elite is also subject to expansion of the scope of action. The behavioral component in the form of political attitudes of the power elite is also subject to expansion of the scope of action.

Keywords: China, Xi Jinping, political culture, 4th Plenum of the CPC Central Committee of the 19th convocation, political system, political traditions, values, attitudes, political development, transformation.

Author: *Maxim Sushchenko*, PhD (Political science), head of the KRIPKiPRO laboratory, Kemerovo. E-mail: spacemirror@mail.ru

Изменения в структуре китайской политической культуры, происходящие после XIX съезда компартии, являются частью управляемого сверху процесса. Укрепление властной вертикали в 2010-х годах позволило КПК в кратчайшие сроки выработать верную стратегию политического реагирования на глобальные вызовы в чрезвычайных условиях 2019—2020 гг. Происходящие события в рамках политической жизни китайского общества проявляются и в развитии его политической культуры.

Политическая культура Китая является элементом общей культуры общества, отражением культурно-исторического пространства китайской цивилизации. Она сложилась в процессе длительной политической практики, отражает сложный комплекс ее ценностей и идеалов, развивающихся исторически. Поэтому политическая культура современного Китая является сложным и комплексным явлением.

Во-первых, политическую культуру Китая можно трактовать в качестве фактора политической деятельности китайского общества. Основные компоненты политической культуры Китая представляют собой сформированные в конкретный исторический период устойчивые образцы социально-политической практики, закрепленные в политическом сознании общества.

В.Ф. Бородич пишет о политической культуре Китая как «сжатом по времени историческом опыте конкретной национально-государственной общности в сфере руководства и управления своим политическим развитием, нашедшим отражение в теории и практике текущего политического действия» [1, с. 166].

Во-вторых, политическую культуру Китая китайские авторы понимают как системное явление. Они пишут о ней как о «социалистической политической культуре», по сути, комплексном явлении. В частности, Сян Голань отмечает функционирование специфической «китайской социалистической политической культуры» («комплекс-культуры») и таких ее элементов, как «понимание политического режима», «веру в его особую роль», признание и согласие граждан с ценностями государства. В тоже время автор признает ее смешанный характер. Согласно Сян Голаню, китайская политическая культура подвержена трансформационным процессам вследствие реформирования политической системы общества и мировой экономической глобализации [2].

Другие авторы также рассматривают китайскую политическую культуру как системное явление, выделяя в ее структуре такие компоненты, как «партийная политическая культура». Чжао Лифу отмечает ее составные элементы — партийной идеологии, политических ценностей и убеждений, отраженных в основных нормативных до-

кументах государства и стиле работы политической партии [3, с. 205—214].

Таким образом, понятие «партийная культура» определяется автором как отдельная область политического функционирования в сфере деятельности правящей партии Китая. Данный взгляд на политическую культуру КНР обусловлен партократической сущностью современного китайского государства. «Партийная политическая культура» представляет собой основу современной политической культуры Китая, изменения в которой происходят посредством прямого властного вмешательства и регулирования.

В Китае сформировался особый тип «социалистической политической культуры с китайской спецификой», слабо подверженный влиянию внешних факторов, сохраняющий устойчивость своих компонентов. Российский политолог Т.В. Карадже вышеупомянутые структурные явления определяет как «ядро политической культуры». Ее защищенность от внешнего влияния, и следующих за ним изменений, обусловлена действием «защитного пояса» жесткого типа. Он состоит из национальных традиций и норм, создающих «защитный барьер», который не позволяет внешним факторам воздействовать на ее структуру и систему национальных ценностей в целом [4, с. 13—14].

Поэтому особенностью функционирования «социалистической политической культуры с китайской спецификой» является действие управляемого сверху процесса со структурными изменениями, главным образом, в *нормативно-оценочном и поведенческом компонентах*. Данные изменения отражают стремление национального руководства к большей стабильности и управляемости политической системы, целостности и контролируемости китайского общества. Поэтому изменения в структуре политической культуры как части политической системы китайского общества на современном этапе можно представить следующим образом.

Важную роль в структуре политической культуры играют личное отношение к политической системе рядовых граждан — членов политических партий, беспартийных и политических элит. Ценности, убеждения и традиции составляют *нормативно-оценочный компонент* политической культуры КНР. Изменения в данном структурном

компоненте происходят посредством расширения сферы действия в политическом процессе КНР ее элементов — политических ценностей и традиций.

Роль политических ценностей в деятельности КПК была уточнена во время заседания 4-го пленума ЦК КПК 19-го созыва. В тексте коммюнике пленума заявлено, что «государственная и управленческая система КНР обладают преимуществами в отстаивании общих идеалов, убеждений, ценностей и моральных стандартов, развитие лучшей традиционной китайской культуры, революционной культуры и передовой социалистической культуры, а также воодушевление людей на тесное идеологическое и духовное сплочение» [5].

Так, можно отметить в последние несколько лет более активное обращение властей КНР к ценностным ресурсам национальной политической культуры в целях укрепления властных полномочий своих политических статусов.

Важную роль в изменениях политической культуры играет консолидация властями *политических традиций общества*, используемых ими в качестве средства укрепления легитимности политического режима и расширения властных полномочий руководителей КНР.

В современной китайской политической системе функционируют политические традиции сразу двух уровней. *Во-первых*, это элементы политико-культурной преемственности, сложившиеся в традиционном обществе. Во время правления пятого поколения китайских лидеров проявилось в большей степени действие моноцентрической политической традиции. Данная традиция основана на монархических представлениях о централизованной властной вертикали, закрепленных в политическом сознании общества и элит. Расширенное функционирование моноцентрической властной традиции в политическом процессе КНР проявляется в действиях ее элит по консолидации и укреплению партийно-государственного аппарата.

Во-вторых, с целью усиления идеологического и административного регулирования общества современные китайские власти также опираются на духовные ресурсы политических традиций

КПК, сложившихся в XX в. Например, компартия Китая по-прежнему организована по принципу *единоначалия и строгого подчинения членов партии вышестоящим организационным структурам*. Идея укрепления партийного управления была провозглашена Си Цзиньпином на XIX съезде КПК. Он сказал: «непоколебимо всесторонне устрожать внутрипартийное управление, постоянно наращивать потенциал партии в отправлении власти и повышать уровень ее руководства» [6].

Многократное использование партийными руководителями разных поколений принципа «линии народных масс» для политической мобилизации общества при решении наиболее актуальных задач правящей партии превратилось в политическую традицию. Так, к ресурсам партийных традиций для усиления мобилизационного эффекта апеллирует и Си Цзиньпин — «[руководящие партийные кадры] должны укреплять чувство любви к людям, быть близкими к народным массам, своевременно разрешать вопросы, вызывающие озабоченности и отвечающие ожиданиям масс» [7].

Таким образом, активизация традиций в политической системе КНР свидетельствует о расширении сферы действия данного элемента *нормативно-оценочного компонента* политической культуры КНР на ее современном этапе функционирования.

Масштабирование отмеченных элементов *нравственно-оценочного компонента* — политических ценностей и традиций свидетельствует о направленности политического поведения акторов политического процесса, составляющего ее *поведенческий компонент*. Он включает в себя ряд элементов, в том числе, *политические установки и действия рядовых граждан и участников политических элит различных уровней*. Расширенному функционированию после XIX съезда КПК, прежде всего, подвержены политические установки властной элиты.

В рамках политического процесса КНР при пятом поколении прослеживается масштабирование действий ряда политических установок властной элиты.

Во-первых, это *установка на укрепление легитимности* властей пятого поколения китайских политиков. После внесения поправок в Конституцию КНР в марте 2018 г., отменяющих ограничения на за-

нятие должности Председателя КНР, для действующего китайского лидера становится важным войти в историю в качестве руководителя, с именем которого будет связано достижение страной одной из двух «столетних целей». Построение общества «сяокан» — к юбилею КПК в 2021 г. и создание «современной социалистической державы» — к годовщине образования КНР в 2049 г.

На прошедшем XIX съезде КПК были уточнены планы властей по достижению «столетних целей» в XXI в. Установка на реализацию этих планов содержалась также и в материалах 4-го пленума ЦК КПК 19-го созыва. В списке преимуществ «китайского социалистического строя» отмечена его способность реализовать данные цели. Немаловажно, что она указана на первом месте [5]. Поэтому для китайских властей сохранение контроля над распространением COVID-19 и минимизация последствий пандемии является вопросом первостепенной важности в 2020 г. От способностей властей КНР ответить в кратчайшие сроки на данные вызовы и достигнуть намеченных целей будет зависеть их репутация в массовом сознании. Поэтому от претворения в жизнь данной установки будет зависеть легитимность политических элит в КНР.

Во-вторых, это *установка на «строгое партийное управление»*. В условиях главных вызовов современности в Китае, задача повышения качества управляемости КПК является одной из самых актуальных. Данная установка неизменно встречается в материалах многих съездов компартии в эпоху реформ, начиная с начала 1980 годов. Она актуализирована и реализована при Си Цзиньпине в связи с мощной антикоррупционной кампанией. О ее действии свидетельствует упоминание в работе XIX съезда партии, а также среди «ведущих необходимостей», заявленных в работе его 4-го пленума, в виде тезиса «о сохранении и совершенствовании систем партийного и государственного надзора» [5].

Кроме того, в свете событий, связанных с распространением COVID-19 в провинции Хубэй в 2019—2020 гг., местные партийные власти стали требовать подотчетности от государственных чиновников [8]. Данная ситуация свидетельствует о реализации установки на «строгое партийное управление». Теперь она проявляется в централизации не только внутри партийной иерархии, но и в доминирова-

нии партии над органами государственной власти, пока на региональном уровне.

В-третьих, важной составляющей, подверженной расширению своей сферы функционирования, является *установка на дальнейшее подчинение НОАК политической власти*. После соответствующей поправки в Устав КПК на ее XIX съезде о «сохранении абсолютного партийного руководства НОАК» данная установка сохраняет не только свою жизнеспособность, но также свидетельствует о дальнейшем потенциале ее развития. В материалах 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (26—28 февраля 2018 г.) говорилось о «необходимо координировать реформы аппаратов партии, правительства, армии и народных организаций [9]. Это свидетельствует о дальнейшей интеграции армии в партийно-государственную систему. В коммюнике 4-го пленума (28—31 октября 2019 г.) уже отмечается задача «сохранения партийного руководства НОАК, обеспечение преданности армии партии и народу» [5]. Она свидетельствует о дальнейшем укреплении партийного контроля над национальными вооруженными силами, когда партия возлагает на себя полномочия «обеспечить их преданность».

В-четвертых, расширению области действия подвергается *установка на дальнейшее регулирование «социалистической политической культуры» китайского общества*. Политическая культура наравне с идеологией является частью культурно-идеологического компонента политической системы общества.

В данном случае можно констатировать использование ресурсов политической культуры КНР для укрепления идеологического фундамента деятельности КПК. Действие установки можно было наблюдать в резолюции 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва 2011 г. «Об углублении реформ, целого ряда важных вопросов социалистического культурного развития и процветания», где был заявлен тезис об «основных задачах в развитии китайской культуры», сведенных к «совершенствованию идеологических и моральных качеств» членов компартии [10].

В решениях 4-го пленума 19-го созыва ЦК КПК также заявлено о «сохранении и совершенствовании системы, обеспечивающей

процветание и развитие передовой социалистической культуры, в целях укрепления общего идеологического фундамента» [5].

Если в рамках работы пленума 2011 г. политико-культурные ресурсы партии были задействованы только «для совершенствования идеологических и моральных качеств членов КПК», то в решении пленума 2019 г. наблюдается масштабирование сферы действия политической культуры в виде «укрепления общего идеологического фундамента».

Таким образом, в развитии политической культуры КНР после XIX съезда компартии в 2017 г. произошел ряд изменений, свидетельствующих о расширении использования властями современного Китая ее нравственно-оценочного и поведенческого компонентов. Данные изменения инициированы политической элитой КНР. Они развиваются в соответствии с задачей по утверждению политической легитимности в массовом сознании после беспрецедентного укрепления вертикали власти КНР в 2010 годах.

Библиографический список

1. *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа. М.: ИДВ РАН, 2008. 248 с.

2. *Сян Голань.* От «вассальной» культуры к «гражданской» культуре: необходимость культурной сознательности // Теория Китай. 25.09.2012. URL: http://ru. theorychina.org/xsqy_2477/201209/t20120925_234899.shtml (дата обращения: 24.08.2019).

3. *Чжао Лифу.* Чжэнчжи вэньмин юй чжэнчжи фачжань яньцзю цуншу жэндан дэ хуньлин: Чжунго гунчаньдан чжэндан вэньхуа яньцзю [Политическая цивилизация и изучение политического развития политических партий: культурологические исследования Коммунистической партии Китая]. Ланьчжоу: Издательство Уханьского университета, 2008. 308 с.

4. *Карадже Т.В.* Политическая культура как система: содержание, структура и принципы функционирования // Вопросы политологии. 2014. № 3 (15).

5. В Пекине завершился 4-й пленум ЦК КПК 19-го созыва // Жэньминь жибао онлайн. 01.11.2019. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2019/1101/c31521-9628540.html (дата обращения: 01.11.2019).

6. Си Цзиньпин отметил необходимость непоколебимо всесторонне устрожать внутрипартийное управление, постоянно наращивать потенциал партии в отправлении власти и повышать уровень ее руководства // Жэньминь жибао онлайн. 19.10.2017. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/1019/c31521-9281801.html (дата обращения: 22.06.2019).

7. Си Цзиньпин. Выступление на заседании по координации усилий в работе по профилактике и контролю эпидемии COVID-19 и социально-экономическому развитию // Теория Китай. 16.03.2020. URL: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201608/t20160831_344988.shtml (дата обращения: 16.03.2020).

8. Wuhan Party chief demands accountability from local officials // China Daily. 19.02.2020. URL: https://enapp.chinadaily.com.cn/a/202002/19/AP5e4c8c04a3103a24b1107ae3.html (дата обращения: 13.04.2020).

9. Опубликовано коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва // Международное радио Китая. CRI russian. 01.03.2018. URL: http://russian.cri.cn/news/homePic/379/20180301/96607.html (дата обращения: 10.01.2019).

10. Гунчаньдан ди шицы цзе чжунян вэйюаньхуй ди лю цы цюаньти хуйи гунбао [Коммюнике 6-го Пленума ЦК КПК 17-го созыва] // Xinhua News Agency. Официальный сайт. 18.10.2011. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2011-10/18/c_111105580.htm (дата обращения: 03.02.2019).

References

1. *Borodich V.F.* Problemy transformacii politicheskih sistem Rossii i Kitaya (konec XX — nachalo XXI vv.): opyt sravnitel'nogo analiza (The problems of transformation of the political systems of Russia and China (late XX — early XXI centuries): a comparative analysis). Moscow, 2008. 248 p.

2. *Xiao Guolan*. Ot «vassal'noj» kul'tury k «grazhdanskoj» kul'ture: neobhodimost' kul'turnoj soznatel'nosti (From «vassal» culture to «civil» culture: the need for cultural awareness) // Teoriya·Kitaj. 25.09.2012: URL: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201209/t20120925_234899.shtml (date of accessed: 24.08.2016).

3. *Zhao Lifu*. Zhengzhi wenming yu zhengzhi fazhan yanjiu congshu zhengdang de hunling: Zhongguo gongchandang zhengdang wenhua yanjiu (The Soul of Political Parties: A Study of the Political Party Culture of the Communist Party of China). Wuhan, 2008. 308 p.

4. *Karadzhe T.V.* Politicheskaya kul'tura kak sistema: soderzhanie, struktura i principy funkcionirovaniya (Political culture as a system: content, structure and principles of operation) // Voprosy politologii. 2014. № 3 (15).

5. V Pekine zavershilsya 4-j plenum CK KPK 19-go sozyva (The 4th Plenum of the CPC Central Committee of the 19th convocation ended in Beijing) // Gazeta

«ZHen'min' ZHibao» onlajn. 01.11.2019: [URL: http://russian.people.com.cn/n3/2019/1101/c31521-9628540.html (date of accessed: 01.11.2019).

6. Si Czin'pin otmetil neobhodimost' nepokolebimo vsestoronne ustrozhat' vnutripartijnoe upravlenie, postoyanno narashchivat' potencial partii v otpravlenii vlasti i povyshat' uroven' ee rukovodstva (Xi Jinping noted the need to unshakably comprehensively intimidate the internal party management, constantly increase the party's potential in the administration of power and raise the level of its leadership) // Gazeta ZHen'min' ZHibao onlajn. 19.10.2017: URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/1019/c31521-9281801.html (date of accessed: 22.06.2019)

7. *Xi Jinping*. Vystuplenie na zasedanii po koordinacii usilij v rabote po profilaktike i kontrolyu epidemii COVID-19 i social'no-ekonomicheskomu razvitiyu (XI Jinping. Presentation at the session on coordination of efforts in the prevention and control of the COVID-19 epidemic and socio-economic development) // Teoriya·Kitaj. 16.03.2020: URL: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201608/t20160831_344988.shtml (date of accessed: 16.03.2020).

8. Wuhan Party chief demands accountability from local officials // Shina Daily. 19.02.2020: URL: https://enapp.chinadaily.com.cn/a/202002/19/AP5e4c8c04a3103a24b1107ae3.html (date of accessed: 13.04.2020).

9. Opublikovano kommyunike 3-go plenuma CK KPK 19-go sozyva (It was published communique of the 3rd Plenum of the CPC Central Committee of the 19th convocation / / International radio of China. CRI russian) // Mezhdunarodnoe radio Kitaya. CRI russian. 01.03.2018. URL: http://russian.cri.cn/news/homePic/379/20180301/96607.html (date of accessed: 10.01.2019).

10. Gongchandang di shici jie zhongyang weiyuanhui di liu ci quanti huiyi gongbao (Communique of the 6th Plenum of the 17th CPC Central Committee) // Xinhua News Agency. 18.10.2011. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2011-10/18/c_111105580.htm (date of accessed: 03.02.2017).

Ф.Ф. Шарипов, О.А. Тимофеев, С.Л. Сазанова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КИТАЯ[1]

Аннотация. Обладая значительными запасами всех видов цветных металлов на собственной территории и проводя последовательную политику в области развития промышленности и современных технологий, в частности «Сделано в Китае — 2025» и «Программа развития цветной металлургии Китая», Китайская Народная Республика на сегодняшний день стала лидером в том числе и в области производства цветных металлов, практически все виды которых используются в национальной экономике, а цветная металлургия стала одной из базовых отраслей народного хозяйства Китая и по многим показателям значительно превосходит большинство других стран-производителей цветных металлов. Рост добычи и производства цветных металлов, а также развитие производства высокотехнологичной продукции постепенно делает Китай и крупнейшим потребителем цветных металлов, что сказывается и на увеличении объемов импорта.

Но активная разработка и использование собственных месторождений цветных металлов со временем приводит к их истощению, что в свою очередь приводит к необходимости увеличения затрат на организацию добычи и первичной переработки ряда цвет-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00616.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research in the framework of scientific project. № 20-010-00616.

ных металлов за рубежом и поиску альтернативных источников сырья для предприятий.

Правительство КНР, осознавая важность цветной металлургии для национальной экономики и ее ключевую роль в реализации плана превращения КНР в крупнейшего мирового экспортера высокотехнологичной продукции, прилагает усилия по оптимизации, модернизации и цифровизации отрасли, а также в рамках «Целей зеленого развития» снижение вреда для окружающей среды.

В данной статье авторами рассмотрены основные результаты и современные тенденции развития цветной металлургии КНР, программа развития, направленная на повышение эффективности отрасли. Отдельно приведены показатели и сделан обзор сложившейся ситуации, вызовов и перспектив развития алюминиевой, медной, свинцовой и цинковой, оловянной, никелевой, кобальтовой промышленности КНР.

Ключевые слова: цветная металлургия КНР, развитие промышленности КНР, добыча цветных металлов в КНР, «Сделано в Китае — 2025», «Программа развития цветной металлургии Китая», производство алюминия, медная промышленность, производство свинца, производство цинка, никеля, кобальта.

Авторы*: *Шарипов Фанис Фалихович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международного производственного бизнеса, Государственный университет управления.
ORCID ID: 0000-0003-0129-017X. E-mail: fanissh@rambler.ru

Тимофеев Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного производственного бизнеса, Государственный университет управления.
ORCID ID: 0000-0002-6658-0007. E-mail: timooa@mail.ru

Сазанова Светлана Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры институциональной экономики, Государственный университет управления.

ORCID ID: 0000-0001-7435-714X. E-mail: sazanova@nail.ru

Sharipov Fanis F., Timofeev Oleg A., Sazanova Svetlana L.

MAJOR TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF NON-FERROUS METALLURGY IN CHINA

Abstract. Possessing significant reserves of all types of non-ferrous metals in its own territory and pursuing a consistent policy in the field of industrial development and modern technologies, in particular, “Made in

China — 2025" and "Program for the Development of Non-Ferrous Metallurgy in China," the People's Republic of China has become a leader in the field of non-ferrous metal production, almost all of which are used in the national economy, and non-ferrous metallurgy has become one of the basic sectors of the national economy of China and Industry significantly surpasses most other non-ferrous metal producing countries in many respects. The growth in the extraction and production of non-ferrous metals, as well as the development of the production of high-tech products, is gradually making China the largest consumer of non-ferrous metals, which also affects the increase in imports.

But the active development and use of their own non-ferrous metal deposits over time leads to their depletion, which in turn leads to the need to increase the costs of organizing the extraction and primary processing of a number of non-ferrous metals abroad and the search for alternative sources of raw materials for enterprises.

The PRC government, recognizing the importance of non-ferrous metallurgy for the national economy and its key role in implementing the plan to make the PRC the world's largest exporter of high-tech products, is making efforts to optimize, modernize and digitalize the industry, as well as reduce environmental damage within the framework of the "Green Development Goals".

In this article, the authors considered the main results and current trends in the development of the non-ferrous metallurgy of the PRC, a development program aimed at improving the industry's efficiency. Indicators and a review of the current situation, challenges and development prospects for the aluminum, copper, lead and zinc industries of China are presented.

Keywords: non-ferrous metallurgy of the PRC, metallurgical industry of China, the development of the PRC industry, the extraction of non-ferrous metals in the PRC, "Made in China — 2025", "Program for the development of non-ferrous metallurgy in China", aluminum production, copper industry, lead production, zinc production.

Authors: *Sharipov Fanis Falikhovich*, PhD in Economics, Associate professor, Head of international industrial business department, The State University of Management. ORCID ID: 0000-0003-0129-017X. E-mail: fanissh@rambler.ru

Timofeev Oleg Anatolyevich, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor at the international industrial business department, The State University of Management.

ORCID ID: 0000-0002-6658-0007. E-mail: timooa@mail.ru

Sazanova Svetlana Leonidovna, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of institutional Economics, The State University of Management.
ORCID ID: 0000-0001-7435-714X. E-mail: sazanova@nail.ru

Введение

Среди различных отраслей промышленности Китая металлургия обладает приоритетным значением. Десятилетний план действий «Сделано в Китае — 2025» предусматривает рост не только тех секторов, которые связаны с развитием современных наукоемких технологий, но и достижение качественного рывка в развитии экспортного потенциала данных отраслей. Массовое, ориентированное на внешние рынки производство IT-продукции в свою очередь требует значительного потребления цветных металлов. Именно поэтому объем промышленного производства в цветной металлургии в течение последних тридцати лет рос в среднем более чем на 10 % ежегодно, превзойдя все другие сектора по темпам экономического роста и степени модернизации.

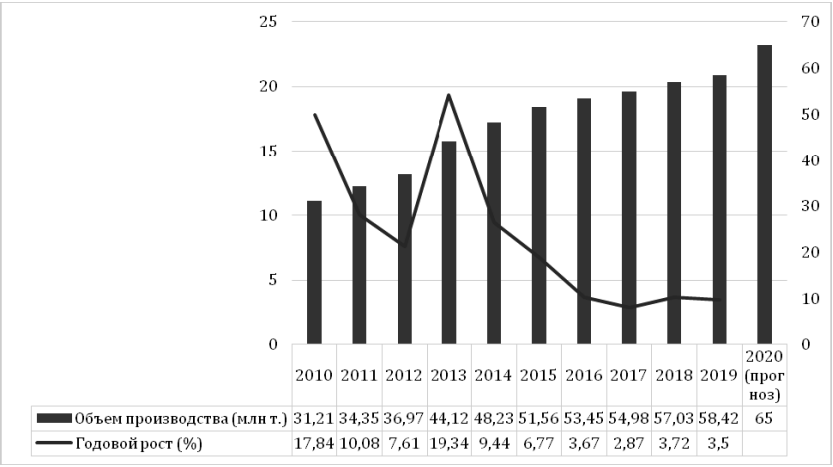
Основные тенденции развития отрасли

Цветная металлургия является одной из базовых отраслей народного хозяйства КНР. Она относится к числу наиболее крупных отраслей китайской промышленности по объему валовой продукции, размерам основных производственных фондов, численности занятых.

В КНР имеются запасы всех видов цветных металлов. Китай занимает первое место в мире по запасам олова, сурьмы, цинка. Запасы алюминия, меди, свинца, золота — также одни из крупнейших в мире. В производстве редкоземельных металлов Китай является бесспорным монополистом — в 2019 г. из 195 тыс. т. суммарного объема мирового производства на Китай приходилось 62 % (около 120 тыс. т) [1].

Китай добился несомненных успехов в развитии цветной металлургии и в настоящее время является мировым лидером в производстве цветных металлов. Производство т.н. «десяти основных цветных металлов» (алюминий, медь, свинец, цинк, никель, олово, сурьма, вольфрам, молибден и магний. На данные металлы приходится 95 % объема производства цветной металлургии и 85 % суммарных доходов отрасли) в последнее десятилетие стабильно росло, хотя темпы роста заметно снизились, начиная с 2013 г. (график 1) [2]. В 2019 г. производство меди (9,78 млн т) увеличилось на 10,2 %, первичного алюминия (35,04 млн т) — на 0,9 %, свинца (5,8 млн т) — на 14,9 %, цинка (6,24 млн т) — на 9, 2 %. Китайские предприятия производят практически все цветные металлы, находящие применение в национальной экономике, в то время как в России наблюдается крайне низкий уровень добычи по многим видам цветных металлов [2].

Постепенно КНР становится не только ведущим потребителем, но и производителем цветных металлов. При этом превращение Китая в крупнейшего глобального производителя высокотехнологичной продукции приводит к тому, что собственных мощностей уже не хватает и страна вынуждена увеличивать импорт.



	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (прогноз)
Объем производства (млн т.)	31,21	34,35	36,97	44,12	48,23	51,56	53,45	54,98	57,03	58,42	65
Годовой рост (%)	17,84	10,08	7,61	19,34	9,44	6,77	3,67	2,87	3,72	3,5	

График 1. Производство основных цветных металлов в Китае [2]

В 2016 г. правительство КНР разработало концепцию развития цветной металлургии до 2020 г. «Программа развития цветной металлургии Китая» предусматривает формирование отрасли нового типа с целью создания в стране крупной базы цветной металлургии, конкурентоспособной на внешнем рынке. «Программа» наметила следующие основные меры:

1. Сохранение более высоких темпов роста добавленной стоимости по сравнению с другими отраслями. В предыдущее десятилетие темпы роста добавленной стоимости в цветной металлургии были примерно на 4 % выше, чем темпы роста ВВП. Как известно, в период «тринадцатой пятилетки» (2016—2020) главной экономической тенденцией китайской экономики станет переход к так называемой новой нормальности, что неизбежно окажет влияние в том числе и на развитие цветной металлургии, темпы роста которой изменятся с высоких на средние. Ожидается, что среднегодовые темпы роста в цветной металлургии будут примерно на 2 % выше, чем темпы роста ВВП, то есть составят около 8 %.

2. Трансформация и оптимизация отрасли. В последние годы объемы производства, норма прибыли и инвестиции в глубокую переработку цветных металлов неуклонно увеличивались, что стало основной движущей силой для оптимизации структуры развития отрасли и повышения ее эффективности. В целях снижения избыточных мощностей, связанных с наличием большого числа так называемых предприятий-зомби, повышения эффективности работы предприятий, выпускающих продукцию средней и высокой степеней переработки, гармонизации развития отрасли с учетом плана «Сделано в Китае — 2025» предлагается, чтобы выручка от продажи продукции глубокой переработки в целом по отрасли составляла не менее 40 %, в производстве деталей для электронной промышленности и алюминия для аэрокосмической отрасли — не менее 70 %, а в электролизе алюминия — не менее 80 % от стоимости всей продукции.

3. Распространение на отрасль «Целей зеленого развития». Предполагается снижение энергопотребления на крупных предприятиях на 18 %, а сокращение общих выбросов диоксида серы на 15 %. В то же время документ планирует довести объемы промышленного использования красного шлама до 10 %.

4. Повышение уровня автоматизации и развитие дополнительных производств на предприятиях цветной металлургии. В частности, в ключевых технологических процессах использование оборудования с ЧПУ планируется довести до 80 %, долю предприятий с общими интегрированными системами производства увеличить с нынешних 12 % до 20 %, долю предприятий с интегрированными системами управления и контроля — с нынешних 13 % до 18 %, а долю предприятий с интегрированными системами производства, снабжения и сбыта — с нынешних 16 % до 22 %.

Следует отметить, что далеко не все из намеченного удалось реализовать. Так, например, под влиянием торговых споров с США темпы роста производства в отрасли начиная с 2016 г. существенно замедлились. В программе были намечены и конкретные прогнозные показатели по выпуску наиболее важной продукции цветной металлургии (табл. 1). Очевидно, что многие из них вряд ли будут реализованы в срок.

Таблица 1. **Современное состояние и перспективы развития основных отраслей цветной металлургии в Китае**

	Потребление в 2015 г., млн т	Среднегодовые темпы прироста в 2010—2015 гг., %	Производство в 2019 г., млн т	Производство в 2020 г. (прогноз), млн т	Потребление в 2020 г. (прогноз), млн т	Среднегодовые темпы прироста в 2016—2020 гг., %
Основные цветные металлы	55,6	10	58,4	65	68	4,1
Рафинированная медь	11,47	8,9	9,78	9,8	13,5	3,3
Первичный алюминий	31,07	14,4	35,04	40	40	5,2
Свинец	4,37	0,8	5,8	4,7	4,5	0,6
Цинк	5,32	3,5	6,2	7,1	7,3	1,7

Источник: материалы исследования

Одновременно с этим ряда плановых показателей удалось достичь. Так, например, в ходе реструктуризации отрасли, проводимой в первые годы «тринадцатой пятилетки» (2016—2020), ежегодно выводились из производства старые и вводились в работу новые современные производственные мощности объемом до 10 млн т. Повышение экологических требований к внутреннему производству в Китае и курс на международный аутсорсинг в перспективе может оказать поддержку и российским производителям алюминия, в последние годы испытывающим негативное влияние санкций со стороны США.

Производство алюминия

Важнейшая отрасль цветной металлургии — алюминиевая промышленность. В этой отрасли получили развитие все стадии производства — от добычи сырья до производства слябов. Следует также отметить, что уровень развития алюминиевой промышленности имеет критическое значение для тех отраслей, на развитии которых основаны как рост китайской экономики в целом, так и гармонизация структуры экспорта в направлении расширения объема и ассортимента товаров с высокой долей добавленной стоимости: строительства, автомобилестроения, электротехники и т. д. Для производства алюминия используются бокситы и высокоглиноземные сланцы с алунитами. Сырье добывается преимущественно открытым способом. В 2019 г. на Китай приходилось 56 % от мирового производства алюминия. По добыче бокситов Китай в 2019 г. с долей в 20,3 % в глобальном производстве занял третье место в мире после Австралии и Гвинеи, по производству глинозема и алюминия — первое, при этом объем производства алюминия в России, занимающей вторую строчку, составляет лишь 5 % от китайского показателя [2]. Главные районы добычи высококачественных бокситов — провинции Шаньдун, Хэнань, Гуйчжоу.

Основные заводы по производству алюминия традиционно размещаются близ районов добычи бокситов — в провинциях Шаньдун, Хэнань, Гуандун, Цзянсу, Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ) [2].

По прогнозам специалистов, основной тенденцией ближайших лет станет использование зарубежных ресурсов бокситов китайскими глиноземными предприятиями. Географическое распределение ресурсов бокситов и мощностей по производству глинозема крайне асимметрично, а объем разведанных запасов бокситов составляет менее 10 лет. В то же время при увеличении производства глинозема значительно снизилось качество руды, добываемой в Китае. Консенсусом среди крупнейших алюминиевых компаний Китая стал рост затрат на организацию добычи бокситов производство глинозема за рубежом. В последние годы многие китайские предприятия вкладывают средства в строительство в других странах (например, в Гане, Камеруне) промышленных парков, специализирующихся на производстве глинозема.

Из-за растущего спроса на глинозем в Китае и истощения запасов бокситов в Хэнани, Шаньси и Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР), 2020—2021 гг. станут переломными в развитии алюминиевой промышленности в Китае. В 2019 г. на 2,5 % сократилось производство глинозема по сравнению с 2018 г., и эта тенденция сохранится и в 2020 г. При этом объем импорта глинозема в январе-ноябре 2019 г. вырос на 167,5 % по сравнению с 2018 годом, достигнув 1,24 млн т, импорт бокситов — на 21,3 %, достигнув 91,8 млн т [3]. Планируется, что к 2026 г. импорт бокситов достигнет 120 млн т, что существенным образом повлияет на географию размещения производственных мощностей. В частности, для обеспечения бесперебойной переработки импортного сырья новые заводы и цеха будут построены в пров. Ляонин и ГЧАР.

Медная промышленность

Определенных успехов Китай добился в медной промышленности. В 2005—2006 гг. по производству рафинированной меди КНР вышла на первое место в мире, опередив Чили. В 2005 г. было произведено 2,6 млн т рафинированной меди, в 2009 г. — 4,14 млн т, а в 2019 г. — 9,78 млн т. Растущее потребление меди примерно на 3/4 удовлетворяется за счет импортного сырья. При этом КНР занимает

9-е место в мире по запасам медной руды и третье — по ее добыче (после Чили и Перу). На долю Китая приходится лишь 7,62 % мировой добычи и 3,13 % мировых запасов медной руды. Рост потребления меди связан с высокими темпами роста экономики страны, прежде всего с увеличением выпуска транспортных средств, электротехнических изделий, персональных компьютеров, кондиционеров и др.

В настоящее время медные рудники Китая могут обеспечить менее 20 % рыночного спроса. В 2015—2018 гг. произошло истощение разведанных запасов медной руды с 30 до 26 млн т (3,13 % от общемировых запасов). Это обусловливает стагнацию добычи меди. Наиболее крупные из месторождений медной руды — Байиньчан (пров. Ганьсу), Тунгуаньшань (пров. Аньхой), Дунчуань (пров. Юньнань), Дэсин (пров. Цзянси), Дае (пров. Хубэй) и Чжунтяошань (пров. Шаньси).

Продолжает расти зависимость от импорта. Объем импорта медного концентрата в 2019 г. вырос по сравнению с предыдущим годом на 11,5 % и достиг величины в 21,99 млн т [3]. Доля Китая в мировом потреблении меди составляет 51 %, доля США — 7,4 %. Поэтому на международных рынках другие ключевые производители меди часто ведут согласованную политику против Китая как безусловного монополиста в данной отрасли. С другой стороны, фактор китайского спроса оказывает значительное влияние на состояние глобального рынка цветных металлов (например, одним из факторов снижения рыночных цен на литий и медь в 2019 г. стало сокращение китайскими производителями объемов выпуска электрических автомобилей и снижение с их стороны спроса на литий-ионные аккумуляторы, в которых применяется медная фольга. В настоящее время в медной промышленности Китая идет процесс интеграции предприятий, чтобы усилить позиции на международных переговорах. Еще одной тенденцией последних лет стало увеличение мощностей переработки лома (несмотря на стремление правительства КНР расширять запрет на ввоз в страну твердых отходов, для медного и алюминиевого лома было сделано исключение — лом был переведен в графу «ресурсы», что позволит продолжить его импорт [3], чтобы снизить зависимость Китая от импорта медного концентрата.

В ответ на сложившуюся ситуацию Китай начал напрямую добывать ресурсы за пределами страны. Одним из примеров может служить рудник Mirador в Эквадоре, который был отдан на правах концессии китайской компании и совершил первую поставку медного концентрата в январе 2020 г. [3].

Наиболее крупное предприятие по выплавке черновой меди мощностью 400 тыс. т находится в пров. Цзянси. Второй производитель меди в КНР — Tongling Nonferrous Metals Group. Предприятия меньшей мощности (100—150 тыс. т) расположены в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой и Гуандун. Наиболее крупные предприятия по производству рафинированной меди находятся в Гуйси, Куньмине, Цзиньчуане, Дае, Чжанцзягане, Янгу, Шэньяне, Тяньцзине, Шанхае и др.

Производство свинца и цинка

Китай — мировой лидер по производству и добыче свинца (44 % мирового производства) и цинка (свыше 1/3 мирового производства). Производство рафинированного свинца увеличилось с 930 тыс. т в 2000 г. до 5,8 млн т в 2019 г., цинка — с 1,7 млн т. в 2000 г. до 6,24 млн т в 2019 г. (график 4).

КНР является крупнейшим производителем, потребителем и импортером цинка в мире. Если в 2004 г. в стране потреблялось около 25 % произведенного металла в мире, то в 2019 г. — более 40 %. Причем если до 2004 г. страна экспортировала цинк, то быстрое развитие промышленности привело к тому, что она превратилась в нетто-импортера данного металла с постоянно растущими объемами импорта. Развитие свинцово-цинковой промышленности стало возможно благодаря тому, что страна располагает крупными ресурсами.

Разведанные запасы свинца составляют 18,086 млн т. (20 % мировых запасов), цинка — 44,391 млн т (18 % мировых запасов) [4]. Крупные месторождения полиметаллических руд разрабатываются в Фанькоу (пров. Гуандун), Шуйкоушань (пров. Хунань), Ситешань (пров. Цинхай), Лайпин, Хойцзэ (пров. Юньнань), Хошбулак (СУАР) и др. Наиболее крупные центры по производству свинца и

цинка — города Чжучжоу, Шэнъян, Хулудао, Шаогуань, Куньмин, Ланчжоу. Ведущий мировой производитель свинца компания Shuikoushan Mining Authority (пров. Хунань), цинка — Hunan Zhue Metals Corp. Вместе с тем, в последние годы наблюдается заметное снижение темпов роста производства цинка в КНР. По прогнозам консалтингового агентства «Fitch Solutions», в 2028 г. оно достигнет лишь 4,4 млн т., а доля Китая в мировом производстве цинка снизится 40 до 28 % [4].

Производство олова

Заметную роль Китай играет и в глобальном производстве олова, при этом производство данного металла опирается в основном на собственные ресурсы. На КНР приходится 23 % доказанных мировых запасов олова и 29 % мировой добычи (первое место в мире). Для оловянной промышленности характерна крайне высокая степень концентрации производства — свыше 70 % металла выплавляется в районе Гэцзю пров. Юньнань. 2018 г. характеризовался снижением как производства, так и потребления олова, что связано с ужесточением экологических требований к его производству [4].

Производство никеля

На долю Китая в настоящее время приходится более половины мирового спроса на никель. Данный металл все шире используется не только в строительстве, но и в электронной и электротехнической промышленности. На Китай в последние годы традиционно приходится до половины мирового производства и потребления нержавеющей стали, одновременно страна также выходит и на передовые рубежи в таком быстрорастущем сегменте, как производство электромобилей, значительная доля аккумуляторных батарей для которых в настоящее время использует никелевые катоды. При этом в течение последних пяти лет импорт никеля превышает внутреннее производство. За первые шесть месяцев 2019 г. импорт никеля в КНР увеличился на 43 %.

Производство кобальта

Доля импортного сырья в производстве такого важного металла, как кобальт в КНР еще выше — в настоящее время она доходит до 95 %. В настоящее время на долю Китая приходится лишь 1,14 % разведанных запасов данного металла (ок. 80 тыс. т). Крупнейшие национальные производители кобальта — компании Huayou Cobalt, Jinchuan Group, GEM, Ganzhou Tengyuan Cobalt, Hanrui Cobalt. С 2011 г. производство кобальта растет в среднем на 9—10 % в год. В 2019 г. общее потребление кобальта в Китае достигло 9,3 тыс. т, увеличившись в годовом исчислении на 4,5 %. Рост потребления кобальта связан с расширением производства и использования литиевых батарей, твердых и жаропрочных сплавов.

Перспективы развития отрасли в связи с эпидемией коронавируса

Разразившаяся в начале 2020 г. эпидемия коронавируса COVID-19 уже оказала существенное негативное влияние на развитие цветной металлургии КНР. По данным Государственного комитета по развитию и реформе, в январе—феврале 2020 г. производство медных изделий (2,12 млн т) снизилось по сравнению с тем же периодом предыдущего года на 8,3 %, изделий из алюминия (5,91 млн т.) — на 12,5 %, глинозема (10,45 млн т) — на 13 %, свинца (722 тыс. т) — на 10,3 %, а производство олова в феврале (7,51 тыс. т) снизилось на 30,4 % по отношению к январю 2020 г.

Поскольку ареал наиболее масштабного распространения коронавируса (Центрально-Южный, Восточный Китай, пров. Хэйлунцзян) в целом совпадает с регионами наиболее массового спроса на алюминий, эпидемия может привести к росту складских запасов данного металла алюминия и снизить спотовую цену на алюминиевые слитки. Кроме того, эпидемия наверняка сдвинет сроки начала строительства ряда крупных объектов, поэтому складские запасы алюминия в первой половине 2020 г. могут оказаться выше прогнозируемых.

В данных условиях влияние фактора спроса на рынок в целом будет больше, чем влияние предложения, поэтому в краткосрочной перспективе снижение аппетита игроков к рыночным рискам отрицательно скажется прежде всего на рынке меди, свинца и цинка.

В четвертом квартале 2019 г. значительно повысились темпы роста импорта медного концентрата, электролитической меди и медного проката, что сопровождалось расширением производства внутри страны. При этом обнародованный 24 января 2020 г. государственный инвестиционный план в развитие энергосистемы в текущем году (408 млрд юаней) снизился на 8,8 % по сравнению с 2019 г. (447,3 млрд юаней), что также отрицательно скажется на цене меди.

Поскольку более 80 % потребления свинца используется для производства свинцово-кислотных аккумуляторов, ситуация в данном сегменте будет оказывать превалирующее влияние на потребление свинца. В настоящее время свыше 50 % свинца поставляется для производства автомобильных аккумуляторов с системой «старт—стоп». Эпидемия коронавируса неизбежно окажет значительное влияние на доверие потребителей к автомобильному рынку. Кроме того, все более очевидным становится влияние новых транспортных средств на традиционные автомобили. Таким образом, в ближайшее время может снизиться поддержка рынка свинца автомобилестроением КНР.

Эпидемия коронавируса пришлась на период насыщения рынка цинковых слитков, кроме того, ее эпицентр (пров. Хубэй) не играет значительной роли в добыче и производстве цинка. Именно поэтому в среднесрочной перспективе рынок цинка будет иметь понижательную динамику.

Выводы

В годы «тринадцатой пятилетки» Китай сохраняет высокие темпы развития цветной металлургии, основой чего стали рациональное размещение производства, повышение производительности труда, расширение использования импортного сырья. Несмотря на снижение показателей в ряде отраслей (производство изделий из

алюминия снизилось на 10,8 %), производство основных цветных металлов в 2016—2019 гг. выросло на 9,3 %, первичного алюминия — на 16,1 %, меди — на 15,9 %, свинца — на 24,2 %, цинка — более чем в три раза. Китай по-прежнему сохраняет свою роль ведущего производителя и даже монополиста такой важной продукции, как алюминий (56 % мирового производства), медь (51 %), цинк (свыше 40 %) и др. Наличие значительных ресурсов квалифицированной рабочей силы и курс на снижение экологической нагрузки на промышленное производство приводит к постепенному размещению предприятий upstream в странах, специализирующихся на добыче руд, в то время как стабильно растет импорт полуфабрикатов и готовых изделий. В 2016—2019 гг. он составил до 30 % потребляемой в стране меди, около половины никеля, свыше 90 % кобальта. При этом лишь в отдельных отраслях экспорт самих металлов играет существенную роль. Так, например, в 2016—2019 гг. на экспорт поставлялось лишь 8,5 % произведенных в КНР изделий из алюминия, а в других отраслях эта доля была существенно ниже. Производимые в стране металлы главным образом используются в строительстве, а также в новых отраслях машиностроения, добавленная стоимость в экспорте которых значительно превышает сырьевые показатели, что и позволяет Китаю в течение уже более десяти лет быть крупнейшим экспортером в мире. Разумеется, эпидемия коронавируса COVID-19 повлияла на развитие отрасли, однако можно предположить, что ее негативный эффект будет иметь достаточно кратковременный характер.

Библиографический список

1. *Dong, D., Tukker A., &Van der Voet, E.* (2019). Modeling copper demand in China up to 2050: A business as usual scenario based on dynamic stock and flow analysis (Моделирование спроса на медь в Китае до 2050 г.: обычный бизнес-сценарий, основанный на динамическом анализе запасов и потоков) // Journal of Industrial Ecology, 23(6), 1363—1380.

2. *Debin, D.U., & Yahua, M.A.* (2015). The Belt and Road: The grand geo-strategy of China's rise (Пояс и путь: великая геостратегия роста Китая) // Geographical research, 34(6),1005—1014.

3. *Hou, Y.* (2019). Latin American Growth and Exports to China (Латиноамериканский рост и экспорт в Китая) // International Economic Journal, 33(3), 537—559.

4. *Корнеев С.И.* (2019). Международный обзор рынка цветных металлов. Цветные металлы, 2, 4—6.

References

1. *Dong, D., Tukker A., &Van der Voet, E.* (2019). Modeling copper demand in China up to 2050: A business as usual scenario based on dynamic stock and flow analysis. Journal of Industrial Ecology, 23(6),1363—1380.

2. *Debin, D.U., & Yahua, M.A.* (2015). The Belt and Road: The grand geo-strategy of China's rise. Geographical research, 34(6),1005—1014.

3. *Hou, Y.* (2019). Latin American Growth and Exports to China. International Economic Journal, 33(3), 537—559.

4. *Korneev, S.I.* (2019). Mezhdunarodnyj obzor rynka cvetnyh metallov (International review of the non-ferrous metals market.). Non-ferrous metals, 2, 4—6.

.

К.А. Петрунько, С.Л. Сазонов

КИТАЙ РАЗВИВАЕТ ПРОИЗВОДСТВО «ЗЕЛЕНЫХ» АВТОМОБИЛЕЙ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ВОДОРОДНОЕ ТОПЛИВО

Аннотация. Столкнувшись с глобальными экологическими и энергетическими вызовами, руководство КНР стремится ускорить разработку и внедрение в производство автомобилей нового поколения, использующих альтернативные источники энергии, в частности, работающих на водородном топливе, и стремится обогнать мировых лидеров в области создания производственной и заправочной инфраструктуры. Понимая, что развитие инновационной отрасли производства автомобилей, работающих на водороде, невозможно без создания соответствующей базы производства водородных топливных элементов и водородных заправочных станций, Государственный комитет по развитию и реформам приступил к проведению целенаправленной государственной инвестиционной и экономической политики в сфере создания элементов городской инфраструктуры, обеспечивающих подачу водорода для зарядки нового вида транспорта, и стал активно стимулировать строительство заводов по производству водородных топливных ячеек. Сегодня темпы роста количества инновационных водородных зарядных станций в КНР сопоставимы с темпами роста парка новых «зеленых» автомобилей, что демонстрирует важность зарядной инфраструктуры для дальнейшего развития китайского водородного транспорта и позволяет

стране выйти в мировые лидеры в создании передовых технологий, обеспечивающих зарядку «зеленых» автомобилей.

При реализации планов руководства КНР по масштабному строительству заводов по производству и хранению водорода для «зеленых» автомобилей, а также развитию адекватной сервисной инфраструктуры в ближайшие годы следует ожидать выхода на дороги общего пользования Китая большого числа автомобилей, работающих на новом виде топлива — водородном.

Ключевые слова: Китай, автомобили, альтернативные источники энергии, водородное топливо, эмиссия, экология, импорт нефтепродуктов, станции заправки, аккумуляторные батареи, гидрогенизация.

Авторы: *Петрунько Ксения Александровна*, аспирант Института Дальнего Востока РАН; E-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru

Petrunko Ksenija A., Sazonov Sergey L.

CHINA DEVELOPS THE PRODUCTION OF «GREEN» CARS, USING HYDROGEN FUELL

Abstract. Faced with global environmental and energy challenges, the Chinese leadership is striving to accelerate the development and introduction of new-generation of vehicles using alternative energy sources, in particular, those powered by hydrogen fuel, and is striving to overtake world leaders in the creation of production and refueling infrastructure. Realizing that the development of an innovative industry of the production of cars powered by hydrogen is impossible without creating an appropriate base for the production of hydrogen fuel cells and hydrogen gas stations, the State Committee for the development and reform has launched a targeted state investment and economic policy in the field of creating elements of urban infrastructure that supply hydrogen for a new type of transport, and has actively encouraged the construction of plants for the production of hydrogen fuel cells. Today, the growth rate of the innovative hydrogen charging stations' number in China is comparable to the growth rate of the fleet of new «green» cars, which demonstrates the importance of charging infrastructure for the further development of Chinese hydrogen transport and allows the country to become a world leader in creating advanced technologies that provide charging of «green» cars.

While implementing the plans of the Chinese leadership for the large-scale construction of plants for the production and storage of hydrogen for «green» cars, as well as developing the adequate service infrastructure, in the coming years we should expect the appearance of a large number of cars running on public roads in China, using a new type of fuel — hydrogen.

Keywords: China, cars that use alternative energy sources, hydrogen fuel, emission, ecology, import of petroleum products, filling stations, batteries, hydrogenation.

Authors: *Petrunko Ksenija Aleksandrovna*, Postgraduate student of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru

Sazonov Sergey Leonidovitch, candidate of economic sciences, Leading Research Fellow of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonovch@mail.ru

С целью превращения автомобильной промышленности в более экологичную отрасль в последние годы Китай активно развивает водородную энергетику — глава правительства КНР Ли Кэцян впервые включил разработку водородных заправочных станций для АИАИЭ в свой доклад о работе правительства в 2019 г., а 8 апреля 2019 г. Государственный комитет по развитию и реформам Госсовета КНР (ГКРР) опубликовал документ, согласно которому водородная энергетика внесена в список сфер, «подлежащих стимулированию и развитию». В наши дни Китай вкладывает значительные средства в развитие новых видов энергии и, согласно отчету об инвестициях в возобновляемую энергетику, подготовленному Программой ООН по окружающей среде, в 2019 г. Китай стал ведущим в мире инвестором в развитие возобновляемой энергетики. Согласно плану в области развития инновационных энергетических технологий на период с 2016 по 2030 гг., опубликованному ГКРР, разработка автомобилей, работающих на водородных топливных элементах (ячейках), считается одной из 15 задач, призванных облегчить переход страны к возобновляемой энергетике [5]. В последние годы Китай активно развивает свою водородную энергетику, а также применение в качестве альтернативного топлива метанол и углеводородный газ (пропан-бу-

тановое топливо), способствующие превращению автомобильной промышленности страны в более экологичную и эффективную отрасль, а внешними факторами, определяющими на государственном уровне мотивацию перехода на альтернативные виды топлива, являются ограниченность запасов нефти и необходимость снижения выброса углекислого газа.

Лидерами в области разработки и производства автомобилей, использующих водородное топливо, являются автопроизводители Zhongtong Bus Holding Co., Yutong и Beijing Automotive Group. В декабре 2018 г. в г. Ухань (пров. Хубэй) был представлен образец городского автобуса, использующий новый вид альтернативного источника энергии — водородное топливо.

Автобус длиной 8,5 м явился разработкой компании Wuhan Tiger Fuel Cell Vehicle Co., и ожидается, что в конце 2020 г. он уже будет эксплуатироваться на улицах г. Ухань. Он имеет 56 пассажирских мест, может проезжать на одной заправке более 450 км, процесс дозаправки занимает всего 3—5 мин, и автобус способен работать при температурах до −200 °С и автоматически выявлять возникшие неполадки в работе [6].

Компания Tiger Fuel Cell Vehicle Co. подписала соглашение о создании СП с производителем автомобилей на новых источниках энергии Wuhan Skywell, которое в течение ближайших двух лет выпустит 3 тыс. таких автобусов. Планируется, что в 2020 г. в Ухане будет установлена первая водородная заправочная станция, а в течение ближайших трех лет их число достигнет 21 единиц. С целью расширения и углубления разработок в области производства аккумуляторных батарей на водородном топливе в зоне технико-экономического развития г. Ухань правительством КНР было принято решение о создании научно-исследовательского центра, который сможет сформировать индустриальную цепочку, объединяющую разработку, производство и продажу водородных топливных элементов для «зеленых» автомобилей в сотрудничестве с автомобильными производителями из других городов Китая. В начале 2018 г. в г. Ухань, в котором находятся основные заводы корпорации Dongfeng Motor Corporation (входящую в «Большую Четверку» ведущих китайских автопроизводителей), началось строительство Цен-

тра разработки технологий водородных аккумуляторных батарей (в них используются пластины из гидрида кальция), которые дешевле и более эффективны по сравнению со стандартными батареями, менее габаритны и более надежны. Общий объем инвестиций в создание Центра оценивается в 11,5 млрд юаней (1,75 млрд долл.), планируется, что в технологических разработках Центра примут участие около 100 производителей автомобилей, использующих альтернативные источники энергии (АИАИЭ), а годовой объем промышленного производства центра после введения его в эксплуатацию составит 35 млрд юаней [2].

В период 2018—2020 гг. в Ухане будет построено 20 водородных заправочных станций для обеспечения заправки более 3 тыс. автомобилей, использующих этот специфический вид топлива. К 2025 г. Ухань превратится в мировой центр производства водородных аккумуляторных батарей, количество заправок увеличится до 100, а объем производства 2—3 крупнейших китайских производителей водородных аккумуляторных батарей для АИАИЭ составит 100 млрд юаней (15,6 млрд долл.) [1].

Муниципальные власти г. Чаншу (пров. Цзянсу) в сотрудничестве с японской автомобилестроительной корпорацией Toyota планируют с 2020 г. активно внедрять в систему общественного транспорта города автомобили, использующие водородное топливо, в частности, с 2019 по 2022 гг. мэрия Чаншу планирует построить водородные заправочные станции и перевести часть автобусов, грузовых транспортных средств и мусоровозов на водородное топливо. В период с 2023 по 2025 гг. муниципальные власти г. Чаншу будут стремиться к достижению прорыва в освоении ключевых технологий производства автомобилей на водородных топливных элементах, обеспечению серийного производства таких автомобилей на базе 1—2 ведущих заводов и созданию более 50 предприятий по производству основных запчастей для водородного транспорта. В 2026—2030 гг. мэрия г. Чаншу намерена создать центр технологических инноваций, призванный стимулировать развитие автомобильной промышленности на водородных топливных элементах, а также промышленный кластер с годовым объемом производства в 100 млрд юаней (14,8 млрд долл.).

Расположенный в Чаншу центр исследований и разработок корпорации Toyota в 2018 г. приступил к распространению в городах Китая автомобилей на водородных топливных элементах и уже построил водородную заправочную станцию в Чаншу. Поскольку г. Чаншу обладает достаточно развитой автомобильной промышленностью и способен ежегодно производить более 100 млн куб. м водорода, муниципальные власти города высказываю заинтересованность в участии в реализации плана развития автомобильной промышленности на водородных топливных элементах с участием китайских и зарубежных научно-исследовательских организаций и инновационных стартапов.

В 2018 г. в столице провинции Сычуань Чэнду были построены две водородные станции и 10 общественных автобусов, работающих на водородном топливе, были введены в эксплуатацию на улицах города, их пробег в течение года составил более 400 тыс. км. В 2019 г. муниципальные власти Чэнду ввели в эксплуатацию еще 110 таких автобусов, а в апреле 2019 г. в Чэнду вступила в строй первая очередь линии по производству водородных элементов, которая стала первой автоматической производственной линией в западном Китае. В конце марта 2018 г. в Чэнду состоялась презентация автобуса, оснащенного двигателем, работающим на водородном топливе. Длина автобуса составляет 10,5 м и он способен проезжать 500—600 км при полном заполнении топливного бака, а при израсходовании водородного топлива автобус может продолжить свой ход на электрической тяге. Разработка программы создания данного транспортного средства обошлась в 6 млрд юаней и планируется в будущем произвести 25 тыс. подобных автобусов [7].

Китайская компания China Petroleum and Chemical Corp., которая владеет наибольшим количеством автозаправочных станций в стране, переоборудует их часть для обслуживания АИАИЭ на водородном топливе, а также расширит масштабы строительства водородных заправочных станций. Компания China Energy, которая имеет крупнейшие мощности по производству угля и водорода как в Китае, так и во всем мире, также заявила, что будет способствовать дальнейшему продвижению водородной энергетики. Аналитики полагают, что Китай с годовой производственной мощностью более

25 млн т водорода, а также огромным спросом на водородный рынок из-за бурного роста производства АИАИЭ, обладает значительным потенциалом в развитии водородной энергетики и водородной промышленности.

В Китае в начале 2019 г. насчитывалось 15 станций заправки водородом с мощностью гидрогенизации менее 200 кг, и по мнению китайских аналитиков, причиной незначительного количества водородных станций являются высокие инвестиционные затраты на их строительство и обустройство и текущий ограниченный спрос на водород. Начальный объем инвестиций, необходимый для строительства водородной станции с мощностью гидрогенизации около 200 кг, составляет около 10 млн юаней, поскольку ключевые компоненты, включая гидрогенизационные пистолеты, насосы и клапаны импортируются из-за рубежа и являются дорогостоящими компонентами.

Тем не менее, китайская корпорация Great Wall Motor Co Ltd, являющаяся одним из крупнейших в стране производителей внедорожников и пикапов, инвестировала более 1 млрд юаней (149 млн долл.) в НИОКР в области развития водородной энергетики и производства автомобилей, использующих водородное топливо[3].

С июля 2018 г. муниципалитет г. Чжанцзякоу (пров. Хэбэй) активно приступил к развитию общественного транспорта, работающего на водородном топливе, и ввел в эксплуатацию 74 автобуса с водородными топливными элементами. Компания Zhangjiakou HyPower New Energy Technology Co, занимающаяся разработкой водородных технологий в Чжанцзякоу, инвестировала около 10 млн юаней (1,5 млн долл.) в строительство первой городской водородной заправочной станции для 74 автобусов, каждый из которых позволит сократить использование бензина на 17,96 т в год и уменьшить выбросы углекислого газа на 5,5 т. К 2021 г. в Чжанцзякоу будет введено в эксплуатацию около 3 тыс. автомобилей с водородными топливными элементами, построена 31 водородная заправочная станция, а ежегодный объем производства водорода достигнет 21 тыс. т.

К этому времени будет сформирована целая промышленная цепочка, включающая специализированные заводы по производству и

хранению водорода, заправочные станции, производство водородных топливных элементов и новых «экологичных» автомобилей.

В августе 2019 г. муниципалитет г. Чжанцзякоу (пров. Хэбэй) обнародовал план разработки водородной энергетики, согласно которому к 2021 г. город станет передовым в стране по поставке водородной энергии. Ожидается, что Чжанцзякоу будет предоставлять экологически чистую энергию во время Зимних Олимпийских игр в 2022 г., построит «водородное междугороднее высокоскоростное шоссе», создаст сеть водородных автозаправочных станций вдоль автомобильной трассы Пекин—Чжанцзякоу. Долгосрочной перспективой является превращение Чжанцзякоу в международную столицу по развитию водородной энергетики к 2035 г. — к тому времени стоимость отрасли производства водородной энергетики и смежных отраслей промышленности города достигнет 170 млрд юаней, а объем выработки энергии составит 50 тыс. т.

Кроме этого, ожидается, что в промышленной зоне Чжанцзякоу будут работать свыше 100 предприятий, город станет всемирным центром исследований и разработок в области водородной энергии. В 2020 г. в г. Шэньчжэнь (в специальной зоне сотрудничества Шеньшань) будет введена в эксплуатацию первая линия по производству водородных топливных элементов, а также первая водородная заправочная станция также будет построена в этой зоне. Шэньчжэнь Bus Group Co., Ltd., Шэньчжэнь Gas Group Co., Ltd., местная технологическая компания и Новая энергетическая автомобильная фирма, подписали рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве. В соответствии с соглашением четыре стороны объединят свои усилия для содействия эксплуатации новых автобусов на электрической тяге, строительству и безопасной эксплуатации водородных заправочных станций, исследованиям и применению водородных топливных элементов и развитию интеллектуального производства новых электробусов [8].

Также активное внедрение автомобилей, использующих водородные топливные элементы, происходит в других городах Китая, включая Пекин, Шанхай и Фошань (пров. Гуандун). В конце мая 2019 г. в городе Фошань была введена в эксплуатацию первая в Китае станция для заправки автомобилей бензином и водородом с мощно-

стью гидрогенизации более 400 кг, которая сможет заправлять весь парк муниципальных электробусов, действующих на 30 городских маршрутах общественного транспорта. 10 апреля 2019 г. первая автоматизированная линия по производству водородных топливных элементов и двигателей для АИАИЭ была запущена в эксплуатацию в г. Чэнду (пров. Сычуань), а основным инвестором стала китайская корпорация Dongfang Electric Corporation (DEC), которая приступила к разработке водородных топливных элементов в 2010 г. и разработала собственные инновационные технологии, например, мембранные электроды на основе новых специфических реагентов, которые позволили снизить себестоимость производства водородных топливных элементов на 60 %. Годовая производственная мощность запущенной линии позволит выпускать около 1 тыс. двигателей, работающих на водородных элементах [4]. В 2018 г. 10 автобусов общественного транспорта, работающих на водородных элементах корпорации DEC, стали эксплуатироваться на улицах г. Чэнду (пров. Сычуань) и к началу мая 2019 г. уже проехали уже более 400 тыс. км.

В 2018 г. в Китае было продано в общей сложности 1527 автомобилей с водородными топливными элементами (рост на 20 % по сравнению с 2017 г.) и в 2019 г. на улицах городов Китая насчитывалось около 1,3 тыс. автомобилей на водородных топливных элементах, а количество водородных заправочных станций было менее 20 — по этому показателю КНР уступала США, Японии, Германии и РК. Согласно планам ГКРР, в 2020 г. парк автомобилей на водородных топливных элементах в Китае должен составлять 5 тыс. ед., в 2025 г. — 50 тыс. и в 2030 г. — 1 млн ед. [6].

Библиографический список

1. *Chang Jun*. «Hydrogen city» to be built in central China (*Чан Цзюнь*. «Водородный город» будет построен в центральном Китае). URL: http://www. chinadaily. com.cn/a/201801/22/WS5a65538ba3106e7dcc135b88.html (дата обращения: 23.01.2018).

2. *Cheng Yu*. Wuhan to house China's first industry park for developing hydrogen fuel cells (*Чэн Юй*. В Ухане разместится первый в Китае промышленный парк для разработки водородных топливных элементов. URL: http://www.chinadaily. com.cn/a/201812/24/WS5a3f7cc4a31008cf16da3260.html (дата обращения: 24.12.2018).

3. Firms adding fuel to hydrogen industry drive (Фирмы, стимулирующие развитие водородной промышленности). URL: http://www.china.org.cn/business/2019-03/20/content_74592275.htm (дата обращения: 21.03.2019).

4. Hydrogen stations to expand in west China (Водородные станции будут распространяться в западном Китае). URL: http://www.china.org.cn/business/2019-04/23/content_74711350.htm (дата обращения: 23.04.2019).

5. Hydrogen vehicles on their way (Автомобили, работающие на водородном топливе, уже в пути). URL: http://www.china.org.cn/business/2019-04/11/content_74668764_2.htm (дата обращения: 11.04.2019).

6. *Liu Zhihua, Zhang Yu*. Great Wall Motor bets big on hydrogen fuel cell vehicles (*Лю Чжихуа, Чжан Юй*. Компания Great Wall Motor делает большие ставки на автомобили с водородными топливными элементами). URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/26/WS5c749b98a3106c65c34eb69d.html (дата обращения: 26.02.2019).

7. New hydrogen-powered bus unveiled in Chengdu (В Чэнду введен в эксплуатацию новый водородный автобус, работающий на водородном топливе). URL: http://www.china.org.cn/business/2018-03/15/content_50710568.htm (дата обращения: 16.03.2018).

8. Shenzhen to launch hydrogen powered bus line in 2020 (В 2020 г. Шэньчжэнь запустит в эксплуатацию маршрут автобусов, работающих на водородном топливе). URL: http://www.china.org.cn/business/2019-11/14/content_75406845.htm (дата обращения: 14.11.2019).

9. *Zhang Dandan*. Hydrogen fuel cell technology put on solid development path (*Чжан Даньдан*. Технология производства водородных топливных элементов встала на уверенный путь развития). URL: http://africa.chinadaily.com.cn/a/201904/29/WS5cc668f7a3104842260b913c.html (дата обращения: 30.04.2019).

References

1. *Chang Jun*. «Hydrogen city» to be built in central China. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/22/WS5a65538ba3106e7dcc135b88.html (accessed: 23 January, 2018).

2. *Cheng Yu*. Wuhan to house China's first industry park for developing hydrogen fuel cells. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/24/WS5a3f7cc4a31008cf16da3260.html (accessed: 24 December, 2018).

3. Firms adding fuel to hydrogen industry drive. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-03/20/content_74592275.htm (accessed: 21 March, 2019).

4. Hydrogen stations to expand in west China. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-04/23/content_74711350.htm (accessed: 23 April, 2019).

5. Hydrogen vehicles on their way. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-04/11/content_ 74668764_2.htm (accessed: 11 April, 2019).

6. *Liu Zhihua, Zhang Yu.* Great Wall Motor bets big on hydrogen fuel cell vehicles. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/26/WS5c749b98a3106c65c34eb69d.html (accessed: 26 February, 2019).

7. New hydrogen-powered bus unveiled in Chengdu. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-03/15/content_50710568.htm (accessed: 16 March, 2018).

8. Shenzhen to launch hydrogen powered bus line in 2020. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-11/14/content_75406845.htm (accessed: 14 November, 2019).

9. *Zhang Dandan.* Hydrogen fuel cell technology put on solid development path. URL: http://africa.chinadaily.com.cn/a/201904/29/WS5cc668f7a3104842260b913c.html (accessed: 30 April, 2019).

Ю.А. Грачева

БРЕНД С НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ ТИБЕТСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВЕНЬ НАРОДОВ МЭНЬБА И ЛОБА)

Аннотация. Статья посвящена исследованию создания и развития бренда с национальной спецификой в современном Тибетском автономном районе на примере деревень малочисленных народов *мэньба* и *лоба*. Рассматриваются основные нормативные-правовые акты, в которых говорится о необходимости производства продукции вышеупомянутого типа. В современном Китае формирование бренда с национальной спецификой является одним из основных инструментов экономического развития национальных районов, о чем было упомянуто в 2016 г. в «Плане содействия развитию национальных районов и сравнительно малочисленных народов [в рамках] 13-й пятилетки».

Создание бренда с национальной спецификой в КНР тесно связано с традиционным ремеслом, художественным промыслом малочисленных народов, проживающих на территориях, которые занимают примерно 64 % площади Китая. Какие именно продукты традиционного народного промысла претерпевают трансформацию и превращаются в современный бренд с национальной спецификой на той или иной территории — представляет интерес для исследований в области экономики, антропологии, этнографии, истории и других научных отраслей. В статье приведены примеры продукции наиболее известных локальных брендов с национальной спецификой, производимых в деревнях *мэньба* и *лоба*. В статье подчеркивается, что между «народными брендами» прошлого и современности не

существует полного соответствия. В статье анализируются основные источники создания бренда с национальной спецификой в современном Тибете: локальные природные ресурсы; продукция, традиционно импортируемая в Китай из Тибета на протяжении истории; продукция, создаваемая тибетцами для местного потребления. Рассматривается экономический эффект развития предприятий, производящих продукцию брендов с национальной спецификой.

Автор статьи поднимает вопрос — какие факторы оказывают влияние на формирование бренда с национальной спецификой в Тибете? Что включает в себя само понятие? В статье приводятся различные формы реализации концепции бренда с национальной спецификой: от традиционных народных предметов быта, до создания целых деревень с национальной спецификой. Кроме того, в работе затрагивается тема соприкосновения продукции с географическим индикатором и брендом с национальной спецификой.

Ключевые слова: Китай, КНР, Тибет, Тибетский автономный район, экономика КНР, национальные районы, национальная политика, бренд с национальной спецификой, экономика Тибета.

Автор: *Грачева Юлия Александровна*, младший научный сотрудник, ИДВ РАН. ORCID: 0000-0003-4237-4054.

E-mail: link2k3@list.ru

Gracheva Yulia A.

BRAND WITH NATIONAL SPECIFICS IN THE MODERN TIBET AUTONOMOUS REGION (THE CONTEXT OF THE MENBA AND LOBA PEOPLES' VILLAGES)

Abstract. The article is devoted to the study of the creation and development of a brand with national specifics in the modern Tibet Autonomous region on the example of the villages of the national minorities of Menba and Loba. The main regulatory and legal acts that state the need for the production of the above-mentioned type of products are considered. In modern China, the formation of a brand with national specifics is one of the main tools for the economic development of national regions, which was mentioned in "The plan of promotion of the development of national regions and relatively small national minorities [within] the 13th five-year plan" (2016).

Creating a brand with national specifics in China is closely related to traditional crafts, artistic crafts of national minorities living in territories that occupy about 64 % of the area of China. Which products of traditional crafts undergo transformation and become a modern brand with nati-

onal specifics in a particular territory is of interest for research in the field of Economics, Anthropology, Ethnography, History and other scientific fields. The article provides examples of products of the most famous local brands with national specifics, produced in the villages of Menba and LobA. The article emphasizes that there is no complete correspondence between the "ethnic brands" of the past and the present. The article analyzes the main sources of creating a brand with national specifics in modern Tibet: local natural resources; products traditionally imported to China from Tibet throughout history; products created by Tibetans for local consumption. The economic effect of the development of enterprises that produce products of brands with national specifics is considered.

The author of the article raises the question — what factors do influence the formation of a brand with national specifics in Tibet? What does the concept itself include? The article presents various forms of implementation of the brand concept with national specifics: from traditional ethnic household items to the creation of entire villages with national specifics. In addition, the paper deals with the topic of product contact with a geographical indicator and a brand with national specifics.

Keywords: China, PRC, Tibet, Tibet Autonomous region, economy of China, national regions, national policy, brand with national specifics, pharmaceuticals, Tibetan medicine, economy of Tibet.

Author: *Gracheva Yulia A.*, Junior research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). ORCID: 0000-0003-4237-4054. E-mail: link2k3@list.ru

В период реализации двенадцатого и тринадцатого пятилетнего плана развития (2011—2020 гг.) в КНР большое внимание стало уделяться экономическому развитию районов, населенных малочисленными народами, в особенности в западном и юго-западном Китае. Одним из ключевых двигателей экономического развития таких районов стала концепция бренда с национальной спецификой (民族特色品牌), начало которой было положено в период реформ. В июле 1985 г. вышло «Извещение Канцелярии Госсовета о докладе Министерства торговли[1] о некоторых вопросах даль-

[1] Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества (Дуйвай мао и цзинцзи хэцзо бу), в 2003 г. преобразовано в Министерство коммерции КНР (Шан'у бу).

нейшего развития торговли в районах национальных меньшинств» (国务院办公厅转发商业部关于进一步发展少数民族地区商业若干问题的报告的通知), в котором говорилось о том, что «необходимо уважать привычки и обычаи малочисленных народов» и поэтому следует удовлетворить потребность местного населения в производстве товаров, связанных с их традиционной жизнью. В документе 1985 г. термин «бренд с национальной спецификой» еще не используется, однако его можно считать отправной точкой появления самой концепции, поскольку производство национальных продуктов потребления было названо важным инструментом развития экономики районов, населяемых малочисленными народами, что, в свою очередь, должно способствовать укреплению единства национальностей (民族团结) КНР [1].

В 1992 г. вышло «Согласие Госсовета о разрешении на учреждение специального проекта по выдаче льготных кредитов волостным и поселковым предприятиям районов, населяемых малочисленными народами» (国务院关于同意设立少数民族地区乡镇企业专项贴息贷款的批复), который распространялся только на территории пяти автономных районов (ТАР, Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский АР, Нинся-Хуэйский АР, Синьцзян-Уйгурский АР) и трех провинций — Гуйчжоу, Юньнань, Цинхай [2]. Тибет — наиболее проблемный из вышеперечисленных районов с точки зрения социального и экономического развития, стал наиболее активно развиваться в 2000-х годах, а программы по развитию приграничных и труднодоступных местностей, населяемых малочисленными народами, реализуются в последнее десятилетие.

26 марта 2011 г. Тибетский автономный район был объявлен «Важной охраняемой культурной территорией китайского народа с национальной спецификой» (重要中华民族特色文化保护地)[1]. В период реализации 11-й пятилетки 2006—2010 гг. в ТАР крупные государственные инвестиции шли на реставрацию, восстановление и воссоздание тибетских памятников материальной культуры, строительство

[1] Данное объявление было приурочено ко Дню освобождения тибетцев от крепостного рабства (Байвань нули цзефан цзинянь жи). Новый праздник был учрежден двумя годами раньше — 19 января 2009 г. на 2-й сессии Собрания народных представителей Тибетского автономного района 9-го созыва. Этот праздник имеет отсылку к мартовским событиям 1959 г., когда начался тибетский мятеж против властей КНР.

новых культурных и туристических центров и составили 123,56 млн юаней [3]. По завершению 11-й пятилетки в 2011 г. была поставлена задача достичь уровня общества средней зажиточности в ТАР к 2020 г., чему были посвящены планы развития 12-й и 13-й пятилеток (2011—2015; 2016—2020 гг.).

В «Плане содействия развитию национальных районов и сравнительно малочисленных[1] народов [в рамках] 13-й пятилетки» (国务院关于印发"十三五"促进民族地区和人口较少民族发展规划的通知) (далее — План) 2016 г. термин «бренд с национальной спецификой» используется не только в отношении производства продукции, но также распространяется на такие объекты внутреннего туризма как «деревни и поселки с национальной спецификой» (民族特色村镇). Развитие туризма с национальной спецификой, строительство и охрана локальных туристических достопримечательностей, создание маршрутов также являются важным аспектом развития концепции бренда с национальной спецификой согласно вышеупомянутому Плану. Приложение 12, п. 3 под заголовком «Создание пояса деревень с национальной спецификой» приводит список «поясов национальных деревень» провинций и национальных районов КНР, которые необходимо создать в течение 13-й пятилетки. В случае с ТАР Планом было установлено создание пояса национальных деревень народов *мэньба* (门巴)[2] и *лоба* (珞巴)[3] [12].

По итогам 13-й пятилетки сейчас можно сказать, что план создания пояса деревень *мэньба* и *лоба* был в полной мере реализован. Например, развитие получили шесть деревень *мэньба* Гэнчжан-Мэньбаской национальной волости (更章门巴民族乡)[4] в городском

[1] Сравнительно малочисленными народами в КНР считаются народы, численность которых не превышает 100 тыс. человек.

[2] Мэньба (самоназвание *монба*)— 10 561 человек (2010 г.). В КНР проживают в основном на юго-востоке ТАР в уезде Цона, в округе Хлокха (Шаньнань). Язык *мэньба* относится к группе киранти тибето-бирманских языков.

[3] Лоба (самоназвание *лхоба, лопа*) — 2300 человек (2010 г.). В КНР проживают в основном на востоке ТАР, в уездах Цзаюль (Чаюй), Мэтог (Мото), Менлинг (Милинь) округа Ньингтхри (Линьчжи) и уезде Хлюнцэ (Лунцзы) округа Хлокха (Шаньнань). Язык лоба относится к тибето-бирманской ветви сино-тибетской языковой семьи, до 1949 г. лоба использовали узелковое письмо, которое в наше время почти забыто.

[4] По данным 2015 г. население волости составляет 1338 человек.

округе Ньингчи (林芝市巴宜区) на юго-востоке ТАР. В наши дни развитие Гэнчжан-Мэньбаской национальной волости происходит в основном за счет строительства инфраструктуры: в 2013 г. здесь был проложен отрезок южной дороги Сычуань-Тибетского шоссе, соединяющего Чэнду и Лхасу, в годы 13-й пятилетки шло строительство новых жилых домов для населения, в 2017 г. была открыта новая школа. Ярким примером развития Гэнчжан-Мэньбаской национальной волости является деревня Джунгба (久巴村) с населением 124 человека (2019 г.), которая в 2013 г. полностью была перенесена к Сычуань-Тибетскому шоссе с целью улучшения транспортного сообщения и экономического развития. В деревне Джунгба с 2008 г. началось выращивание клубники, продажа которой стала «золотоносной жилой» для местных жителей. После переноса деревни ближе к шоссе, правительство инвестировало более 2,6 млн юаней в строительство 66 новых теплиц для клубники. Местные жители продают клубнику в ларьках возле дороги, а приобретают ягоды, как правило, путешествующие на своих автомобилях туристы. По словам секретаря местной партийной ячейки Добжэ, в 2018 г. суммарных доход деревни Джунгба с продажи клубники составил 1, 85 млн юаней. До выращивания клубники основным источником дохода жителей деревни служила вырубка леса, а также сбор и продажа «соснового гриба»[1]. В 2006 г. валовой доход деревни составил 1 млн юаней, в 2017 г. показатели возросли до 6,3 млн юаней, а чистый среднедушевой доход возрос с 5688 юаней до 33 833 юаней за аналогичный период. Одновременно возросло и количество членов партии среди местных жителей — 4 человека в 2005 г., 23 — в 2017 г. [11].

Традиционный промысел сбора «соснового гриба» народом *мэньба* получил свое развитие в качестве бренда с национальной

[1] «Сосновый гриб» (кит. *сунжун*, лат. *Tricholoma nauseosum*) — известен также под названием *мацутакэ*. Гриб рода Рядовка (Tricholoma) семейства рядовковых. В Китае лидерство в производстве этих грибов принадлежит провинции Сычуань, однако, первыми по качеству считаются грибы *сунжун*, собранные в Тибете, при этом самыми популярными являются грибы уезда Шангри-ла провинции Юньнань. «Сосновый гриб» в наши дни входит в тройку продуктов (первое место — мясо яка, второе — ячмень цинкэ), которыми славится уезд Шангри-ла, одновременно являясь локальным брендом с национальной спецификой.

спецификой в административном центре Баи (八一镇) вышеупомянутого городского округа Ньингчи. Здесь расположено самое крупное государственное предприятие округа — Торговая компания Ньингчи (林芝地区商贸总公司). Компания занимается продажей промышленных товаров, а также продукции брендов с национальной спецификой, среди которых продажа «соснового гриба» занимает первое место [5].

Другими наиболее известными локальными продуктами округа Ньингчи являются тибетский шафран, каменные горшки уезда Медога (墨脱县), а также другие целебные травы и продукты животноводства.

В 2015 г. годовой объем производства шафрана в Тибете достиг 100 миллионов юаней, шафрановая промышленность стала одной из ключевых отраслей экономики Тибета. Сбор шафрана и его реализация ведется, главным образом, через ООО «Тибетский шафран и развитие биотехнологий»[1], которая была основана в Лхасе в 1999 г. Основной потребитель шафрана — внутренние туристы, а пунктами продаж являются полторы тысячи магазинов, специализирующиеся на продукции брендов с местной[2] и национальной спецификой в ТАР [10].

Другой брендовый продукт округа Ньингчи — каменные горшки уезда Медога[3], — стал приобретать особенную популярность среди внутренних туристов и потребителей за пределами ТАР с 2015 г., когда этот традиционный для Тибета предмет кухни получил эмблему продукта с географическим индикатором (地理标志产品), который

---

[1] Среди главных должностных лиц компании (на 2017 г.) нет ни одного тибетца. Акционерами ООО «Тибетский шафран и развитие биотехнологий» являются ООО «Развитие инновационных биотехнологий провинции Сычуань» (Сычуань шэн да гао синь шэн'у цзишу кайфа юсянь гунсы) и АО «Тибетское пиво Лхаса» (Сицзан Ласа пицзю гуфэн юсянь гунсы). Кроме производства и продажи тибетского шафрана данная компания также занимается продажей электромеханической и электронной продукции [9].

[2] Магазины по продажам особой местной продукции именуются *ту тэ чань дянь*.

[3] Каменные горшки из Медога с давних времен были известны за пределами уезда среди тибетцев. Эти горшки поставлялись во дворец Поталу для приготовления пищи, а также считались наиболее подходящей посудой для варки многих лекарств тибетской медицины [7].

выдается Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину КНР. Родиной медогских каменных горшков считается волость Пансинь (旁辛乡), населяемая тибетцами и *мэньба*, поэтому данный продукт одновременно является локальным брендом с национальной спецификой. Основной производитель каменных медогских горшков — специализированный кооператив «Каменные горшки волости Пансиня уезда Медога», основанный в 2013 г., пайщики которого — 24 человека, все они — местные жители [6]. Большую популярность среди китайских потребителей медогские горшки получили благодаря их сходству в использовании с *хуого* (火锅). Помимо вышеуказанного кооператива, в уезде Медог позже появились и другие производители данного продукта. В наши дни модернизированные версии каменных горшков (принявшие форму сковородок, кастрюль и т. п.), а также модели с резьбой по китайским культурным мотивам (драконы, фениксы) и с китайскими иероглифическими надписями также широко популярны среди китайских потребителей.

Помимо производства локальной продукции существует другая сторона развития бренда с национальной спецификой — новое развитие деревень малочисленных народов, которое тесно связано с развитием туристической сферы. Из деревень *мэньба* и *лоба*, указанных в вышеупомянутом Плане, яркими примерами такого развития являются: деревня Мама (麻玛村) уезда Цона (错那县) в округе Лхокха (山南市) — проживают *мэньба*; деревня Цзиба (吉巴村) в том же уезде — проживают *мэньба*; деревня Доуюй уезда Лхюндзэ (隆子县) в округе Ньингчи — проживают *лоба*; деревня Наи (南伊村) в том же уезде — проживают *лоба*.

Рассмотрим в качестве примера деревню Мама с населением 227 человек (2010 г.). В 2013 г. местным правительством была поставлена цель превратить эту деревню в поселение экологической культуры и общества средней зажиточности *сяокан*. В 2015 г. завершилось строительство новых домов в стиле тибетской архитектуры, в которые переселились все жители деревни (62 семьи). С улучшением инфраструктуры, началось развитие деревни Мама в качестве нового центра притяжения для китайских туристов. В 2018 г. в деревне уже было открыто 49 гостиниц, 7 ресторанов и 6 чайных. Сейчас местные

жители работают в сфере услуг, связанных с туризмом, а также занимаются изготовлением продукции с национальной спецификой, например, плетенных из бамбука корзин и другой утвари. Кроме того, местные жители ежегодно получают субсидии от государства как жители приграничных территорий страны[1] [8].

Цель создания поселения общества средней зажиточности *сяокан* и экологической культуры была поставлена в 2014 г. и в деревне народа *лоба* Доуюй с населением 223 человека. Как и в случае с деревней Мама, сначала создавалась инфраструктура — была построена дорога, проведен водопровод, налажены средства коммуникации. В 2016 г. местным правительством было объявлено о достижении поставленной выше цели. После воссоздания деревня Доуюй была объявлена культурным памятником, а местные жители стали зарабатывать в сфере туризма. Местными брендами с национальной спецификой являются украшения и одежда в народном стиле *лоба*, изготовление деревянных чаш, плетение изделий из бамбука, а также танец *лоба* с ножами[2], исполняемый теперь для туристов и на местных праздничных, культурных мероприятиях. Изготовлением вышеперечисленных изделий занимаются местные мастера, входящие в состав производственных кооперативов, созданных в деревне Доуюй по инициативе местного правительства. До решения о реализации построения общества экологической культуры местные жители зарабатывали на жизнь вырубкой леса, которая теперь запрещена [4].

Вышеперечисленные примеры показывают, что в «Плане содействия развитию национальных районов и сравнительно малочисленных народов [в рамках] 13-й пятилетки» предлагается комплексный подход к реализации концепции развития бренда с национальной спецификой. Во-первых, в это понятие включается производство продукции, традиционно свойственное данной местности и/или этнической группе (это могут быть продукты и блюда местной нацио-

[1] В 2019 г. государственные субсидии составили 4500—4700 юней на человека в год в приграничных территориях ТАР.

[2] Танец с ножами народа лоба входит в список нематериального наследия государственного уровня КНР.

нальной кухни, местные лекарственные средства, произведения традиционных национальных ремесел, народный костюм и его элементы и т. д.). Во-вторых, этот термин также включает в себя сохранение, развитие, воссоздание и создание деревень местных малочисленных народов, объявление этих населенных пунктов туристическими достопримечательностями. Такие деревни часто становятся центрами экономического развития территориально-административной единицы, к которой они принадлежат. Одновременно, эти деревни служат основными местами коммерческой реализации местных продуктов с национальной спецификой. В-третьих, общая концепция развития бренда с национальной спецификой не обходится без развития инфраструктуры — строительства дорог, гостиниц, новых жилых домов, создания сельских и промышленных предприятий.

В наши дни бренд с национальной спецификой в КНР проходит новую стадию трансформации, включая в себя как продукцию, действительно имеющую отношение к традиционной жизни и быту конкретного малочисленного народа, так и новосозданную, что зачастую способствует формированию у потребителя неверного представления о реальной аутентичной культуре местного народа. Включаясь в новый процесс по созданию бренда с национальной спецификой местные жители:

• производят продукт, который раньше не был свойственен данной местности. Происходит переплетение нового «локального продукта» (土特产品) и понятия бренда с национальной спецификой. Существует множество примеров появления псевдоэтнических товаров, которые могут вытеснять традиционную продукцию (это касается как продуктов питания, так и предметов быта, одежды)[1].

• производят то, что производили раньше. Основными факторами, влияющими на превращение того или иного продукта традиционного ремесла, творчества и привычек местного народа в бренд с национальной спецификой, являются: спрос внутреннего китайско-

[1] Например, вытеснение традиционных лепешек *баба* печеньем с начинкой из лепестков роз в Лицзяне (из полевых исследований автора статьи в провинции Юньнань в 2011—2019 гг.).

го потребителя, близость к китайской культуре — продукты медицины, определенная утварь и т. д. Сюда могут входить как созданные человеком предметы, так и дары природы.

Не следует путать продукт, имеющий географический индикатор с брендом с национальной спецификой. Географический индикатор является эмблемой, решение о присуждении которой принимает Главное государственное управление по контролю качества, инспекции и карантину КНР. Очень часто этим знаком награждаются особенно востребованные и ценные продукты брендов с национальной спецификой. Бренд с национальной спецификой — это не эмблема, а сложная концепция, включающая в себя продукт человеческого творчества, среду обитания человека (жилье, поселение), природные ресурсы (например, лекарственные растения) и окружающую среду (пейзажи), цель которой — ускорение экономического и социального развития районов КНР, населенных малочисленными народами.

Библиографический список

1. Го'уюань баньгунтин чжуаньфа шанъе бу гуаньюй цзинь и бу фачжань шаошу миньцзу дицюй шанъе жогань вэньти дэ баогао дэ тунчжи [«Извещение Канцелярии Госсовета о докладе Министерства торговли о некоторых вопросах дальнейшего развития торговли в районах национальных меньшинств»]. Веб-сайт Центрального народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-10/18/content_5121062.htm (дата обращения: 19.05.2020).

2. Го'уюань гуаньюй тунъи шэли шаошу миньцзу дицюй сян чжень ци'е чжуань сян те си дайкуань дэ пифу [Согласие Госсовета о разрешении на учреждение специального проекта по выдаче льготных кредитов волостным и поселковым предприятиям районов, населяемых малочисленными народами]. Веб-сайт Центрального народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2010-12/27/content_6640.htm (дата обращения: 19.05.2020).

3. Гоцзя литуй Сицзан чэнвэй «чжунъяо чжунхуа миньцзу тэсэ вэньхуа баоху ди» [Государство всеми силами продвигает Тибет в качестве ««Важной охраняемой культурной территории китайского народа с национальной спецификой»]. Веб-сайт Центрального народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2011-03/26/content_1832261.htm. (дата обращения: 19.05.2020).

4. Да шань шэньчу фан лоба [В гости к лоба в больших далеких горах] // Информационный портал поисковика «Соху». URL: http://roll.sohu.com/20150910/n420802713.shtml (дата обращения: 19.05.2020).

5. Линьчжи сунжун [Сосновый гриб Ньингчи] // Веб-сайт Энциклопедии особых товаров местного производства КНР. URL: http://shop.bytravel.cn/produce2/6797829D677E8338.html (дата обращения: 19.05.2020).

6. Мото сянь Пансинь сян шиго чжуанье хэцзошэ [Специализированный кооператив «Каменные горшки волости Пансиня уезда Медога»] // Информационный портал о предприятиях, спросе и поставок. URL: http://www.11467.com/qiye/57660801.htm#fengongsi (дата обращения: 19.05.2020).

7. Мото шиго [Каменные гошки Медога] // Веб-сайт Энциклопедии особых товаров местного производства КНР. URL: http://shop.bytravel.cn/produce1/58A8813177F39505.html (дата обращения: 19.05.2020).

8. Сицзан мама бяньцзин сяокан цунь: шэнь шань ли дэ синфу цзяюань [Приграничная деревня Мама в Тибете [достигшая] общества средней зажиточности: счастливый дом в далеких горах] // Веб-сайт Энциклопедии Байду. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1607022502210131268&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 19.05.2020).

9. Сицзан цзан хунхуа шэн'у кэцзи кайфа юсянь гунсы [ООО «Тибетский шафран и развитие биотехнологий] // Информационный портал «Байду». Кредитный рейтинг предприятий. URL: https://xin.baidu.com/company_detail_64040820645197rq=ef&pd=ee&from=ps&fl=1&castk=LTE%3D&tab=basic (дата обращения: 19.05.2020).

10. Сицзан чжошоу шэньбао цзан хунхуа вэй дили бяочжи чаньпинь [Тибет приступил к ходатайству о присуждении тибетскому шафрану статуса продукта с географическим индикатором] // Веб-сайт Энциклопедии сельского хозяйства. URL: http://county.aweb.com.cn/20151203/607743540.shtml (дата обращения: 19.05.2020).

11. Чуань цзан гунлу бянь цуньчжуан дэ «тянь ми» чанье [«Сладкое» производство в деревне у Сычуань-Тибетского шоссе] // Веб-сайт новостного агентства Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/mrdx/2019-05/24/c_138085177.htm (дата обращения: 19.05.2020).

12. «Ши сань у» цуцзинь миньцзу дицюй хэ жэнькоу цзяо шао миньцзу фачжань гуйхуа [План содействия развитию национальных районов и сравнительно малочисленных народов [в рамках] «13-й пятилетки»] // Веб-сайт Центрального народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-01/24/content_5162950.htm (дата обращения: 19.05.2020).

References

1. Guowuyuan bangongting zhuanfa shangye bu guanyu jinyi bu fazhan shaoshu minzu diqu shangye ruogan wenti de baogao de tongzhi («Notification of the Office of the State Council on the report of the Ministry of trade on certain issues of further development of trade in areas of national minorities») // The Chinese Central Gonernment's Official Web Portal. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-10/18/content_5121062.htm (access: 19.05.2020).

2. Guowuyuan guanyu tongyi sheli shaoshu minzu diqu xiang zhen qiye zhuanxiang tie xi daikuan de pifu (Consent of the State Council for permission to establish a special project for granting preferential loans to county and settlement enterprises in areas inhabited by national minorities)// The Chinese Central Gonernment's Official Web Portal. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2010-12/27/content_6640.htm (access: 19.05.2020).

3. Guojia litui Xizang chengwei «Zhongyao zhonghua minzu tese wenhua baohu di» (The state does its best to promote Tibet as «an Important protected cultural territory of the Chinese people with national specificity») // The Chinese Central Gonernment's Official Web Portal. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2011-03/26/content_1832261.htm (access: 19.05.2020).

4. Da shan shen chufang luobo (To visit Loba in the great distant mountains) // Web Portal of «Suohu» searcher. URL: http://roll.sohu.com/20150910/n420802713.shtml (access: 19.05.2020).

5. Linzhi songrong (A pine mushroom of N'ingchi) // The Website of the Encyclopedia of the PRC's special local products. URL: http://shop.bytravel.cn/produce2/6797829D677E8338.html (access: 19.05.2020).

6. Motuo xian Pangxin xiang shi guo zhuanye hezuo she (The specialized cooperative "Stone pots of Pangxin in Medog County») // The enterprises, demands and supplies Web Portal. URL: http://www.11467.com/qiye/57660801.htm#fengongsi (access: 19.05.2020).

7. Muotuo shi guo (Medog's stone pots) // The Website of the Encyclopedia of the PRC's special local products. URL: http://shop.bytravel.cn/produce1/58A8813177F39505.html (access: 19.05.2020).

8. Xizang Mama bianjing xiaokang cun: shen shan li de xingfu jiayuan (Mama border village in Tibet [reached] a middle-class society: a happy home in the remote mountains) // The «Baidu» Encyclopedia's Web Portal. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1607022502210131268&wfr=spider&for=pc (access: 19.05.2020).

9. Xizang zang honghua shengwu keji kaifa youxian gongsi renling (Tibetan saffron and biotechnologies development, LLC) // The «Baidu» Web Portal. Enterprises' credit rating. URL: https://xin.baidu.com/company_detail_64040820645197rq=ef&pd=ee&from=ps&fl=1&castk=LTE%3D&tab=basic (access: 19.05.2020).

10. Xizang zhuoshou shenbao zang honghua wei dili biaozhi chanpin (Tibet has launched a petition to award Tibetan saffron the status of a product with a geographical indicator) // The Agricultural Encyclopedia's Web Portal. URL: http://county.aweb.com.cn/20151203/607743540.shtml (access: 19.05.2020).

11. Chuan cang gonglu bian cunzhuang de «tianmi» chanye («Sweet» production in a village near the Sichuan-Tibet highway) // The «Xinhua» news Agency's Official Web Portal. URL: http://www.xinhuanet.com/mrdx/2019-05/24/c_138085177.htm (access: 19.05.2020)

12. «Shi san wu» cujin minzu diqu he renkou jiaoshao minzu fazhan guihua» (Plan to promote the development of national regions and relatively small national minorities [within the framework of] the"13th five-year plan») // The Chinese Central Gonernment's Official Web Portal. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-01/24/content_5162950.htm (access: 19.05.2020).

В.А. Скосырев

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ БУДУЩЕГО РЕФОРМ

Аннотация. В статье рассматривается появление концепции «новой нормальности» в китайском идеологическом поле. После прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г. темпы экономического роста КНР снизились. Появилась угроза того, что цель построения «среднезажиточного общества» к 2020 г. не будет достигнута. По этой причине китайское руководство выдвинуло идеологическую концепцию «новой нормальности». Она призвана убедить целевую аудиторию внутри страны и за ее пределами в том, что китайская экономика остается здоровой, и переход от высоких темпов роста к «средневысоким» — вовсе не кризисное явление, а период новых возможностей. Термин «новая нормальность» возник в США в 2009 г. и описывал негативные проявления кризиса 2008 г. В 2013 г. термин проник в Китай. СМИ КНР начали активно его использовать в августе 2014 г. с тем, чтобы представить замедление темпов роста в положительном свете. В таком виде «новая нормальность» распространилась в академическом пространстве. Концепция подходит для анализа идеологии КНР, но не экономической обстановки в стране.

Подтверждением этому выступают дискуссии китайских экономистов. В статье приведен анализ переписки в Wechat между

Линь Ифу и его коллегами. Экономисты обсуждали будущее китайских реформ. Линь Ифу и Ван Юн выступили за сохранение статуса-кво. Го Цян выразил несогласие с коллегами. По его мнению, в настоящий момент нельзя занимать выжидательную позицию, и реформы необходимо форсировать. Модель «внутрисистемных» преобразований, продвигаемая Линь Ифу и Ван Юном превратилась в антиреформаторскую доктрину. Анализ дискуссии позволяет сделать предположение — у китайских экспертов нет уверенности относительно того, в каком направлении следует проводить экономические преобразования.

Ключевые слова: Китай, идеология, новая нормальность, экономика, реформы, дискуссии, среднезажиточное общество, Си Цзиньпин.

Автор: *Скосырев Владимир Алексеевич*, аспирант ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com

Skosyrev Vladimir A.

THE NEW NORMAL: IDEOLOGY AND DISCUSSION OF ECONOMIC REFORMS IN CHINA

Abstract. This article offers perspective on the establishment of the New Normal theory in Chinese ideological sphere. China experienced a drop in it's GDP growth rate after Xi Jinping assumed power in 2012. Chinese authorities faced a threat of not accomplishing the goal of building a moderately prosperous society by 2020. This understanding led to the introduction of new ideological doctrine — the New Normal. It's goal is to convince the public both in China and abroad that Chinese economy is healthy and moving from high growth rates to medium-to-high growth does not mean crises, but opens new possibilities instead. The term New Normality appeared in the United States in 2009. It described the negative aspects of the 2008 economic crisis. In 2013 the term made its way to China. Chinese mass media sources started to disseminate the New Normal theory in august 2014. The goal was to present the economic slowdown in positive light. In that form the New Normality theory spread in Chinese academic environment. The theory is adequate for analyzing ideology of China, but not the economy of the country.

The "real" discussions among the Chinese economists proves the point. In this article we also analyze the Wechat debate between Lin Yifu and his colleagues. The economists talked over the future of Chinese re-

forms. Lin Yifu and Wang Yong defended the status quo, while Guo Qiang disagreed with them. He argued against adopting a wait-and-see attitude. In his view, the reform should be forced. Lin Yifu's and Wang Yong's indigenous system reform proposal actually blocks further progress. The analysis of the discussion allows us to suppose that Chinese experts are not certain about how to deal with the economic situation in the country.

Keywords: China, ideology, New Normal, economy, reforms, discussions, Moderately prosperous society, Xi Jinping.

Author: *Skosyrev Vladimir A.*, Ph.D. candidate in the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University.

E-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com

С приходом Си Цзиньпина к власти в 2012 г. двузначные цифры экономического роста ушли в прошлое. Последние восемь лет ежегодный прирост китайского ВВП составлял 6—7 %. Зарубежные аналитики предсказывали, что Коммунистическая партия Китая (КПК) столкнется с кризисом легитимности. Эксперты исходили из того, что поддержка Компартии держалась на темпах экономического роста. Однако кризиса легитимности не случилось.

Во-первых, темпы роста ВВП мало чего говорят об имидже Компартии. Быстрое экономическое развитие сопровождается негативными моментами — коррупцией и загрязнением окружающей среды. Опросы общественного мнения показывают — поддержка партии и государственных институтов не связана с темпами роста и показателями ВВП на душу населения. Граждане КНР склонны поддерживать существующий политический порядок, если увеличиваются их доходы. Благосостояние отдельных домохозяйств отражает уровень поддержки Компартии лучше, чем показатели ВВП [7].

Во-вторых, китайское руководство использовало пропаганду, чтобы представить замедление экономического роста в положительном свете. В конце 2013 г. в китайской прессе и научных публикациях появился термин «Новая нормальность» (新常态). Снижение темпов экономического роста не подрывает легитимность Компартии, потому что она направляет восприятие экономических реалий в нужное русло.

После поездки Дэн Сяопина на юг страны в 1992 г. китайские экономисты поставили цель — увеличить ВВП страны 1980 г. в четыре раза к 2000 г. и учетверить показатели 2000 г. к 2020 г., чтобы завершить строительство «среднезажиточного общества» (小康社会). Достижение этих показателей будет свидетельствовать о том, что Компартия вывела страну из нищеты и периода «исторических унижений». Отпраздновать достижение цели планируется 1 июля 2021 г. — на эту дату приходится столетие со дня основания КПК [6].

По подсчетам китайских экономистов, ВВП 2010 г. удвоится к 2020 г., если его ежегодный прирост составит 7 %. Однако после 2014 г. темпы роста опустились ниже этой отметки. Более того, зарубежные аналитики отмечали, что китайский ВВП растет ниже показателей официальной статистики. Китайское руководство выдвинуло концепцию «новой нормальности», потому что появилась вероятность существенного снижения темпов роста до 2021 г. [8].

Термин «новая нормальность» возник в США. В 2009 г. его популяризировал глава калифорнийской фондовой компании Pacific Investment Management Co. Билл Гросс, который утверждал, что мир вошел в период низких темпов роста, высокой безработицы, растущей инфляции и снижения роли США в мировой экономике. В таком виде термин был подхвачен американскими аналитиками и политологами [8].

«Новая нормальность» появилась в китайских партийных документах в декабре 2013 г., когда проходило Центральное рабочее совещание по вопросам экономики. Через две недели после совещания в газете «Жэньминь жибао» появилась статья, в которой отмечалось: «Центр осуществил переоценку экономической ситуации». Утверждалось, что китайскую экономику ждет замедление роста, болезненная структурная перестройка и снижение эффективности политики стимулирования, проводившейся после мирового экономического кризиса. Для того, чтобы пройти через этот непростой период, предлагалось перейти к «средневысоким» темпам роста, что и было названо «новой нормальностью» [1].

В мае 2014 г. Си Цзиньпин упомянул термин во время поездки в провинцию Хэнань: «Развитие Китая по-прежнему находится на стадии стратегических возможностей. Необходимо повышать уве-

ренность, исходить из текущего этапа развития экономики Китая, приспосабливаться к “новой нормальности” и сохранять спокойствие» [2]. Основной посыл сообщения китайского лидера был психологическим — нельзя терять уверенность в условиях замедления темпов роста.

Через полгода Си Цзиньпин во время выступления на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) дал более точное определение «новой нормальности». Китайский лидер отметил, что экономика перешла от высоких темпов роста к средневысоким, ее структура постоянно улучшается, увеличивается роль инноваций [2]. Слова Си Цзиньпина были адресованы зарубежной аудитории и должны были убедить ее в том, что руководство КНР уверенно справляется с переменами, и экономика остается здоровой, несмотря на замедление экономического роста.

К ноябрю 2014 г., когда проходил саммит АТЭС, пропагандистский аппарат КНР уже активно распространял концепцию «новой нормальности». В передовице «Жэньминь жибао» от 4 августа 2014 г. отмечалось: «Новая нормальность будет способствовать полной занятости, равномерному распределению доходов, совершенствованию социального страхования, стабильному росту, стабильности цен и повышению качества» [3]. За ней последовали другие статьи в главной китайской газете. Они доносили мысль о том, что «новая нормальность» — вовсе не негативное и кризисное явление, а историческая возможность, и китайское руководство знает, как ею воспользоваться [8].

В таком виде концепция была подхвачена китайскими экспертами и научным сообществом. Число академических публикаций с упоминанием термина «новая нормальность» резко возросло в июне 2014 г. — через месяц после комментариев Си Цзиньпина в провинции Хэнань. В августе появилось 68 публикаций, в сентябре — 123. Между февралем и июнем 2015 г. выходило более тысячи академических статей по теме «новой нормальности» в месяц. Затем число публикаций пошло на спад [8].

Таким образом, научное сообщество приступило к изучению «новой нормальности» только после того, как термин возник в китайском идеологическом поле. Компартия сохраняет контроль над

общественной наукой и определяет направление исследований. Академические структуры и «мозговые тресты» КНР фактически являются продолжением пропагандистского аппарата КПК. Поэтому анализ китайских публикаций по теме «новой нормальности» полезен для изучения идеологии КНР, но не экономической обстановки внутри страны.

На этом фоне интересно проанализировать дискуссии китайских экономистов о будущем реформ. В конце сентября 2018 г. Институт новой структурной экономики при Пекинском университете (北京大学新结构经济学研究院) опубликовал переписку в Wechat между Линь Ифу (林毅夫) и его коллегами. Ученые обсуждали вклад экономиста Ян Сяокая (杨小凯, 1948—2004) в дело реформ [4]. Этот материал интересен тем, что в нем нет идеологической подоплеки.

Ян Сяокай был сторонником политической либерализации в Китае. Он утверждал, что без нее чиновники будут стремиться к чрезмерному расширению государственной власти. Это будет наносить ущерб рынку и индивидуальным свободам. В одной из статей Ян Сяокай писал: «Важно учитывать, что экономические реформы — это лишь малая часть более масштабных конституционных преобразований... В условиях политической монополии правящей партии, экономический переход будет монополизирован государственным оппортунизмом» [9].

В начале дискуссии Линь Ифу выступил в защиту статуса-кво, отдав должное Ян Сяокаю. Профессор Пекинского университета Ван Юн (王勇) представил модель последовательных преобразований: на различных этапах реформы сталкиваются с системными и политическими препятствиями. Для продолжения экономического развития нужно форсировать преобразования. Если этого не делать, то стабильный рост будет невозможен. Ян Сяокай утверждал, что двухколейный подход к экономической реформе и затягивание конституционных преобразований создадут долгосрочные издержки, которые в конечном счете нивелируют пользу от экономического роста. Ван Юн с этим не согласился. По его мнению, первичные реформы приводят к росту и накоплению финансовых ресурсов. Их можно использовать для снижения издержек от последующих преобразований [4].

Затем в обсуждение вступил профессор Центральной партийной школы Го Цян (郭强). Он отметил, что модель внутрисистемных реформ (制度内生理论), предлагаемая Ван Юном и Линь Ифу, превратилась в антиреформаторскую доктрину. Китай многое заимствовал у Запада: фондовые рынки, систему распределения налогов, акционерную систему, вступление в ВТО. Китайские экономисты не пришли к подобным преобразованиям эмпирическим путем самостоятельно. На данном этапе, чтобы не отстать в развитии, необходимо всесторонне углублять реформы. Для этого требуется проектирование сверху (顶层设计). Нельзя занимать выжидательную позицию. Система не породит реформы самостоятельно. Го Цян отметил, что восхваление «китайской модели» может стать препятствием на пути дальнейших реформ: «Нельзя отказываться от реформ под предлогом того, что мы не учимся у Запада» [4].

Линь Ифу согласился с тем, что модель внутрисистемных реформ не должна тормозить дальнейшие преобразования. Однако на данном этапе необдуманное «проектирование реформ сверху» может привести к негативным результатам — «навредить из лучших побуждений». Чтобы преодолеть «отставание в развитии» (后发劣势), Ян Сяокай предлагал провести конституционную реформу. Таким путем пошел Советский Союз и страны Восточной Европы. Однако Китай столкнулся с масштабной коррупцией и неравенством доходов. Советский Союз и социалистические страны Восточной Европы не стояли перед столь серьезными проблемами. Следовательно, они не вызваны «отставанием в развитии», и предложение Ян Сяокая неприменимо в современной КНР [4].

В ответ Го Цян привел три причины, по которым «Китаю нельзя останавливаться на существующей китайской модели и необходимо продолжать углублять и ускорять реформы». Во-первых, политическая власть до сих пор не ограничена институциональными рамками. По этой причине нынешняя борьба с коррупцией — это «лечение симптомов, но не болезни». Во-вторых, в условиях существующей экономической системы невозможно уменьшить пропорции малоэффективного государственного сектора и разрешить проблему земельной системы и системы прописки. В-третьих, народ все меньше довольствуется материальным благосостоянием и стремится рас-

ширить социальные и политические права. Го Цян также отметил, что пример Советского Союза и стран Восточной Европы, который привел Линь Ифу, легко превращается в «оружие для противостояния реформам» [4].

Ван Юн согласился с доводами Го Цяна — перечисленные проблемы вызывают опасения. Однако для осуществления «хорошей» системной реформы следует сначала понять «логику имеющихся деформаций», а затем принимать меры. Если же применять зарубежные модели, не разобравшись в «источнике деформаций», то это может породить еще большие проблемы. Также Ван Юн добавил, что раньше Китай поэтапно заимствовал зарубежный опыт, тестировал его и расширял наиболее эффективные практики. Сейчас же у Китая остались только «всеобъемлющие глубоководные реформы» (全局性深水区改革). Поэтому правительству не следует быть слишком «самоуверенным». Нельзя преждевременно отказываться от изначальной установки «держаться в тени и переходить реку, нащупывая камни» [4].

Затем экономисты перешли к обсуждению реформы госпредприятий. Дальнейший ход полемики не столь важен для нашего основного довода. Подобные дискуссии свидетельствуют о том, что в среде китайских экономистов нет уверенности относительно будущего реформ — той самой уверенности, которую концепция «новой нормальности» должна передать целевой аудитории внутри страны и за ее пределами. Появление переписки между Линь Ифу и другими китайскими экономистами в открытом доступе само по себе примечательно. Участники дискуссии в том числе обсуждали конституционную реформу. Циркуляр ЦК КПК «О текущей ситуации в идеологической сфере» (关于当前意识形态领域情况的通报) запрещает открытое обсуждение подобных вопросов [5]. Вероятно, Институт новой структурной экономики опубликовал переписку с тем, чтобы возобновить дискуссии о направлении китайских реформ.

Таким образом, изучение концепции «новой нормальности» полезно для исследования китайской идеологии, но не экономической ситуации внутри страны. Для анализа последней больший интерес представляют публикации настоящих дискуссий в среде китайских экономистов. К сожалению, они не часто становятся доступны ис-

следователю. Ситуация усугубляется тем, что китайские эксперты и мозговые тресты подхватывают и распространяют официальные идеологические установки. В результате их публикации затрудняют исследование современного этапа реформ в КНР.

Библиографический список

1. *Го Цзиньлун*. Лисин дуйдай хуаньданци синьчантай [Рационально подойти к «новой нормальности» в переходный период] // Жэньминь жибао. 25.12.2013.

2. Си Цзиньпин шоуцы чаньшу «синьчантай» [Си Цзиньпин впервые системно изложил концепцию «новой нормальность»] // Синьхуа. 09.11.2014. URL: http://www.xinhuanet.com//world/2014-11/09/c_1113175964.htm (дата обращения: 11.05.2020).

3. *Тянь Цзюньжун, У Цююй*. Чжунго цзинцзи синьчантай синь цзай нали? (В чем новизна новой нормальности?) // Жэньминь жибао. 04.08.2014.

4. Цзяньцзинь гайгэ юй Линь Ян чжи чжэн [Продвижение реформ и спор Линя и Яна] // Цзиньжун цзе. 21.09.2017. URL: http://opinion.jrj.com.cn/2017/09/21080723146955.shtml (дата обращения: 11.05.2020).

5. Document 9: A ChinaFile Translation (Документ № 9: перевод ChinaFile). — ChinaFile, November 8, 2013. URL: https://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation (дата обращения: 11.05.2020).

6. *Chai Dongdong*. Cultural science and technology driving the new normal of cultural production: A brief summary of how the current digital technology promotes China's cultural industry to "go out" [Культурология и технологии движут новой нормальностью культурного производства: кратко о том, как современные цифровые технологии способствуют выходу «вовне» китайской культурной индустрии] // Forum on Chinese Culture, 7. P. 48—53.

7. *Dickson Bruce J*. The Dictator's Dilemma: the Chinese Communist Party's Strategy for Survival [Дилемма диктатора: стратегия Коммунистической партии Китая по выживанию]. NY: Oxford University Press, 2016. P. 8—9.

8. *Holbig H*. Whose New Normal? Framing the Economic Slowdown Under Xi Jinping [Что такое Новая Нормальность? Как «обыгрывается» замедление экономического роста при Си Цзиньпине] // Journal of Chinese Political Science, 26 February 2018.

9. *Sachs, Jeffrey D. and Woo, Wing Thye and Yang, Xiaokai*. Economic Reforms and Constitutional Transition [Экономическая реформа и конституционный переход] // SSRN, October 2000. URL: https://ssrn.com/abstract=254110 (дата обращения: 11.05.2020).

References

1. *Guo Jinlong.* Lixing duidai huandangqi xinchangtai (Rationally dealing with the New Normal in the period of changing gear). Renmin Ribao, 25 December, 2013.

2. Xi Jinping shouci chanshu "Xinchangtai" (Xi Jinping gives first systemic account of the "new normal"). Xinhua, 9 november, 2015 // URL: http://www.xinhuanet.com//world/2014-11/09/c_1113175964.htm (accessed: 11.05.2020).

3. *Tian Junrong, Wu Qiuyu.* Zhongguo jingji xinchangtai xin zai nali? (What is new in the new normal of Chinese Economy?). Renmin Ribao, 2014.08.04.

4. Jianjin gaige yu Lin-Zhang zhizheng (Gradual reform and the Debate between Lin and Yang). — Jinrongjie, 21.09.2017. // URL: http://opinion.jrj.com.cn/2017/09/21080723146955.shtml (accessed: 11.05.2020).

5. Document 9: A ChinaFile Translation. ChinaFile, November 8, 2013. // URL: https://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation (accessed: 11.05.2020).

6. *Chai Dongdong.* Cultural science and technology driving the new normal of cultural production: A brief summary of how the current digital technology promotes China's cultural industry to "go out". Forum on Chinese Culture, 7. P. 48—53.

7. *Dickson Bruce J.* The Dictator's Dilemma: the Chinese Communist Party's Strategy for Survival.NY: Oxford University Press, 2016. Pp. 8—9.

8. *Holbig H.* Whose New Normal? Framing the Economic Slowdown Under Xi Jinping. // Journal of Chinese Political Science, 26 February 2018.

9. *Sachs, Jeffrey D. and Woo, Wing Thye and Yang, Xiaokai.* Economic Reforms and Constitutional Transition. — SSRN, October 2000 // URL: https://ssrn.com/abstract=254110 (accessed: 11.05.2020).

Раздел II
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В.Я. Портяков

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Аннотация. Внешняя политика КНР последнего времени характеризуется рядом отличительных особенностей. Во-первых, подготовка к юбилею и празднование 70-летия страны позволили уточнить периодизацию истории внешней политики Китайской Народной Республики, привести ее в соответствие с общей периодизацией истории государства. Во-вторых, совпавшие по времени сорокалетие установления дипломатических отношений с США и развертывание так называемой китайско-американской торговой войны предопределили сохранение за Вашингтоном ведущей позиции в кругу внешнеполитических приоритетов Пекина с одновременным усилением жесткости в его практической политике на американском направлении. В-третьих, нараставшая параллельно заинтересованность КНР в углублении и интенсификации связей с Россией дала основания заявить о переходе двусторонних российско-китайских отношений в новый этап. Эпидемия коронавируса COVID-19 оказала существенное влияние на многие сферы жизни китайского общества и государства, включая внешнюю политику.

Однако такие ее важные особенности последних лет, как нарастание противоборства с США и пропаганда концепции «сообщества единой судьбы человечества», не изменились.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, периодизация, США, 40-летие установления дипотношений, торговая война, Россия, новый этап стратегического сотрудничества.

Автор: *Портяков Владимир Яковлевич*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН. E-mail: p481nov@mail.ru

Portyakov Vladimir Ya.

FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN RECENT YEARS

Abstract. China's foreign policy in recent years is characterized by a number of distinctive features. First, the preparation for the anniversary and the celebration of the 70th anniversary of the country allowed Beijing to clarify the periodization of the People's Republic of China foreign policy's history and to bring it in line with the general periodization of the history of the state. Secondly, the coinciding forty years of establishing diplomatic relations with the United States and the exacerbation of the so-called Sino-American trade war have predetermined the preservation of Washington's leading position in the circle of Beijing's foreign policy priorities. Third, China's growing interest in deepening and intensifying ties with Russia has given grounds to declare the transition of bilateral Russian-Chinese relations to a new stage. The COVID 19 coronavirus epidemic has had a significant impact on many areas of Chinese society and state life, including foreign policy. However, its important features of recent years, such as the growing confrontation with the United States and the promotion of the concept of "community of the common destiny of mankind", have not changed.

Keywords: China, foreign policy, periodization, USA, 40th anniversary of establishment of diplomatic relations, trade war, Russia, new stage of strategic cooperation.

Author: *Portyakov Vladimir Yakovlevich*, doctor of economics, professor, senior research fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian academy of sciences (IFES RAS), Moscow. E-mail: p481nov@mail.ru

В преддверии 70-летнего юбилея Китайской Народной Республики китайские ученые начали апробировать новую укрупненную периодизацию истории страны с 1949 г. по настоящее время. Первый этап охватывает период 1949—1978 гг. В это время Китай решал и решил задачу «подняться» («чжаньцилай»). На втором этапе 1979—2012 гг. решалась задача добиться зажиточности, буквально — «обогатиться» («фуцилай»). Третий этап 2012—2019 гг. отмечен «усилением» Китая («цянцилай»).

Представляется, что основной целью, ради которой был затеян нынешний «ремонт истории», было стремление выделить период лидерства Си Цзиньпина в качестве самостоятельного этапа в развитии страны — «вступление социализма с китайской спецификой в новую эру». Дополнительные плюсы обновленной периодизации состоят в том, что она, во-первых, как бы «объективно» делает Си Цзиньпина исторической фигурой, равновеликой Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину, с которыми ассоциируются первые два этапа. Во-вторых, укрупненная периодизация позволяет затенить, вывести из фокуса не самые успешные периоды в истории КНР, такие как «большой скачок» и «культурная революция».

По-своему естественно, что под обновленную периодизацию общей истории КНР подстраивается и периодизация ее внешней политики. Период 1949—1978 гг. в качественном плане характеризуется решительным отстаиванием права Китая на независимость и равенство. Период 1979—2012 гг. определяется как «следование путем мирного развития, создания благоприятной международной среды для внутреннего экономического строительства». Доминантой этого периода выступил внешнеполитический курс «невступления в союзы, неконфронтационности, ненаправленности против третьих стран». Наконец, период 2012—2019 гг. характеризуется как «отстаивание мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша, продвижение и созидание сообщества единой судьбы человечества» [1, с. 255—264].

В отмечавшемся «широким фронтом» семидесятилетии КНР определенное место было отведено и сюжетам, связанным с внешнеполитическим курсом страны. 23 сентября 2019 г. в газете «Жэньминь жибао» был опубликован материал министра иностранных дел

КНР Ван И с характеристикой основных достижений народного Китая на международной арене. В обобщенном виде внешняя политика страны была описана как «последовательно выполняющая свой долг по возрождению нации, смело борющаяся за прогресс человечества, решительно продвигающая развитие государства, строящая мир во всем мире, защищающая международный порядок и вносящая вклад в глобальное управление». В числе конкретных достижений Пекина на дипломатической ниве названы: историческое улучшение внешней среды для Китая, огромное продвижение вперед в защите безопасности и суверенитета страны, в налаживании сотрудничества с заграницей, в повышении международного статуса государства, а также существенный рост внешнего влияния КНР. Ныне, констатировал Ван И, внешняя политика Китая ориентирована на обеспечение взаимной выгоды и общего выигрыша. Для этого страна следует путем мирного развития, укрепляет сеть партнерских отношений, совместно с другими участниками реализует проекты «пояса и пути», поддерживает реформу системы глобального управления, ориентированную на укрепление центральной роли ООН и защиту международного порядка, базирующегося на международном праве [2].

В преддверии юбилея, 28 сентября 2019 г., СМИ страны обнародовали Белую книгу Канцелярии информации Госсовета КНР «Китай и мир в новую эпоху», содержащую систематизированное изложение внешнеполитических концепций китайского руководства и его представлений о месте и роли страны в мировом сообществе [3].

Официальная внешнеполитическая доктрина Пекина на перспективу выражена в ряде уже хорошо известных формул: строить сообщество единой судьбы человечества; продвигать глобализацию нового типа; защищать международную систему с ООН в качестве ядра; продвигать межцивилизационный обмен и взаимную учебу. Сам Китай предполагает вносить вклад в «строительство еще более прекрасного мира» за счет собственного развития, путем поощрения сотрудничества и общей выгоды, через защиту экономической глобализации, активное развитие партнерских отношений, защиту многосторонности и международной справедливости, активное участие в оздоровлении системы глобального управления.

«Белая книга» вполне отразила возросшую уверенность Китая в полезности его опыта развития для многих развивающихся стран и в его способности давать международному сообществу общезначимые «общественные продукты». Как известно, в начале нынешнего столетия китайские политологи (например, Ван Ичжоу) сетовали по поводу отсутствия у Китая общественного продукта, который был бы признан всем миром и мог служить ему. В Белой книге от сентября 2019 г. в данном качестве названы «строительство Пояса и Пути», создание платформ многостороннего диалога и сотрудничества (например, формулы Китай—Африка, Китай—арабские страны, Боао и т. п.), оказание внешней помощи, наконец, активное участие в решении мировых и региональных проблем (корейская и иранская ядерные проблемы, урегулирование в Сирии, Афганистане и т. д.).

В сжатом виде успехи и задачи внешней политики Китая обобщил Председатель КНР Си Цзиньпин в речи, посвященной празднованию 70-летия КНР. «В течение 70 лет китайский народ, придерживаясь независимой, самостоятельной, мирной внешней политики, следовал путем мирного развития, развивал дружбу и сотрудничество со всеми странами на базе пяти принципов мирного сосуществования, вносил важный вклад в славное дело строительства человечества как сообщества единой судьбы, в дело мира и развития человечества». «Впредь, — подчеркнул Си Цзиньпин, — Китаю надлежит, высоко поднимая знамя мира, развития, сотрудничества, общей выгоды, неуклонно следовать путем мирного развития, продвигать созидание сообщества единой судьбы человечества с тем, чтобы яркий свет мира и развития осветил всю планету» [4].

Несмотря на огромные усилия политико-пропагандистского аппарата КНР, официальная характеристика Пекином его внешней политики далеко не всегда принимается «за чистую монету». Напротив, многие ее аспекты нередко критикуются в США, других западных странах, Индии. В последнее время весьма жестким нападкам подвергается базовая концепция строительства Китаем сухопутного и морского «шелковых путей» как якобы ведущая на практике к попаданию ряда развивающихся стран в долговую зависимость от КНР. Поводом для подозрений служит и не вполне последовательная позиция Пекина по вопросу поддержания или реформирования

существующего мирового порядка. Время от времени КНР заявляет о своей приверженности принципу «статус-кво», т. е. сохранению нынешнего положения. Практически одновременно Пекин говорит о своей приверженности мультилатерализму (многосторонности), а в мировой экономике ведет дело к созданию международных финансовых институтов, соперничающих с контролируемыми Западом Международным валютным фондом и Всемирным банком. Поэтому на Западе внешнеполитический курс Китая все чаще квалифицируют как «ревизионистский», т. е. подрывающий существующий миропорядок.

В практической внешней политике Китая приоритетные места в 2019 г. заняли российское и американское направления.

Повышению значимости отношений с Россией в определенной степени способствовала памятная дата — 70-летие установления дипломатических отношений между КНР и Советским Союзом (который, как известно, признал КНР сразу вслед за ее основанием — 2 октября 1949 г.). Событие было отмечено обменом поздравительными телеграммами глав государств — В.В. Путина и Си Цзиньпина, публикацией статьи министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в газете «Жэньминь жибао» и статей китайского и российского послов в журнале «Китай».

Однако еще б*о*льшую роль сыграло ухудшение с начала 2018 г. отношений КНР с США, вылившееся не только в своего рода торговую и технологическую войну, но и в ужесточение критики Вашингтоном многих болезненных для Пекина моментов его внутренней политики (положение в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах КНР, обострение ситуации в Гонконге). В этих условиях для Китая особую ценность обрела поддержка России — если не единственного, то наиболее влиятельного партнера КНР, на официальном уровне не ставящего под сомнение его позицию по названным проблемам.

С начала 2019 г. Пекин стал демонстрировать намерение вывести китайско-российские отношения на новую ступень [5].

В совместном заявлении РФ и КНР по итогам визита Си Цзиньпина в Россию от 5 июня 2019 г. было зафиксировано вступление российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и

стратегического взаимодействия в «новую эпоху». Характеристика двусторонних отношений в новую эпоху была в обобщенном виде изложена в Совместном заявлении. В кратком виде это: стратегическая поддержка в вопросах следования собственному пути развития и защиты ключевых национальных интересов, глубокая интеграция и сближение, инновационный подход к сотрудничеству, содействие формированию полицентричного мироустройства. Одновременно была подтверждена приверженность России и Китая базовым принципам отказа от установления союзнических отношений и конфронтации, а также ненаправленности против третьих стран.

Тем не менее, политологи продолжают обсуждать как содержание нового этапа отношений Китая с Россией, так и вероятность создания союза в связи с очевидным наращиванием масштабов и углублением военно-технического сотрудничества двух государств. Виктор Ларин (Владивосток) рассматривает в качестве ключевого слова новой эпохи» координацию — она становится все более тесной и многоплановой не только в деятельности Москвы и Пекина на международной арене, но и в выработке их внутренней стратегии развития [6].

Александр Королев предложил авторскую схему для определения уровня военного сотрудничества государств. Продвинутое военно-техническое сотрудничество и регулярные совместные военные учения позволяют прийти к заключению, что Китай и Россия вышли за параметры начальной и средней стадий военного взаимодействия и с 2016 г. начали переход к его продвинутой стадии. «Технически Россия и Китай готовы к более тесному военному союзу, и скептицизм по этому поводу вряд ли оправдан» [7].

Иной точки зрения придерживается Александр Храмчихин. Отмечая, что у Китая в последние годы «возник определенный интерес к военно-политическому союзу с Россией», он, однако, полагает, что в военном сотрудничестве двух стран «очень сильна имитационно-пропагандистская составляющая» и что в этой сфере «вряд ли будут выработаны какие-то принципиальные новые формы» [8].

Следует отметить и усиление в последние годы внимания китайского экспертного сообщества к России и китайско-российским отношениям. Знаковым событием можно считать публикацию трех-

томного труда одного из ведущих китайских специалистов по современной России Фэн Юйцзюня[1] под общим названием «Новый порядок в Евразии». Первый том посвящен вопросам государственного управления и социальных изменений в постсоветской России [9]. Во втором томе анализируются внешняя политика России и российско-китайские отношения [10]. В третьем томе рассматриваются геополитические аспекты трансформации Евразии [11]. Во всех трех томах представлены сюжеты, связанные с китайско-российскими отношениями. Помимо развернутого (17 глав, более 80 страниц) специального раздела во 2-м томе о российско-китайском стратегическом партнерстве и сотрудничестве, в первом томе содержатся авторские размышления о путях и методах продвижения исследования в Китае проблем современной России (автор выступает за комплексный подход с самым пристальным вниманием к экономике, а не только к политическим процессам). В третьем томе отдельный раздел посвящен «извилистому прогрессу в китайско-российском энергетическом сотрудничестве», а специальный параграф — методам стыковки Экономического пояса Шелкового пути с Евразийским экономическим союзом.

Фэн Юйцзюнь отстаивает необходимость неизменно опираться на три основополагающих принципа китайско-российских отношений. Во-первых, видеть их коренной исходный пункт в служении государственным интересам Китая, то есть видеть не только сходство, но и различие интересов КНР и РФ. Во вторых, твердо придерживаться курса «невступления в союз, отказа от конфронтации, ненаправленности против третьих стран». В-третьих, развивать практическое сотрудничество двух стран на основе законов рынка и исходя из духа взаимовыгоды и обоюдного выигрыша [10, с. 332—333].

Различные аспекты современных китайско-российских отношений рассматриваются в сборнике статей «Исследование России и Евразии в Фуданьском университете» [12]. В обстоятельном анализе

[1] Фэн Юйцзюнь работал в Китайской академии современных международных отношений в Пекине, в том числе директором Института России. Ныне — директор Центра России и Центральной Азии Института международных отношений Фуданьского университета, Шанхай.

результатов двустороннего гуманитарного сотрудничества в период 2000—2017 гг. справедливо отмечается, что это сотрудничество способствует взаимному познанию народов двух стран, укреплению социальной базы межгосударственных отношений, углублению политического взаимодоверия и усилению практического сотрудничества в других сферах. Вместе с тем, китайские ученые указывают и на наличие ряда серьезных проблем в данной сфере. Гуманитарное сотрудничество нередко отличается высоким уровнем формализма при недостаточном внимании к качественному содержанию обменов. Ощущается нехватка настоящих китаеведов в России и знатоков России в Китае. Так, в РФ имеется, по оценке авторов исследования, не более 200 китаеведов, из которых постоянно публикуют статьи по проблемам Китая около 50 человек. В то же время в США сейчас имеется более 15 тыс. китаеведов. С другой стороны, и Россия подчас воспринимается в Китае по неким не соответствующим реалиям шаблонам. Так, китайцы нередко рассматривают постсоветскую Россию как «пример поражения политических и экономических реформ» [12, с. 95—98, 102—103].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы сборника относятся к дальнейшему углублению китайско-российского сотрудничества с достаточно серьезными оговорками. В частности, отмечаются заметные слабости в комплексной мощи России, ограничивающие ее международное влияние и способности участия в глобальном управлении. Указывается также на изменившийся характер отношений в треугольнике «Китай—США—Россия». Утверждается, будто в современных условиях простой метод противодействия по формуле «два против одного» не отвечает интересам Китая. Наконец, выдвигается идея, что по мере продвижения КНР «к центру мировой арены» сфера интересов Китая расширяется, и «необходимо присмотреться к месту России во внешней политике КНР и связанным с ним возможным широким международным последствиям» [12, с. 247].

В целом более позитивный характер оценок состояния и перспектив китайско-российского сотрудничества представлен в сборнике «Избранные статьи по россиеведению», куда вошли труды русистов Института исследований России и Евразии Восточно-Китай-

ского педагогического университета (г. Шанхай), возглавляемого Фэн Шаолэем [13]. Сам Фэн Шаолэй весьма высоко оценивает современное взаимодействие Китая и России, видя в нем отражение меняющейся парадигмы общих отношений Востока и Запада и модель современных международных отношений в целом [13, 1—10]. В то же время в статье Ван Цинсуна весьма критично оцениваются состояние и перспективы экономического сотрудничества двух стран на Дальнем Востоке России. Он прямо заявляет, что «время для продвижения широкомасштабного сотрудничества Китая с российским Дальним Востоком еще не пришло». Как полагает Ван Цинсун, основная причина этого — в монополизации в России в целом вопросов сотрудничества региона с соседними странами и лишении местных органов власти какой-либо самостоятельности в этой сфере. Социальная обстановка на Дальнем Востоке и международная среда также оцениваются как не благоприятствующие его развитию [13, с. 165—177].

Интенсификация в последние годы российско-китайского взаимодействия была с озабоченностью встречена на Западе, прежде всего, в США. Как отмечает известный американский специалист по России Анжела Стэнт, Вашингтон сталкивается ныне с проблемой, как реагировать на все более прочное партнерство России и Китая и как минимизировать потенциал негативного влияния этого партнерства на глобальные интересы Соединенных Штатов. Эти слова, содержащиеся в предисловии к книге «Ось авторитаризмов. Последствия китайско-российского сотрудничества» [14], отражают центральную идею и суть недавно опубликованной коллективной работы американских китаеведов и политологов. Следует особо выделить прикладной характер этого труда. Хотя его заголовок отсылает читателей к некой идейно-политической общности России и Китая как государств с будто бы авторитарными политическими режимами, на самом деле данный сюжет оказался разработан довольно слабо, а на первый план вышли конкретные рекомендации, как США могут наилучшим образом иметь дело с партнерством РФ и КНР с позиции силы. В их числе: избегать действий, стимулирующих дальнейшее сотрудничество Москвы и Пекина против интересов США; встречать вызов, порождаемый китайско-российским

сотрудничеством, усилением своей международной вовлеченности и поддержкой союзников, разделяющих с США интересы и ценности.

Одна из ключевых рекомендаций — США должны «играть долгую игру, нацеливаясь на использование уязвимостей в китайско-российских отношениях, прежде всего — асимметрии во взглядах на мир и в международных амбициях Москвы и Пекина [14, с. 176].

В ряде работ анализируется вызов интересам США, исходящий будто бы от китайско-российского взаимодействия, в конкретных регионах мира. Так, известный американский китаевед Элизабет Вишник утверждает: хотя у России и Китая нет достаточной военной или мягкой силы, чтобы заменить США в Восточной Азии, это не означает, что они готовы принять правила, лежащие в основе возглавляемого США порядка в регионе. И действительно, Китай и Россия предложили целый ряд правил поведения для реализации в Восточной Азии, многие из которых противоречат позициям США. В их числе — противодействие системе THAAD и расширению сети американских союзов в регионе, ограничение роли внерегиональных держав, невмешательство во внутренние дела государств [15].

В Европе российско-китайское взаимодействие оценивается в первую очередь как обусловленное общей заинтересованностью двух стран противостоять доминированию Запада. Главная внутренняя слабость этого партнерства заключается в нежелании Москвы играть роль младшего партнера Пекина, а именно это и может случиться, если более мощный экономически и демографически Китай займет место США в качестве доминирующей силы в мире. В «постзападном» мировом порядке, за установление которого энергично борется Россия, она, полагают итальянские политологи, рискует вновь оказаться в зависимом положении — но на этот раз от Китая вместо США. Именно поэтому, по их мнению, в конечном счете российский вызов возглавляемому Соединенными Штатами мировому порядку менее значителен и менее опасен, нежели исходящий от Китая [16].

Вплоть до начала 2018 г. Пекин базировался в своей политике в отношении США на предположениях, что, во-первых, Вашингтон будет долгое время сохранять если не благожелательное, то хотя бы

нейтральное отношение к возвышению Китая, и, во-вторых, что Вашингтон, понимая всю глубину и масштабы экономической взаимозависимости двух государств, в конечном счете согласится с китайской формулировкой о «новом типе взаимоотношений больших держав», которая де-факто уравнивала бы международный статус и влияние КНР и США как двух лидеров современного мира.

В связи с этим китайские политологи-международники всячески стремились доказать возможность преодоления в китайско-американских отношениях «ловушки Фукидида», согласно которой нарастающие противоречия между возвышающейся и «нисходящей» сверхдержавами неизбежно ведут к столкновению — вплоть до войны, как это случилось между Спартой и Афинами в пятом веке до нашей эры. При этом отмечалось, что Китай не должен заниматься своего рода умиротворением США по всем спорным вопросам. Допускалось и определенное противодействие по особо значимым для КНР проблемам, но, так сказать, соизмеряемое с «большими интересами» китайско-американских отношений [17].

Однако с первых месяцев 2018 г. ситуация резко изменилась. Президент Д. Трамп возложил на Китай ответственность за несбалансированность двусторонней торговли, обвинив Пекин в краже интеллектуальной собственности, государственном субсидировании экспорта, манипулировании валютным курсом и т. д. Соответственно, было завялено о неизбежном повышении тарифов на практически все товары китайского экспорта в США. Началась и кампания по «отлучению» ряда ведущих китайских высокотехнологичных фирм от американского рынка. По заказу Конгресса и Белого дома в США были проведены исследования, призванные подтвердить обоснованность претензий Д. Трампа к Пекину. Так, в докладе специалиста по торговле и финансам в Азии Уэйна Моррисона от 5 февраля 2018 г. вызовом для США была объявлена не только программа «Сделано в Китае—2025», но и «Инициатива Пояса и Пути», рассматриваемая как инструмент распространения китайской экономической модели на другие страны. Отмечалось наличие в США «кругов», видящих в «несправедливой» торговой политике КНР растущую угрозу для глобальной торговой системы и требующих в связи с этим наказать Китай, например, путем введения торговых санкций

[18]. В июне 2018 г. в докладе Департамента торговли и промышленной политики Белого дома приемы «экономической агрессии» Китая и «кражи» им интеллектуальной собственности были расписаны уже детально. Под удар попала не только торговля, но и зарубежные инвестиции КНР [19].

Когда дело дошло до практического повышения в США тарифов на товары китайского экспорта, Китай стал неуклонно отвечать «ударом на удар», одновременно демонстрируя готовность к разумным компромиссам и подчеркивая необходимость решать все проблемы не односторонним давлением, а путем переговоров. В ответ на обвинения Вашингтона в будто бы многочисленных нарушениях Китаем правил международной торговли Пекин последовательно защищал и разъяснял свою позицию. В частности, в июне 2019 г. была обнародована специальная Белая книга Канцелярии информации Госсовета КНР «О позиции Китая по вопросу о китайско-американских торгово-экономических консультациях» [20]. В ней были объективно показаны солидные масштабы экономической взаимозависимости двух стран. Так, на конец 2018 г. накопленные инвестиции КНР в США достигли 73,17 млрд долл., а инвестиции США в Китае — 85,19 млрд долл. Реализованный доход предприятий с американскими инвестициями в КНР превысил 700 млрд долл., а прибыль составила около 50 млрд долл.

Под давлением отечественного бизнеса, несущего потери от «торговой войны» с Китаем, команда Д. Трампа периодически шла на некоторые уступки. 15 января 2020 г. в Вашингтоне было подписано Экономическое и торговое соглашение между правительствами КНР и США, удовлетворяющее значительную часть претензий Вашингтона к Пекину по поводу интеллектуальной собственности, принуждений к передаче технологий и т. п. Китай взял на себя обязательство увеличить в обозримой перспективе объем импорта из США на 200 млрд долл. Ранее повышенные Вашингтоном тарифы на товары китайского экспорта в США будут частично снижены. Разумеется, всех накопившихся противоречий данное соглашение не снимает, и стороны согласились незамедлительно начать переговоры по второй его фазе. Что касается стремления США сдержать дальнейшее технологическое развитие КНР, то вопрос, полагают

эксперты, остается открытым. У КНР есть ряд сильных сторон (политическая независимость от США, большая емкость внутреннего рынка, значительные научные заделы), которые позволяют ей не идти на односторонние уступки. Технологическая война будет долгой и серьезно изменит структуру мировой экономики.

Значительное внимание Пекин в последнее время уделяет отношениям с Индией. Прежде всего это связано с очевидной активизацией деятельности формата «Индо-Тихоокеанского региона» с участием США, Японии, Австралии и Индии, который китайское руководство рассматривает как если и не стопроцентно антикитайский, то не вполне дружественный. Играет свою роль и стремление приглушить обострение индийско-пакистанских отношений, как минимум косвенно негативно влияющее на строительство китайско-пакистанского экономического коридора, частично проходящего по территории, которую в Дели считают своей. Поэтому, несмотря на неприятное для КНР негативное отношение Индии — единственной из крупных развивающихся стран — к инициативе Пояса и Пути, Китай стабильно демонстрирует настрой на улучшение отношений с Дели.

Сигналом к более тесным отношениям с Индией стало письмо председателя КНР Си Цзиньпина премьер-министру Индии Нарендре Моди сразу после его переизбрания 23 мая 2019 г. Си выразил готовность работать с Моди для продвижения «тесного партнерства по развитию» между двумя странами (формула действует с 2014 г.). Вслед за неформальной встречей в Ухане в апреле 2018 г. Си Цзиньпин и Нарендра Моди провели второй неформальный саммит в Ченнае 11 октября 2019 г.

Его центральным событием стало «предложение из шести пунктов» о развитии двусторонних связей между Китаем и Индией, выдвинутое Си Цзиньпином. Речь идет о «правильном отношении к развитию другой стороны, увеличении стратегического взаимодоверия»; усилении взаимопонимания; повышении уровня военной безопасности, обменов и сотрудничества; углублению практического сотрудничества, укреплении «корней дружбы» за счет наращивания людских обменов, усилении сотрудничества по международным и региональным делам [21]. Тем не менее, ряд индийских экспертов

по-прежнему критически смотрит на перспективы китайско-индийских отношений. Так, известный китаевед Срикант Кондапалли, комментируя провозглашение 2020-го года «Годом индийско-китайских культурных и межличностных обменов», констатирует: «Это неплохо, но на самом деле — не самый важный предмет для переговоров между двумя соперничающими возвышающимися державами, имеющими дисбаланс в торговле и нерешенную проблему границ» [22]. В целом профессор Кондапалли сохраняет опасение, что двусторонние индийско-китайские отношения могут «соскользнуть к нисходящей спирали, если не к явному конфликту» [23].

Одним из центральных событий 2019 г. во внешнеполитической практике КНР стало проведение в апреле Второго форума высокого уровня по строительству сухопутного и морского шелковых путей. К данному мероприятию было приурочено обнародование документа Канцелярии руководящей группы по продвижению строительства «Пояса и Пути» «Инициатива совместного строительства «одного пояса и одного пути»; продвижение, вклад и перспективы» [24].

В документе подчеркивалось, что на базе выдвинутой Китаем более пяти лет назад инициативы сформировалось общее понимание необходимости широкого международного сотрудничества для совместного строительства «Пояса и Пути». Ценность инициативы признана в документах саммитов различных международных организаций, в том числе ШОС, «двадцатки», форумов «Китай—Африка», «Китай—Латинская Америка», «Китай—Арабские государства», в резолюции 2344 Совета Безопасности ООН (март 2017 г.). На конец марта 2019 г. Китай подписал со 125 странами и 29 международными организациями 173 документа о сотрудничестве в строительстве «Пояса и Пути». Отмечен существенный прогресс в строительстве шести экономических коридоров, выделенных в рамках инициативы (в том числе Китай—Монголия—Россия), в железнодорожных перевозках между КНР и Европой, в наращивании взаимной торговли, инвестиционного и финансового взаимодействия. Сотрудничество с Китаем в формате «Пояса и Пути» оказывается весьма эффективным для его участников; так, по оценке экспертов Всемирного банка, его результатом станет увеличение среднего прироста ВВП развивающихся стран Восточной Азии и Тихого океана

на 2,6—3,9 % [25]. В исключительно радужных тонах обрисованы и дальнейшие перспективы реализации инициативы Пояса и Пути. Это будет, утверждают в Пекине, путь мира и безопасности, путь процветания, открытости и инновационного развития.

Следует, однако, заметить, что в мире растет обеспокоенность тем обстоятельством, что получение рядом стран кредитов под реализацию проектов Пояса и Пути ведет к опасному росту их задолженности перед Китаем. Пекину предстоит приложить немало усилий, чтобы рассеять такие опасения — даже если они в конечном счете окажутся мнимыми.

2020 г. начался, казалось, как обычно. Визит Си Цзиньпина в Мьянму, напрашивавшийся уже давно, дал возможность развязать или ослабить целый клубок межстрановых противоречий, трений и недопониманий, возникших в последние годы, подтвердить соглашения о поставках нефти и газа через Мьянму в южные районы КНР, закрепить ценность мьянманского коридора для реализации инициативы Пояса и Пути. Однако далее «что-то пошло не так». Неожиданный удар Китаю, всегда больше, чем другие государства, опасавшемуся нетрадиционных угроз своей безопасности, нанес новый коронавирус, вызывающий тяжелую пневмонию с высокой долей летальных исходов. Почти в мгновение ока Китай оказался в изоляции, прежде всего, в сфере межличностных контактов, а значит, и вообще во всех сферах политики и экономики. Нет недостатка в оценках понесенного страною и потенциального ущерба, в прогнозах дальнейшего развития ситуации. Предполагаемая или реальная токсичность всего китайского, включая самих китайцев и даже производимые ими товары как потенциальных носителей вируса, неизбежно ведет к серьезному замедлению «кровотока» всей системы внешних связей Китая, как минимум в ближайшее полугодие. Вполне ожидаемы снижение товаропотоков и другие трудности по всей инфраструктуре сухопутного и морского «шелковых путей». Распространение эпидемии практически на весь мир привело к глубочайшему кризису во всей мировой экономике, что усилило нападки на Китай, особенно со стороны Д.Трампа. Не исключено, что вслед за возвращением к «нормальности», где-то начиная с саммитов ШОС и БРИКС в Санкт-Петербурге, Пекин постарается повышенной ак-

тивностью в мировых делах хотя бы отчасти компенсировать вынужденную «заморозку» внешних контактов в первой половине 2020 г. Аналогичная ситуация складывается и в российско-китайских отношениях. Спад здесь неизбежен, и задача политиков сегодня заключается в том, чтобы минимизировать его продолжительность и глубину.

Библиографический список

1. *Ван Цяожун*. Синь Чжунго 70 нянь дули цзычжу хэпин вайцзяо шисянь юй цзинъянь [Практика и опыт семи десятилетий независимой, самостоятельной, мирной дипломатии нового Китая] — The 70 Years of Contemporary China under the Vision of Modernization. The 4th International High-level Forum on the Contemporary History of China. Paper Collection. Beijing, September 2019. P. 255—264.

2. Жэньминь жибао: Пусе Чжунго тэсэ даго вайцзяо дэ шидай хуачжан (Ван И) [Уверенно писать эпохальную главу дипломатии великой державы с китайской спецификой (Ван И)]. URL: http://opinion.com.cn/n1/2019/0923/c1003-31366585.html (дата обращения: 23.09.2019).

3. Синь шидай дэ Чжунго юй шицзе (2019 нянь 9 юэ) [Китай и мир в новую эпоху. (Сентябрь 2019)] // Жэньминь жибао. 28.09.2019.

4. URL: http://politics.people.com.cn/n1/2019/1001/c1024-31382261.html (дата обращения: 15.05.2020).

5. *Ломанов А.В.* Перспективы развития российско-китайских отношений в изменяющемся внешнеполитическом контексте. — «Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений» — Круглый стол в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 5.

6. *Ларин В.Л.* Вступая в «новую эпоху». Слово от главного редактора // Россия в АТР. Владивосток, 2019, № 3. С. 6, 10.

7. *Королев А.Н.* Насколько близко Россия и Китай? // Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях. Россия в АТР. 2019. № 3. С. 142, 153—154.

8. *Храмчихин А.* О российско-китайском военно-техническом сотрудничестве // Независимое военное обозрение. 20.09.2019.

9. *Фэн Юйцзюнь*. Оу Я синь чжисюй. (Ди и цзюань). Элосы чжуаньсин: Гоцзя чжили юй шэхуй бяньцянь. Пекин, 2018. 272 с.

10. *Фэн Юйцзюнь*. Оу Я синь чжисюй. (Ди эр цзюань). Элосы чжуаньсин: дуйвай чжэнцэ юй Чжун Э гуаньси. Пеикн, 2017. 342 с.

11. *Фэн Юйцзюнь.* Оу Я синь чжисюй. (Ди сань цзюань). Оу я чжуаньсин: Дилюй чжэнчжи юй нэнъюань аньцюань. Пеикин, 2018. 360 с.

12. Фудань Элосы — Оу Я яньцзю (2018—2019). Пекин, 2019. 320 с.

13. Избранные статьи по россиеведению. Институт исследований России и Евразии при Восточно-Китайском педагогическом университете. Шанхай, 2019, 260 с.

14. Axis of Authoritarians. Implications of China — Russia Cooperation. Edited by Richard Ellings and Robert Sutter. — The National Bureau of Asian Research, Seattle — Washington, 2018, XVII +187 p.

15. *Vishnick, Elizabeth*. The Sino-Russian Partnership and the East Asian Order. — Asian Perspective, Seoul, 42 (2018), 355—386.

16. *Ferrari Aldo, Ambrosettu Eleonora Tafaro*. Russia and China: Countering the Dominance of the West. In: Russia and China. Anatomy of a Partnership. Milano, Italy. 2019, pp. 34—35.

17. *Чжун Фэйтэн* (чжубянь). Куаюэ Сюсидидо сяньцзинь: синьсин даго гуаньси юй гоцзи чжисюй гоуцзянь [Чжун Фэйтэн (Гл. ред.). Преодолеть ловушку Фукидида: междержавные отношения нового типа и строительство международного порядка]. Пекин, 2017, 278 с.

18. *Wayne Morrison*. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States. — Congressional Research Service. Washington, February 5, 2018, 49 p.

19. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. — White House Office of Trade and Manufacturing Policy. Washington, June 2018, 20 p.

20. Гуаньюй Чжун Мэй цзинмао цошан дэ чжунфан личан. (2019 нянь 6 юэ). [О позиции китайской стороны по вопросу о китайско-американских торгово-экономических консультациях]. Пекин, 2019.

21. Си Цзиньпин «людянь цзяньи» вэй Чжун Ин гуаньси фачжань бадо динсян [Предложение Си Цзиньпина из шести пунктов определяет направление развития китайско-индийских отношений]. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2019/1013/c40531-31397356.html (дата обращения: 13.10.2019).

22. *Srikanth Kondapalli*. Modi and Xi talked much, but said nothing. Deccan Herald, October 13, 2019. URL: https://www.deccanherald.com/opinion/modi-and-xi-talked-much-but-said-nothing-767999.html (дата обращения: 18.10.2019).

23. *Srikanth Kondapalli*. President Xi Jinping's India visit extremely critical, why there is danger of relations sliding into a downward spiral. Financial Express, October 8, 2019. URL: https://www.financialexpress.com/defence/president-xi-jinping-india-visit-extremely-critical-why-there-is-danger-0f-relations-sliding-into-a-downward-spiral/1729956 (дата обращения: 18.10.2019).

24. Гунцзянь «и дай и лу» чанъи: цзиньчжан, гунсянь юй чжаньван. [Инициатива строительства «одного пояса и одного пути»: продвижение, вклад и перспективы] // Жэньминь жибао. 23.04.2019.

25. Francois de Soyres. The Growth and Welfare Effects on the Belt and Road Initiative on East Asia Pacific Countries. Washington, DC. World Bank Group, October 2018, Macroeconomic, Trade & Investment Practice Notes, Number 4.

References

1. *Wang Qiaozhong*. Xin Zhongguo 70 nian duli zizhu heping waijiao shixian yu jingyan (The practice and experience of seven decades of independent, self-sustained, peaceful diplomacy of new China) — The 70 Years of Contemporary China under the Vision of Modernization. The 4th International High-level Forum on the Contemporary History of China. Paper Collection. Beijing, September 2019. P. 255—264.

2. People's daily: Puxe Zhongguo tese dago waijiao de shidai huazhang (Wang Yi) [Confidently writing an epoch-making chapter of great power diplomacy with Chinese specifics (Wang YI)] URL: http://opinion.com.cn/n1/2019/0923/c1003-31366585.html (accessed: 23.09.2019).

3. Xin shidai de Zhongguo yu Shijie (2019 nian 9 Yue) [China and the world in a new era. (September 2019)]- People's daily, 28.09.2019.

4. URL: http://politics.people.com.cn/n1/2019/1001/c1024-31382261.html (accessed: 15.05.2020).

5. *Lomanov A.V.* Prospects for the development of Russian-Chinese relations in a changing foreign policy context. — "Actual problems of modern Russian-Chinese relations" — Round table in IDV RAS-Far Eastern Affairs, Moscow, 2019, No. 3. P. 5.

6. *Larin V.L.* Entering the "new era". Word from the editor-in-chief. Russia in the Asia-Pacific region. Vladivostok, 20 19, No. 3. P. 6, 10.

7. *Korolev A.N.* How close are Russia and China? Military-strategic cooperation in international relations. Russia in the Asia-Pacific region. 2019, no. 3. Pp. 142, 153—154.

8. *Khramchikhin A.* About Russian-Chinese military-technical cooperation. — The independent military review. Moscow, 20.09.2019.

9. *Feng Yujun*. Ou Ya xin zhixu. (Di yi juan). Elosi zhuanxing: Guojia zhili yu shehui bianqian [New Order in Eurasia. Volume One. Transformation of Russia: state governance and social evolution] — Beijing, 2018, 272 p.

10. *Feng Yujun*. Ou Ya xin zhixu. (Di er juan). Elosi zhuanxing: duiwai zhengce yu Zhong E Guanxi. [New Order in Eurasia. Volume Two. Transformation of Russia: foreign policy and China- Russia relations] — Beijing, 2017, 342 p.

11. *Feng Yujun*. Ou Ya Xin zhixu. (Di san juan). Ou ya zhuanxing: Dilu zhengzhi yu nengyuan anquan [New Order in Eurasia. Volume Three. Transformation of Eurasia: geopolitics and energy security]. Beijing, 2018, 360 p.

12. Fudan Elosi-Ou Ya yanju (2018—2019) [Russian and Eurasian Studies in Fudan University]. Beijing, 2019, 320 p.

13. Izbrannye stat'I po rossievedeniyu [Selected articles on Russian studies. Institute of Russian and Eurasian studies at the East China Pedagogical University]. Shanghai, 2019, 260 s.

14. Axis of Authoritarians. Implications of China — Russia Cooperation. Edited by Richard Ellings and Robert Sutter. — The National Bureau of Asian Research, Seattle — Washington, 2018, XVII +187 p.

15. *Vishnick, Elizabeth*. The Sino-Russian Partnership and the East Asian Order. — Asian Perspective, Seoul, 42 (2018), 355—386.

16. *Ferrari Aldo, Ambrosettu Eleonora Tafaro*. Russia and China: Countering the Dominance of the West. In: Russia and China. Anatomy of a Partnership. Milano, Italy. 2019, pp. 34—35.

17. Zhong Feiteng (zhubian). Kuayue Xuxidido xianjin: xinxing dago guanxi yu guoji zhixu goujian [Zhong Feiteng (editor). Overcoming the Thucydides trap: new-type inter-power relations and building an international order]. Beijing, 2017, 278 p.

18. *Wayne Morrison*. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States. — Congressional Research Service. Washington, February 5, 2018, 49 p.

19. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. — White House Office of Trade and Manufacturing Policy. Washington, June 2018, 20 p.

20. Guanyu Zhong Mei jingmao cuoshang de zhongfang lichang. (2019 nian 6 yue). [On the position of Chinese side on the issue of Chinese-American trade and economic consultations]. Beijing, 2019.

21. XI Jinping "liudian jianyi" wei Zhong Ying guanxi fazhan bado dingxiang [XI Jinping's six-point Proposal defines the direction of development of Sino-Indian relations] — URL: http://theory.people.com.cn/n1/2019/1013/c40531-31397356.html. Date of access 13.10.2019.

22. *Srikanth Kondapalli*. Modi and Xi talked much, but said nothing. Deccan Herald, October 13, 2019. URL: https://www.deccanherald.com/opinion/modi-and-xi-talked-much-but-said-nothing-767999.html. Date of access 18.10.2019.

23. *Srikanth Kondapalli*. President Xi Jinping's India visit extremely critical, why there is danger of relations sliding into a downward spiral. Financial Express, October 8, 2019. URL: https://www.financialexpress.com/defence/president-xi-jinping-india- vis

it-extremely-critical-why-there-is-danger-0f-relations-sliding-iit-ea-downward-spiral /1729956. Date of access 18.10.2019.

24. Gongjian “yi dai yi lu” changyi: jinzhang, gongxian yu zhanwang. [One belt and one road initiative: promotion, contribution and prospects] — People's daily, 23.04.2019.

25. Francois de Soyres. The Growth and Welfare Effects on the Belt and Road Initiative on East Asia Pacific Countries. — Washington, DC. World Bank Group, October 2018, Macroeconomic, Trade & Investment Practice Notes, Number 4.

Е.Н. Румянцев

КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА ФОНЕ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности внешней политики и внешнеполитической пропаганды КНР в период пандемии коронавируса. В соответствии с установками высшего руководства, внешнеполитические и пропагандистские ведомства КНР исходят из тезиса об «очевидных преимуществах руководства со стороны КПК» и «самобытного китайского социализма». В начальный период борьбы с пандемией китайская сторона осуждала вводимые другими странами ограничения на обмены с Китаем, пыталась оказать на них давление, утверждала, что «полное закрытие границ не является эффективным способом борьбы с инфекцией». В дальнейшем Пекин перешел к копированию их методов, которые осуждал ранее. В Китае в этот период поднялась волна национализма и ксенофобии. Ущемлялись права иностранных граждан.

По мере того, как становилось ясно, что власти КНР скрыли время начала пандемии и ее размах, в разных странах стали высказывать в адрес правительства КНР обвинения в халатности, а затем и требовать расследования происшедшего. Китай в свою очередь утверждает, что происхождение коронавируса является научной проблемой и требует дальнейшего изучения, а постановка вопроса о необходимости возмещения Китаем ущерба, который понесли другие страны от пандемии, является «позором цивилизации».

В западные СМИ просочились сведения о содержании доклада Китайской академии современных международных отношений, в котором говорится, что в настоящее время уровень негативного вос-

приятия КНР в мире достиг самой высокой со времени событий 1989 г. отметки. Как говорится в статье, нельзя исключать, что в ближайшем будущем Пекин может оказаться перед лицом «единого фронта» стран Запада и Японии. Реальной представляется также упор многих стран в дальнейшем на развитие собственной экономики в ущерб «глобальным производственным цепочкам». Эти тенденции с беспокойством воспринимаются в Пекине. Китай, который относится к числу стран, получивших наибольшую выгоду от глобализации в предшествовавшие десятилетия, в новых условиях может оказаться в числе проигравших.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, глобализация, разъединение, расизм, ксенофобия, Всемирная организация здравоохранения, глобальные цепочки поставок, «Пять глаз».

Автор: *Румянцев Евгений Николаевич*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ). E-mail: evgrum@yahoo.com

Rumyantsev Evgeny N.

CHINA'S FOREIGN POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF CORONAVIRUS

Abstract. The article deals with the PRC's foreign policy and propaganda during the coronavirus pandemics. In accordance with statements by highest authorities the Chinese foreign policy and propaganda departments insist on the "undisputed superiority of the guidance by the CPC and socialism with Chinese characteristics". At the beginning of the pandemics the Chinese side condemned restrictions on the exchanges with China being introduced by some other countries, tried to exert pressure upon them, claimed that "complete closure of the borders is not an effective method for countering the infection". Further on Beijing began to copy their methods condemned earlier. That time a wave of nationalism and xenophobia raised in China. The rights of the foreign citizens were abused.

As it became clear that the Chinese authorities had covered up the time of the pandemics' beginning and its dimensions, some countries began to blame the PRC government for negligence and demand an investigation. China, on her part, claimed that the origins of the coronavirus is a scientific problem which needs further studies. As to demands for damage compensation by China to other countries, this is "a shame for civilization".

A report by the Chinese academy of contemporary international relations leaked to Western media warns that global anti-China sentiment is

at its highest since the 1989 Tiananmen Square crackdown. According to the article, it could not be ruled out that in the near future Beijing could face "united front" of Western countries and Japan. It is possible that in the future many countries could make a point to develop their own economy at the expense of "global supply chains". Beijing is alarmed by such a prospect. China as a big winner of globalization in previous decades in the new circumstances may turn out as a loser.

Keywords: pandemics, coronavirus, globalization, decoupling, racism, xenophobia, World Health Organization, WHO, global supply chains, "Five eyes".

Author: *Rumyantsev Evgeny N.*, PhD (Linguistics), Senior Research Fellow, Russian Institute for Strategic Studies (RISS).

E-mail: evgrum@yahoo.com

В установках Си Цзиньпина по работе в сфере внешней политики и пропаганды на 2020 г. говорится о «решительных и эффективных мерах» Китая, «выдающихся организаторских способностях» его руководства, «очевидных преимуществах руководства со стороны КПК» и т. п. [23].

Китайские СМИ, отражая недовольство Пекина ограничениями на обмены с КНР, введенными рядом государств, подняли тему ущемлений в связи с коронавирусом китайцев и их интересов за границей, осуждали «резкие высказывания и действия дискриминационного характера в отношении китайцев» [25]. Со ссылкой на мнение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) критиковали ограничения на авиасообщение с КНР, введенные США, Россией и рядом других государств, действия их таможенных и других властей, пытались оказать на них давление. Писали, что «некоторые страны игнорируют авторитетные предложения ВОЗ, предпринимают чрезмерные ограничительные меры», «полное закрытие границ не является эффективным способом борьбы с инфекцией» [26].

Посол КНР в РФ Чжан Ханьхуэй направил письмо главе Федеральной таможенной службы России В.И. Булавину с призывом «не принимать избыточных мер», «объективно оценивать эпидемиологическую ситуацию в Китае» [6]. Посольство КНР направило ноту правительству Москвы с протестом против проводимых властями города некоторых противоэпидемиологических мероприятий. 21 фев-

раля 2020 г. мэр Москвы С.С. Собянин сообщил, что власти столицы принимают дополнительные меры, чтобы не допустить проникновения коронавируса в город, и подчеркнул, что проверки касаются всех — «граждан КНР, России и любых других стран» [7].

18 апреля 2020 г. посол Чжан провел видеоконференцию с оказавшимися в период пандемии в России китайцами. Он подверг резкой критике тех из них, которые «прут через границу» и «приносят с собой на родину вирус пандемии». Он заявил, что «застрявшие на Дальнем Востоке граждане Китая должны оставаться в изоляции там, где они сейчас находятся» [28]. Судя по этой установке, китайские власти стремятся поделиться с иностранными государствами не только драгоценным опытом, накопленным Китаем в борьбе с пандемией, но и порожденными ею проблемами.

По мере того, как эпицентр пандемии перемещался из Китая в Европу и США, власти КНР стали делать то же самое, за что еще недавно критиковали другие страны. Прекращено авиасообщение, закрыты границы. Предпринимаются дискриминационные шаги по отношению к гражданам иностранных государств.

В иностранных СМИ пишут о том, что пандемия и борьба с ней привели к невиданной в Китае за несколько десятилетий «вспышке патриотизма, национализма и ксенофобии». Одним из ее символов стал баннер, который вывесил над своим заведением хозяин ресторана в г. Шэньян. Надпись на нем гласила: «Празднуем эпидемию в Соединенных Штатах и желаем коронавирусу счастливого пути в Японию». Обычным делом стали надписи на дверях предприятий сферы обслуживания во многих городах КНР типа «временно не обслуживаем иностранных друзей и лиц с температурой выше 37,3 градуса» [9]. В КНР одно время стал весьма популярным комикс «Руководство по сортировке иностранного мусора» [5].

Одновременно мир столкнулся с деятельностью властей КНР по продвижению в мировое сообщество собственной версии возникновения пандемии и борьбы с ней, позиционированием себя в качестве силы, возглавляющей эту борьбу.

В начале апреля 2020 г. Пекин организовал публикацию документа «Общий призыв политических партий мира к усилению международного сотрудничества в борьбе с пандемией коронавирусной пнев-

монии». «Призыв» вместе с КПК подписали более 230 политических партий из более чем 100 стран мира. Основные тезисы: «у человечества общая судьба», необходимо выступать «против политизации проблемы общественного здравоохранения», «против использования пандемии для очернения других стран», «против высказываний и действий, дискриминирующих определенные государства, регионы и национальности», за «руководящую роль ООН и ВОЗ» [30].

Как сообщил заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам А.А. Климов, инициаторами акции выступили члены Бюро Постоянного комитета Международной конференции азиатских политических партий (ICAPP) — «самого большого в мире объединения парламентских партий практически всех стран Азии». «Идея» Обращения предварительно обсуждалась Международной комиссией партии «Единая Россия» с руководством Международного отдела ЦК Компартии Китая. Г-н Климов заявил также, что данный документ «завершает фраза о вере в то, что после эпидемии человечество станет более сплоченным, чем когда-либо, и нас ждет гораздо более светлое завтра» [4]. Как говорится, поживем — увидим. Создается впечатление, что некоторые российские политики готовы принять или уже принимают участие в создании новой версии так называемой Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, главным центром управления и источником финансирования которой будет уже не Москва, как в советскую эпоху, а Пекин.

В «Жэньминь жибао» практически ежедневно публикуются подготовленные корреспондентами агентства Синьхуа за границей подборки позитивных высказываний иностранцев о борьбе Китая с коронавирусом [20]. В их числе был и Г.А. Зюганов, который в интервью китайским СМИ заявил, что «мы испытываем чрезвычайную радость по поводу важных успехов, достигнутых китайским народом в борьбе с пандемией. А еще Китай активно помогает бороться с пандемией другим странам, практическими действиями доказывает общность судьбы человечества, демонстрирует заботу Коммунистической партии Китая о мировых делах. Глобальная борьба с пандемией все еще продолжается, успехи Китая в борьбе с ней дают уверенность в победе всему миру» [24].

По мере смещения центра тяжести пандемии из Китая в США, роста американских потерь от коронавируса и угрозы, которую складывающаяся ситуация создает для электоральных перспектив действующего американского президента, ужесточилась позиция Трампа в отношении Китая. По словам бывшего высокопоставленного работника госдепартамента США, Трамп «считает, что Китай лишил США “лучшей за полвека экономики”, гнев Белого дома на Китай из-за пандемии невозможно переоценить» [1]. В Вашингтоне имеет хождение точка зрения, согласно которой пандемия «уже обошлась американским налогоплательщикам в 2 трлн долл.» [14]. «По мере того, как становилось ясно, что власти КНР действительно скрыли время начала эпидемии и ее размах, пытались дезинформировать международные организации (а возможно и подкупить их) и преступно проигнорировали угрозы распространения эпидемии в условиях массовых поездок туристов за рубеж в период празднования Нового года по лунному календарю, в разных странах возникли серьезные основания для обвинений правительства КНР в халатности, за которыми вскоре замаячили и требования расследования происшедшего» [3].

Китай в свою очередь утверждает, что «нет никакой причинно-следственной связи между борьбой с пандемией в Китае и крупномасштабной вспышкой пандемии в Соединенных Штатах», а постановка вопроса о необходимости возмещения Китаем ущерба, который понесли другие страны от пандемии, является «позором цивилизации» [27].

Одним из направлений китайской пропаганды стали личные нападки на американских политиков. Например, М. Помпео СМИ КНР объявили «врагом всего мира», М. Помпео и С. Бэннона назвали «парочкой врущих клоунов», а Бэннона — «живым ископаемым холодной войны» [7], [21].

В начале мая 2020 г. в распоряжение западных СМИ попал доклад разведывательного союза «Пять глаз» (в него входят спецслужбы США, Австралия, Канада, Великобритания и Новая Зеландия). В нем говорится, что китайские власти намеренно скрывали и уничтожали данные о вспышке коронавируса в стране. По данным вышеуказанных спецслужб, Китай знал о том, что новый тип корона-

вируса передается от человека к человеку, еще в начале декабря 2019 г., но отрицал это до 20 января. Тем самым он подверг риску другие страны, скрывая информацию об эпидемии и «заставляя врачей замолчать или исчезнуть». В докладе утверждается, что Госкомитет КНР по здравоохранению уничтожил доказательства наличия SARS-CoV-2 в лабораториях, а также отказывается предоставлять ученым биоматериал для создания вакцины. Критике была подвергнута и ВОЗ, которая «закрывала глаза» на информацию о неизвестном заболевании [2]. Как следует из содержания вышеуказанного доклада, западные эксперты и политики еще не пришли к единому мнению о происхождении коронавируса.

В любом случае вопрос об ответственности китайских властей за пандемию стал серьезным раздражителем в отношениях КНР с рядом государств.

В международную проблему превратилось само название коронавируса. Необходимо отметить, что топонимическое происхождение имеют названия целого ряда болезней, известных человечеству. Например, вирус Западного Нила (впервые обнаружен в северной Уганде), сент-луисский энцефалит (обнаружен в г. Сент-Луис, штат Миссури, США), японский энцефалит, ближневосточный респираторный синдром [19]. Или сибирская язва.

Ужесточение американской позиции в отношении КНР и КПК спровоцировало выдвижение Пекином версии об американском происхождении коронавируса. В Европе крайне негативную реакцию вызвала китайская пропаганда, в частности, тезисы о якобы продемонстрированных в борьбе с пандемией «передовом» характере и «преимуществах» «самобытного китайского социализма» и т. п. В итоге именно «китайские пропагандистские усилия в Европе стали непосредственной причиной ужесточения позиции Евросоюза» [16]. В экспертных кругах ЕС получили распространение высказывания о «новой» китайской дипломатии «боевых волков» (намек на название известного китайского кинофильма) как «части внешнеполитической стратегии Китая, включающей в себя использование силы и принуждение, операции влияния, экономическую войну, кампании дезинформации и подрыв международных институтов». По оценкам, растущее в Европе возмущение ответственностью Ки-

тая за пандемию станет «фактором, подталкивающим правительства к переоценке отношений с Пекином» [10].

По словам Трампа, «вспышка нового коронавируса продемонстрировала недостатки экономической глобализации» и необходимость «возвращения производственно-сбытовых цепочек в Соединенные Штаты, где им самое место» [8]. В то же время Си Цзиньпин в телефонном разговоре с Трампом 27 марта подчеркнул, что Китай стремится к «обеспечению открытости, стабильности и безопасности глобальных цепочек поставок» [22].

Однако весной 2020 г. американское руководство форсировало работу по разъединению экономик США и переносу американскими компаниями производств из КНР в США или «более дружественные» страны» [17].

В западные СМИ попали сведения о содержании доклада, подготовленного для высшего пекинского руководства в начале апреля 2020 г. в Китайской академии современных международных отношений. Главный вывод документа состоит в том, что в настоящее время уровень негативного восприятия КНР в мире достиг самой высокой со времени событий 1989 г. отметки. Авторы доклада считают вероятным то, что порожденные в мире пандемией коронавируса «антикитайские настроения» могут способствовать усилению сопротивления китайским проектам в рамках «Пояса и пути». Прогнозируется также усиление финансовой и военной поддержки Соединенными Штатами союзников в Азии [13].

Очевидна тенденция к усилению координации политики и пропаганды США и их союзников в отношении Китая. И. о. главы правительства Великобритании Д. Рааб заявил, что после окончания пандемии отношения с КНР уже не будут строиться по модели «бизнес как обычно». Под вопросом находится одобрение парламентом страны соглашения с компанией «Хуавэй». Глава комиссии по иностранным делам палаты общин Т. Тагенхат заявил в этой связи, что в британском парламенте «растет понимание того, что означает зависимость от бизнеса, который является частью государства, не разделяющего наши ценности» [15]. Э. Макрон призвал «не быть наивными» при оценке достижений КНР в борьбе с пандемией [12]. А. Меркель заявила о необходимости «возможно большей прозрач-

ности» Китая в вопросе о происхождении коронавируса. Министр иностранных дел Австралии М. Пэйн высказался за «глобальное расследование» данного вопроса [18]. Глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен в еще более жесткой форме предложила Китаю содействовать международному расследованию причин пандемии [10]. Правительство Японии учредило фонд в размере 2,2 млрд долл. США для помощи компаниям, которые планируют выводить производство за пределы КНР [9].

Таким образом, не исключено, что Пекин может оказаться перед лицом «единого фронта» стран Запада и Японии. Это приведет к существенному изменению внешних условий социально-экономического и внутриполитического развития КНР.

Под влиянием пандемии коронавируса усилилась тенденция реиндустриализации развитых стран Запада и возвращения в них производств из развивающихся стран, особенно из КНР. Сократились научные контакты КНР со странами Запада, прежде всего, США. Прогрессирует процесс «разъединения» экономик Китая и США. Обострилась их борьба за преобладание в международных организациях.

Реальной представляется возможность серьезных изменений в процессах глобализации. Речь идет об усилении в мировом развитии роли национально-государственного фактора и, соответственно, упоре стран на собственную экономику в ущерб «глобальным производственным цепочкам».

Эти тенденции с беспокойством воспринимаются в Пекине, где понимают, что в 2020 г. «по экономической глобализации нанесен тяжелый удар, а ее результаты подвергаются переоценке» [29].

Оговариваясь, что пандемия «подтвердила, что глобализация — это неизбежная реальность, от которой нельзя отворачиваться, это выбор без выбора», китайские аналитики приходят к выводу о возникновении в процессе глобализации «новых тенденций». К ним они относят, в частности, следующие: во-первых, новое внимание к безопасности, прежде всего, собственных капиталов; это выражается в «упорядочении» глобальных сбытовых и производственных цепочек в сторону их сокращения, возвращения производств на родину, их регионализации и диверсификации, возвращении «экономического суверенитета»; в этих условиях, «к сожалению», будет ускоряться

процесс «возвращения домой» стратегически важных, новейших, высокотехнологичных отраслей экономики; во-вторых, новая регионализация, в ходе которой, «к сожалению», происходит «большое упорядочение международной системы разделения труда» и начинается ускорение процессов региональной интеграции; в-третьих, новая цифровизация, в ходе которой «на острие» оказываются такие понятия, как «онлайн», «удаленная работа», «облачные сервисы», «большие данные», «искусственный интеллект» и т. д.; в-четвертых, новый упор на преимущества собственной культуры и цивилизации; в связи с этим китайские аналитики указывают, что пандемия испытывает на прочность как экономическую базу, качество населения той или иной страны, так и ее систему управления, способности руководителей и в еще большей степени — «отношения взаимного доверия» между народом и правительством; поведение государств в ходе борьбы с пандемией, в том числе в вопросах «спасения себя и других», выборе между стремлением к собственной выгоде и «большой справедливостью», окажет влияние на отношения между государствами в период после пандемии, соотношение сил между ними, а также может повлиять и на пути развития экономической глобализации.

В связи с развитием вышеуказанных процессов и явлений, описание которых китайские аналитики сопровождают словом «к сожалению», они также указывают на возникновение в политических кругах различных стран мира «совершенно лишних в данное время настроений ностальгии» [29].

Это неслучайно. Китай, который, как известно, относится к числу стран, получивших наибольшую выгоду от глобализации в предшествовавшие десятилетия, в новых условиях может оказаться в числе проигравших.

Библиографический список

1. В Белом доме заподозрили Китай в разрушении американской экономики // Взгляд. 17 апреля 2020. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2020%2F4%2F17%2F1034989.html (дата обращения: 20.04.2020).

2. Западные спецслужбы обвинили Китай в уничтожении данных о COVID-19 // Известия. 03.05.2020.

3. *Иноземцев В.* Время обнимать и время уклоняться от объятий // Газета.ru. 25.04.2020. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2020/04/26/n_14342857.shtml (дата обращения: 27.04.2020).

4. *Климов А.А.* Сплочение. URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/226913640 (дата обращения: 13.04.2020).

5. *Петрова Е.* Иностранцы в Китае пожаловались на дискриминацию из-за пандемии Covid-19. URL: https://ekd.me/2020/04/inostrancy-v-kitae-pozhalovalis-na-diskriminaciyu-iz-za-pandemii-covid-19-ix-vyselyayut-iz-kvartir-i-ne-puskayut-vi restorany/ (дата обращения: 30.04.2020).

6. Посол Китая попросил не принимать избыточных мер из-за коронавируса. URL: https://ria.ru/20200213/1564653613.html (дата обращения: 20.02.2020).

7. СМИ узнали о просьбе посольства КНР прекратить проверки китайцев в Москве. URL: https://www.rbc.ru/society/26/02/2020/5e5628689a79477d40106878 (дата обращения: 28.02.2020).

8. Трамп указал на проявившиеся недостатки экономической глобализации // Взгляд. 20.04.2020. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2020%2F4%2F20%2F1035176.html (дата обращения: 20.04.2020).

9. As Covid-19 fades in China, nationalism and xenophobia flare (Когда Covid-19 исчезает в Китае, национализм и ксенофобия разгораются) // The New York Times. 18 April 2020.

10. Beijing's diplomacy will fail in post COVID-19 world [Пекинская дипломатия потерпит неудачу в мире после COVID-19] // ANI, 01 May 2020. URL: https://www.bruneinews.net/news/264901962/beijing-diplomacy- will-fail-in-post-covid-19-world (дата обращения: 06.05.2020).

11. China says Pompeo 'insane' over virus lab origin theory (Китай говорит, что Помпео «безумен» из-за теории лабораторного происхождения вируса) // AFP. Monday, May 4, 2020. URL: https://www.ctvnews.ca/health/coronavirus/china-says-pompeo-insane-over-virus-lab-origin-theory-1.4923952/ (дата обращения: 15.05.2020).

12. Coronavirus: Macron questions China's handling of outbreak [Коронавирус: вопросы Макрона о том, как Китай справляется со вспышкой] // BBC News. April 17.2020.

13. Exclusive: Internal Chinese report warns Beijing faces Tiananmen-like global backlash over virus [Эксклюзив: Внутренний доклад Китая предупреждает, что Пекин столкнулся с глобальной реакцией на вирус, схожей с реакцией на события, произошедшие на площади Тяньаньмэнь] // Reuters. May 4, 2020. URL: https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china- sentiment-ex/exclusive-internal-chinese-report-warns-beijing-faces-tiananmen-like-global-backlash-over-virus-idUSKBN22G19C (дата обращения: 06.05.2020).

14. *Green M.* Lesson learned on China: bring our companies back home [Преподанный урок Китаем: возвращаем наши компании домой] // The Washington Examiner. April 21, 2020.

15. *He C.* Huawei Faces Mounting Opposition in UK as Distrust of Beijing Grows [Хуавэй сталкивается с растущей оппозицией в Великобритании по мере роста недоверия к Пекину] // The Epoch Times. April 19, 2020.

16. *Lau S.* Coronavirus: European Union ratchets up pressure on China with call to cooperate with inquiry [Коронавирус: Европейский союз усиливает давление на Китай с призывом о сотрудничестве в расследовании] // The South China Morning Post. May 1, 2020.

17. *Pamuk H., Shalal A.* Trump administration pushing to rip global supply chains from China: officials [Администрация Трампа пытается вырвать глобальные цепочки поставок из Китая: официальные лица] // Reuters, May 4, 2020. URL: https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-usa-china/trump-administration-pushing-to-rip-global-supply-chains-from-china-officials-idUSKBN22G0BZ (дата обращения: 05.05.2020).

18. *Sheth H.* German Chancellor Angela Merkel urges China to be more transparent about the origin of coronavirus [Канцлер Германии Ангела Меркель призывает Китай быть более прозрачным в отношении происхождения коронавируса] // Business Line, April 21, 2020 URL: https://www.thehindubusinessline.com/portfolio/india-economy/ (дата обращения: 06.05.2020).

19. The Coronavirus: Is China Having The Last Laugh? [Коронавирус: Китай смеется последним?] // South Asia Analysis Group, March 30, 2020.

20. Гоцзи шэхуй хуюй туаньцзе индуй ицин, цзяньдин чжичи шивэй цзучжи гунцзо [Мировое сообщество призывает к единству в борьбе с пандемией, решительно поддерживает работу Всемирной организации здравоохранения] // Жэньминь жибао. 11.04.2020.

21. «Лэн чжань хошихуа» доушоу дэ доу ши шэмо хосэ [Что за товар сбывает «живое ископаемое холодной войны»] // Жэньминь жибао. 04.05.2020.

22. Си Цзиньпин тун Мэйго цзунтун Тэланпу тун дяньхуа [Си Цзиньпин провел телефонную беседу с президентом США Трампом] // Жэньминь жибао. 28.03.2020.

23. *Си Цзиньпин.* Цзай тунчоу туйцзинь синь гуань фэйянь ицин фанкун хэ цзинцзи шэхуй фачжань гунцзо бушу хуй ишан дэ цзянхуа [Речь на совещании по выдвижению установок по вопросам комплексной борьбы с эпидемией коронавируса и социально-экономического развития] // Жэньминь жибао. 24.02.2020.

24. Цзай кан и хэцзо чжун цзяньсин жэньлэй минъюнь гунтунти линянь [Реализовывать в совместной борьбе с пандемией концепцию общности судьбы человечества] // Жэньминь жибао. 30.03.2020.

25. *Чжун Шэн*. Жан лисин чжаньшэн кунхуан [Пусть рациональность одержит победу над страхом] // Жэньминь жибао. 07.02.2020.

26. *Чжун Шэн*. И лин вэй хэ хуаньбулай ду шань ци шэнь [Использованием соседа в собственных интересах выгоды для себя не добьешься] // Жэньминь жибао. 21.02.2020.

27. *Чжун Шэн*. Чжуйцзэ сопэй наоцзюй ши вэньмин чжи чи [Фарс с выяснением виновности и требованиями компенсации является позором цивилизации] // Жэньминь жибао. 03.05.2020.

28. Чжунго чжу Э даши пи «чуангуань хуйго» [Посол Китая в России критикует тех, кто «рвется через границу на родину»] // Кань Чжунго. 26.04.2020.

29. *Чжэн Гуйчу*. Цзинцзи цюаньцюхуа ши лиши фачжань дэ бижань [Экономическая глобализация является неизбежностью исторического развития] // Жэньминь жибао. 21.04.2020.

30. Шицзе чжэндан гуаньюй цзяцян канцзи синь гуань фэйянь ицин гоцзи хэцзо дэ гунтун хуюй [Совместный призыв политических партий мира к усилению международного сотрудничества в борьбе против пандемии коронавирусной пневмонии] // Жэньминь жибао. 03.04.2020.

References

1. V Belom dome zapodozrili Kitaj v razrushenii amerikanskoj ekonomiki [The White House Suspects China of Destructing American Economy] // «Vzglad», April 17 2020. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2020%2F4%2F17%2F1034989.html (date of reference: April 20 2020).

2. Zapadnye specsluzhby obvinili Kitaj v unichtozhenii dannyh o COVID-19 [Western Special Services Blame China for Destructing Data on COVID-19] // Izvestia, May 3 2020.

3. *Inozemcev V.* Vremya obnimat' i vremya uklonyat'sya ot ob"yatij [Inozemtsev V. Time to Hug and Time to Avert Hugging] // Gazeta.ruю April 25 2020. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2020/04/26/n_14342857.shtml (date of reference: April 27 2020).

4. *Klimov A.A.* Splochenie [Klimov A. Consolidation] // URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/226913640 (date of reference: April 13 2020 г.)

5. *Petrova E.* Inostrancy v Kitae pozhalovalis' na diskriminaciyu iz-za pandemii Covid-19 [Petrova E. Foreigners in China Complain of Discrimination because of Pandemics]. URL: https://ekd.me/2020/04/inostrancy-v-kitae-pozhalovalis- na-diskriminaciyu-iz-za-pandemii-covid-19-ix-vyselyayut-iz-kvartir-i-ne-puskayut-v-restorany/ (date of reference: April 30 2020).

6. Posol Kitaya poprosil ne prinimat' izbytochnyh mer iz-za koronavirusa [The Chinese Ambassador Asked not to Apply Excessive Measures because of Coronavirus] // URL: https://ria.ru/20200213/1564653613.html (date of reference: February 20 2020).

7. SMI uznali o pros'be posol'stva KNR prekratit' proverki kitajcev v Moskve [Media Came to Know about the Chinese Embassy Asking to Stop Checking Up the Chinese in Moscow] // URL: https://www.rbc.ru/society/26/02/2020/5e5628689a7947 7d40106878 (date of reference: February 28 2020).

8. Tramp ukazal na proyavivshiesya nedostatki ekonomicheskoj globalizacii [Trump Pointed Out the Shortcomings of Economic Globalization] // «Vzglad», April 20 2020. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F20 20%2F4%2F20%2F1035176.html (date of reference: April 20 2020).

9. As Covid-19 fades in China, nationalism and xenophobia flare // The New York Timesю 18 April 2020.

10. Beijing's diplomacy will fail in post COVID-19 world // ANI, 01 May 2020. URL: https://www.bruneinews.net/news/264901962/beijing-diplomacy-will-fail-in-po st-covid-19-world (date of reference: 6 мая 2020 г.).

11. China says Pompeo 'insane' over virus lab origin theory // AFP. Monday, May 4, 2020. URL: https://www.ctvnews.ca/health/coronavirus/china-says-pompeo-ins ane-over-virus-lab-origin-theory-1.4923952/ (date of reference: 15.05.2020).

12. Coronavirus: Macron questions China's handling of outbreak // BBC News, April 17 2020.

13. Exclusive: Internal Chinese report warns Beijing faces Tiananmen-like global backlash over virus // Reuters, May 4, 2020. URL: https://www.reuters.com/article/ us-health-coronavirus-china-sentiment-ex/exclusive-internal-chinese-report-warns- b eijing-faces-tiananmen-like-global-backlash-over- virus-idUSKBN22G19C (date of reference: 06.05.2020 г.).

14. *Green M.* Lesson learned on China: bring our companies back home // The Washington Examiner. April 21, 2020.

15. *He C.* Huawei Faces Mounting Opposition in UK as Distrust of Beijing Grows // “The Epoch Times”, April 19, 2020.

16. *Lau S.* Coronavirus: European Union ratchets up pressure on China with call to cooperate with inquiry // The South China Morning Post. May 1, 2020.

17. *Pamuk H., Shalal A.* Trump administration pushing to rip global supply chains from China: officials // Reuters, May 4, 2020. URL: https://www.reuters.com/article/ us-health-coronavirus-usa-china/trump-administration-pushing-to-rip-global-supply - chains-from-china-officials-idUSKBN22G0BZ (date of reference: 05.05.2020 г.).

18. *Sheth H.* German Chancellor Angela Merkel urges China to be more transparent about the origin of coronavirus // Business Line, April 21, 2020. URL: https://www. thehindubusinessline.com/portfolio/india-economy/ (date of reference: 06.05.2020 г.).

19. The Coronavirus: Is China Having The Last Laugh? // South Asia Analysis Group, March 30, 2020.

20. Guoji shehui huyu tuanjie yingdui yiqing, jianding zhichi shiwei zuzhi gongzuo [International Community Appeals for Unity in the Struggle against Pandemics, Resolutely Supports the World Health Organization] // People's Daily. April 11 2020.

21. «Leng zhan huoshihua» doushou de dou shi shenmo house [What Products Sells «Leaving Fossil of the Cold War»] // People's Daily. May 4 2020.

22. Xi Jinping tong meiguo zongtong Telangpu tong hua [Xi Jinping Had a Telephone Conversation with US President Trump] // People's Daily. March 28 2020.

23. *Xi Jinping*. Zai tongchou tuijin xin guan feiyan yiqing fangkong he jingji shehui fazhan gongzuo bushu huiyi shang de jianghua [A Speech at the Working Conference on Combating the New Coronavirus Decease and Promoting Socio-Economic Development] // People's Daily. February 24 2020.

24. Zai kang yi hezuo zhong jianxing renlei mingyun gongtongti linian [To Implement the Concept of the Common Destiny of Mankind in the Process of Cooperation in the Struggle with Pandemicsa] // «People's Daily», March 30 2020.

25. *Zhong Sheng*. Rang lixing zhansheng konghuang [Let Rationality Gain a Victory over Panic] // «People's Daily», February 7 2020.

26. *Zhong Sheng*. Yi ling wei he huanbulai dushan qi shen [One Can't Achieve Personal Gains by Using his Neighbour for Ones' Egoistic Purposes] // People's Daily. February 21 2020.

27. *Zhong Sheng*. Zhuize suopei naoju shi wenming zhi chi [Farce with Seeking Guilty and Demanding Compensation is a Shame of Civilization] // People's Daily. May 3 2020.

28. Zhongguo zhu E dashi pi "chuang guan huiguo" [The Chinese Ambassador in Russia Criticizes Those Who Are Striving to Return to the Motherland at all Costs] // Vision Times. April 26 2020.

29. *Zheng Guichu*. Jingji quanqiuhua shi lishi fazhan de biran [In the Process of Historic Development Economic Globalization is Inevitable] // People's Daily. April 21 2020.

30. Shijie zhengdang guanyu jiaqiang kangji xin guan feiyan yiqing guoji hezuo de gongtong huyu [Joint Appeal of the World's Political Parties to Strengthen International Cooperation in the Struggle Against Pandemics of the New Coronavirus Decease] // People's Daily. April 3 2020.

В.С. Морозова

КОНЦЕПЦИЯ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Аннотация. Статья акцентирует внимание на реализации относительно новой концепции «сообщества единой судьбы человечества», выдвинутой Китаем как ответ на решение многих цивилизационных проблем. Автор рассматривает ее не столько как экономический проект, но как проект, интегрирующий социокультурную специфику китайской цивилизации, в том числе в контексте ее проекций во внешней политике. В статье рассмотрено уникальное определение данной концепции (в основу которого китайские ученые закладывают такие сердцевинные ценности, как мир, развитие, равенство, справедливость), а также уточнены ее главные теоретические аспекты (ценность, цель развития и логика построения). Используя термин «могущественное культурное государство», автор пытается разъяснить мирную позицию Китая по достижению своих целей, закрепленных ранее в планах построения гармоничного мира, достижения «китайской мечты», реализации проекта «Один пояс, один путь», а на современном этапе — осуществления концепции «сообщества единой судьбы человечества». Главной особенностью этого контекста определено отражение внутриполитического курса Китая в осуществлении его внешней политики, а именно

инкорпорирование социокультурного потенциала в механизмы реализации международного сотрудничества. Статья характеризует ряд концептов, которые фокусируют наше внимание на их использовании в практике построения «сообщества единой судьбы человечества» (например, «гармония как драгоценность»). Далее анализируется неоднозначное отношение к данной концепции со стороны ряда других стран, которые опасаются исключительно ее экономической направленности, не признавая социокультурного принципа организации. В итоге делается вывод о главной цели построения «сообщества единой судьбы человечества» заключающейся в укреплении общих мировых ценностей и развитии глобальной культуры, установлении нового типа международных отношений на основе гармонии и баланса интересов.

Ключевые слова: Китай, социокультурная специфика, сердцевинные ценности, внешняя политика, гармоничный мир, китайская мечта, Один пояс, один путь, сообщество единой судьбы человечества, могущественное культурное государство.

Автор: *Морозова Валентина Сергеевна*, доктор философских наук, доцент, приглашенный преподаватель департамента востоковедения и африканистики научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

E-mail: morozova1550@mail.ru

Morozova Valentina S.

"COMMUNITY OF COMMON DESTINY" CONCEPT AS A REFLECTION OF CHINA'S FOREIGN POLICY SOCIOCULTURAL SPECIFICS

Abstract. The article focuses on the relatively new "community of common destiny" concept implementation, put forward by China as an answer to the solution of many civilizational problems. The author considers it not only as an economic project, but as a project integrating the sociocultural specifics of Chinese civilization in the context of its foreign policy projections. The article considers the unique definition of this concept (Chinese scientists stress on the highest role of such core values as peace, development, equality, justice), as well as clarifies its main theoretical aspects (value, development goal and construction logic). Applying the term "powerful cultural state", the author tries to clarify China's peaceful position in achieving its goals, which were previously enshrined in plans of building a harmonious world, achieving the "Chi-

nese dream", implementing the "One Belt — One Road" project, and at the present stage — implementing "community of common destiny" concept. The main feature of this context is the reflection of China's domestic policy in the implementation of its foreign policy, that is the incorporation of sociocultural potential into the international cooperation mechanisms. The article characterizes a number of concepts that focus our attention on their applying in the practice of building a "community of common destiny" (for example, "harmony as a preciousness"). Further, the author analyzes complex attitude to this concept from outside, as there are countries, which are afraid of its exclusively economic orientation, without recognizing the sociocultural principle of its organization. As a result, author concludes about the main goal of building a "community of common destiny" stressing on strengthening common world values and developing global culture, establishing a new type of international relations based on harmony and balance of interests.

Keywords: China, sociocultural specifics, core values, foreign policy, harmonious world, China's dream, "One Belt — One road", community of common destiny, powerful cultural state.

Author: *Morozova Valentina Sergeevna*, Doctor of Philosophy, associate professor, visiting professor of Department of Asian and African studies, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg). E-mail: morozova1550@mail.ru

Уникальность традиционной культуры Китая актуализирует обращение к ее цивилизационной специфике. Она представляет собой не только потенциал развития самой страны, но и ресурс для реализации ее внешней политики, современные тенденции которой связаны с активным включением в нее той социокультурной составляющей, которая аккумулирует многотысячелетние культурные традиции и ценности, успешно инкорпорируя их в современные реалии. Социокультурная специфика является не только основой для укрепления сплоченности китайской нации, но и той духовной силой, которая стимулирует процессы ее развития и укрепляет позиции национальной культуры [1].

Внешняя политика Китая всегда отражает ее внутриполитический курс. Так, культурно-цивилизационная составляющая успешно интегрирована в новые направления политики Китая в отноше-

нии других стран. Идея построения гармоничного мира (和谐世界), многогранное понятие «китайской мечты» (中国梦) как воплощение действующего социально-политического курса, проект «Один пояс, один путь» (一带一路), и наконец, концепция «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体) — все это концентрирует планы о реализации пути мирного развития, отражая формирование международных отношений нового типа, в которых Китай выступает «могущественным культурным государством» (文化强国).

Так, «сообщество единой судьбы человечества» как нельзя лучше отражает социокультурную специфику внешней политики Китая. Китай дает собственное определение «сообщества единой судьбы». 28 сентября 2015 г. на саммите, посвященном 70-й годовщине основания Организации Объединенных Наций, председатель КНР Си Цзиньпин излагает ее суть, в основу которой заложены такие социокультурные ценности, как мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода. Социокультурный контекст предполагает их использование как нравственных ориентиров для всего человечества. Акцент делается не на продвижении этих ценностей посредством внешнеполитических инструментов, но на совместном участии государств в деле построения общего будущего человечества на их основе. Социокультурное измерение всегда было основой развития Китая, а его ценностный капитал продемонстрировал всему миру свою жизнестойкость. Сегодня Китай в качестве основополагающей, универсальной ценности предлагает считать все человечество. И в этом контексте концепция «сообщества единой судьбы» нацелена не только на поиск интересов своей страны, но и на соблюдение интересов других стран, а также на содействие общему развитию всего человечества в рамках общих интересов.

«Сообщество единой судьбы человечества» опирается на теоретическую основу традиционной китайской культуры, пропагандирующей мир и сотрудничество между народами и странами. В целом, это стратегическое видение Китаем системы современных международных отношений, где он выступает в роли «могущественного культурного государства». «Пять в одном» — так можно охарактеризовать основные направления реализации этой концепции: многополярный мир, экономический баланс, культурное многообразие,

безопасность и взаимное доверие, устойчивое развитие. Кроме этого, Китай уточняет три главных теоретических аспекта концепции: ценность, цель развития и логика построения [2].

Одновременно с этим Китай активно использует культуру как предлог для интеграции в международное пространство взаимодействия. Сегодня у Китая заключено межправительственных соглашений в области культуры с более чем 140 странами, подписано около 700 годичных программ сотрудничества и обмена в области культуры, ежегодно только по линии Министерства культуры КНР реализуется около 2000 проектов международного культурного обмена, они охватывают свыше 60 стран и 30 тыс. участников. Все это превращает Китай в «могущественное культурное государство» — 文化强国 — термин, прозвучавший из уст Си Цзиньпина на XVIII съезде КПК в контексте освещения новой эры социализма с китайской спецификой. Таким образом, руководство современного Китая делает важный акцент на культуре не только как фундаментальной основе будущего развития страны, но и интегрируя культурное строительство в плоскость внешнеполитических решений.

Почему же сегодня Китай, как в теоретических концепциях, так и в практической реализации усиленно акцентирует внимание именно на социокультурной специфике? Логично предположить, что его стремительное развитие поставило перед другими странами вопрос о том, выберет ли Китай для дальнейшего пути роль агрессора или будет придерживаться вектора мирного сосуществования? В этом ключе культура Китая оказалась тем самым ресурсом, который может создать ему положительный имидж на международной арене. Несмотря на то, что сегодня концепция «сообщества единой судьбы человечества» становится объектом многих политических дискуссий, она все же остается малоизученной с точки зрения научной составляющей. Так, например, одним из немногих фундаментальных трудов в этом направлении стала монография «Китайская инициатива “Один пояс, один путь” и построение “сообщества единой судьбы человечества”». Книга является результатом работы тридцати экспертов из более чем двадцати стран по вопросу изменения международного геополитического ландшафта и формирования новой парадигмы международного сотрудничества на основе общечеловеческих

ценностей [3]. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» также отражает новое понимание Китаем социокультурных основ международного права. Он интегрирует основы своей традиционной культуры в контекст глобального управления, подчеркивая, что термин «сообщество» отражает такие социокультурные характеристики, как идентичность, религиозные убеждения, культурные нормы — все то, что формирует духовное измерение человечества [4].

Потенциал традиционной культуры, инкорпорированный в современную социокультурную специфику, представляет собой один из главнейших механизмов реализации внешней политики Китая. Это стало очевидным с приходом к власти Ху Цзиньтао, который призывал не копировать западные модели, минимизировав иностранное влияние. В настоящее время можно привести в качестве примеров ряд концептов, которые фокусируют наше внимание на уникальности и непоколебимости китайской культуры:

文化自信 — «уверенность в собственной культуре» — идея, прозвучавшая в ходе доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК и подчеркивающая необходимость укрепления уверенности в собственной культуре и стимулирование интеграции ее ценностей в дело идейно-нравственной работы. Придерживаясь курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», Китай дополняет инновационное развитие своей культуры внедрением его результатов в практику внешней политики;

中国梦 — «китайская мечта» — действующий социально-политический курс Китая, идея политики Си Цзиньпина в сфере культуры как направленная не только на объединение и укрепление Китая, но и усиление его влияния на международной арене. Пока мировая общественность пытается понять, что скрывает Китай под своей мечтой, Си Цзиньпин открыто заявляет, что «Китай — это просыпающийся лев, который миролюбив, добродушен и воспитан» [5].

Безусловно, все мы живем в эпоху значимых социокультурных трансформаций. Международное взаимодействие активизировано глобализационными процессами, что в свою очередь усиливает конкуренцию и трансформацию ценностных установок. Все это нивелирует роль и уникальность каждой культуры. Однако только Китай выводит свою культуру на новый уровень, придает ей качество про-

тивостояния негативным тенденциям, стимулируя у нации чувства уверенности в ней и интегрируя ее потенциал в стратегию «выхода вовне» — 走出去.

Пожалуй, одним из своеобразных, но очень точных высказываний относительно использования социокультурной специфики в практике реализации внешнеполитических целей становится лозунг 古为今用, 洋为中用, 求同存导, 和而不同 — «ставить древность на службу современности, использовать зарубежное в интересах Китая, искать точки соприкосновения для сотрудничества, достигать согласия при наличии разногласий». Суть этого высказывания логично инкорпорирована в концепцию «сообщества единой судьбы человечества». С точки зрения политики и дипломатии она нацелена на формирование нового формата международных отношений с акцентом на взаимном уважении и невмешательстве в дела друг друга, а с позиций культуры — на создание общего будущего всего человечества на основе взаимовыгодного сотрудничества и сосуществования многих культур. По мнению Китая, идея «сообщества единой судьбы человечества» соответствует реальным потребностям мирового развития, указывая его направления и предлагая соответствующие идеи.

Китай предлагает общее решение проблем мирового масштаба для более чем 7 млрд человек и 200 стран. Он не только готов нести ответственность за будущее человечества, предлагая объединиться для борьбы с возникающими проблемами, но и видит долгосрочную перспективу такого сотрудничества, что не только соответствует его философии, но и практическим потребностям всей цивилизации. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» основана на настоящем, предлагая идеи для решения сложных международных проблем и указывая направление развития для всех нас [6]. Однако несмотря на то, что данная концепция была поддержана лидерами многих стран, все же остаются те (Шри-Ланка, Мьянма, Япония), кто относится к ней настороженно, так как считают, что помимо ее идеи как социокультурного принципа организации сотрудничества, нет никаких доказательств того, что она не будет использована исключительно в экономических интересах [7].

Что же именно позволяет Китаю быть уверенным в своих действиях? В частности, это своеобразные императивы, культурные гены,

которые становятся основополагающими принципами «сообщества единой судьбы человечества»:

以和为贵 — «гармония как драгоценность», т. е. гармония как наиважнейшее объединяющее начало для всего человечества;

协和万邦 — «гармонизировать десять тысяч соседних стран», т. е. наладить дружеские отношения не только между собой и своим соседом, но и между всеми соседями;

己所不欲, 勿施于人 — «не делай другим того, чего себе не желаешь», т. е. относись к другим странам и культурам так, как хочешь, чтобы относились к тебе;

四海之内皆兄弟 — «между четырьмя морями — все люди братья», т. е. нет вражде, войнам и междоусобицам.

Сегодня ряд исследователей обращает внимание на формирование системы «китайских ценностей», которые классифицированы по трем уровням: экономические (устойчивое социально-экономическое развитие), политические (всестороннее взаимодействие), культурные (открытость для межкультурного диалога) [8]. Призывая все культуры к участию в построении «сообщества единой судьбы человечества», Китай, прежде всего, говорит о беспроигрышном сотрудничестве каждого, так как результатом для всех участников станет не только укрепление общих ценностей человечества, но и содействие в развитии глобальной культуры, установление нового типа равных и сбалансированных (гармоничных) партнерских отношений в условиях глобализации. Он готов делиться своими традиционными ценностями, говоря о том, что китайская культура принадлежит всему миру, а в качестве своей основной миссии китайское руководство видит посильный вклад в развитие мира во всем мире, что в настоящее время сконцентрировано в концепции построения «сообщества единой судьбы человечества».

Библиографический список

1. *У Цуй.* Синьшидай цзэнцян чжунхуавэньхуажэньтун юй цзяньшэ шэхуэйчжуи вэньхуацянго [Укрепление китайской культурной идентичности и формирование социалистического могущественного культурного государства] // Нунцзя цаньмоу. 2019. № 1. С. 227.

2. *Ван Вэньбин, Чжан Жуйцай.* Шэхуэйчжуи хэсиньцзячжигуань юй жэньлэйминъюньгунтунтидэ цихэсин [Соответствие сердцевинных ценностей социализма и концепции сообщества единой судьбы человечества] // Хаэрбинь шифаньдасюэ шэхуэйкэсюэ сюэбао. 2019. № 4. С. 30.

3. *Linggui Wang, Jianglin Zhao.* China's Belt and Road Initiative and Building the Community of Common Destiny. World Scientific Publishing Company Pte Limited, 2019. 292 p.

4. *Zhang Hui.* A Community of Shared Future for Mankind — The Contemporary Development of the Social Foundations Theory of International Law (Сообщество единой судьбы человечества) // Social Sciences in China. 2019. Vol. 40. № 1. P. 186—202. DOI: 10.1080/02529203.2019.1556489

5. *Ding Arthur Shuhfan, Liou Chih-shian.* China Dreams: China's New Leadership and Future Impacts [Китайские мечты: новое лидерство и будущее Китая]. World Scientific, 2015. P. 16—17.

6. *Ван Пэнфэй, Ван Цзин, Лю Ганлянь.* Гуаньюй жэньлэйминъюньгунтунти сысяндэ сыкао [Размышления об идеи сообщества единой судьбы человечества] // Синаньцзилиньдасюэсюэбао (Шэхуэйкэсюэ). 2019. № 3. С. 107.

7. *David Mitchell.* Making or Breaking Regions: China's Belt Road Initiative and the Meaning for Regional Dynamics [Создание или разрушение регионов: Инициатива Китая один пояс и один путь и значение для региональной динамики] // Geopolitics. 2020. DOI: 10.1080/14650045.2020.1716738

8. *Yuan Zushe.* The Cultural Discovery and Practical Implications of "Chinese Values" [Культурное открытие и практическое значение «китайских ценностей»] // Social Sciences in China. 2018. Vol. 39. № 3. P. 69—84. DOI: 10.1080/02529203.2018.1483094

References

1. *Wu Cui.* Xin shidai zengqiang zhonghua wenhua renting yu jianshe shehui zhuyi wenhua qiangguo [Strengthening Chinese cultural identity and building a socialist cultural power in new era] // Nongjia canmou. 2019. № 1. P. 227.

2. *Wang Wenbing, Zhang Ruicai.* Shehui zhuyi hexin jiazhiguan yu renlei mingyun gongtongti de qihexing [Compatibility of the socialism core values and the community of common destiny] // Haerbin shifandaxue shehuikexue xuebao. 2019. № 4. P. 30.

3. *Linggui Wang, Jianglin Zhao.* China's Belt and Road Initiative and Building the Community of Common Destiny. World Scientific Publishing Company Pte Limited, 2019. 292 p.

4. *Zhang Hui*. A Community of Shared Future for Mankind — The Contemporary Development of the Social Foundations Theory of International Law // Social Sciences in China. 2019. Vol. 40. № 1. P. 186—202. DOI: 10.1080/02529203.2019.1556489

5. *Ding Arthur Shuhfan, Liou Chih-shian*. China Dreams: China's New Leadership and Future Impacts. World Scientific, 2015. P. 16—17.

6. *Wang Pengfei, Wang Jing, Liu Ganglian*. Guanyu renleimingyungongtongti sixiangde sikao [Thoughts about the idea of the community of common destiny] // Синаньцзилинь дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ). 2019. № 3. P. 107.

7. *David Mitchell*. Making or Breaking Regions: China's Belt Road Initiative and the Meaning for Regional Dynamics // Geopolitics. 2020. DOI: 10.1080/14650045.2020.1716738

8. *Yuan Zushe*. The Cultural Discovery and Practical Implications of "Chinese Values" // Social Sciences in China. 2018. Vol. 39. № 3. P. 69—84. DOI: 10.1080/02529203.2018.1483094

Ж.В. Петрунина, Г.А. Шушарина

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ВЕНЕСУЭЛЕ: МЕХАНИЗМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Предлагаемое исследование посвящено изучению политики Китая в отношении Венесуэлы в XXI в. Отмечается, что современное руководство КНР уделяет большое внимание расширению взаимоотношений со странами Латинской Америки. Венесуэла является одним из мировых лидеров по запасам нефти. Китай заинтересован в получении доступа к нефтяным запасам Венесуэлы, рассматривая ее в качестве одного из ведущих направлений своей энергетической дипломатии. Определено, что при достижении поставленных задач Китай выстраивает отношения не только с официальным режимом, но и с представителями венесуэльской оппозиции. В работе дана характеристика специфике развития двусторонних отношений на современном этапе, определены приоритетные направления взаимодействия. С начала XXI в. Китай стал ведущим кредитором основных экономических и социальных проектов и программ в Венесуэле. Результатом такой политики стало заметное усиление влияния КНР на экономику Венесуэлы. Укрепление положения Китая в Венесуэле ведется разными способами. В последние годы Китай диверсифицировал свое присутствие в Венесуэле, стороны стали активно развивать военно-техническое сотрудничество и расширять межкультурный диалог, уделяя внимание сфере образования, науки и культуры. Отношения между Китаем и

Венесуэлой являются взаимовыгодными. Китай укрепляет свое положение на международной арене, а Венесуэла получает гарантии обеспечения политической стабильности в государстве и в латиноамериканском регионе.

Ключевые слова: Китай, Венесуэла, латиноамериканский регион, энергетическая дипломатия, энергетическое сотрудничество, торгово-экономическое сотрудничество, военно-техническое сотрудничество, межкультурный диалог, внешняя политика, международные отношения.

Авторы*: *Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и культурология», Комсомольский-на-Амуре государственный университет. ORCID: 0000-0003-0121-2147; E-mail: petrunina71@bk.ru

Шушарина Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Комсомольский-на-Амуре государственный университет. ORCID: 0000-0002-5741-1914;

E-mail: galinalmk@yandex.ru

Petrunina Zhanna V., Shusharina Galina A.

CHINA'S POLICY IN VENEZUELA: MECHANISMS TO STRENGTHEN RELATIONS IN THE LONG RUN

Abstract. The proposed study is devoted to Chinese policy towards Venezuela in the 21st century. It is noted that the modern leadership of the PRC pays great attention to expanding relations with the countries of Latin America. Venezuela is one of the world leaders in oil reserves. China is interested in gaining access to those oil reserves, considering Venezuela as one of the leading areas of its energy diplomacy. It has been determined that in achieving its goals, China builds relations not only with the official regime, but also with representatives of the Venezuelan opposition. The paper gives a characteristic of the specifics of the bilateral relations development at the present stage, and identifies priority areas of interaction. Since the beginning of the 21st century, China has become a leading lender of major economic and social projects and programs in Venezuela. The result of this policy was a marked increase in the influence of China on the economy of Venezuela. Strengthening the position of China in Venezuela is carried out in various ways. In recent years, China has diversified its presence in Venezuela; the parties began to actively develop military-technical cooperation and expand intercultural dialogue, paying atten-

tion to the field of education, science and culture. Relations between China and Venezuela are mutually beneficial. China is strengthening its position in the international arena, and Venezuela is receiving guarantees of political stability in the state and in the Latin American region.

Keywords: China, Venezuela, Latin American region, energy diplomacy, energy cooperation, trade and economic cooperation, military-technical cooperation, intercultural dialogue, foreign policy, international relations.

Authors: *Petrunina Zhanna Valeryanovna,* Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-na-Amure State University;

ORCID: 0000-0003-0121-2147. E-mail: petrunina71@bk.ru

Shusharina Galina Alexeyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Linguistics and Cross-cultural Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University.

ORCID: 0000-0002-5741-1914; E-mail: galinalmk@yandex.ru

В XXI в. во внешней политике КНР определился устойчивый интерес к странам Латинской Америки. Отмеченный интерес соответствует реализации концепции многополярности во внешней политике страны, озвученной лидером КНР Цзян Цзэминем в 1997 г. Одним из ведущих государств латиноамериканского региона является Венесуэла. По мнению экспертов, китайско-венесуэльское сотрудничество на современном этапе характеризуется взаимозависимостью и взаимодополняемостью.

Официальные китайско-венесуэльские дипломатические отношения были установлены в 1974 г. на основе принципов взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды. В октябре 1981 г. состоялся визит в КНР лидера Венесуэлы Луиса Антонио Эррера. В течение последней четверти XX в. между странами были определены ключевые направления сотрудничества, была заложена договорная база двустороннего диалога. В начале XXI в. отношения между Китаем и Венесуэлой получили дополнительный импульс.

Активизация сотрудничества между Китаем и Венесуэлой началась с эпохи Цзян Цзэминя. С 2001 г. руководство Поднебесной стало определять отношения с Венесуэлой как стратегическое партнерство.

К этому времени в Венесуэле произошли заметные изменения. После победы на президентских выборах 1999 г. Уго Чавеса Венесуэла укрепила свои позиции и стала одним из ведущих игроков на мировой арене. Интерес к расширению взаимодействия со странами АТР лидер Боливарианской Республики Венесуэла (так страна стала называться по Конституции 1999 г.) продемонстрировал в октябре 1999 г. в ходе своей поездки по динамично развивающимся странам Азии (Китай, Япония, Республика Корея, Гонконг, Филиппины, Малайзия). Ответным шагом стал официальный визит председателя КНР Цзян Цзэминя в ряд стран Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Чили, Венесуэла, Уругвай и Куба) в апреле 2001 г. и подписание с Венесуэлой Соглашения о стратегическом партнерстве.

С приходом к власти Ху Цзиньтао китайско-венесуэльские отношения стали развиваться быстрыми темпами, а к началу второго десятилетия XXI в. Китай вошел в тройку ведущих экономических партнеров Венесуэлы. В числе ключевых факторов, оказавших влияние на формирование современных двусторонних отношений, следует выделить геостратегический и торгово-экономический.

Объемы товарооборота между Китаем и Венесуэлой в XXI в. остаются достаточно высокими. Существенное влияние на объемы двустороннего товарооборота оказывают мировые кризисы и темпы экономического роста государств. В 2018 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Венесуэлой составил 8,569 млрд долл., из которых китайский экспорт в Венесуэлу составил 1,146 млрд долл., а импорт — 7,423 млрд долл. За период с января по октябрь 2019 г. объем двусторонней торговли товарами составил 6,011 млрд долл., из которых китайский экспорт составил 1,214 млрд долл., а импорт — 4,779 млрд долл. [1]. Китайский экспорт в Венесуэле представлен готовой продукцией (электроприборами, компьютерами, электроникой, машинами и другим оборудованием). Основу китайского импорта из Венесуэлы составляют минерально-сырьевые ресурсы (нефть, железорудный песок и его концентрат) и продукция сельского хозяйства (рафинированное масло).

Для Пекина приоритетным направлением сотрудничества с Каракасом является энергетический сектор. Руководство КНР стремится гарантировать энергетическую безопасность и минимизиро-

вать зависимость своей страны от ведущих мировых поставщиков нефти. Этими обстоятельствами объясняется поиск новых поставщиков «черного золота». Китай принимает активное участие в разработке одного из богатейших месторождений тяжелой нефти, расположенного в Венесуэле в районе реки Ориноко. Добычу ведет совместная венесуэльско-китайская компания «Petrosinovensa», в которой 40 % акций принадлежат китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC), а 60 % — государственной нефтегазовой компании Венесуэлы «Petroleos de Venezuela» (PDVSA). В настоящее время созданы совместные нефтедобывающие предприятия, большая часть финансирования которых осуществляется китайской стороной.

Длительное время Китай являлся одним из крупных кредиторов Венесуэлы. В 2001 г. Китайский банк развития предоставил Венесуэле первый кредит. С целью развития экономического сотрудничества в 2007 г. стороны создали совместный китайско-венесуэльский фонд, куда вложили 6 млрд долл. За период с 2007 по 2014 гг. Китай вложил в Венесуэлу 63 млрд долл., в ответ Венесуэла обязалась возвращать заимствованные из Китая суммы в виде сырой нефти для китайских госкомпаний [2]. Сделка «нефть в обмен на кредиты» до недавнего времени оценивалась обеими сторонами позитивно. В одном из своих выступлений на встрече с будущим лидером КНР Си Цзиньпином президент Венесуэлы Уго Чавес допустил возможность поставок венесуэльской нефти в Китай ближайшие 200 лет [3]. Но обостряющийся нефтяной кризис, неспособность Венесуэлы выполнять свои обязательства по поставкам нефти, опасность смены правительства в Венесуэле и прихода к власти оппозиции и нестабильная социальная обстановка в стране повлияли на изменение условий китайского кредитования. Несколько лет назад Китай прекратил выдачу кредитов Венесуэле, сохранив дипломатические отношения с режимом Николаса Мадуро, возглавившего страну в 2013 г. В настоящее время большинство прямых китайских инвестиций приостановлены из-за неблагоприятных условий для ведения бизнеса в Венесуэле, а перспективы поддержания кредитных отношений Пекина и Каракаса вызывают серьезные опасения. Обеспокоенный перспективами своих проектов в Венесуэле, стремясь за-

щитить свои финансовые вложения, Пекин ведет переговоры с представителями лидера венесуэльской оппозиции Хуана Гуайдо. Однако это не означает, что Китай полностью пересмотрел свою позицию в отношении правительства Николаса Мадуро.

Рассчитывая еще прочнее закрепиться на рынках Венесуэлы, Китай прикладывает значительные усилия с целью диверсифицировать свое присутствие в этой стране. Стороны проводят политику, направленную на расширение военно-технического сотрудничества. Эту сферу взаимодействия Пекин, сдерживаемый сложившимися отношениями с США, пока не рассматривает в числе приоритетных. В 1981 г. между Китаем и Венесуэлой было подписано соглашение об установлении военного сотрудничества на уровне атташе. В последующие годы страны расширили двустороннее военное сотрудничество. Летом 2012 г. авиастроительная кампания КНР Xian поставила ВВС Венесуэлы 8 транспортных самолетов (ВТС) Shaanxi Y-8 [4]. Свидетельством укрепления сотрудничества в военной сфере можно считать участие почетного караула Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в праздновании 200-летия независимости Венесуэлы в 2011 г. и участие войск Венесуэлы в военном параде в 2015 г., посвященном 70-й годовщине победы Китая в войне с Японией.

Значимым направлением сотрудничества для обеих сторон является научно-техническое. Между китайской China Great Wall Industry Association (CGWIC) и Министерством народной власти Венесуэлы в области науки, технологий и смежных отраслей промышленности (МРРСТII) был заключен ряд соглашений по сотрудничеству в вопросах строительства и выведения космических спутников на орбиту. К настоящему времени Венесуэла при поддержке КНР уже запустила на орбиту три спутника — «Симон Боливар» (VENESAT-1) в 2008 г., «Миранда» (VRSS-1) в 2012 г. и «Сукре» (VRSS-2) в 2017 г. В 2022 г. власти Венесуэлы рассчитывают при поддержке Китая вывести на орбиту четвертый спутник «Гуаикайпуро», который должен будет сменить спутник «Симон Боливар» [5]. Выведение на орбиту спутников для Венесуэлы осуществлялось с космодромов КНР (Сичан, Цзюцюань). Спутники используются для проведения исследований природных ресурсов Венесуэлы, охраны окружающей среды

страны, развития ее аграрной сферы и городского планирования, предотвращения стихийных бедствий и для борьбы с незаконной добычей полезных ископаемых.

Китай инвестирует большое количество проектов, направленных на повышение качества жизни венесуэльцев и обеспечения национальной безопасности страны. Для помощи в реализации плана «Безопасная Родина» (Plan Patria Segura), направленного на борьбу со всеми видами преступности в Венесуэле, Китай выделил около 1 млрд долл. Результатом осуществления задуманного должно стать повышение боеспособности венесуэльской армии и использование современных электронных средств слежения в национальном масштабе. С 2005 по 2010 г. Венесуэла закупила у Китая 10 мобильных радиолокационных станций дальнего обнаружения вида JY11B и JL11 на сумму 260 млн долл. Это в свою очередь позволило Национальному управлению по борьбе с наркотиками Венесуэлы действовать намного эффективнее [4].

Китайско-венесуэльское двустороннее взаимодействие затрагивает разные области. Китай инвестировал значительные суммы в модернизацию транспортной инфраструктуры в стране (строительство высокоскоростных железных дорог и метро в Маракайбо). Венесуэла является одним из экспортных рынков автомобилей Китая. В 2014 г. между китайской компанией «Чжэнчжоу Юйтун Бас» и Министерством наземного транспорта Венесуэлы был подписан меморандум о поставке в Венесуэлу 1500 пассажирских автобусов, запчастей к ним, инструментов [6]. В 2015 г. совместно с Китаем в Венесуэле был введен в эксплуатацию завод по выпуску автобусов, часть из которых Каракас поставляет на рынки стран Латинской Америки. Существенной помощью для Венесуэлы стали китайские инвестиции в модернизацию оросительной системы в штате Португеса, что позволило увеличить объемы производимой в стране сельскохозяйственной продукции.

Наряду с торгово-экономическими отношениями Пекин и Каракас уделяют большое внимание социокультурному взаимодействию. Основа для двусторонних отношений в этом вопросе была заложена в 1981 г. после подписания межправительственного соглашения о культурном сотрудничестве. В последующие годы, включая и

первое десятилетие XXI в., стороны ограничивались взаимными визитами на уровне правительственных делегаций. Так, в июне 2002 г. состоялся визит в Венесуэлу китайской делегации во главе с заместителем министра культуры КНР Пан Чжэньчжоу, а в мае 2006 г. Китай посетил министр культуры Венесуэлы Франциско Сесто. Последние годы были отмечены активизацией межкультурного диалога. С 2010-х годов разные китайские театральные и танцевальные коллективы (труппы драматического театра, кукольного театра, цирковые коллективы и другие) побывали с гастролями в Венесуэле. В свою очередь в Китае регулярно проводятся Латиноамериканские художественные сезоны, в которых принимают участие профессиональные творческие коллективы Венесуэлы (симфонический оркестр имени Симона Боливара, молодежный симфонический оркестр имени Симона Боливара, национальная танцевальная труппа и другие). Большой вклад в развитие гастрольной деятельности вносит «Музыкальный фонд Симона Боливара». Министерством культуры Венесуэлы при поддержке посольства Венесуэлы в Китае в 2019 г. в Пекине была проведена выставка живописи современных венесуэльских художников. В ноябре 2019 г. Китай принял участие в 15-й Венесуэльской международной книжной ярмарке.

Одним из механизмов расширения представлений о стране и традициях проживающего в ней народа является изучение языка. Пекин уделяет больше внимание вопросам распространения китайского языка и китайской культуры в Венесуэле, что, как известно, является частью проводимой Китаем политики «мягкой силы». В 2016 г. в Университете Боливар бы открыт Институт Конфуция, благодаря деятельности которого изучение китайского языка в Венесуэле ведется без особых трудностей. Следует отметить и расширяющееся китайско-венесуэльское сотрудничество в сфере образования. Обмен студентами между странами начался в 1961 г., когда Китай начал первый прием венесуэльских студентов в свои вузы. В 1976 г. начался официальный обмен студентами. Для обучения в Китае из Венесуэлы было направлено 27 студентов, а из Китая — 14 [7]. В сентябре 2018 г. стороны подписали план реализации ежегодного образовательного обмена. По данным 2018 г. в вузах Китая получали образование 629 студентов из Венесуэлы [1].

Новым вектором китайско-венесуэльского диалога стало развитие туризма. В августе 2006 г. между Китаем и Венесуэлой был подписан Меморандум о взаимопонимании, который регулирует организацию туристических поездок из Поднебесной в Венесуэлу. В апреле 2012 г. Венесуэла приняла участие в китайской ярмарке международного туризма. В июне 2018 г. между Пекином и Каракасом был подписан «План туристического сотрудничества на 2018—2020 годы». Несмотря на то, что туристическая инфраструктура в Венесуэле почти отсутствует, страна обладает привлекательными для китайских туристов природными достопримечательностями (водопады, горы, джунгли Амазонки, пляжи).

В числе факторов, оказывающих влияние на политику Китая в отношении Венесуэлы, следует отметить присутствие в этом латиноамериканском государстве многочисленной китайской диаспоры. На рубеже XX—XXI вв. численность китайцев в Венесуэле превышала 400 тыс. человек. Однако экономические кризисы, сотрясающие Боливарианскую Республику, нестабильная социально-политическая ситуация в стране и высокий уровень преступности привели к оттоку тысяч китайских иммигрантов из страны. Пекин считает необходимым со своей стороны гарантировать безопасность для оставшихся в Венесуэле граждан КНР.

Итак, в XXI в. Китай проводит гибкую и прагматичную политику в отношении Венесуэлы, которая сохраняет за собой положение одного из значимых игроков на международной арене. Политика Пекина в отношении Каракаса является частью политики Китая в отношении латиноамериканских государств. Пекин заинтересован в обеспечении стабильных поставок венесуэльской нефти, поэтому применяет разные способы для того, чтобы укрепить взаимодействие с Каракасом, сделав его менее зависимым от внешних и внутренних потрясений. В последние годы расширяется двустороннее социокультурное сотрудничество, что должно способствовать укреплению китайско-венесуэльских отношений. Диверсификация направлений китайской политики в Венесуэле, по мнению китайского руководства, позволит обеспечить взаимовыгодный диалог в долгосрочной перспективе. Это соответствует задачам КНР, имеющей трансконтинентальные интересы.

Библиографический список

1. Чжунго тун Вэйнэйжуйладэ гуаньси [Китайско-Венесуэльские отношения] // Чжунго Жэньминь Гунхэго Вайцзяобу (Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики), 2019.

2. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_681168/sbgx_681172/ (дата обращения: 10.04.2020).

3. Венесуэла и Китай договорились о новых инвестициях в совместные нефтяные проекты. Что скажут США? // Neftegaz.ru. 13 июня 2017.

4. URL: https://neftegaz.ru/news/politics/209594-venesuela-i-kitay-dogovorilis-o-novykh-investitsiyakh-v-sovmestnye-neftyanye-proekty-chto-skazo-novyk/ (дата обращения: 10.04.2020).

5. *Чавес У.* Венесуэла 200 лет готова поставлять нефть в Китай // РБК. 18 февраля 2009.

6. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/02/2009/5703d2129a79473dc814c789 (дата обращения: 11.04.2020).

7. Стратегическое партнерство Китая и Венесуэлы: нефть, оружие, социальные программы //Военное обозрение. 15 сентября 2011. URL: https://topwar.ru/6811-strategicheskoe-partnerstvo-kitaya-i-venesuely-neft-oruzhie-socialnye-programmy.html (дата обращения: 11.04.2020).

8. Венесуэла планирует вывести на орбиту свой четвертый спутник //ТАСС. 4 июля 2019. URL: https://tass.ru/kosmos/6628554 (дата обращения: 11.04.2020).

9. Компания «Чжэнчжоу Юйтун Бас» планирует создать в Венесуэле завод по выпуску автобусов // Жэньминь жибао. 26.07.2014.

10. URL: http://russian.people.com.cn/n/2014/0726/c31517-8761262.html (дата обращения: 11.04.2020).

11. Информационный бюллетень ИТАР ТАСС Пульс планеты (ежедневный): АТР. М.: ИТАР ТАСС, 2005—2012.

References

1. Zhōngguó tóng weinèiruìlā de guānxì [China — Venezuela relations]. Zhongguo Renmin Gongheguo Waijiaobu [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China], 2019.

2. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_681168/sbgx_681172/ (accessed 10.04.2020).

3. Venesuela i Kitaj dogovorilis' o novyh investiciyah v sovmestnye neftyanye proekty. Chto skazhut SSHA? [Venezuela and China agree on new investments in joint oil projects. What will the USA say?] // Neftegaz.ru. June 13th, 2017.

4. URL: https://neftegaz.ru/news/politics/209594-venesuela-i-kitay-dogovorilis-o-novykh-investitsiyakh-v-sovmestnye-neftyanye-proekty-chto-skazhut-ssh/ (accessed 10.04.2020).

5. *Chaves U.* Venesuela 200 let gotova postavlyat' neft' v Kitaj [H. Chavez. For 200 years long Venezuela has been ready to supply oil to China] // RBC. February 18, 2009.

6. URL: https://www.rbc.ru/economics/18/02/2009/5703d2129a79473dc814c789 (accessed: 11.04.2020).

7. Strategicheskoe partnerstvo Kitaya i Venesuely: neft', oruzhie, social'nye programmy [Strategic partnership of China and Venezuela: oil, weapons, social programs] // Military Review. September 15, 2011. URL: https://topwar.ru/6811-strategicheskoe-partnerstvo-kitaya-i-venesuely-neft-oruzhie-socialnye-programmy.html (accessed 11.04.2020).

8. Venesuela planiruet vyvesti na orbitu svoj chetvertyj sputnik [Venezuela plans to launch its fourth satellite into orbit] // TASS. July 4, 2019. URL: https://tass.ru/kosmos/6628554 (accessed: 11.04.2020).

9. Kompaniya «CHzhenchzhou YUjtun Bas» planiruet sozdat' v Venesuele zavod po vypusku avtobusov [Company Zhengzhou Yutong Bas plans to set up a bus factory in Venezuela] // The People's Daily on-line. 26.07.2014.

10. URL: http://russian.people.com.cn/n/2014/0726/c31517-8761262.html (accessed 11.04.2020).

11. Informacionnyj byulleten' ITAR TASS Pul's planety (ezhednevnyj): ATR. [ITAR TASS Newsletter Pulse of the Planet (daily): Asia-Pacific]. Moscow: ITAR TASS, 2005—2012.

А.О. Виноградов

ПОЧЕМУ СЕГОДНЯШНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НЕ ЛУЧШЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ?

Аннотация. Российско-китайские отношения с момента их нормализации в конце 80-х годов развиваются поступательно в сторону укрепления. Что позволило (прежде всего китайской стороне) в последние 6—7 лет говорить о том, что в отношениях наших стран достигнут «наивысший уровень отношений», что отношения КНР — РФ на сегодняшний день являются «самыми лучшими» за всю историю отношений сторон. Разумеется, при этом нынешние отношения сравниваются с периодом отношений между СССР и КНР в 50-е годы XX века, которые в российской и советской историографии назывались «отношениями дружбы и союза двух братских стран».

В связи с этим возникает вопрос, зачем китайской стороне, начиная с экспертов и послов и заканчивая высшими руководителями партии и государства, понадобилось настойчиво сравнивать на самом деле совершенно разные периоды в истории отношений наших двух стран? Связано ли это только с политическими традициями Китая, привыкшего рассматривать отношения с окружающими странами через призму истории? И почему это сравнение вызывает стойкое неприятие со стороны российского китаеведческого сообщества?

По мнению автора статьи, это сравнение преследует две цели. Во-первых, закрепить понимание того, что в разрыве дружеских отношений 50-х годов нет вины китайской стороны и лично Мао Цзэдуна. Что вина была обоюдной, а к разрыву отношений привели объективные причины — наличие идеологической составляющей, которая и порождала почву для споров, неравноправность отношений, выражавшаяся в давлении со стороны Советского Союза на независимый и самостоятельный Китай, наличие территориальных споров, личная неприязнь высших руководителей СССР и КНР (Хрущева и Мао Цзэдуна) к друг другу. А во-вторых, показать, что в сегодняшних российско-китайских двусторонних отношениях отсутствуют серьезные проблемы.

Ключевые слова: Россия, Китай, СССР, российско-китайские отношения, советско-китайские отношения, Мао Цзэдун, Хрущев, история, Си Цзиньпин, Путин.

Автор: *Виноградов Андрей Олегович*, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: vinandr@mail.ru

Vinogradov Andrey O.

WHY TODAY'S RUSSIAN-CHINESE RELATIONS NOT BETTER THAN SINO-SOVIET RELATIONS?

Abstract. Russian-Chinese relations have been developing progressively since their normalization in the late 1980s. This fact lead the Chinese side in the last 6—7 years to say that the relations of our countries achieved the "highest level of relations" and the relations between the PRC and the Russian Federation today are the "best" in the history. That means, that the current relations are compared with the period of relations between the USSR and the People 's Republic of China in the 1950s, which in Russian and Soviet historiography were called "relations of friendship and union between the two brotherly countries".

This raises the question of why the Chinese side, from experts and ambassadors to the highest leaders of the Party and the State, need to persistently compare in fact completely different periods in the history of relations between our two countries? Is this related only to the political traditions of China, which is used to looking at relations with surrounding countries through the lens of history? And why this comparison causes a persistent rejection from the Russian Sinologue experts community?

According to the author, the comparison has two objectives. First, to consolidate the understanding that there is no fault of the Chinese side and Mao Zedong himself in the break-up of friendly relations of the 1950s. According to that the guilt was mutual, and the break-up of relations was caused by objective reasons — the existence of an ideological component, which generated the ground for disputes, inequality of relations, expressed in the pressure of the Soviet Union on an independent China, the existence of territorial disputes and the personal resentment of the highest leaders of the USSR and the People 's Republic of China (Khrushchev and Mao Zedong) to each other. Second, to show that there are no serious problems in today's Russian-Chinese bilateral relations.

Keywords: Russia, China, the Soviet Union, Russian-Chinese relations, Sino-Soviet relations, Mao Zedong, Nikita Khrushchev, history of, XI Jinping, Putin.

Author: *Andrey Vinogradov*, candidate of historical Sciences, associate Professor of the School of Oriental studies at the Higher School of Economics, leading researcher at the IFES RAS.

E-mail: vinandr@mail.ru

Как известно, по итогам последнего официального визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в июне 2019 г. было опубликовано «Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». Заявление, помимо объявления о превращении двусторонних отношений во всеобъемлющее стратегическое партнерство в новую эпоху, содержит также утверждение о том, что «стороны вывели российско-китайские отношения на самый высокий уровень» [1]. Причем в китайском варианте заявления говорится еще конкретнее — «на самый высокий уровень в истории» [2].

Заметим, что выражение «наилучший период в китайско-российских отношениях в истории» неоднократно использовалось китайскими дипломатами и официальными СМИ в последние 6—7 лет (начиная с прихода к власти сегодняшнего руководства КНР). Время от времени оно присутствовало и в выступлениях российского руководства. Но на этот раз оно было впервые включено в официальное совместное заявление. Принимая во внимание слова россий-

ского президента в приветственной речи во время визита о том, что ему «приятно отметить, что российско-китайские отношения вышли на беспрецедентно высокий уровень» [3], можно считать, что в данный момент российское руководство согласилось с тем, что нынешние двусторонние отношения достигли исторического пика за последние 70 лет.

Это, по сути, отражение точки зрения наших китайских партнеров, которые настойчиво проводят в жизнь положение о том, что нынешние отношения между Россией и Китаем лучше, чем советско-китайские отношения в 1950-х годах.

Однако прежде чем вступать в полемику по поводу того, лучше или не лучше нынешние российско-китайские отношения, чем советско-китайские в период пятидесятых годов, стоит задуматься над тем, зачем китайской стороне и нынешнему китайскому руководству нужны эти сравнения. Зачем китайские официальные представители, начиная с послов и заканчивая лидером государства, постоянно подчеркивают, что нынешний период — наилучший в отношениях двух стран, что нынешнее стратегическое взаимодействие в новую эпоху лучше, чем союзнические отношения в 50-е годы? Казалось бы, и тогда были хорошие отношения, и сегодня довольно неплохие...

На наш взгляд, это сравнение преследует две цели.

Первая — доказать, вернее, закрепить понимание, что в разрыве дружеских отношений 50-х годов нет вины китайской стороны и лично Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Что вина была обоюдной (как минимум), а к разрыву отношений привели объективные причины — наличие идеологической составляющей, которая и порождала почву для споров, неравноправность отношений, выражавшаяся в давлении со стороны Советского Союза на независимый и самостоятельный Китай, наличие территориальных споров, личная неприязнь высших руководителей СССР и КНР (Хрущева и Мао Цзэдуна) к друг другу. Ну и так далее — аргументы китайской стороны мы будем конкретно рассматривать ниже.

Вторая — показать, что как раз в сегодняшних двусторонних отношениях у нас с Китаем все в порядке, серьезных проблем нет (да и несерьезных, видимо, тоже), что у Китая и России сегодня очень

хорошие дружеские, даже практически союзнические отношения. И сделать подобную оценку общепринятой («стороны согласились...»), застолбив ее на самом высшем уровне.

Неприятием этих целей и объясняются возражения со стороны российского китаеведческого экспертного сообщества. А не тем, что в России считают, что тогда все было хорошо, а сегодня все плохо. И тогда далеко не все было хорошо, и сегодня далеко не все плохо, несмотря на существующие проблемы в двусторонних, особенно экономических отношениях. На наш взгляд, эти периоды вообще не стоит сравнивать между собой — совершенно разная политическая обстановка в мире, совершенно разные этапы в развитии обеих стран (включая идеологическую составляющую), совершенно разная основа для взаимного сближения. Так что сама постановка вопроса о том, какие отношения лучше — те или эти, на наш взгляд, является надуманной и неправомерной.

Теперь вернемся к конкретным аргументам китайской стороны. Начнем с идеологии.

Вопрос о том, насколько идеи Мао Цзэдуна и его соратников в китайском руководстве соответствовали догмам марксизма-ленинизма, подробно разобран в многочисленных работах советских китаеведов в конце 60-х — середине 70-х годов. Понятно, что многое в этих работах продиктовано ситуацией полемики между двумя странами («война слов») и определенным догматизмом советской общественной науки в целом, но многое вполне верно и актуально сегодня. В любом случае, «пролетарский интернационализм» в духе призывов К. Маркса об объединении «пролетариев всех стран» для совместного осуществления мировой революции пролетариата китайскому руководству не был свойственен. Да и наивно было бы ожидать этого от китайских руководителей, сделавших ставку на объединение всей страны под лозунгом национального возрождения Китая и опоры на широкие массы всех слоев общества в рамках концепции «народной демократии». При этом именно национальное возрождение страны, преодоление временного, навязанного извне отставания страны от мировых лидеров (включая Советский Союз) и вновь обретение Китаем статуса «великой державы» являлось главной идеологической основой и внутренней, и внешней политики

нового Китая. А отнюдь не пролетарская солидарность и защита интересов мирового социалистического сообщества...

Другими словами, именно национализм (в данном случае без всяких негативных коннотаций) являлся (и является) основой и внутренней, и внешней политики Китая. Начиная с Сунь Ятсена, Чан Кайши, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и заканчивая сегодняшним китайским руководством. При этом национализм понимается не как этнический ханьский национализм, а как отстаивание интересов «чжунхуа миньцзу» — всей китайской нации, то есть всех жителей Китая, независимо от этнической принадлежности. Об этом подробно написано в статьях Ю.М. Галеновича, В.А. Корсуна, А.Ю. Салицкого и других.

Помимо этого, в основе внешнеполитических построений китайских руководителей лежат традиционные взгляды на роль Китая в мире и китайскую историю, берущие начало еще в конфуцианстве и стратегических построениях периода «воюющих царств» («чжань го»).

Понятно, что эти построения, являющиеся неотъемлемой частью «китаизированного марксизма», главная заслуга в создании которого принадлежит, разумеется, Мао Цзэдуну, не имеют ничего общего с постулатами марксизма о «пролетарском интернационализме», социалистической солидарности, отстаивании общих интересов социализма и т. п. Заметим, что сегодня заслуги Мао Цзэдуна в формировании «китаизированного марксизма» не подлежат сомнению в Китае, а вклад Си Цзиньпина в этот процесс (развитие марксизма в новую эпоху) сравнивается именно с вкладом Мао Цзэдуна, а не последующих руководителей.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что и положения Н.С. Хрущева, выдвинутые им на XX съезде КПСС по поводу новой оценки ситуации в мире и стратегии и целей мирового коммунистического движения во главе с Советским Союзом — мирное сосуществование, мирный переход и т. п. — являлись серьезным отходом от догматического понимания марксизма-ленинизма в сторону прагматики и более сдержанного отношения к окружающему миру. И именно это изменение в политике Советского Союза (прежде всего внешней), а не пресловутая критика И.В. Сталина, вызвали главное неприятие в

Китае, главное неприятие со стороны Мао Цзэдуна. И явились, на мой взгляд, основной причиной перехода к осуществлению политики «трех красных знамен» и «большого скачка» внутри Китая [4, с. 574—575].

Таким образом, и в 50-е годы между руководством СССР и КНР не существовало идеологической общности в виде пролетарского интернационализма и приверженности отстаиванию общих интересов. Поэтому с китайской стороны вступление в союз с СССР и вхождение в состав социалистического лагеря объяснялось не столько идеологическими, сколько сугубо прагматическими соображениями. В Китае пишут о том, что без присутствия идеологических факторов трудно представить, чтобы Китай мог заключить союз с Россией (СССР), которая, по словам Дэн Сяопина, «в наибольшей степени воспользовалась слабостью Китая» среди «десятка держав, издевавшихся над Китаем с начала опиумных войн» [5, с. 306]. Однако, на наш взгляд, более приемлемым для объяснения является известное выражение Мао Цзэдуна, который охарактеризовал период «дружбы» с Советским Союзом как «ибяньдао» — вынужденное «склонение в одну сторону» [4, с. 565].

При этом со стороны советского руководства (и при Н.С. Хрущеве, и при Л.И. Брежневе) Китай даже после ухудшения отношений в 1956 г. продолжал рассматриваться как страна, которая является членом социалистического лагеря и потому объективным союзником СССР. Причем данное отношение продолжало оставаться превалирующим в Советском Союзе даже после вооруженных столкновений на границе, произошедших в 1969 г. по вине Мао Цзэдуна — вплоть до нападения Китая на Вьетнам в феврале 1979 г. и объявления Дэн Сяопином о создании «единого фронта борьбы с советским ревизионизмом», в котором Китай «острием против острия» в союзе с США и другими странами Запада должен был бороться с «гегемонизмом» со стороны СССР. Заметим, что причиной этого было существовавшее в Советском Союзе довольно догматическое положение о том, что в силу общей социалистической («классовой») природы все социалистические страны (а Китай продолжал в СССР рассматриваться как социалистическая страна) принадлежат объек-

тивно к одному лагерю, а потому они союзники и войны между ними невозможны.

Стоит также сказать и о том, что нынешнее сближение между РФ и КНР произошло прежде всего в результате общего неприятия существующего международного порядка и диктата со стороны США и стран Запада. То есть, по сути, во многом тоже определяется идеологическими соображениями, что бы стороны ни говорили о прагматизме и «взаимодополняемости экономик». Другое дело, что и сегодня, как и 60 с лишним лет назад, российское руководство склонно преувеличивать степень поддержки Китаем РФ в противостоянии с коллективным Западом и «совпадение» мнений сторон по различным международным проблемам. Китай преследует на международной арене исключительно собственные цели, а создаваемые с участием РФ коллективные международные организации (ШОС и БРИКС, например) для Китая носят скорее инструментальный характер и рассматриваются как средство давления на страны Запада в борьбе за больший учет интересов Китая.

В качестве одного из доказательств вышесказанного можно привести данные о голосовании в ООН по критически важным для РФ вопросам Украины и Крыма — Китай в этом отношении последовательно воздерживается (наряду с другими странами БРИКС и даже некоторыми странами ЕАЭС).

Перейдем к тезису о том, что сегодняшние российско-китайские отношения свободны от территориальных споров.

На самом деле споры с самого начала возникали по инициативе китайской стороны, высказывавшей самые различные претензии — начиная от неравноправного характера существующих между государствами договоров и заканчивая известными обвинениями в том, что Россия в свое время захватила 1,5 млн кв. км китайской территории. Советский Союз в ответ предложил отказаться от всех неравноправных договоров («меморандум Карахана»), провести границу по фарватеру рек и передать Китаю, соответственно, острова, которые находятся ближе к китайскому берегу (предложение, высказанное на переговорах 1964 г. при поддержке Н.С. Хрущева) и др. Тем не менее, китайская сторона непосредственно при участии Мао Цзэду-

на продолжала нагнетать обстановку, используя нерешенность пограничных вопросов как предлог для обострения отношений.

В конечном счете при М.С. Горбачеве советская сторона пошла в целях нормализации отношений на выполнение всех требований китайской стороны (то, что с подачи Дэн Сяопина было названо «ликвидацией трех больших препятствий»), в 2004 г. РФ, уже при нынешнем руководстве, передала КНР, в придачу ко всем островам, переданным ранее по договорам, остров Тарабаров и половину острова Большой Уссурийский у Хабаровска, принадлежность которых России до того категорически отстаивала.

Таким образом, решение так называемого пограничного вопроса между нашими странами произошло в результате односторонних уступок со стороны Советского Союза и РФ. В ответ на это российская сторона вправе рассчитывать на какие-то ответные меры дружеского характера, например, признание вины китайского руководства во главе с Мао Цзэдуном за развязывание вооруженных конфликтов на границе в 1969 г. Или более взвешенное изложение в китайской историографии (включая школьные учебники истории) роли России в китайских событиях XIX в.

Однако с китайской стороны этого не произошло. Напротив, 50-летие конфликта на Даманском отмечалось как годовщина «доблестного отпора северным агрессорам». А передача части острова Большой Уссурийский вызвала недовольство значительной части китайского общества тем, что остров не был передан целиком.

Таким образом, урегулирование «пограничных споров» между РФ и КНР не представляется окончательным и по-прежнему чревато возникновением разногласий и трений между сторонами.

Проблема равноправия. Тезис о том, что советско-китайские отношения были неравноправными, а сегодняшние российско-китайские отношения являются полностью равноправными, также вызывает серьезные возражения.

Во-первых, объективно отношения 50-х годов между СССР и КНР и не могли быть равноправными — Советский Союз как страна — лидер социалистического лагеря оказывала новому Китаю огромную помощь, как в сфере экономики, так и в сфере защиты безопасности Китая. И, соответственно, вправе был рассчитывать на

то, что КНР будет действовать как член общего лагеря стран социализма и проводить согласованную политику, учитывающую общие интересы, особенно в сфере безопасности.

При этом советское руководство, как при И.В. Сталине, так и при Н.С. Хрущеве, подчеркивало самостоятельность китайских лидеров не только в области определения внутренних путей развития страны, но и в выстраивании отношений с внешним миром (прежде всего с развивающимися странами Азии). Заявления по поводу «старшего брата» и «младшего брата» — это инициатива китайской стороны (причем, по некоторым свидетельствам, лично Мао Цзэдуна).

Вместе с тем, сегодняшние отношения РФ и КНР также нельзя считать полностью равноправными — есть множество примеров того, как китайская сторона оказывает давление на российских партнеров с целью осуществления выгодной для интересов Китая политики. В том числе и в плане включения в совместные документы формулировок, отражающих позицию китайской стороны.

Спорным представляется и тезис китайской стороны о том, что в 50-е годы XX в. отношения между нашими лидерами были крайне плохими, а сегодня они — очень хорошие. Что является прочной базой нынешних отношений между КНР и РФ.

Во-первых, есть масса свидетельств, в том числе и китайских историков, того, что Мао Цзэдун намеренно унижал и оскорблял Н.С. Хрущева (прежде всего с целью вывести из равновесия, но это не тема данной статьи). Например, уже во время первого визита Хрущева в Китай в 1954 г. китайцы больше внимания оказывали Булганину, который «выглядел красивым и интеллектуальным» [6]. Таким образом, неприязнь Хрущева к Мао возникла в ответ на подобное отношение со стороны китайцев, а не присутствовала с самого начала. Напротив, Н.С. Хрущев довольно долгое время терпел такое отношение, считая, что личная неприязнь не должна мешать дружеским отношениям между государствами.

Во-вторых, личные хорошие отношения между лидерами двух государств отнюдь не являются гарантией хороших отношений между самими странами — например, личные хорошие отношения между В.В. Путиным и канцлером Германии Ангелой Меркель совсем

не помешали нынешней политике Германии по отношению к РФ. Кроме того, настойчивые заявления китайской стороны о «личной дружбе» (уже во время своего первого приезда в Россию Си Цзиньпин заявил В.В. Путину: «У меня такое впечатление складывается, что мы с Вами всегда относимся друг к другу с полной, открытой душой. Мы с Вами сходимся характерами, всегда очень хорошо разговариваем. Мы с Вами хорошие друзья» [7]. А во время своего последнего визита признался российским СМИ: «Среди иностранных коллег президент Путин для меня — самый близкий и самый надежный друг, мне очень дорога глубокая дружба с ним» [8]) являются частью традиционного поведения китайцев во время переговоров и их не стоит переоценивать.

Таким образом, настойчивые попытки со стороны китайских дипломатов, китайского руководства, китайских экспертов и историков застолбить и в китайском, и в российском общественном сознании положение о том, что нынешние российско-китайские отношения являются высшей точкой в истории отношений между нашими странами нужно, на наш взгляд, рассматривать как элемент давления на российские политические круги с целью навязывания своей версии истории отношений между Китаем и Россией, Китаем и Советским Союзом. И соответственно, должны являться предметом широкой научной дискуссии ученых двух стран, в ходе которой возражения российской стороны должны быть доведены до сведения как российской, так и китайской общественности.

Библиографический список

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, 5 июня 2019 г. // Кремль.ру. 05.06.2019. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5413 (дата обращения: 07.10.2019).

2. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ элосы ляньбан гуаньюй фачжань синьшидай цюаньмянь чжаньлюэ сюэцзо хуобань гуаньсидэ ляньхэ шэнмин [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху]. FMPRC.gov.cn. 06.06.2019. Available at: URL:

https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/t1670118.shtml (дата обращения: 07.10.2019).

3. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров, 5 июня 2019 г. // Кремль.ру. 05.06.2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60672 (дата обращения: 07.10.2019).

4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 8. Китайская Народная республика. 1949—1976. М.: Наука, 2017. 822 с.

5. *Дэн Сяопин* вэньсюань [Дэн Сяопин, избранные произведения]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993.

6. *Ян Минфу*. Тин аэрсипофу тань чжунсу гуаньси [Слушая разговоры Архипова о китайско-советских отношениях]. Байняньчао. 2007. № 11. С. 10—17.

7. Начало беседы с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином, 22 марта 2013 г. // Кремль.ру. 22.03.2013. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/17727/print (дата обращения: 07.10.2019).

8. Китай и Россия идут в ногу со временем, 4 июня 2019 г. // ТАСС.ру. 04.06.2019. URL: https://tass.ru/interviews/6504703 (дата обращения: 07.10.2019).

References

1. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitii otnoshenij vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushchih v novuyu epohu (Joint statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on the development of a comprehensive strategic partnership for collaboration in the new era). URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5413 (accessed: 07.10.2019).

2. Zhonghua renmin gongheguo he Eluosi Lianbang guanyu fazhan xin shidai quanmian zhanlve xiezuo huoban guanxi de lianhe shengming (Joint statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on the development of a comprehensive strategic partnership for collaboration in the new era). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/t1670118.shtml (accessed: 07.10.2019).

3. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossijsko-kitajskih peregovorov, 5 iyunya 2019 goda (Press statements following Russian-Chinese talks, June 5, 2019). URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60672 (accessed: 07.10.2019).

4. Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka (History of China from ancient times to the beginning of the XXI century). Vol. VIII. Republic of China. 1949—1976. Moscow: Nauka, 2017. 822 p.

5. Deng Xiaoping wenxuan (Deng Xiaoping selected works). Beijing: Renmin chubanshe, 1993.

6. *Yang Mingfu*. Ting aerxipofu tan zhongsu guanxi (Arkhipov talk on the Chinese-Soviet relations) // Bainianchao. 2007. № 11. P. 10—17.

7. Nachalo besedy s Predsedatelem Kitajskoj Narodnoj Respubliki Si Czin'pinom, 22 marta 2013 goda (Beginning of conversation with President of the People's Republic of China Xi Jinping, March 22, 2013). URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/17727/print (accessed: 07.10.2019).

8. Kitaj i Rossiya idut v nogu so vremenem, 4 iyunya 2019 goda (China and Russia keep up to date, June 4, 2019). URL: https://tass.ru/interviews/6504703 (accessed: 07.10.2019).

В.И. Балакин

КИТАЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ЕВРОСОЮЗОМ

Аннотация. ЕС окончательно «растворился» между двумя мощными соперниками: США и КНР, что практически лишает европейцев реальной возможности стать суверенной силой, на равных соперничающей с двумя крупнейшими экономическими державами мира. Пока страны Евросоюза покупали дешевые, но достаточно качественные китайские товары, крупные государственные корпорации из КНР приобретали высокотехнологичные европейские предприятия и создавали новые производственные гиганты мирового уровня. Наибольшего успеха Китай добился в Италии, внедрившись в такие порты как Триест и Генуя, что дает уникальную возможность Пекину значительно увеличить объемы торговли на европейском направлении. По оценкам международных экспертов, КНР в Европе прежде всего интересуют транспортные пути и информационные сети, а это предполагает строительство гигантской наземной и морской инфраструктуры, связывающей различные части евроазиатского континента. Китай пытается привлечь на свою сторону как можно больше партнеров в Европейском союзе с тем, чтобы сделать европейские правила менее определенными, особенно в сфере инвестиций и доступа к госзаказам. Продвигаясь на рынки Евросоюза, КНР не намерена отказываться от своей эффективной модели госкапитализма в экономике, которая уже позволила Пекину втянуть ряд стран Восточной и Южной Европы в программу получения прямых китайских инвестиций. В ЕС уже воспринимают Китай не как огромный рынок, торгового партнера и перспективного инвестора,

напротив, КНР все чаще рассматривается как жесткий конкурент и при этом конкурент системный. В той же Германии Китай и Европейский союз оценивают теперь не как два конкурирующих экономических центра, а как конкурирующие экономические системы с прямо противоположными подходами к роли государства в хозяйственных процессах. Вследствие этого, Евросоюз переходит к более прагматичной стратегии в отношениях с Китаем, ориентируясь прежде всего на недопущение китайских прямых инвестиций в те сектора европейской экономики, проникновение в которые позволило бы Пекину возглавить четвертую промышленную революцию.

Ключевые слова: Китай, Евросоюз, геополитика, суверенитет, инфраструктура, Восточная и Южная Европа, Германия, Пекин, четвертая промышленная революция, инвестиции.

Автор: *Балакин Вячеслав Иванович*, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС, Институт Дальнего Востока РАН.

E-mail: prof_bvi@mail.ru

Balakin Vyacheslav I.

CHINA'S GEOPOLITICAL ADVANCEMENT TO THE EUROPEAN UNION

Abstract. EU has finally "dissolved" among two powerful rivals: USA and PRC that practically deprive Europeans real possibility to become sovereign force competing with both greatest economic world powers. Since EU countries bought cheap but quality enough Chinese goods big state corporations from PRC acquire high-tech European enterprises and create new industrial giants of world level. The great success has been achieved by China in Italy through penetration toward Triest and Genuya, that give Beijing unique possibility greatly enlarge the volumes of trade on the European direction. According to the international experts in Europe PRC has been first of all interested in transportation ways and information nets but that suppose the building of gigantic ground and sea infrastructure linking different parts of Eurasian continent. China attempts to attract on its side much more partners in European Union in order that make European rules less definite especially in the sphere of investments and approach to state orders. Advancing to the EU markets, PRC doesn't intend to refuse from its effective model of state capitalism in economy which has already afforded Beijing to involve some countries of Eastern and Southern Europe into the programme for receipt of Chinese direct

investments. In EU has already grasped China not like huge market, trade partner and perspective investor but on the contrary PRC is most often considered as tough competitor and so called system rival. In Germany China and European Union are now estimated not like two rivaling economic centers but like rivaling economic systems having straightly opposite approaches to the role of state in economical processes. Owing to that EU passes to more pragmatic strategy in relations with China orientating itself first of all on non-admission of Chinese direct investments in those sectors of European economy penetrating in which afford Beijing to be at the head of the forth industrial revolution.

Keywords: China, EU, geopolitics, sovereignty, infrastructure, East and South Europe, Germany, Beijing, the forth industrial revolution, investment.

Author: *Vyacheslav I. Balakin*, Ph.D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: prof_bvi@mail.ru

Евросоюз в геополитических планах КНР

Китай весьма осторожно относится к геополитической роли Евросоюза, который старается выступать в качестве крупного объединения, рассчитывающего сохранить независимость государств — членов ЕС от политического влияния КНР, но в тоже время использовать финансовые ресурсы великой азиатской державы [1, с. 12]. Решить подобную задачу Евросоюз вряд ли способен без более реалистичного подхода в двусторонних отношениях и с серьезной поправкой на формирующийся китайско-российский стратегический альянс в рамках Большой Евразии, с прицелом на эффективную двустороннюю технологическую политику, в том числе ориентируясь на адаптацию ключевых научных разработок к нуждам военной сферы. Интерес КНР к Евросоюзу определяется прежде всего настойчивым стремлением вписаться в четвертую промышленную революцию, но кроме того китайское руководство не скрывает своего желания стать реальным евроазиатским лидером в плане национального могущества и международного влияния.

Интересен вопрос о том, возможен ли реальный китайско-российский стратегический альянс в Большой Евразии? Ответ выглядит

так — в сегодняшних геополитических условиях вполне возможен, поскольку для России названная идея содействует реализации долгосрочной концепции формирования Большого евроазиатского пространства. Российская Федерация, осуществляя концепцию Большой Евразии, создает в регионе новое международное сообщество, которое должно в обозримой перспективе обеспечить технократический проект сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути [2, с. 8]. Россия постепенно утрачивает партнеров на западных рубежах, однако активно формирующееся устойчивое «геополитическое одиночество» позволяет достаточно эффективно выстраивать долговременные отношения с ближайшим окружением, поскольку дает возможность четко определять ясные внешнеполитические цели и стратегические направления их реализации. Характеризуя широко распространяемую в настоящее время концепцию «геополитического одиночества» России, можно вполне определенно констатировать, что Москва окончательно прекратила бесплодные попытки стать частью западной цивилизации, не склоняясь при этом и в сторону союзнических отношений с Китаем.

Европейская комиссия очень надеется добиться устойчивой геополитической роли для Евросоюза в отношениях с Китаем, ибо считает КНР авторитарным государством, которое пытается жесткими экономическими методами превратить восточноевропейские страны в «безвольных вассалов», послушно принимающих финансирование крупных инфраструктурных проектов. В сфере новейших технологий Евросоюз уже сейчас практически лишился возможности догнать не только США, но и КНР, особенно это наглядно проявляется в неспособности противостоять китайской стратегической инициативе «Один пояс, один путь». Становится все более очевидным, что Китай в Евросоюзе интересуют прежде всего транспортные артерии и информационные сети, что наглядно демонстрирует его желание стать жестким системным конкурентом в торговле, но за его спиной, похоже, стоит Россия с ее мощным военным потенциалом и разветвленным геополитическим влиянием на обширном пространстве Большой Евразии [3, с. 27]. Инвестиционное давление КНР на Евросоюз выгодно Российской Федерации, поскольку это объектив-

но влияет на другие аспекты китайско-европейских отношений, в частности, сковывает активность Пекина в зоне российского влияния и отвлекает ЕС от санкционных провокаций в отношении РФ. Китай, наблюдая опыт европейской консолидации, сохраняет высокую степень недоверия к западным инвестициям, опасаясь целенаправленного негативного идеологического влияния на китайское население.

Сегодняшний геополитический выбор Евросоюза

В Китае присутствует глубокая убежденность в том, что время всегда объективно работает на Поднебесную, но только при одном важном условии — в государстве последовательно и неуклонно должна формироваться жесткая стабильность, которая ориентирована на избежание любого риска и сопровождается вытравливанием любых неопределенностей за пределы империи. Многие международные эксперты видят Китай, стремящимся перекроить существующий мир в соответствии с собственными устоявшимися философскими представлениями, которые применительно к международным отношениям опираются на три стратегические задачи: устойчивое экономическое развитие, постоянное поддержание национальной идентичности и реальное гарантирование полной территориальной интегрированности. Китай весьма разборчив в отношениях с тем же Евросоюзом, поскольку сосредоточен на своих непосредственных национальных интересах и часто игнорирует европейскую нормативную базу. Пекин пытается строить отношения со странами ЕС на двусторонней основе, особенно с государствами, находящимися на европейской периферии. Китай предлагает большое количество инвестиционных проектов, побуждающих европейских партнеров к достаточно жесткой конкуренции, предоставляет кредиты по коммерческим ставкам, организует соперничество за доступ на китайский рынок [4, с. 10].

Германия среди стран ЕС занимает наиболее жесткую позицию по отношению к Китаю, что означает приоритет немецкой точки зрения на европейскую политику на китайском направлении и при-

дает КНР статус «системного конкурента», прежде всего для Берлина. Евросоюз опасается экономического и финансового давления со стороны КНР, а потому настойчиво предлагает действовать как единое целое, чтобы отдельные его участники не предпринимали самостоятельных действий. Расширение стратегического сотрудничества с Китаем Евросоюз официально обосновывает стремлением придать динамизм развитию экономических связей, но в тоже время обращая особое внимание на несправедливую конкуренцию со стороны китайских государственных компаний как на внутреннем рынке, так и особенно в Европе. Следует особо отметить, что интерес европейских инвесторов к рынку КНР во многом определяется дешевизной рабочей силы и отсутствием внимания китайских властей к охране окружающей среды [5, с. 8]. Одновременно привлекательность китайского рынка во многом определяется заметным увеличением его внутреннего спроса и повсеместным расширением доли сферы услуг на нем.

Обращает на себя внимание факт, что китайские инвесторы в Европе пользуются теми же правами, что и инвесторы из других стран, однако китайская сторона не очень доверяет брюссельской бюрократии и поэтому предпочитает вести дела с каждой отдельной страной Евросоюза. Китай со своей стороны пытается активно воспользоваться историческим шансом, чтобы увеличить свое влияние в Европе, и при этом извлекая политическую выгоду из внутренних неурядиц в Евросоюзе и одновременно стимулируя ухудшение отношений между ЕС и США. В Германии почувствовали подобную политику КНР и пытаются противодействовать ей правовыми средствами путем принятия закона, предусматривающего создание государственного фонда для защиты немецких стратегически важных компаний от поглощений китайскими конкурентами. Во многом настороженное отношение к КНР вызвано ложной надеждой, что получить деньги от китайских инвесторов легче, чем от западных вкладчиков капитала. Вместе с тем, сегодня Китай уже больше не воспринимается в Европе как стратегический партнер, как некий генератор рабочих мест или локомотив хозяйственного роста в ЕС, напротив, под влиянием США европейцы стали обвинять КНР в абсолютной закрытости рынков, экономической экспансии, экспортном

демпинге, попытках получить контроль над важнейшей стратегической инфраструктурой стран Евросоюза [6, с. 14].

Отношения КНР и ЕС уже несколько лет подряд носят достаточно комплексный характер и их суть можно определить как секторальный диалог в таких областях, как: сельское хозяйство, транспорт, энергетика, регулирование финансовых рынков, торговля, политика, охрана окружающей среды. Несмотря на то, что по некоторым направлениям, в частности, производству текстиля и одежды, Китай и Евросоюз выступают в качестве серьезных конкурентов, а кроме того, проявляются совершенно различные подходы Пекина и Брюсселя к проблеме интеллектуальной собственности, особенно к патентам в сфере высоких технологий. К настоящему времени Китай превратился в одного из глобальных технологических лидеров, что заметно дополняет и политические позиции КНР в мире и заставляет европейцев сомневаться в готовности США и дальше придерживаться своих союзнических обязательств в неизменном виде. Наблюдая охлаждение отношений между ЕС и США, Китай также стал активно протестовать против нарушения международного права Вашингтоном, который принял антикитайский закон «О защите прав человека и демократии в Гонконге» [7, с. 36]. КНР в ответ приняла решение ввести санкции против ряда американских неправительственных организаций и начала готовиться к «сбросу американских ценных бумаг», чтобы вызвать в США массовый психоз и панику на биржах.

КНР активно влияет на экономическую ситуацию в Европе, расширяя китайское геополитическое воздействие на страны ЕС, формируя не только прокитайскую позицию европейцев, но и особенно на поведение государственных структур ЕС. В Евросоюзе проявляют активный интерес к вопросу о том, как соотносятся между собой международные экономические связи Пекина с его геополитическими притязаниями на континенте Евразия. Китаю удалось продемонстрировать Евросоюзу, кто является на самом деле надежным партнером европейских государств, и это наверняка поможет КНР в дальнейшем эффективнее реализовывать свои инфраструктурные программы на территории ЕС. Многие европейские эксперты называют подобный подход Китая проявлением «мягкой силы», свидетельст-

вующий о стремлении Пекина распространить на отдаленные регионы, чтобы утвердить КНР в качестве мирового лидера [8, с. 114]. Китай и Евросоюз совпадают в понимании того, что возможности действующей международной системы не способны контролировать коренные изменения в сложившемся миропорядке, ориентированные на формирование структур регионального сотрудничества.

Совершенно очевидно, что Китай и Евросоюз демонстрируют схожие подходы к региональной торговой политике и политике в сфере борьбы с изменениями глобального климата, а также в поиске схожих ценностных ориентиров, предпочитая решать сложные международные проблемы в рамках многосторонних консультаций. И КНР, и ЕС осуждают, но в разной степени односторонние действия США, особенно направленные на ограничения импорта из Китая и Евросоюза, что уже привело к открытой готовности Пекина компенсировать товарные поставки на европейский рынок в случае ослабления трансатлантических связей. Вместе с тем, ЕС проявляет определенную осторожность и постепенно усиливает контроль над китайскими инвестициями в сфере высоких технологий и пытается ограничивать китайское участие в значимых европейских инфраструктурных проектах [9, с. 162]. В тоже время европейские эксперты сомневаются в способности Евросоюза оказывать сколько-нибудь эффективное давление на Пекин в случае невыполнения последним принятых на себя обязательств. В реальности ситуация складывается еще хуже и Европе в обозримой перспективе придется признать экономическую зависимость от КНР и приступить к выработке собственного подхода к отношениям с Китаем и прежде всего в рамках объективного формирования нового геополитического пространства на просторах Большой Евразии.

Россия в китайско-европейском геополитическом взаимодействии

Европейские эксперты полагают, что от того, как будут развиваться отношения между Китаем и Россией во многом будет зависеть будущее Евросоюза, его комплексная безопасность, поскольку кри-

тические ситуации на евроазиатском континенте, связанные с КНР, вряд ли удастся нейтрализовать, продолжая опираться на США, и без сотрудничества с Россией. Последнее особенно становится понятным в настоящее время, когда пандемия коронавируса основательно перестраивает геополитическое пространство Большой Евразии, никому не оставляя никакого шанса на мировое доминирование [10, с. 82]. Коронавирус угрожает всем, однако последствия вызванного им финансово-экономического кризиса каждая страна пытается использовать в свою пользу, поскольку это представляет собой уникальную возможность для главных евроазиатских игроков избавиться от американского глобального влияния. Китай уже приступил к подготовке большой игры против США, маневрируя в отношениях с Евросоюзом и пытаясь выступить в качестве спасителя ослабевших хозяйственных систем в отдельных европейских государствах. Геополитическая борьба сегодня нарастает не между КНР и США, а между трансатлантической и евроазиатскими цивилизациями, и в данном сложно составленном конфликте Россия объективно выступает как основной выгодоприобретатель, так как является главным движителем процесса формирования нового миропорядка [11, с. 5]. Судя по всему, российское руководство реально осознает параметры будущего постамериканского мира и готово согласовывать их с китайскими партнерами, включая вопрос о вызревающих геополитических договоренностях с растерявшейся Европой.

Выстраивая свои отношения с Евросоюзом, КНР уже не ограничивается экономическим взаимодействием, а стремится сформулировать принципы сотрудничества, ориентированные на налаживание стратегического партнерства. Китай выступает крупным инвестиционным партнером Евросоюза, что приводит к определенной финансовой зависимости Брюсселя от Пекина и снижению контроля над инвестиционными потоками без симметричных уступок с китайской стороны. Последнее явно смягчает позиции отдельных государств — членов ЕС по ряду политических вопросов, чувствительных для КНР, и ставит под сомнение реальную субъектность Европейского союза на международной арене и прежде всего на континенте Евразия [12, с. 8]. Пандемия коронавируса и ее серьезные последствия, безусловно, усилят политические расхождения ме-

жду Россией и Евросоюзом, что приведет к более жесткому соперничеству Москвы и Брюсселя, а также постепенному российско-китайскому сближению в адекватном понимании геополитического будущего проекта Большая Евразия. РФ и КНР уже сегодня, по сути дела, едины в оценке наращивания усилий по демонтажу неэффективной организационной структуры ЕС и последовательного «вытягивания» наиболее ослабевших европейских государств в зону нового евроазиатского взаимодействия без участия США.

Китай пытается использовать институциональные слабости Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с тем, чтобы нейтрализовать естественное экономическое доминирование России в этой организации. КНР последовательно выстраивает собственную сеть взаимосвязей в Большой Евразии, ориентируя Белоруссию, Казахстан, Армению и Киргизию на более привлекательное сотрудничество в рамках диалога Китай—Евросоюз. Китайская концепция гармоничного мира имеет отчетливую геополитическую направленность и ориентирована на формирование новой, более адекватной международным реалиям финансовой архитектуры для Большой Евразии, включая сотрудничество с Евросоюзом по созданию «неамериканского» многополярного мира [13, с. 91]. Попытка КНР разыгрывать с ЕС «евразийскую карту» является достаточно новой тенденцией китайской внешней политики, находящейся в начальной стадии реализации, либо она только формируется. Евросоюз оценивает Китай в качестве серьезного международного игрока, но не признает за Пекином наличие мощной дипломатической силы, поскольку скорость обретения КНР достаточной региональной и тем более глобальной ответственности напрямую зависит от реальной устойчивой стабильности китайско-российского геополитического взаимодействия.

Одной из самых известных китайских геостратегий выступает идея «установления временного союза с отдаленным государством для разгрома ближнего врага», с которым внешне реализуется политика «гармоничного мира» и «гармоничного соседства». По сути дела, сегодня Россия объективно выступает для Китая государством, в отношении которого необходимо внешне активно реализовывать геополитический курс «гармоничного мира» и «гармоничного сосед-

ства», что в китайской сложившейся традиции означает последовательное освоение инфраструктурного и технологического потенциала Евросоюза без какого-либо учета национальных интересов Российской Федерации. Европа не способна противостоять совокупной китайской мощи, для которой европейский рынок представляет собой серьезную самоценность с точки зрения развития стратегического партнерства, прежде всего в экономической сфере [14, с. 17]. Любое сотрудничество Китая с любым государством носит исключительно прагматический характер, и здесь китайско-российское стратегическое партнерство не представляет какое-то исключение, что очень важно подчеркнуть. Сферы китайско-российского геополитического партнерства, судя по всему, постепенно сужаются в силу того, что Пекин рассчитывает в послекоронавирусный период сосредоточиться на европейском направлении как основном, а вот главной проблемой между КНР и РФ скорее всего останется отсутствие понимания реальных перспектив будущего регионального и глобального стратегического взаимодействия.

Российская Федерация явно собирается пересмотреть свою стратегию на континенте Евразия с учетом послекоронавирусного геополитического курса Китайской Народной Республики на европейском направлении. Россия исходит из непреложности факта, что Китай полон решимости воспользоваться своим успехом в борьбе с пандемией коронавируса и приступить к формированию лидерских позиций, используя практику распространения ощутимой помощи другим пострадавшим странам. Российское руководство очень аккуратно дистанцируется от развертывающейся информационной борьбы между КНР и США, внимательно наблюдая за тем, как та же Европа последовательно устраняется от попыток Вашингтоном втянуть ее в «холодную войну» с Пекином. Россия в полной мере учитывает тот факт, что Китай сегодня является уже не только главным мировым производителем, но и постепенно набирает силу в качестве нового финансового центра, способного принимать серьезные решения в региональном и даже глобальном масштабе [15, с. 5]. Российская Федерация использует режим самоизоляции в связи с пандемией коронавируса для разработки национальной стратегии создания благоприятных условий для выхода с конкурентной продук-

цией на полуторамиллиардный китайский потребительский рынок, поскольку вряд ли остаются такие же возможности на рынках европейских стран, которые еще долго будут переживать стагнацию и подвергаться целенаправленному инвестиционному давлению со стороны Китая.

Библиографический список

1. *Diesen, Glen.* Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia [Геоэкономическая стратегия России для Большой Евразии]. Routledge. New York, 2018. P. 12 (160 p.) (на англ.яз).

2. *Breinbauer, Andreas.* Sechs Jahre chinesische Seidenstraßen initiative — Chansen, Risiken und Strategien für Europa (Шесть лет китайской инициативе «Один пояс, один путь» — шансы, риски и стратегия для Европы). Österreichische Gesellschaft für Europapolitik. Policy Brief. Wien, 2019. S.8 (13 s.) (на нем.яз.).

3. *Iriye, Akira.* Naiko to Gaiko [Внутренняя и внешняя политика]. Kokusai kokuren kikan no syuppan. Tokyo, 2013. P.27 (59 p.) (на япон.яз.).

4. *He Zhenwei.* Ouzhou jingji huifu rengpan zhongqi touzi [Европейская экономика по-прежнему рассчитывает на инвестиции китайских предприятий]. Ouzhou Shibao (Nouvelles D'Europe). Lianghui Baodao. Zhongguo Lianghui, 2015. P.10. (на кит.яз.).

5. *Meunier, Sophie.* Political Impact of Chinese Foreign Direct Investment in the European Union on Transatlantic Relation [Политическое воздействие китайских иностранных прямых инвестиций в Евросоюзе на трансатлантические отношения]. Draft Paper. Prinston University, 2012. P.8 (18 p.) (на англ.яз.).

6. *Mair, Stefan.* Partner und systemischer Wettbewerber — Wie gehen wir Chinas staatlich gelenkter Volkswirtschaft um? [Партнер и системный конкурент — как нам обойти гибкую государственную систему народного хозяйства Китая?]. Bundesverband der Deutschen Industrie Grundsatzpapier. Berlin, 2019. S.14 (27 s.) (на нем.яз.).

7. *Miura, Yusuke.* TaiBeiboeki masatsu-he no taio-ni kuryosuru Chugoku (Китай встревожен по поводу реакции на торговые трения с США). Kokusai mondai No.677. Mizuho sogo kenkyusyo. Tokyo, 2018. P.36 (40 p.) (на япон.яз.).

8. *Wang Rihua.* Gudai Zhongguo de zhengzhiba quanlun [Рассуждения о гегемонии в поколениях Китая]. Guoji zhengzhi kexue 3—19 // (Quarterly Journal of International Politics). Beijing, 2009. P.114 (112—124 p.) (на кит.яз.).

9. *Le Corre, Philippe.* Chinese Investments in European Countries [Китайские инвестиции в европейских странах]. Brookings Institution. Washington, DC, USA, 2018. P.162 (161—175 p.) (на англ.яз.).

10. *Cornelius, Carl C.* Wie ein Virus die Welt dominiert (Как вирус доминирует над миром). Bod-Books Verlag. Norderstedt, 2020. S.82 (164 s.) (на нем.яз.).

11. *Matsuda, Yasuhiro.* Chugoku no gunji gaiko siron [Очерк о военной дипломатии Китая] // Boei kenkyusyo kiyosaku, No.8—1. Tokyo, 2015. P.5 (37 p.) (на япон.яз.).

12. *Ma Kang.* Duibi zai BeiMei zi Ozhou jinxing Zhongguo touzi [Сопоставление продвижения китайских инвестиций в Северную Америку и Европу]. RHODIUM GROUP. Baker & Mc.Kenzie. Beijing, 2015. P.8 (9 p.) (на кит.яз.).

13. *Petersen, Alexandros.* Eurasian Geopolitics and the Fate of the West [Евроазиатская геополитика и судьба Запада]. Greenwood Publishing Group. Praeger. Oxford, 2011. P.91 (176 p.) (на англ.яз.).

14. *Mahbubani, Kishore.* Tiseigaku mita Nihon no zento [Будущее Японии с точки зрения геополитики]. Gaiko, Vol.6. Tokyo, 2010. P.17 (16—28 p.) (на япон.яз.).

15. *Jaeger, Friedrich.* Enzyklopadie der Neuzeit [Энциклопедия нового времени]. Verlag J.B.Metzler. Stuttgart, 2019. S.5 (832 s.) (на нем.яз.).

References

1. *Diesen, Glen.* Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia. Routledge. New York, 2018. P.12 (160 p.) (In English).

2. *Breinbauer, Andreas.* Sechs Jahre chinesische Seidenstraßen initiative — Chansen, Risiken und Strategien für Europa. Österreichische Gesellschaft für Europapolitik. Policy Brief. Wien, 2019. S.8 (13 s.) (In German).

3. *Iriye, Akira.* Naiko to Gaiko (Inner and Foreign Policy). Kokusai kokuren kikan no syuppan. Tokyo, 2013. P.27 (59 p.) (In Japanese).

4. *He Zhenwei.* Ouzhou jingji huifu rengpan zhongqi touzi (European Economy has as always calculated on investments from Chinese enterprises). Ouzhou Shibao (Nouvelles D'Europe). Lianghui Baodao. Zhongguo Lianghui, 2015. P.10. (In Chinese).

5. *Meunier, Sophie.* Political Impact of Chinese Foreign Direct Investment in the European Union on Transatlantic Relation. Draft Paper. Prinston University, 2012. P.8 (18 p.) (In English).

6. *Mair, Stefan.* Partner und systemischer Wettbewerber — Wie gehen wir Chinas staatlich gelenkter Volkswirtschaft um? Bundesverband der Deutschen Industrie Grundsatzpapier. Berlin, 2019. S.14 (27 s.) (In German).

7. *Miura, Yusuke.* TaiBeiboeki masatsu-he no taio-ni kuryosuru Chugoku (China has been worried with reaction upon frictions from USA). Kokusai mondai No.677. Mizuho sogo kenkyusyo. Tokyo, 2018. P.36 (40 p.) (In Japanese).

8. *Wang Rihua*. Gudai Zhongguo de zhengzhiba quanlun (Reasoning about hegemony in China's generations). Guoji zhengzhi kexue 3—19 (Quarterly Journal of International Politics). Beijing, 2009. P.114 (112—124 p.) (In Chinese).

9. *Le Corre, Ph*ilippe. Chinese Investments in European Countries. Brookings Institution. Washington, DC, USA, 2018. P.162 (161—175 p.) (In English).

10. *Cornelius, Carl C*. Wie ein Virus die Welt dominiert. Bod-Books Verlag. Norderstedt, 2020. S.82 (164 s.) (In German).

11. *Matsuda, Yasuhiro*. Chugoku no gunji gaiko siron (Essay about military diplomacy of China) Boei kenkyusyo kiyosaku, No.8—1. Tokyo, 2015. P.5 (37 p.) (In Japanese).

12. *Ma Kang*. Duibi zai BeiMei zi Ozhou jinxing Zhongguo touzi (Comparison of Chinese investment into North America and Europe advancement). RHODIUM GROUP. Baker & Mc.Kenzie. Beijing, 2015. P.8 (9 p.) (In Chinese).

13. *Petersen, Alexandros*. Eurasian Geopolitics and the Fate of the West. Greenwood Publishing Group. Praeger. Oxford, 2011. P.91 (176 p.) (In English).

14. *Mahbubani, Kishore*. Tiseigaku mita Nihon no zento (The Future of Japan from the geopolitical point of view). Gaiko, Vol.6. Tokyo, 2010. P.17 (16—28 p.) (In Japanese).

15. *Jaeger, Friedrich*. Enzyklopadie der Neuzeit. Verlag J.B.Metzler. Stuttgart, 2019. S.5 (832 s.) (In German).

К.К. Меркулов

УЧЕНЫЕ КНР О НОВОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЛАНЕ ИДЕЙ ПЕКИНА О «НОВОЙ ЭПОХЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ», «НОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ» И Т.П. (по материалам спецобзора журнала «Общественные науки в Китае»[1])

Светлой памяти родителей посвящаю

Аннотация. Специальный обзор на тему «Глобальное управление и стратегическое взаимное доверие» был опубликован в заключительном номере журнала «Общественные науки в Китае» за ноябрь (и декабрь) 2018 г. Главной особенностью этого материала является то, что в нем научно исследуются некоторые новейшие

[1] Ежеквартальный научный журнал «Общественные науки в Китае» (“Social Sciences in China”) выходит в свет 4 раза в год (в феврале, мае, августе и ноябре) под эгидой Китайской академии общественных наук (КАОН). Журнал издается издательством «Общественные науки в Китае» (“Social Sciences in China”) и издательской структурой «Тэйлор энд Фрэнсис» (“Taylor & Francis, an Informa business”) с резиденцией в г. Абингдон (графство Оксфордшир, Соединенное Королевство). Издание пользуется поддержкой Китайского фонда гуманитарных и общественных наук. Главный редактор журнала — Чжан Цзиян (Zhang Jiang). Редакция журнала находится в г. Пекин (КНР). Журнал специализируется на публикации в основном инновационных научных исследований, подготовленных в области гуманитарных и общественных наук и непосредственно относящихся к различным вопросам жизни Китая.

подходы группы видных ученых КНР к комплексу вопросов, связанных с генезисом «новой модели глобального управления» в условиях наступления «новой эпохи глобализации», «новой глобализации» и т. п. в ответ на явления, процессы и тенденции «деглобализации» и «антиглобализации».

Некоторые китайские эксперты, в том числе из авторов указанного обзора, в общем контексте известных великоханьских амбиций пытаются претендовать на видение чуть ли не «нового конца мировой истории» в виде торжества идеалов провозглашенных нынешним руководством КПК и КНР инициатив «Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы человечества», «международные отношения нового типа» и др.

Этим потенциально крайне опасным концептуальным неогегемонистским заблуждениям ультранационалистического толка (по сути в духе идей «мира по-китайски» = «Pax Cinica» как, с точки зрения ряда ученых-экстремистов в КНР, исторической альтернативы теории и практике «мира по-американски» = «Pax Americana») должен быть дан своевременный и адекватный теоретический и практический отпор в отечественной и мировой науке и практике с позиций интерпатриотической идеологии истинного добра в духе «мировой истинно доброй идеи-мечты», памятуя при этом о значительном потенциале подлинного добра в мире в целом и у весомой части великой китайской нации в частности.

Ключевые слова: КНР; КПК; новая модель глобального управления; новая эпоха глобализации; новая глобализация; деглобализация; антиглобализация; мир по-китайски; интерпатриотическая идеология истинного добра; «мировая истинно добрая идея-мечта».

Автор: *Меркулов Катенарий Катенарьевич*, доктор экономических наук (МАН Сан-Марино), кандидат исторических наук, действительный член Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (1998), старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.
ORCID: 0000-0002-6244-1800; E-mail: katenariymerkulov@gmail.com

Merkulov Katenariy K.

THE PRC SCHOLARS ON THE GLOBAL GOVERNANCE NEW MODEL IN THE PLAN OF BEIJING IDEAS ABOUT "THE NEW GLOBALIZATION EPOCH", "THE NEW GLOBALIZATION", ETC. (on the basis of the special review of the journal "Social Sciences in China")

Abstract. A special review on Global Governance and Strategic Mutual Trust was published in the final issue of the journal "Social Sciences in China" dated November 2018. The main feature of this material is that it scientifically explores some of the newest approaches of a group of prominent scholars of the PRC to a set of issues related to the genesis of the "new model of global governance" in the context of the onset of the "new era of globalization", "new globalization", etc. in response to phenomena, processes and trends of "de-globalization" and "anti-globalization".

At the same time, some Chinese experts, including those authoring this review, claim the vision of almost "a new end of world history" in the form of the triumph of the initiatives of the "One Belt, One Road", "Community of the Single Destiny of Humanity", "International Relationships of a New Type", etc. initiatives proclaimed by the modern leadership of China (PRC) and CPC, evidently, in the spirit of well-known ultra-nationalist ambitions of the "Great China".

These potentially extremely dangerous conceptual neo-hegemonic illusions (essentially in the spirit of the ideas of the "pax cinica" as, according to some Chinese extremist-minded scholars, the historical alternative to the theory and practice of the "pax america") should be given a timely and adequate theoretical and practical repulse in domestic and world science and practice from the standpoint of the inter-patriotic ideology of the true good in the spirit of "the world truly good idea-dream". Herewith, it's necessary to remember than at least a sizable part of the Earth population in general and of the great Chinese nation in particular bears a notable potential of the true good.

Keywords: China (PRC); CPC; the new model of global governance; the new era of globalization; the new globalization; de-globalization; anti-globalization; the "pax cinica"; the inter-patriotic ideology of the true good; "the world truly good idea-dream".

Author: *Merkulov Katenariy K.*, Doctor of Sciences (Economics), Ph.D. (History), active member of the Academy of the problems of diplomatic sciences and international relations (1998), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). ORCID: 0000-0002-6244-1800;

E-mail: katenariymerkulov@gmail.com

Исследуемый с позиций системного контент-анализа специальный обзор на тему «Глобальное управление и стратегическое взаимное доверие», опубликованный в китайском научном журнале «Общественные науки в Китае» за ноябрь 2018 г. [1, с. 137—200], включает пять разделов:

Резюме введения к специальному обзору «Глобальное управление и стратегическое взаимное доверие» в авторстве представителя издательства «Общественные науки в Китае пресс» Ли Фана

Во введении к рассматриваемому обзору Ли Фан отмечает, что перед лицом эволюции мировой экономической ситуации глобальное экономическое управление должно идти в ногу со временем и меняться по мере изменения ситуации. По мнению Ли, стратегическое взаимное доверие обеспечивает основу для взаимного сотрудничества, и расширение взаимного доверия и рост пространства для сотрудничества являются единственными факторами, которые могут катализировать развитие экономической глобализации в инклюзивном и выгодном для всех сторон направлении [2, с. 137—138].

Далее Ли Фан предлагает вниманию читателя собственный краткий общий обзор четырех других статей рассматриваемого специального обзора.

Резюме статьи на тему «“Китайский подход” возвещает о новой модели глобального управления (мировой) цивилизации» в авторстве профессора философии в школе философии Фуданьского университета Ву Сяомина

В аннотации к своей статье автор пишет, что после начала «всемирной истории» мировой порядок проявил себя теоретически, с одной стороны, как международные права и, с другой стороны, в практической реальности как могущество (сила). Это обстоятельство нашло отражение в Вестфальской системе[1] международных отношений. Тем не менее, китайский подход (и такие его элементы, как новая модель отношений крупных стран; сообщество единой судьбы

[1] Вестфальская система — комплекс международных отношений в период после Вестфальского мира 1648 г., основанный на доминировании в нем национальных государств.

человечества и др.), инициированный в качестве конструктивной схемы для нового мирового порядка, ориентирован на трансформацию Вестфальской системы и основан на новом типе (мировой) цивилизации. Объективным базисом для этого нового типа цивилизации является траектория социалистического развития Китая и возрождение традиции китайского пацифизма. Именно эти факторы представляют собой существенные основания китайского подхода к глобальному управлению [3, с. 139].

Резюмируя содержание этого материала, можно согласиться с тем, что его автор пытается доказать в итоге примерно следующее: «Китайский путь к модернизации воскресил и реконструировал великую пацифистскую традицию Китая и тем самым высветил подлинный смысл мировой истории». Вот так — «ни больше, ни меньше». Правда, Истории как великому учителю человечества издавна хорошо известны по сути аналогичные претензии. В других источниках, часто оказывавшихся апостериори чрезвычайно пагубными...

Резюме статьи на тему «Исторические и современные измерения консенсуса по вопросам нового глобального управления» в авторстве профессора школы политических наук и международных отношений университета Тунцзи Ли Биня

Как отмечает автор в аннотации к своей статье, опыт и уроки развития рыночной экономики, начиная с XIX в., и опыт успешного (строительства) социализма с китайской спецификой показывают, что свободное развитие рынка требует и наличия соответствующей системы управления. В противном случае негативные последствия рынка неизбежно умножатся настолько, что будут генерировать интенсификацию социальных противоречий. Поэтому, чтобы обеспечить здоровое развитие экономической глобализации, необходимо адаптировать прежний неолиберальный порядок и сформировать новую модель глобального управления, так как прежний порядок ориентирован на тотальную маркетизацию, приватизацию и вестернизированный тип политической системы. В этом состоит суть многих проблем в процессе прежней экономической глобализации. По этой причине новая система глобального управления должна быть основана на консенсусе следующего порядка: баланс между рынком

и государственными институтами предопределяет необходимость диверсифицированной системы национального управления, но подобная плюралистическая модель должна основываться на принципе сотрудничества «с выгодой для всех сторон» и взаимной выгоды; стимулирование развития представляет собой основу для гарантированного плавного развития нынешней экономической глобализации. В настоящее время срочно необходимо найти глобальный подход к улучшению явлений и процессов развития, чтобы справиться с подводными течениями деглобализации и антиглобализации. Таким образом, автор полагает, что в качестве новой точки роста для стимулирования глобальной экономики должно быть использовано строительство глобальной инфраструктуры на базе инициативы «Пояса и пути»... [4, с. 154—155].

Воистину, эти рассуждения профессора Ли Биня, на наш скромный взгляд, представляют собой, по крайней мере, отчасти яркий пример далеко идущей китаизации и модернизации подлинно достойной передовой политико-экономической философии, но, к сожалению, несколько на манер представлений... великого Гегеля о «торжестве абсолютного духа в прусской монархии», адаптированных к соответствующим реалиям современной КНР.

Резюме статьи на тему «Стратегическое взаимное доверие с точки зрения перспективы пространственной гармонии (соизмеримости)» в авторстве доктора права, профессора школы коммуникации и дизайна университета Сунь Ятсена Чжан Сяомеи и доктора права, профессора школы марксизма университета Сунь Ятсена Ван Шимина

Как отмечено в аннотации к этой статье, по мере того, как растет взаимозависимость различных глобальных, региональных, национальных, локальных и иных форм пространственной организации, новая антиглобализационная сила генерирует «обратный тренд глобализации» в попытке выйти за пределы интегрированной модели типа трихотомии «капитал—производство—рынок», которая была характерна для предыдущей эпохи глобализации. На фоне продолжающихся социальных изменений экономическое пространство также стало свидетелем возрождения торгового протекционизма, в то время как в политическом пространстве наблюдается подъем по-

пулистских партий. Начавшийся процесс выхода Британии из Европейского Союза нанёс тяжёлый удар по процессу европейской интеграции, вновь активизируя национальные и локальные пространственные уровни (социума) посредством традиционных чувств и переиначивая международный порядок в новую эпоху глобализации. В эту новую эпоху — по мере замедления процессов глобальной экономической глобализации — китайская инициатива «Пояса и пути» фокусирует внимание на формировании «сообщества единой судьбы человечества» «с непрестанными усилиями по продвижению и направлению трендов экономической глобализации» [5, с. 171—184].

Подобная философия, на наш непретенциозный взгляд, свидетельствует о том, что налицо еще один пример «современной китаизации» духовного наследия великих мыслителей в плане их модернизации применительно к идеям той или иной версии «мира по-китайски» (“pax cinica”).

Резюме статьи на тему «Китайский подход к (мировому) кризису и изменениям в системе глобального управления» в авторстве профессора университета Тунцзи Мень Гонхуа

В аннотации к своей статье автор утверждает, что вспышка финансового кризиса в Европе и Америке в 2008 г. стала эпохальным событием в истории глобального управления. Этот кризис показал, что международная система и международный механизм управления оказались неспособны адаптироваться к новой глобальной ситуации или решить новые вызовы и проблемы, вызванные быстрым развитием глобализации. Глобальное управление требует исследования новых идей, новых путей и новых стратегий. Тем не менее, для того, чтобы продвинуть вперед трансформацию и развитие системы глобального управления, необходимым является не только глубинное сотрудничество великих держав; также неизбежны перераспределение международной мощи, интересов и ответственности и эволюция противоречивых глобальных концепций и яростного соперничества между великими державами. Следующие пять-десять лет могут стать ключевым периодом как для трансформации и развития системы глобального управления, так и для полномасштабного подъема Китая. Этот подъем представляет собой не только процесс

интеграции Китая в систему глобального управления, но также и процесс, посредством которого Китай оказывает влияние на реформу (системы) глобального управления. Китай должен использовать возможности, связанные с кризисом (системы) глобального управления и соответствующими (глобальными) переменами, для того, чтобы обеспечить доброе взаимодействие между Китаем и миром, и должен стать адвокатом, дизайнером, конструктором и лидером в процессе совершенствования системы глобального управления, при этом фокусируя внимание на созидании (систем) национального управления, управления в Восточной Азии, глобального управления и управления в нескольких наиболее приоритетных сферах (глобального управления). Активное принятие на себя (Китаем) этой исторической миссии в новую эпоху глобализации заложило прочный фундамент для превращения Китая в великую крупную страну [6, с. 185—186].

В плане вышеизложенного резюме этого материала автор в заключение статьи формулирует следующий «генеральный план Китая в деле обеспечения трансформации и развития (системы) глобального управления»:

1) необходимо расширить спектр исследований по вопросам новой глобализации и обогатить и усовершенствовать подход Китая к проблемам глобального управления...

2) необходимо упрочить строительство национальной системы управления и консолидировать опору Китая для содействия трансформации и развитию (системы) глобального управления...

3) необходимо определить глобальную стратегическую позицию Китая в деле содействия трансформации и развития (системы) глобального управления и еще более усилить потенциал Китая в сфере глобального управления...

4) необходимо обеспечить стабильность ожиданий (акторов) в Восточной Азии и постоянно содействовать прогрессу управления в Восточной Азии посредством реализации китайских предложений и китайского плана по управлению в Восточной Азии...

5) необходимо занять ключевые позиции и содействовать реформе (системы) глобального управления в экономической и финансовой областях, в которых Китай имеет хорошие ноу-хау и

опыт... Особенно это касается сферы международных финансов, тем самым закладывая солидный стратегический фундамент для новой эпохи глобализации [7, с. 197—199].

На фоне этих отчасти рациональных, а отчасти, по сути, ультрагегемонистских амбиций в духе «глобализации по-китайски», «мира по-китайски» и т. п. комментарии, как говорится, излишни: «Люди, будьте бдительны!», — так завещал Юлиус Фучек.

Некоторые выводы

Таковы важнейшие тезисы содержания специального обзора на тему «Глобальное управление и стратегическое взаимное доверие», который был опубликован в заключительном (ноябрьском) номере журнала «Общественные науки в Китае» за 2018 г. В этом материале научно исследуются некоторые новейшие подходы группы видных ученых КНР к комплексу вопросов, связанных с генезисом «новой модели глобального управления» в условиях наступления «новой эпохи глобализации», «новой глобализации» и т. п. в ответ на явления, процессы и тенденции «деглобализации» и «антиглобализации».

Наряду с, безусловно, многими рациональными и справедливыми идеями, некоторые китайские эксперты претендуют на видение чуть ли не «нового конца мировой истории» в виде торжества идеалов провозглашенных нынешним руководством КНР инициатив «Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы человечества», «международные отношения нового типа» и др.

Этим потенциально крайне опасным концептуальным неогегемонистским заблуждениям (по сути в духе идей “Pax Cinica” на смену реалиям “Pax Americana”) должен быть дан своевременный и адекватный теоретический и практический отпор в отечественной и мировой науке и практике, в том числе с позиций интерпатриотической «истинно доброй мировой идеи-мечты» и интерпатриотической идеологии истинного добра [8, 916 с.].

При всем этом следует, разумеется, помнить о значительном потенциале подлинного добра как минимум у весомой части великой китайской нации, судя в частности, например, по древнекитайскому трактату «Лунь юй» и другим авторитетным источникам китайской философской классики.

Конечно, хотелось бы быть оптимистом, но эксцессы великоханьского национализма со стороны определенной части современного китайского общества — не «блеф», а потенциальная реальность, безотлагательно требующая должного учета и разумного доброподвижнического противодействия со стороны подлинно прогрессивных социальных сил.

Библиографический список

1. Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust [Специальный выпуск журнала «Общественные науки в Китае» за ноябрь 2018 г.: обзор «Глобальное управление и стратегическое взаимное доверие»]. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal.* Vol. XXXIX, No. 4. November 2018.

2. *Li Fang*. Introduction [Предисловие редактора к данному обзору] // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. XXXIX, No. 4. November 2018.

3. *Wu Xiaoming*. The "Chinese Approach" Ushers in a New Model of Global Governance Civilization [Статья в данном обзоре на тему: «Китайский подход возвещает о новой модели глобального управления (мировой) цивилизации»] // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Op. cit.

4. *Li Bin*. The Historical and Present Dimensions of Consensus on New Global Governance [Статья в данном обзоре на тему: «Исторические и современные измерения консенсуса по вопросам нового глобального управления»] // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Op. cit.

5. Zhan Xiaomei and Wang Shimin. Strategic Mutual Trust from the Perspective of Spacial Blending [Статья в данном обзоре на тему: «Стратегическое взаимное доверие с точки зрения перспективы пространственной гармонии (соизмеримости)»] // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Op. cit.

6. *Men Honghua*. China's Approach to Dealing with Crisis and Change in Global Governance [Статья в данном обзоре на тему: «Китайский подход к (мировому) кризису и изменениям в системе глобального управления»] // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Op. cit.

7. *Men Honghua* (2018). [Статья в данном обзоре на тему: «Китайский подход к (мировому) кризису и изменениям в системе глобального управления»] // Там же..

8. *Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К.* Системология истинного добра: избранные основы. М.: Спутник+, 2019.

References

Li Bin. (2018). The Historical and Present Dimensions of Consensus on New Global Governance // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. XXXIX, No. 4.

Li Fang. (2018). Introduction // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. XXXIX, No. 4.

Men Honghua. (2018). China's Approach to Dealing with Crisis and Change in Global Governance // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. XXXIX, No. 4.

Merkulova E.A., Merkulov K.A., Merkulov K.K. Sistemologiya istinnogo dobra: izbrannyye osnovy [Systemology of the True Good: Selected Principles]. Moscow, 2019.

Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. XXXIX, No. 4. November 2018.

Wu *Xiaoming*. (2018). The "Chinese Approach" Ushers in a New Model of Global Governance Civilization // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. XXXIX, No. 4.

Zhan Xiaomei and Wang Shimin. (2018). Strategic Mutual Trust from the Perspective of Spacial Blending // Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust. Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. XXXIX, No. 4.

Ван Цзинвэй (КНР) (王景伟) , С.Л. Сазонов

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МАРШРУТ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК В РАМКАХ ЭПШП

Аннотация. Интеграционные процессы в сфере развития автомобильного транспорта, направленные на слияние автодорожных сетей КНР и центральноазиатских стран, в последние годы получают бурное развитие, а формирование объединенной автодорожной инфраструктуры Китая и стран ЦА создает реальные предпосылки для будущей полноценной автодорожной интеграции, которая создаст новые контуры и новые границы региона. Китайские зарубежные инвестиции, направляемые в рамках реализации инициативы Председателя КНР Си Цзиньпина о строительстве Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) на создание и модернизацию автодорожных сетей стран Центральной Азии, позволяют Китаю развивать экономику западных административных единиц провинциального уровня, а за счет строительства зарубежной сети автомобильных магистралей и увеличения объемов автомобильных перевозок в страны Центральной Азии (ЦА) будет стимулироваться рост объемов всей внешней торговли Китая. Это в свою очередь будет активизировать экономическое развитие стран ЦА, расположенных вдоль создаваемых маршрутов, способствовать укреплению транспортной

интеграции на региональном и субрегиональном уровнях и обеспечивать им самостоятельный выход на новые мировые рынки — несомненно, что инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина о строительстве «одного пояса и одного пути» представляет собой «обоюдный выигрыш» («win-win cooperation») для всех центральноазиатских стран — участниц этого мегапроекта.

В последние десятилетия стали бурно развиваться торговые отношения между двумя крупнейшими мировыми центрами — странами ЕС и АТР, а генеральным распределителями грузовых потоков стали Китай и Казахстан. Несмотря на то, что Россия, чья территория является кратчайшим и наиболее удобным маршрутом автомобильных перевозок по международному транспортному коридору АТР—КНР—Европа является главным партнером Китая, Китай в рамках реализации инициативы Экономического пояса Шелкового пути вовсе не исключает возможность строительства и использования альтернативных автомобильных маршрутов через территорию стран Центральной Азии, что позволяет ему наращивать объемы экспортных поставок в страны Европы, получать выгоду от строительства зарубежных автодорожных сетей и продажи автомобильного транспорта центральноазиатским странам-транзитерам. Это сотрудничество носит взаимовыгодный характер — страны ЦА, прилегающие к автомобильным маршрутам ЭПШП, за счет китайских инвестиций развивают сеть национальных автомобильных дорог, обеспечивают пополнение своих бюджетов за счет транзитных сборов, а по мере развития интеграции с китайскими автомобильными магистралями получают возможность увеличивать объемы своего экспорта за счет автомобильных перевозок грузов в западные и центральные провинции КНР, а также в китайские порты восточного побережья для последующей транспортировки в страны АТР.

Ключевые слова: Китай, страны Центральной Азии, Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа, автомобильный транспорт, инфраструктура, международный транзитный коридор, интеграция, строительство и модернизация дорог, инвестиции.

Авторы*: *Ван Цзинвэй (КНР) (王景伟), аспирант Института Дальнего Востока РАН. E-mail: wjw07@yandex.ru

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru

Wang Jingwei (PRC) (王景伟), Sazonov Sergey L.

THE CENTRAL ROUTE OF THE AUTOMOBILE TRANSPORT IN THE FRAMEWORK OF THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

Abstract. Integration processes in the field of road transport development, aimed at merging the road networks of China and Central Asian countries, have been rapidly developing in recent years, and the formation of a unified road infrastructure of China and Central Asian countries creates real prerequisites for future full-fledged road integration, which will create new contours and new borders of the region. Chinese foreign investment directed within the framework of the initiative of Chinese President XI Jinping on the construction of the silk road Economic belt to create and modernize the road networks of Central Asian countries, allows China to develop the economy of Western administrative units at the provincial level, and through the construction of a foreign highway network and increasing the volume of road transport to the countries of Central Asia (CA), the growth of China's entire foreign trade will be stimulated. This, in turn, will boost the economic development of the Central Asian countries located along the routes being created, help strengthen transport integration at the regional and sub — regional levels and ensure their independent access to new world markets there is no doubt that the initiative of Chinese President XI Jinping on the construction of the «one belt and one road» represents a «win-win cooperation» for all Central Asian countries participating in this megaproject.

In recent decades, trade relations between the two largest world centers — the EU and the Asia-Pacific region-have started to develop rapidly, and China and Kazakhstan have become the main distributors of cargo flows. Despite the fact that Russia, whose territory is the shortest and most convenient route for road transport along the international transport corridor of the Asia—Pacific region—China-Europe is China's main partner, however, China, within the framework of the silk road economic belt initiative, does not exclude the possibility of building and using alternative road routes through the territory of Central Asian countries, which allows it to increase the volume of export supplies to European countries, benefit from the construction of foreign road networks and the sale of road transport to Central Asian transit countries. This cooperation is mutually beneficial — the Central Asian countries adjacent to the EPSHP road routes are developing a network of national highways through Chinese investment, ensuring that their budgets are replenished through

transit fees, and as integration with Chinese highways develops, they are able to increase their export volumes by transporting goods by road to the Western and Central provinces of the PRC, as well as to Chinese ports on the East coast for subsequent transportation to the Asia-Pacific countries.

Keywords: China, Central Asian countries, Asia-Pacific region, Europe, road transport, infrastructure, international transit corridor, integration, road construction and modernization, investments.

Authors: *Wang Jingwei (PRC) (王景伟)*, Postgraduate student of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: wjw07@yandex.ru

Sazonov Sergey Leonidovitch, candidate of economic sciences, Leading Research Fellow of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonovch@mail.ru

В общем виде план строительства континентального маршрута транзитных автомобильных перевозок по трассам ЭПШП предусматривает создание транспортных коридоров по следующим генеральным маршрутам: Северный (через территорию Казахстана и РФ), Центральный (страны Центральной Азии (ЦА) и Южный (Пакистан). В 2010 г. Государственный совет КНР утвердил «Стратегию развития Западного Китая», которая определяла план приоритетного строительства в западном регионе Китая сети автомобильных дорог, состоящей из 8 каркасных широтных автомобильных дорог и 8 каркасных меридиональных дорог, связанных между собой 18 скоростными автострадами [5]. Эта сеть должна обеспечить развитие международных транзитных автомобильных перевозок из КНР в страны ЦА (Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан) и обратно.

Географическое расположение стран Центральной Азии уникально — они расположены в центре континента, ни одна страна не имеет выхода к морю и они отделены от морских коммуникаций (этот феномен называется «ареалы недоступности»). При этом Казахстан является крупнейшей в мире страной без выхода к морю, а Кыргызстан и Таджикистан входят в пятерку стран с наибольшей средней возвышенностью над уровнем моря. Важнейшим дивидендом интеграции автомобильных дорог стран ЦА с автодорожной се-

тью КНР является именно преодоление пространственных и межстрановых барьеров для снижения издержек от континентальной изолированности и для выхода на мировые рынки через доступ к приморским районам Китая. Расширение доступа на мировые товарные рынки требует как создания новых континентальных автомобильных маршрутов, так и выхода к морю для диверсификации своих грузопотоков. Для стран ЦА таким выходом в Мировой океан может служить логистическая цепочка китайского проекта ЭПШП, которая позволяет континентальным центрально-азиатским странам выходить на рынки Юго-Восточной Азии и Западной Европы (а для стран ЕАЭС таким выходом может служить и Дальний Восток РФ).

Основным «генератором» транзитного потока грузов в страны Центральной Азии и обратно является СУАР, который посредством пограничных КПП и 112-ю автомобильными маршрутами связывает Китай с центрально-азиатскими государствами — КПП Алашанькоу, КПП Хоргос, КПП Дулата и КПП Бакты с Казахстаном, КПП Торугарт и Иркештам с Киргизией и КПП Кульма—Карасу с Таджикистаном. Если КПП Алашанькоу и Хоргос связывают КНР с Казахстаном и далее с Туркменистаном, то основным центром связи Китая с другими странами ЦА является г. Кашгар (Каши), от которого протягиваются автомобильные магистрали к Кыргызстану и Таджикистану, а также Пакистану [6]. В период 12—13 пятилеток в СУАР были введены в эксплуатацию автомобильные дороги: Инин—Дуньмачжа (80 км), Карамай—Уэрхэ (132,2 км), Ущайвань—Дахуаншань (97 км), Курбан—Тунгут (101 км), Турфан—Урумчи—Дахуаншань (320 км), Куча—Аксу (112 км), Бугур—Черчен—Миньфэн (520 км), Аксу—Хотан (433 км), Карамай—Тачэн (230 км), Урумчи—Аксу—Кашгар (430 км) [2].

С 2015 г. Китай приступил к активной работе по реконструкции и строительству автомобильных магистралей из Кашгара (Каши) в Кыргызстан, а в 2016 г. автомобильная магистраль Кашгар—Иркештам протяженностью 215 км была запущена в эксплуатацию. Одновременно китайские строительные компании оказывали помощь Кыргызстану в строительстве и реконструкции национальных дорог — были реконструированы участки автомобильных дорог Иркештам—Сары-Таш—Ош, Ак—Татыр—Исфана автомобильной ма-

гистрали Ош—Баткен—Исфана, Бишкек—Нарын—Торугарт и была модернизирована автомагистраль Бишкек—Кара-Балта, проходящая по Чуйской области в северной части севере Кыргызстана. В 2017 г. были открыты 2 маршрута автомобильных перевозок из КНР в Кыргызстан: Урумчи—Кашгар—Ош и Урумчи—Кашгар—Бишкек. С начала XXI в. Китай активно привлекал Узбекистан к участию в строительстве совместной автодорожной сети.

В конце октября 2017 г. КНР, Киргизия и Узбекистан приступили к реконструкции автомобильного транспортного коридора для доставки грузов в Китай по маршруту Ташкент—Андижан—Ош—Иркештам—Кашгар. Протяженность маршрута составляет 950 км — это самая короткая автомобильная магистраль, которая соединяет 3 страны (протяженность маршрута по территории СУАР составляет 250 км) [3]. При благоприятных климатических условиях и отсутствии очередей на приграничных КПП транзитное время в пути по всему маршруту занимает около двух суток при средней скорости движения грузовых машин около 60 км/ч. Маршрут Ташкент—Андижан—Ош—Иркештам—Кашгар — это один из наиболее известных маршрутов, игравших важную роль еще в период существования Великого Шелкового пути, однако, в начале XXI в. стало ясно, что данный маршрут нуждается в существенной модернизации, поскольку качество покрытия полотна магистрали являлось низким, что нередко приводило к авариям. Стоимость модернизации и строительства новых современных участков этой дороги была оценена китайскими специалистами в области автодорожного строительства в 40 млн долл.

По сообщениям китайской прессы, с 2016 г. начались работы по прокладке нового полотна дороги (которые были профинансированы коммерческими банками КНР), а 25 февраля 2018 г. модернизированная магистраль Ташкент—Андижан—Ош—Иркештам—Кашгар была введена в эксплуатацию, и в течение 2019 г. было выполнено более 160 рейсов с экспортными и импортными грузами в обоих направлениях [4]. Эта магистраль может быть продолжена по территории Казахстана после открытия автомобильных пунктов пропуска «Околтин» и «Малик» на узбекско-казахстанской государственной границе. В 2020 г. планируется перевезти по этому коридору около

130 тыс. т груза — текстиль, кожевенную и сельскохозяйственную продукцию, электронику и другие товары. Автомобильный коридор Узбекистан—Кыргызстан—Китай (который вскоре протянется до Пекина, Шанхая, Гуанчжоу через Урумчи), стал кратчайшим и наиболее удобным путем, связывающим транспортные коммуникации Узбекистана и Китая через Кыргызстан. Его использование значительно сокращает транспортные, таможенные и прочие издержки, а также сроки доставки грузов — на 8 суток из Восточной Азии в страны Среднего Востока и Южной Европы. Китайско-узбекское СП «Silk Road International» уже с момента своего основания начало активно осуществлять перевозки по новому автомобильному коридору Узбекистан—Кыргызстан—Китай, и сегодня парк подвижного состава СП укомплектован различными современными грузовиками грузоподъемностью до 30 т. Основным маршрутом перевозки по новому автомобильному коридору является Ташкент—Андижан—Ош—Иркештам—Кашгар и обратно. Из Узбекистана в Китай перевозятся такие экспортные грузы, как хлопчатобумажная пряжа, сухофрукты, сельхозпродукция, соки и т. д. В обратном направлении из Китая транспортируются производственное и перерабатывающее оборудование, комплектующие, компьютерная техника и т. д.

Новый автомобильный коридор Узбекистан—Кыргызстан—Китай имеет огромные резервы для дальнейшего развития, в частности за счет привлечения грузов других стран — в 2018 г. китайско-узбекская транспортная компания «Silk Road International» успешно осуществила через данный коридор пробные перевозки грузов в направлениях Китай—Кыргызстан—Узбекистан—Афганистан и Китай—Кыргызстан—Узбекистан—Туркменистан. Современная крупнейшая сквозная автомобильная дорога между Таримской впадиной на территории СУАР и бассейном р. Амударья обеспечит создание новых транспортных коридоров трансграничных грузовых перевозок в Евразию, Иран и Афганистан, позволит сократить срок доставки грузов из КНР в Узбекистан с прежних 9 до двух дней, а срочный груз может быть доставлен всего за 1 сутки.

Около 95 % территории Таджикистана занимают горы, что определяет преимущественное развитие автомобильных перевозок грузов, а густота автомобильных дорог общего пользования с твердым

покрытием в Таджикистане составляет около 90 км на 1 тыс. кв. км территории. Однако в стране ощущается явный недостаток современных автомобильных дорог, отсутствие их стыковок с международными автомобильными транспортными артериями и как следствие значительно высокая себестоимость автомобильных перевозок. В целях развития автодорожной сети страны, руководство Таджикистана активно привлекает иностранных инвестиции и в 2018 г. около 40 % всего объема прямых иностранных инвестиций в Таджикистан было направлено в развитие автомобильной сети республики (общая протяженность которой в 2018 г. составляла 2,6 тыс. км), причем около половины этого объема (или 47,3 %) составляли китайские прямые зарубежные инвестиции, поскольку Таджикистан, по мнению руководства КНР, должен стать для Китая важнейшим звеном евразийского транзитного автомобильного маршрута в меридиональном направлении, а к началу 2020 г. общий объем китайских ПЗИ в республику Таджикистан составил 2,5 млрд долл. (более 50 % китайских ПЗИ направлялось на строительство и реконструкцию автомобильных дорог).

Построенный в 2004 г. при помощи КНР КПП на перевале Кульма является одним самых высокогорных погранпереходов в мире, а с 2012 г. он стал работать в круглогодичном режиме. С 2006 г. основным подрядчиком при строительстве и модернизации автомобильных дорог Таджикистана выступает Китайская корпорация по строительству дорог и мостов (China road and bridge Corp.), которая к началу 2020 г. проложила более 600 км автомобильных дорог и построила тоннели общей протяженностью 16 км. В рамках строительства автомобильных дорог, связывающих Таджикистан и Узбекистан, китайские компании принимали активное участие в модернизации магистралей Душанбе—Худжанд—Чанак (116 км) и Душанбе—Турсунзаде—граница Узбекистана (61,5 км). В марте 2018 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций выделил Таджикистану 27,5 млн долл. на продолжение реализации второй фазы проекта по реконструкции автомобильной дороги Душанбе—Турсунзаде—граница Узбекистана, которая предусматривает реконструкцию участка автодороги от памятника Абуали ибн Сина до Душанбе — в целом было предусмотрено реконструировать 4,6 км автомобильных

дорог, а окончание работ запланировано на конец 2020 г. В 2019 г. китайская компания активно продолжала реконструкцию автомобильной магистрали Душанбе—Куляб—Хорог—Мургаб—Кульма—Карасу, имеющей важное значение для расширения внешней торговли Таджикистана и КНР, а также для формирования международного транспортного коридора между двумя странами через Памир («Памирская магистраль»), а завершение работ по реконструкции автомобильной дороги запланировано на 2020—2021 гг.

В 2017 г. при помощи китайских инвестиций началось строительство автомобильной дороги, которая из Кашгара (Каши) протянется в Бадахшан (Таджикистан) и сквозь Ваханский коридор (Афганистан) и через Каракорумское шоссе выйдет на сеть автомобильных дорог Пакистана [1]. В 2018 г. началась прокладка дороги Куляб—Калайхумб (с юга на восток Таджикистана), а общая сумма инвестиций, предоставленная центральными китайскими банками в реализацию этого проекта, составляет 115 млн долл. и согласно проекту, завершение работ намечено на 2022 г. Новая автомобильная магистраль обеспечит круглогодичную, надежную и прямую транспортную связь между западной частью Таджикистана, включая столицу Душанбе, и восточной частью Горного Бадахшана. Этот проект также направлен на развитие регионального автомобильного транзита и развитие торговли с Китаем, Афганистаном, Узбекистаном, Пакистаном и Кыргызстаном.

В 2019 г. в Туркменистане был введен в эксплуатацию новый автомобильный мост Туркменабад—Фараб через р. Амударью, который стал важным участком транспортно-транзитного маршрута Узбекистан—Туркменистан—Иран—Оман, а также был реконструирован и введен в эксплуатацию 17-й автомобильный туркмено-узбекский КПП Гиссар (Таджикистан)—Бабатаг (Узбекистан). В 2019 г. в Туркменистане началось строительство автомагистрали Ашхабад—Туркменабат и, согласно постановлению Президента Туркменистана Г. Бердымухамедова, 1-й участок магистрали — Ашхабад—Теджен будет введен в строй в декабре 2020 г., 2-й — участок Теджен—Мары — в декабре 2022 г. и 3-й — участок Мары—Туркменабат — в декабре 2023 г. Эта автомобильная магистраль станет одним из крупнейших в Туркменистане транспортных проектов, а его

реализация позволит обеспечить выход автомобильных транзитных грузопотоков на разветвленную систему автодорог, простирающуюся до стран АТР.

Прокладка автомобильного шоссе протяженностью 600 километров и стоимостью 2,3 млрд долл., которую осуществляет АО «Turkmen Awtoban» с помощью частных туркменских подрядчиков «Nusayyollary», «Hyzmat merkezi», «Oguz yoly» и «Altyn nesil» и китайских строительных компаний, позволит значительно повысить пропускную способность дорожной системы Туркменистана, качество и оперативность логистических услуг, расширить международную транспортно-транзитную инфраструктуру и стимулировать торгово-экономические отношения с соседними государствами, расположенными вдоль маршрута ЭПШП. Большие перспективы в этой связи открываются в области автомобильной интеграции с сопредельным Узбекистаном — в результате стыковки с трассой Ашхабад—Туркменбаши автомобильная магистраль, соединяющая восточный регион страны с ее центром, даст прямой выход грузовым потокам к международному морскому порту Туркменбаши на Каспии и далее — морским путем на Кавказ, в сторону Европы, на юг России, на север Ирана, к Персидскому и Оманскому заливам. Новая автомобильная магистраль укрепит логистический потенциал Туркменистана с учетом введенных в строй транснациональных железнодорожных магистралей Казахстан—Туркменистан—Иран и Серхетабат (Туркменистан)—Тургунди (Афганистан), современных железнодорожного и автомобильных мостов через р. Амударья, железной дороги Керки—Имамназар—Акина (1-й очереди Азиатского международного транспортного коридора) и нового Международного морского порта Туркменбаши.

Библиографический список

1. Belt and Road, a promising initiative aimed at common prosperity [План строительства «Пояса и пути» является многообещающей инициативой, направленной на общее процветание]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2018-10/08/content_26989566.htm (дата обращения: 09.10.2018).

2. Belt and Road helps build lasting economic and trade relations [Инициатива «пояс и путь» помогает строить прочные экономические и торговые отношения]. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-12/12/content_75505431.htm (дата обращения: 12.12.2019).

3. BRI-related cooperation zones [Зоны сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь»]. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1144603.shtml (Source: Global Times Published: 2019/4/3) (дата обращения: 03.04.2019).

4. Central Asia transport corridor to boost regional economy: Uzbek businessman [Транспортный коридор в Центральной Азии стимулирует развитие региональной экономики: узбекский бизнесмен]. URL: http:// www.china.org.cn/business/2019-12/03/content_74643701.htm (дата обращения: 04.12.2019).

5. *Liao Yuan*. Xinjiang road network expands rapidly [*Ляо Юань*. Дорожная сеть Синьцзяна быстро расширяется]. URL: http://www. chinadaily.com.cn/m/xinjiang/urumqi_toutunhe/2018-10/18/content_17288494.htm (дата обращения: 19.10.2018).

6. SCO briefing on Xinjiang's development [Брифинг ШОС, посвященный развитию Синьцзяна]. URL: http://www.china.org.cn/china/2019-11/31/content_75052821.htm (дата обращения: 31.11.2019).

References

1. Belt and Road, a promising initiative aimed at common prosperity. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2018-10/08/content_26989566.htm (accessed: 9 October, 2018).

2. Belt and Road helps build lasting economic and trade relations. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-12/12/content_75505431.htm (accessed: 12 December, 2019).

3. BRI-related cooperation zones. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1144603.shtml (Source: Global Times Published: 2019/4/3) (accessed: 3 April, 2019).

4. Central Asia transport corridor to boost regional economy: Uzbek businessman. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-12/03/content_74643701.htm (accessed: 4 December, 2019).

5. *Liao Yuan*. Xinjiang road network expands rapidly. URL: http://www. chinadaily.com.cn/m/xinjiang/urumqi_toutunhe/2018-10/18/content_17288494.htm (accessed: 19 October, 2019).

6. SCO briefing on Xinjiang's development. URL: http://www.china.org.cn/china/2019-11/31/content_75052821.htm (accessed: 17 November, 2019).

К.Е. Кожухова

ПРОЕКТ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ XXI в.» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена китайской стратегической культуре и ее проявлению в реализации инициативы «Один пояс, один путь» как одному из важнейших направлений современной внешней политики Китайской Народной Республики.

Стратегическая культура есть обращение к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы (в том числе военной) и безопасности, уходящие корнями в национальный исторический опыт, менталитет и традиции народа, отражающие модели поведения государства в кризисных ситуациях.

Стратегическая культура Китая является корпусом элементов традиционной китайской культуры, которые применяются во взаимоотношениях с другими странами, в реальности выражается в борьбе за «историческое» первенство и «центральное положение» Китая в мире. Желание «возродить великую китайскую нацию» и вернуть «заслуженное» мировое первенство страны реализуется в проекте «Один пояс, один путь», который объединяет в себе «сухопутный» и «морской» Шелковый путь. Инициатива является завуалированной внешней экспансией китайского влияния, а также инструментом «мягкой силы» идеологических составляющих, прису-

щих китайской стратегической культуре, экстраполирующееся на страны евразийского континента. Китай показывает свою новую роль на международной арене: КНР становится другим типом глобального гегемона, «доброй» растущей державой, надежным партнером, который ведет человечество к взаимовыигрышному сообществу единой судьбы.

«Век унижения» породил желание китайского народа восстановить глобальный статус и власть, о чем свидетельствуют лозунги «возрождение великой китайской нации», «создание сообщества единой судьбы человечества» во главе с КНР, воплощение в жизнь «китайской мечты» о всемирном господстве. Конфуций и Сунь-Цзы в своих учениях подчеркивали, что на национальном уровне отдается предпочтение стратегической обороне, созданию альянсов и сдержанному применению силы в четко сформулированных политический целях. Элементы учения китайской философии четко отражают особенности стратегической культуры Китая.

Ключевые слова: стратегическая культура, Китай, внешняя политика, «Один пояс, один путь», Евразия, китаецентризм, сообщество единой судьбы человечества, Си Цзиньпин, Конфуций, Сунь-Цзы.

Автор: *Кожухова Кира Евгеньевна*, преподаватель кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

Kozhukhova Kira E.

SILK ROAD ECONOMIC BELT OF THE 21ST CENTURY AS A MANIFISTATION OF CHINESE STRATEGIC CULTURE

Abstract. The article is devoted to the Chinese strategic culture and its manifestation in the implementation of the “one belt, one road” initiative as one of the most important directions of the modern foreign policy of the People’s Republic of China.

Strategic culture is defined as an appeal to ways of thinking and acting when dealing with issues of the use of force (including military) and security, rooted in the national historical experience, mentality and traditions of the people, reflecting the behavior of the state in critical situations.

China's strategic culture is a body of elements of traditional Chinese culture that are applied in relations with other countries, which in reality is expressed in the struggle for the "historical" primacy and "central position" of China in the world. The desire to "revive the great Chinese nation" and return the country's "well-deserved" world championship is being implemented in the "One Belt — One Road " project, which combines the "land" and "sea" silk road. The initiative is a veiled external expansion of Chinese influence, as well as a tool of "soft power" of the ideological components inherent in Chinese strategic culture, extrapolating to the countries of the Eurasian continent. China is showing its new role in the international arena: China is becoming a different type of global hegemon, a "good" growing power, a reliable partner that leads humanity to a mutually beneficial community of common destiny.

The "age of humiliation" gave rise to the desire of the Chinese people to restore global status and power, as evidenced by the slogans "revival of the great Chinese nation", "creation of a community of common destiny of humanity" led by the PRC, and the implementation of the "Chinese dream" of world domination. Confucius and Sun Tzu emphasized in their teachings that strategic defense, Alliance building, and the restrained use of force for clearly defined political purposes were preferred at the national level. The elements of Chinese philosophy clearly reflect the features of China's strategic culture.

Keywords: strategic culture, China, foreign policy, OBOR, Eurasia, sinocentrism, community of the common destiny of mankind, Xi Jinping, Confucius, Sun Tzu.

Author: *Kozhukhova Kira E.*, lecturer at the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University.

E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

Одной из современных концепций (объяснительных моделей) детерминации поведения государства в сфере вопросов войны и мира, отношения к применению силы является стратегическая культура. Стратегическая культура определяется как обращение к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы (в том числе военной) и безопасности, уходящиъ корнями в национальный исторический опыт, отражающий модели поведения государства в критических ситуациях [7].

Что такое стратегическая культура Китая

Стратегическая культура Китая является корпусом элементов традиционной китайской культуры, которая применяется в отношениях с другими странами в борьбе за «историческое» первенство и «центральное положение» Китая в мире (т. е. является примером китаецентризма — веры в центральное положение китайского государства в мире, превосходство Китая над другими, «варварскими» странами). При всей «пацифичности» китайской стратегической культуры нельзя исключать ее наступательную направленность, так как китайская философия, в том числе конфуцианство, одобряло «добродетельную» войну за поддержание мира и восстановление всемирной «гармонии» [9, с. 86], что в современной трактовке трансформировалось в создание «сообщества единой судьбы человечества» под предводительством КНР. Оборонительная черта стратегической культуры Китая есть обманный маневр китайских политиков, которые пытаются заставить забыть об «улыбке, спрятанной за лезвием ножа».

«Сообщество единой судьбы человечества» и «Экономический пояс шелкового пути»

Идеи китаецентризма и всемирной гегемонии, которые составляют корпус китайской стратегической культуры, несет в себе концепция «сообщества единой судьбы человечества» (人类民运共同体 жэньлэй миньюнь гунтути), выдвинутая в 2015 г. ходе форума на Боао. После данного события через несколько дней китайское правительство опубликовало документ о продвижении стратегии «Экономический пояс шелкового пути» (丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路), появившегося в 2013 г. Си Цзиньпин в речи «Двигаться в направлении общности судьбы, создавать будущее Азии» отметил, что за 70 лет миропорядок претерпел изменения, на арену вышли новые лидеры, глобализация и информатизация общества ведет к всемирной сплоченности. При этом, по словами китайского лидера, Китай всегда считал мир высшей драгоценностью и не будет стремится навя-

зывать другим странам и народам трагический опыт того, через что пришлось пройти ей самой [2, с. 304—307], в соответствии с конфуцианской составляющей китайской стратегической культуры.

Стратегическая культура Китая в инициативе «Экономический пояс шелкового пути»

Возвращаясь с анализу создания сообщества единой судьбы посредством «Одного пояса — одного пути», стоит отметить, что в документе «Видение и действие, направленном на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века»» [10] указано, что данный проект направлен на соединение инфраструктуры Евразии и Африки, создание интеграционного пространства беспрецедентных масштабов, так как Китай готов нести уже гораздо большую ответственность и сделать вклад в развитие человечества. Один из разделов данного документа касается подписания рамочных меморандумов со странами — участниками данного проекта. Китай стремится хитростью и под маской доброты заманить как можно больше стран в ловушку своего финансирования для тотального подчинения и использования впоследствии в своих целях (в чем проявляется древняя стратагема № 19 «Увести овцу, попавшуюся под руку» [3, с. 243]).

Желание «возродить великую китайскую нацию» и вернуть господство в Азиатско-Тихоокеанском регионе реализуется в том числе посредством проекта «Один пояс, один путь». По утверждению китайского политолога Ю Ханя «данная концепция предоставит Китаю новый рынок для экспорта товаров и одновременно будет стимулировать экономическое развитие стран и регионов вдоль «пояса», что в итоге будет способствовать процветаний и стабильности в регионе» [4]. Проект «Экономический пояс Шелковый путь XXI века», который является сетью торговой и транспортной инфраструктуры, с 2013 г. создал возможность для КНР захватывать новые рынки сбыта на территории Евразии. Китай, используя экономические рычаги, фактически превращает своих соседей в вассалов, нейтрализованных вливанием инвестиций, и тем самым не представ-

ляющих опасности, что ярко характеризует специфику китайской стратегической культуры.

Из-за угроз, связанных с уйгурским и тибетским сепаратизмом, суть внешнеполитической стратегии Китая на центрально-азиатском направлении в рамках проекта «Один пояс, один путь» сводится к тому, чтобы скрыть свою существенную слабость и решить внутренние проблемы, обезвредить приграничные угрозы, «утопив» их денежными вливаниями. Специфика стратегической культуры Китая зиждется на сокрытии истинного положения и реальных намерений в соответствии с военной традицией, продиктованной «Искусством войны» полководца Сунь-Цзы. Китайцы исторически научены опасаться «окружения» враждебными «заморскими» странами, да и вообще иностранными силами. Именно поэтому инициатива «Один пояс, один путь» стала возможностью для китайцев обладать доминирующим положением в регионе и не только, ведь проект будет пролегать в Восточной Африке, и даже в Арктике. Полярный шелковый путь, входящий в Морской шелковый путь 21-го века стимулирует проникновение Китая в северо-западную Европу, таким образом захватывая все новые рынки сбыта для китайских товаров.

Инициатива «Один пояс, один путь» стала претворением в жизнь китайской мудрости 要想富先修路 «если хотите разбогатеть, сначала постройте дорогу» [6, с. 14]. Экономический пояс шелкового пути стал переходом Китая к активной стратегии развития и расширение власти на континенте и во всем мире.

Инициатива «пояса и пути» является спасением Китая от кризиса перепроизводства и станет базой для сотрудничества с другими странами в области производственных мощностей [5]. Кроме того, «Один пояс, один путь» является отправной точкой для создания «сообщества единой судьбы человечества» и мирового порядка с «китайской спецификой». Инициатива является завуалированной внешней экспансией китайского влияния, а также инструментом «мягкой силы» идеологических составляющих. Китай показывает свою новую роль на международной арене — КНР становится другим типом глобального гегемона, «доброй» растущей державой, надежным партнером, который ведет человечество к взаимовыигрышному сообществу единой судьбы [6, с. 42].

Проект «Один пояс, один путь» стал заявкой на глобальное расширение сферы государственных интересов КНР. Развития инфраструктуры Экономического пояса шелкового пути является необходимым условием для транспортации НОАК (Национально-освободительная армия Китая) в случае угрозы в отношении Китайской Народной Республики. Национальная оборона должна защищать государственных интересы и владеть стратегической инициативой в пространстве, выходящем за рамки территориального суверенитета. Инфраструктура Экономического пояса шелкового пути представляет собой сеть национальных баз, соединенных инфраструктурной сеткой и логистическими центрами в виде специальных экономических зон. При сильном военном наращивании и расширяющейся оборонной доктрине китайский проект обличает особенности национального менталитета. «Один пояс, один путь» помогает защитить основы китайской мощи в национальном суверенитете и внутренней стабильности страны (западная и южная периферия Китая изобилует неханьским большинством, что создает опасность волнений и иностранного вмешательства), повышении военно-промышленного потенциала, экономической безопасности.

Агрессивная «мечтательность» Китая

«Век унижения» породил желание китайского народа восстановить глобальный статус и власть, о чем свидетельствуют лозунги «возрождение великой китайской нации», «создание сообщества единой судьбы человечества» во главе с КНР, воплощение в жизнь «китайской мечты» о всемирном господстве. Конфуций и Сунь-Цзы в своих учениях подчеркивали, что на национальном уровне отдается предпочтение стратегической обороне, созданию альянсов и сдержанному применению силы в четко сформулированных политических целях. В трактате «Искусство войны» можно найти следующую китайскую мудрость: «Уметь заставить противника подойти — значит заманить его выгодой». Данная уловка явно применяется Китаем при реализации проекта. Проект является огромной стратегической ловушкой для варваров, которые будут нейтрализованы экономическим подчинением.

Немаловажно, что инициатива стала олицетворением китаецентризма: все жившие за пределами Китая были подчиненными варварами. Это усугубилось идеологией и национализмом КПК, что привело к отсутствию прозрачности продвижение авторитаризма и экспансионизма Китая через ОПОП. Проект находится лишь на стадии реализации, посему выгоды и риски вовлечения в него плеяды стран-соседей до конца не ясны. Стоит отметить, что к 2049 г. Си Цзиньпин планирует достигнуть глобального лидерства Китая во всеобъемлющей национальной власти, добиться создания «сообщества единой судьбы человечества», отыскать «китайскую мечту», объединить два Китая [8]. Исходя из этого, инициатива вызывает алармизм по вопросу легитимности китайской территориальной экспансии, пусть не в виде аннексии, но в форме экономической оккупации.

Урок для России

Дефицит стратегического мышления в Российской Федерации неоднократно подчеркивался научным сообществом [1]. Стратегическая культура России не имеет настолько ярко выраженных традиционных черт как в китайском случае, что говорит об утрате идентичности российского народа. Это обусловлено стиранием культурного наследия имперской России советским строем, насаждавшим одноликий образ «советского гражданина», а не россиянина. Искусство китайского народа оставаться китайским даже в период экспансии и при существовании социалистического строя дает почву для размышления: возможно, современной Российской Федерации следует отыскать свою аутентичную «русскость» и активнее применять ее во внешнеполитической деятельности вслед за китайцами, которые, вооружившись традициями, придерживаются выбранной международной траектории, несмотря на неоднозначное восприятия политики КНР мировым сообществом.

Таким образом, стратегическая культура нарочито подчеркивает бескорыстную и неуклонную к насилию доброжелательность Китая, сущность которой остается гегемоничной. Инициатива «Экономи-

ческий пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь 21-го века» сочетает двойные стандарты стратегической культуры КНР: ее оборонную и наступательную составляющие, позволяющие КНР расширять свое влияния, искать обходные пути к мировому лидерству, вооружившись экономическими механизмами и инвестиционными «шелковыми» потоками.

Библиографический список

1. *Белозеров В.К.* Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. № 1. С .9—19.

2. *Румянцев Е.Н.* Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М.: Синосфера; издание 2-е, испр., 2016. 592 с.

3. Тайный канон Китая / сост. В. Малявин. М.: РИПОЛ классик, 2018. 304 с.

4. *Ю Хань*. Развитие современной внешней политики КНР // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки: научное издание, 2016. № 1 (239). С.84—91.

5. China's Belt and Road Initiative in the Global Trade, Investment and Finance Landscape // OECD (2018). URL: https://www.oecd.org/finance/Chinas-Belt-and-Road-Initiative-in-the-global-trade-investment-and-finance-landscoad.pdf (дата обращения: 14.05.2020)

6. *Li Xing*. Mapping China's 'One Belt One Road' Initiative. Palgrave Macmillan, 2019.

7. *Snyder J.* 1977. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf (дата обращения: 14.05.2020)

8. Гуаньюй шисянь чжунгомэн дэ шицзянь цзедянь [Об узле времени реализации китайской мечты]. 2015. URL:http://www.xinhuanet.com/politics/2015-07/07/c_127994345_2.htm (дата обращения: 14.05.2020)

9. Чжунго чжаньлюэ вэньхуа схуаньчэн юй фачжань [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин: Цзицзи пресс, 2008.

10. Чжунэ хуанъюй дуйчжао:гунцзянь «И дай и лу» Юаньцзинъюй синдун // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуэлосы дашигуань [Китайско-российское двуязычное сравнение: совместное видение и действия в рамках «Одного пояса — одного пути». Посольство Китайской Народной Республики в Россииъ, 2015. URL: http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm (дата обращения: 14.05.2020)

References

1. *Belozyorov V.K.* Deficit strategicheskogo myshleniya i imperativy ego preodoleniya. Razmyshleniya posle Venskoj konferencii po strategii [The deficit of strategic thinking and the imperatives of its overcoming. Reflections after the Vienna conference on strategy] // Vlast', 2020, № 1. P. 9—19.

2. *Rumyancev E.N.* Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Si Czin'pina [Xi Jinping's domestic and foreign policy]. Moscow, 2016. 592 p.

3. Tajnyj kanon Kitaya / sost. V. Malyavin [Secret Canon of China / compiled by V. Malyavin]. Moscow, 2018. 304 p.

4. *Yu Han*. Razvitie sovremennoj vneshnej politiki KNR [Development of China's modern foreign policy]. Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki: nauchnoe izdanie [Scientific and technical Bulletin of the Saint Petersburg state Polytechnic University. Series: Humanities and social Sciences: scientific publication], 2016. P. 84—91.

5. China's Belt and Road Initiative in the Global Trade, Investment and Finance Landscape // OECD (2018). URL: https://www.oecd.org/finance/Chinas-Belt-and-Road-Initiative-in-the-global-trade-investment-and-finance-landscoad.pdf (accessed: 14.05.2020)

6. *Li Xing*. Mapping China's 'One Belt One Road' Initiative. Palgrave Macmillan, 2019.

7. *Snyder J*. 1977. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf (accessed: 14.05.2020)

8. Guanyu shixian Zhongguomeng de shijian jiedian // Xinhuagang [About the time node of the Chinese dream realization // Xinhua], 2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-07/07/c_127994345_2.htm (accessed: 14.05.2020)

9. Zhonghua zhanlue wenhua de chuancheng yu fazhan [Heritage and development of Chinese strategic culture], Beijing, Shiji Press, 2008.

10. Zhonge shuangyu duizhao: gongjian «Yi dai yi lu» yuanjing yu xingdong // Zhonghua renmin gongheguo Zhueluosi dashiguan [Chinese and Russian bilingual contrast: the vision and action of "One Belt, One Road" // Embassy of the People's Republic of China in Russia], 2015. URL: http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm (accessed: 14.05.2020).

Раздел III
ПРАВО

П.В. Трощинский

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КНР

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования избирательной системы современного китайского государства. Проводится анализ основных принципов избирательной системы, механизма отзыва депутата, рассматриваются действующие нормативные-правовые акты, регламентирующие порядок проведения выборов в представительные органы государственной власти различных уровней. Избирательная система Китая основывается на косвенных и прямых выборах. Высший орган законодательной власти КНР—ВСНП — избирается косвенным путем. Также формируется депутатский корпус собраний народных представителей провинциального уровня, уровней автономного района, городов центрального подчинения, городов с районным делением и автономных округов. Прямым голосованием избираются лишь представительные органы низового и уездного уровней.

Основы избирательной системы КНР закладывались еще в период существования советских районов и Китайской Советской Республики. После образования в 1949 г. «Нового Китая» избирательная система получила свое закрепление в принятой в 1954 г. первой Конституции и ряде иных нормативных правовых актов. Од-

нако в период проведения различных разрушительных политических кампаний, апогеем которых стала «культурная революция», выборы в стране не проводились, избирательная система была разрушена. Для принятия Конституции 1975 г. в нарушение избирательного законодательства депутаты сессии ВСНП были не избраны, а назначены «ревкомами». Лишь после окончания «культурной революции» и начала «политики реформ и открытости» избирательная система стала восстанавливаться на заложенных в первые годы существования КНР принципах и правилах.

Принятое в годы реформ и открытости избирательное законодательство в несколько измененном виде продолжает существовать и по настоящее время. Оно предполагает широкое участие населения в избирательном процессе лишь на низовом уровне. На более высоких уровнях, благодаря применению косвенных выборов и наличия множества «фильтров», влияние граждан на процесс избрания депутатов сведено к минимуму. Это позволяет правящей коммунистической партии осуществлять жесткий, тотальный контроль над всем избирательным процессом в целом и над его отдельными элементами, в частности, не допускать попадания в высший законодательный орган страны оппозиционно настроенных делегатов. КПК не заинтересована в отказе от своей монополии на политическую власть для экспериментов с многопартийной демократической конкуренцией.

Ключевые слова: Китай, КНР, избирательная система, избирательный процесс, выборы, законодательство, правовое регулирование, Конституция, КПК, ВСНП.

Автор: *Трощинский Павел Владимирович*, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: troshc@mail.ru

Troshchinskiy Pavel V.

CINSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF THE CHINA'S ELECTORAL SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the study of the features of legal regulation of the electoral system in modern Chinese state. The article analyzes the basic principles of the electoral system, the mechanism of recall of deputy, discusses the current regulatory legal acts regulating for elections to China's public authority (the people's congress system or the People's Republic of China). The China's electoral system is based on an

indirect (electoral choice) and direct (popular choice) elections. Highest agency of State power — the National People's Congress — is elected indirectly. The National People's Congress is composed of deputies elected from the provinces, autonomous regions and municipalities directly under the Central Government and of deputies elected from the armed forces. Deputies to the people's congresses of provinces, autonomous regions, municipalities directly under the Central Government, cities divided into districts and autonomous prefectures are also elected (indirect election means deputies to the people's congresses at the next higher level are elected by deputies to the people's congresses at the next lower level). Deputies to the people's congresses of counties, cities not divided into districts, municipal districts, townships, nationality townships and towns are elected directly by their constituencies (popular choice).

The basis of the electoral system of the PRC were created in the period of the China's sovet districts and the Chinese Soviet Republic. After founded the People's Republic of China in 1949, the electoral system was regulated in the first Constitution of the PRC (1954) and some other legal acts. However, during various destructive political campaigns, especially during the "cultural revolution", there were no parliamentary elections in country, the electoral system was destroyed. For the adoption of the Constitution 1975 in violation of electoral legislation, the deputies of the NPC session were not elected, but appointed by the "revolutionary committees". Only after the end of the "cultural revolution" and the beginning of the "policy of reform and openness" the electoral system begin to recover on the principles and rules laid down in the early years of the PRC.

The election legislation adopted in the years of reform and openness in a slightly modified form continues to exist to the present time. The country's population participates in elections only at the county level. At a higher level, the population does not participate in elections. This allows the Chinese Communist Party to tightly and totally control the electoral process, opposition cannot get into people's congress system. The Chinese Communist Party is not interested in giving up its monopoly on political power to experiment with multiparty democratic competition.

Keywords: China, PRC, electoral system, election process, elections, legislation, legal regulation, Constitution, CCP, NPC.

Author: *Troshchinskiy Pavel V.,* PhD (Law), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: troshc@mail.ru

Историческая справка

Основы современной избирательной системы КНР, как и всей представительной системы в целом, были заложены еще в период создания опорных баз КПК в 1927 г. В процессе строительства органов власти в советских районах начала формироваться многоступенчатая система выборов. В период существования Китайской Советской Республики (1931—1934 гг.) сложилась избирательная система, определился порядок проведения выборов в Советы различных ступеней. Состав, полномочия и порядок деятельности центральных и местных представительных органов регламентировался сначала «Положением о выборах в Китайской Советской Республике» (1931 г.) и «Положением о работе избирательных комиссий Китайской Советской Республики» (1931 г.), а затем «Временным законом о выборах в Советы» (1933 г.) и «Законом об организации центральных органов Китайской Советской Республики» от 17.02.1934 [1, с. 32—66]. Кроме этого, общим принципам избрания депутатов были посвящены отдельные положения «Основной конституционной программы Китайской Советской Республики» 1931 г. и 1934 г.

После завершения существования Китайской Советской Республики избирательная система формировалась на территориях освобожденных от японских агрессоров районов, находившихся под контролем КПК (выборы в так называемые «консультативные советы»), а на последнем этапе гражданской войны — в рамках формирования конференций представителей всех слоев народа («конференции народных представителей»).

После образования в 1949 г. Нового Китая правовое регулирование избирательной системы осуществлялось на основе положений «Общей программы Народного политического консультативного совета Китая» [2, с. 30—49] и «Организационного статута Народного политического консультативного совета Китая» (оба документа приняты 27.09.1949) [2, с. 13—19].

11 февраля 1953 г. на 22-м заседании Центрального Народного Правительственного совета был принят «Закон КНР о выборах в ВСНП и местные СНП различных ступеней» [3, с. 82—96], опреде-

ливший основные принципы представительства в органах государственной власти — собраниях народных представителей. Закон вводился в действие с 1 марта 1953 г. через две недели после его принятия, а уже 4 марта Центральная избирательная комиссия опубликовала «Указание о порядке проведения выборов в собрания народных представителей низового уровня».

1-я сессия ВСНП (проходила в Пекине с 15 по 28 сентября 1954 г.) 20 сентября приняла Конституцию КНР, а также ряд организационных законов. Частью 1 статьи 2 первой Конституции КНР 1954 г. закреплялся принцип *принадлежности* государственной власти народу в лице ВСНП и местных СНП. Конституция 1954 г. создала систему органов государственной власти и выборов в них, которая практически в неизмененном виде существует в современном Китае.

В период известных разрушительных кампаний, созданная ранее избирательная система КНР подверглась разрушению (например, в течение практически всей «культурной революции» ВСНП не созывалось, соответственно выборы не проводились). Конституция 1975 г. нисколько не способствовала ее восстановлению (она и была принята депутатским корпусом, который не избирался, а назначался «ревкомами» в нарушение Конституции 1954 г.). Лишь после начала «политики реформ и открытости», принятия новой Конституции 1978 г. и ныне действующей Конституции 1982 г. выборы в высшие и местные органы власти стали проводиться в соответствии с действующим избирательным законодательством.

Изменения в порядок формирования представительных органов были внесены «Законом КНР о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей», принятым на 2-й сессии ВСНП пятого созыва 01.07.1979 (затем неоднократно измененный) (далее: «*Закон о выборах*»). Закон запрещал участие в выборах душевнобольных и лиц, лишенных избирательных прав; законом не предусматривалось лишение избирательных прав по классовому признаку. Было введено тайное голосование на выборах всех уровней и прямое избрание депутатов в собрания уездного уровня.

С 1979 г. прямые выборы проводятся на альтернативной основе (ст. 27 «Закона о выборах» в первоначальной редакции 1979 г., ст. 30 в редакции 2015 г.), т. е. число кандидатов в депутаты должно превышать число подлежащих избранию депутатов[1]. Был внесен и ряд других, менее значительных изменений в избирательное законодательство. В 1981 г. ПК ВСНП было принято «Постановление о порядке проведения выборов депутатов от Народно-освободительной армии Китая в ВСНП и местные СНП различных ступеней». Этот акт распространялся не только на военнослужащих действительной службы, но и на рабочих и служащих военных предприятий, вольнонаемных членов НОАК, членов семей военнослужащих, которым разрешено проживать вместе с последними.

5-я сессия ВСНП 5-го созыва 4 декабря 1982 г. приняла новую Конституцию КНР, действующую до настоящего времени. За ней последовали измененные Законы о выборах как центральных, так и местных представительных органов различных ступеней, об организации Всекитайского собрания народных представителей от 10 декабря 1982 г. и принятые в тот же день «Закон о местных собраниях народных представителей и местных народных правительств», «Закон о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей». При этом новым избирательным законом не изменялась система выборов депутатов от НОАК, установленная годом ранее.

Развитие избирательного законодательства пошло по пути детализации и уточнения положений законов, принятых в 1979 г. Они составили основу действующего избирательного законодательства КНР.

---

[1] Ст. 30 «Закона о выборах» гласит: Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней проводят альтернативные выборы. Число кандидатов в депутаты должно превышать необходимое число подлежащих избранию. (ч. 1). Число кандидатов в депутаты, избираемых непосредственно избирателями, должно превышать число подлежащих избранию депутатов от одной трети до двух раз; число кандидатов в депутаты, избираемых местными собраниями народных представителей различных ступеней уездного уровня и выше в вышестоящие собрания народных представителей, должно превышать число подлежащих избранию депутатов от одной пятой до половины (ч. 2).

Законы, регламентирующие порядок проведения выборов

Основными законодательными актами, регламентирующими порядок формирования высших и местных органов представительной власти являются:

«Закон КНР об организации Всекитайского собрания народных представителей» (中华人民共和国全国人民代表大会组织法) (принят на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва 10.12.1982);

«Закон КНР об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств различных ступеней» (中华人民共和国地方各级人民代表大会和地方各级人民政府组织法) (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 01.07.1979, с изменениями от 10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 29.08.2015);

«Закон КНР о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней» (中华人民共和国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法) (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 01.07.1979, с изменениями от 10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 14.03.2010, 29.08.2015);

«Закон КНР о депутатах Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей различных ступеней» (中华人民共和国全国人民代表大会和地方各级人民代表大会代表法 (принят 5-й сессии ВСНП 7-го созыва 03.04.1992, с изменениями от 27.08.2009 и 28.10.2010, 29.08.2015);

«Правила избрания Народно-освободительной армией Китая депутатов во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней от уездной ступени и выше» (中国人民解放军选举全国人民代表大会和县级以上地方各级人民代表大会代表的办法 (приняты на 19-м заседании ПК ВСНП 5-го созыва 10.06.1981, с изменениями от 29.10.1996 и 30.06.2012);

Принципы избирательной системы

Основные принципы избирательной системы КНР [4, с. 155—157][1] получили свое закрепление в действующей Конституции КНР 1982 г. (с поправками от 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018 гг.) и конкретизированы в «Законе о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней».

Конституционными принципами избирательной системы КНР являются:

всеобщее, равное активное и пассивное избирательное право:

«Все граждане Китайской Народной Республики, достигшие 18 лет, независимо от национальной и расовой принадлежности, пола, рода занятий, социального происхождения, вероисповедания, образования, имущественного положения и оседлости, имеют право избирать и быть избранными. Исключение составляют лица, лишенные политических прав по закону» (ст. 34 Конституции КНР); указанному конституционному положению вторит и ст. 3 «Закона КНР о выборах».

Одним из видов дополнительного уголовного наказания выступает «лишение политических прав» (ст. 34 Уголовного кодекса КНР). Лишенные политических прав и отбывающие уголовное наказание преступники не вправе избирать и быть избранными (п. 1 ст. 54). По общему правилу срок лишения политических прав от одного года до пяти лет (за исключением лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы и смертной казни. Эти категории преступников лишаются политических прав навсегда) (лица, находящиеся под следствием, иными словами — подозреваемые и обвиняемые — юридически могут принимать участие в голосовании, однако, на практике это весьма затруднительно);

обязательное представительство всех национальных меньшинств в органах государственной власти различных ступеней:

«Все национальные меньшинства должны иметь соответствующее число представителей» в ВСНП (ч. 1 ст. 59 Конституции КНР).

[1] При подготовке материала об основных принципах избирательной системы за основу была взята их классификация, предложенная советским ученым К.А. Егоровым в коллективной монографии: Государственный строй КНР. М.: Наука, 1988. С.155—157.

«В состав собраний народных правительств автономных районов, автономных округов и автономных уездов наряду с депутатами, представляющими национальное меньшинство данной автономии, входит соответствующее число депутатов от иных национальностей, проживающих в данном административном районе» (ч. 1 ст. 113 Конституции КНР).

«Депутаты Всекитайского собрания народных представителей должны избираться от национальных меньшинств всей страны, при этом Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, учитывая численность населения всех национальных меньшинств и обстановку их расселения, распределяет нормы выборов для всех собраний народных представителей провинций, автономных районов, городов центрального подчинения. Национальности с особенно малочисленным населением должны иметь, по крайне мере, по одному депутату» (ст. 17 «Закона о выборах»). Всего в КНР по официальным данным 55 национальностей, среди них есть и русские;

избрание всех представительных органов государственной власти демократическим путем, их ответственность перед народом и подконтрольность народу:

«Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней избираются демократическим путем, ответственны перед народом и находятся под его контролем» (ч. 2 ст. 3 Конституции КНР);

«Депутаты Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей различных ступеней находятся под контролем избирателей и избравших их избирательных единиц» (ст. 48 «Закона о выборах»).

подконтрольность депутатов избравшим их органам, право отзыва и замены депутатов избравшими их органами:

«Депутаты Всекитайского собрания народных представителей подконтрольны органам, которые их избрали. Органы, избравшие депутатов, имеют право в порядке, установленном законом, отозвать избранных ими депутатов» (ст. 77 Конституции КНР) (также см. ст. 102 Конституции КНР).

«Избиратели или избирательные единицы имеют *право отозвать* избранных ими депутатов» (ст. 48 «Закона о выборах»).

Отзыв депутата (лишение депутатского мандата)

Как было сказано выше, в КНР установлен институт отзыва депутатов представительных органов. Согласно закрепленным в «Законе КНР об организации ВСНП» положениям (ст. 45) «за» отстранение депутата от должности должно проголосовать простое большинство членов органа его избравшего. В период между сессиями СНП провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, вопрос об отзыве депутата решается на ПК СНП простым большинством голосов их членов.

«Закон КНР об организации ВСНП» предусматривает возможность отзыва членов ПК ВСНП по предложению трех и более депутатских групп или 1/10 депутатов ВСНП (ст. 15). Предложение об отзыве вносится в президиум ВСНП, который затем ставит вопрос на голосование перед всеми депутатами ВСНП. Решение принимается простым большинством голосов.

В свою очередь «Регламентом ВСНП» (1989 г.) в ст. 39 устанавливается, что Президиум ВСНП, более трех депутатских делегаций или более одной десятой от общего числа депутатов могут выступить с предложением об освобождении от должности члена ПК ВСНП. Предложение затем передается на рассмотрение всех делегаций ВСНП. После чего оно ставится на голосование на пленарном заседании сессии. Либо создается специальная комиссия по расследованию, которая на следующей сессии ВСНП передает заключение на рассмотрение депутатских групп и принимается решение о внесении на голосование.

В последней редакции «Закона о выборах» (2015 г.) процедура отзыва депутата как ВСНП, так и местных СНП, регламентирована довольно подробно. Этому вопросу посвящена глава 10 закона. Отзыв депутатов уездного уровня, избираемых непосредственно населением, возможен по предложению 50 и более избирателей выдвинувшего депутата избирательного округа. Отзыв депутатов волостного уровня, избираемых непосредственно населением, производится по предложению 30 и более избирателей. Предложение об отзыве в письменном виде представляется в ПК СНП местного уровня. В нем

указывается причина отзыва. Депутату, об отзыве которого ставится вопрос, предоставляется возможность выступить с возражениями, которые вместе с предложением об отзыве доводятся до сведения избирателей.

Если речь идет об отзыве депутатов СНП, избираемых нижестоящими собраниями (а не населением непосредственно), то предложение об отзыве в период сессии может быть внесено ее президиумом или совместным заявлением одной десятой всех депутатов данного СНП. В межсессионные периоды такое предложение вносится Советом председателя постоянного комитета СНП или группой депутатов, составляющей не менее одной пятой всего состава ПК. Депутату, об отзыве которого вносится предложение, как и в случае с низовыми СНП, предоставляется право изложить свои возражения.

Гарантии всеобщего избирательного права

Современное законодательство КНР устанавливает определенные юридические гарантии проведения в жизнь принципа всеобщего избирательного права. Они заключаются в следующем:

- государство принимает на себя расходы, связанные с проведением выборов (ст. 7 «Закона о выборах»);
- заблаговременно (за 20 дней до выборов) (до поправок 1995 г. — 30 дней) публикуются списки избирателей; тем самым любому лицу, несогласному с опубликованным списком избирателей, предоставляется право направить жалобу в избирательную комиссию, которая обязана в течение 3 дней вынести по ней соответствующее решение; если лицо, подавшее заявление или жалобу, не удовлетворено решением комиссии, оно может обратиться в народный суд, решение которого считается окончательным (ст. 27, 28 «Закона о выборах»);
- избирателям, отсутствующим во время проведения выборов по месту жительства или работы, предоставляется право уполномочивать другого избирателя проголосовать вместо него (ст. 41 «Закона о выборах»), но в этом требуется согласие избирательной комиссии; кроме того, избиратель, по причине неграмотности или физического недостатка не имеющий возможности заполнить избирательный

бюллетень, может уполномочить другое лицо заполнить бюллетень вместо него (ч. 2 ст. 39 «Закона о выборах»);

• избирательные участки устанавливаются и выборные собрания проводятся таким образом, чтобы обеспечить избирателям максимальные удобства (при проведении выборов непосредственно избирателями) (ст. 37 «Закона о выборах»);

• отзыв депутатов, непосредственно избранных населением, производится, если за это проголосуют более половины избирателей данного избирательного округа; отзыв депутатов, избранных собраниями народных представителей различных ступеней, производится в период между сессиями СНП большинством голосов членов их постоянных комитетов (ст. 52 «Закона о выборах»);

• установлена уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или попытку такого воспрепятствования путем насилия, угроз, обмана, подкупа, подделки избирательных документов, за заведомое искажение результатов голосования либо иные незаконные действия; законом предусмотрены и меры взыскания за месть по отношению к лицу, обратившемуся с жалобой на незаконные действия должностных лиц, связанных с организацией проведения выборов или отзыва депутата (ст. 57 «Закона о выборах»).

В «Законе о выборах» закреплена такая гарантия равного избирательного права, как предоставление каждому избирателю только одного голоса: «Каждый избиратель в ходе одних выборов имеет право голосовать только один раз» (ст. 4).

Заключение

Действующая в КНР избирательная система основывается на косвенных и прямых выборах. Депутаты ВСНП избираются СНП нижестоящей ступени (это правило касается и депутатов СНП провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, городов с районным делением, автономных округов). Таким образом, выборы депутатов ВСНП являются не прямыми (直接选举), а косвенными (间接选举) путем голосования по их кандидатурам в СНП провинций, автономных районах и городах центрального под-

чинения. Иными словами, в КНР действует многоступенчатая система избрания депутатов ВСНП. *Прямым голосованием избираются лишь представительные органы низового и уездного уровней*.

Благодаря существующей системе и действующим «фильтрам», правящая Коммунистическая партия Китая не допускает до избрания в депутатский корпус высших органов представительной власти лиц, оппозиционно настроенных по отношению к нынешней власти. Демократические процедуры реальны только на низовом уровне. КПК не готова и не желает отказаться от своей монополии на политическую власть, способствовать реальному, а не декларативному построению многопартийной конкурентной системы.

Кандидаты в депутаты Всекитайского собрания народных представителей, как и местных собраний народных представителей различных ступеней, выдвигаются по избирательным округам (选区) (прямые выборы) или избирательным единицам (选举单位) (косвенные выборы). Одна из важных особенностей формирования СНП ниже уездного уровня заключается в том, что в них можно попасть путем прямых выборов. Для этого требуется получить в свою поддержку десять подписей избирателей.

В последние годы в Китае наблюдается «бум» самостоятельного выдвижения кандидатов на местном уровне. Его пик приходится на начало избирательной кампании в местные органы власти, формируемые каждые пять лет. Выдвижению независимых кандидатов активно способствует Интернет, благодаря которому они становятся известными широким слоям населения. Однако реального влияния на политическую систему низовые представительные органы пока не имеют. Возможно, этим объясняется успешное попадание в их депутатский корпус некоторого количества независимых от КПК кандидатов.

В целом следует признать, что формально-юридически избирательная система КНР достаточно прогрессивна: закон предусматривает право на выдвижение в парламент кандидатуры, поддержанной более чем десятью избирателями; за неудовлетворительную работу депутат может быть отозван избравшим его органом.

Добавим также, что в КНР существуют цензы оседлости при осуществлении активного избирательного права. Так, нежитель данной волости не может избираться. Косвенно это подтверждает, на-

пример, норма «Закона КНР о выборах в ВСНП и в местные СНП различных ступеней»: «утратил связь со своим избирательным округом или покинул его пределы» (ч. 2 ст. 56) — депутат автоматически лишается депутатского статуса. Так, к примеру, если избранный от НОАК депутат покидает волость (поселок) в связи с его переводом в воинскую часть другого места дислокации, то он теряет статус депутата.

Косвенно о цензе оседлости говорят и местные нормативные акты. К примеру: «Подробная инструкция по проведению выборов депутатов СНП районов, волостей, национальных волостей, поселков города Пекин», статья 37 которого устанавливает: избиратели данных районов или волостей, национальных волостей, поселков могут выдвигаться в качестве кандидатов в депутаты от данных района или волости, национальной волости, поселка.

Разразившаяся в Китае эпидемия коронавируса пока повлияла лишь на дату проведения ежегодной сессии ВСНП: планируемое в марте 2020 г. заседание парламента было перенесено на неопределенное время. Эпидемиологическая ситуация вряд ли приведет к изменению действующего избирательного законодательства. Возможно изменение лишь некоторых его «технических» регламентов. В целом конституционно-правовые основы избирательной системы КНР сформированы и прошли успешную проверку на практике. Благодаря им в ВСНП «попадают» только «проверенные», «надежные» и лояльные КПК делегаты.

Библиографический список

1. Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931—1934. М.: Наука, 1977.

2. Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950.

3. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / пер. с кит; под ред. и с предисл. Н.Г. Сударикова. М.: Иностранная литература, 1955.

4. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1988.

References

1. Sovetskie rajony Kitaya. Zakonodatel'stvo Kitajskoj Sovetskoj Respubliki. 1931—1934 [Soviet regions of China. Legislation of the Chinese Soviet Republic. 1931—1934]. Moscow, 1977.

2. Obrazovanie Kitajskoj Narodnoj Respubliki. Dokumenty i materialy [The creation of the People's Republic of China. Documents and materials]. Moscow, 1950.

3. Konstituciya i osnovnye zakonodatel'nye akty Kitajskoj Narodnoj Respubliki. Perevod s kitajskogo [The Constitution and the main legislative acts of the People's Republic of China. Translation from Chinese]. Moscow, 1955.

4. Gosudarstvennyj stroj Kitajskoj Narodnoj Respubliki [The state system of the People's Republic of China]. Moscow, 1988.

Д.А. Смирнов

КОНСТИТУЦИЯ КНР О РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ КПК

Аннотация. Статья посвящена закреплению в Конституции КНР политических и идеологических основ власти Коммунистической партии Китая и выдвинутых ею установок и задач по руководству страной. Прежде всего речь идет об определении роли и места в политической системе КНР самой КПК, пришедшей к власти в результате победы над Гоминьданом в многолетней революционной войне и вот уже на протяжении 70 лет ведущей страну по «извилистому пути» строительства социализма с китайской спецификой. Здесь обращает на себя внимание отсутствие или, напротив, наличие прямого указания на правящую роль КПК в первой Конституции 1954 г., принятой вскоре после образования КНР, в Конституции 1975 г., принятой в конце периода «культурной революции», в Конституции 1978 г., принятой после завершения «культурной революции», и в Конституции 1982 г., принятой в начале проведения политики реформ и открытости, до внесения в нее поправок в 2018 г.

Рассмотрены основные составляющие идейно-политической платформы КПК, получившие конституционное закрепление, а значит, по существу, формирующие официальную государственную идеологию КНР, от «идей Мао Цзэдуна» до «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи». Эта идеология,

как видно из процесса принятия конституций и внесения в них поправок, постоянно обновляется вслед за глубокими изменениями в политической и экономической жизни Китая, в том числе на текущем этапе его исторического развития.

Затронут вопрос и о закреплении в Конституции происходящего в последнюю четверть века процесса воссоединения страны, что фактически означает взятие на себя Коммунистической партией Китая конституционной обязанности довести этот процесс до конца.

Ключевые слова: конституция, руководящая роль КПК, идейно-политическая платформа КПК, социализм с китайской спецификой, «воссоединение Родины».

Автор: *Смирнов Дмитрий Анатольевич*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН; старший научный сотрудник Кафедры политологии Востока ИСАА МГУ.

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Smirnov Dmitry A.

THE PRC CONSTITUTION ABOUT THE CCP LEADING ROLE

Abstract. The article is devoted to the secured in the PRC Constitution political and ideological principals of the CCP power and suggested by the party directions and tasks on the state management. First of all, the question is about the place and the role of the CCP in the PRC political system, about the party, which came to power as a result of the victory over the Guomindang after a long-term revolutionary war, which for so many years has been leading the state along the "curving way" of socialism with Chinese specifics construction. Here calls attention the absence or on the contrary the presence of the direct indication of the CCP leading role in the first Constitution of 1954 adopted soon after the PRC formation, in the Constitution of 1975 adopted at the end of the "cultural revolution" period, in the Constitution of 1978 adopted after the "cultural revolution" coming to an end and in the Constitution of 1982 adopted at the beginning of the policy of reforms and opening conduction before amendments introduction in 2018.

Also, in the article, there are discussed secured in the Constitution main compounds of the CCP ideological-political platform. In fact, it means, the compounds forming the PRC official state ideology from "Mao Zedong's ideas" to "Xi Jinping ideas about the socialism with Chi-

nese specifics of a new epoch". This ideology, as it is seen from the process of Constitutions adoption and amendments introduction in them, is being continuously reviewed following the deep changes in China's political and economic life, including at the current stage of its historic development.

Besides, in the article, there is touched upon the subject of the happening during the last quarter of the century process of the state unification which, in fact, means assumed by the CCP constitutional obligation to complete this process.

Keywords: Constitution, the CCP leading role, the CCP ideological-political platform, socialism with Chinese specifics, "the Motherland unification'.

Author: Smirnov Dmitry Anatolyevich Ph.D (in History), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow); Senior Researcher, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (MSU).

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

В принятой в 1954 г. первой Конституции КНР прямо положение о политическом руководстве КПК страной не было прописано, но оно логически вытекало из Введения к Конституции, в котором подчеркивалось, что Коммунистическая партия Китая руководила «более чем столетней героической борьбой китайского народа», в результате которой он одержал «великую победу в народной революции, направленной против империализма, феодализма и бюрократического капитала» и «создал Китайскую Народную Республику демократической диктатуры народа», вставшую на путь «постепенного перехода к социалистическому обществу». «Вся власть», по Конституции, «принадлежит народу» в лице ВСНП и местных СНП. Ему же «принадлежат» Вооруженные силы Китайской Народной Республики, «возглавляемые» Председателем КНР. Также во Введении отмечается, что Коммунистическая партия «возглавляет» «широкий Единый народно-демократический фронт», «образованный из демократических классов, демократических партий и групп и народных организаций» [2, с. 7, 9, 13, 20, 34].

Столь лаконичная формулировка руководящей роли КПК, видимо, была призвана отразить сущность созданного в результате по-

беды революции нового государства как государства переходного периода, представляющего интересы всех основных классов и слоев населения, включая и национальную буржуазию («период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества есть переходный период», в который «государство согласно закону охраняет право собственности капиталистов на средства производства и другие капиталы» [2, с. 7, 17]). Тем более, что КПК пришла к власти в результате победы «новодемократической революции» под лозунгом «коалиционного правительства» КПК и союзных ей демократических партий и в первые послереволюционные годы принцип реального представительства демократических партий во власти на всех уровнях соблюдался.

Это отразилось и в отсутствии в Конституции конкретного обозначения идейно-политической платформы КПК, вместо нее «в основу этой Конституции» была положена Общая программа НПКСК 1949 г., а сама Конституция рассматривалась как «дальнейшее развитие Общей программы» [2, с. 8].

Ситуация стала меняться по мере втягивания Китая в проведение леворадикального курса Мао Цзэдуна по резкому ускорению социально-экономического развития КНР путем проведения «большого скачка», что обеспечивалось волюнтаристскими методами руководства, закономерно приведшими к оттеснению высшего органа государственной власти — ВСНП — от утверждения планов развития страны, которые стали приниматься напрямую высшим партийным руководством во главе с Мао Цзэдуном, иногда вразрез с решениями ВСНП [6, с. 95—98].

В период «культурной революции», в ходе начатой еще задолго до нее борьбы с «правыми», произошла дальнейшая концентрация власти у группировки Мао Цзэдуна, сопровождавшаяся развалом или парализацией деятельности как многих партийных организаций, так и органов государственной власти. Как отмечал Л.М. Гудошников, «конституционная политическая система КНР была подвергнута слому» [8, с. 22]. За этим, по указанию Мао Цзэдуна, последовало установление повсеместного военного контроля над органами управления, предприятиями и учреждениями и средствами массовой информации, вплоть до аппарата центральных министерств и даже

аппаратом ЦК КПК, когда, по словам Л.М. Гудошникова, «Военный совет фактически стал над Центральным Комитетом партии» [10, с. 135—137]. Затем начался процесс воссоздания всей структуры партийных организаций сверху донизу в рамках запущенной кампании «упорядочения» при активном участии созданных в годы «культурной революции» новых органов власти — так называемых «ревкомов». Для вновь создаваемых таким образом партийных органов «было характерно сильное военное присутствие, фактическое переплетение их с политическим и командным аппаратом НОАК» [10, с. 155—157].

Ввиду полного несоответствия старой Конституции сложившейся политической ситуации, по инициативе Мао Цзэдуна в 1975 г. была принята новая Конституция КНР, отразившая в Основном законе основные результаты «культурной революции». Прежде всего, Общие положения Конституции были дополнены новой статьей (ст. 2): «Коммунистическая партия Китая является руководящим ядром всего китайского народа. Рабочий класс осуществляет руководство государством через свой авангард — Коммунистическую партию Китая». Далее в этой же статье обозначена партийно-государственная идеология КНР: «Марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна являются теоретической основой, определяющей идеи нашего государства» И уже только после, в следующей статье, говорилось о том, что вся власть в КНР «принадлежит народу» [3, с. 35].

Статья о ВСНП как «высшем органе государственной власти», была дополнена словами «находящимся под руководством Коммунистической партии Китая», а перечисление функций ВСНП дополняется словами «по представлению Центрального Комитета Коммунистической партии Китая назначает и смещает премьера и других лиц... утверждает народнохозяйственные планы» и др. Статья о НОАК была дополнена положением о руководстве КПК и о том, что их «возглавляет» Председатель ЦК КПК [3, с. 38—39].

Таким образом, в Конституции 1975 г. был закреплен курс на создание партократического государства, в котором по факту КПК уже по Конституции ставилась над высшим органом государственной власти в лице ВСНП, превращавшегося в чисто формальную структуру для придания видимости демократического принятия ре-

шений по государственным делам. Тем самым окончательно утверждался режим культа личности Председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна.

После смерти Мао Цзэдуна, разгрома «банды четырех» и завершения периода «культурной революции», в обстановке острой борьбы между сторонниками сохранения ее основных установок и группировкой «прагматиков», при наличии «центристов», за определение пути вывода страны из глубочайшего кризиса и ее дальнейшего развития, возникла необходимость пересмотра Конституции «культурной революции». В 1978 г., в разгар этих дискуссий, была принята третья по счету Конституция КНР, отразившая противоречивость текущей ситуации. Во Введении трижды подчеркивалась роль «Председателя Мао Цзэдуна» в революции и проведения его «революционной линии» на всех «фронтах» строительства социализма. Сохранилась статья 2 о КПК как «руководящем ядре всего китайского народа». При этом была усилена вторая часть данной статьи, в которой «марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна» прямо провозглашались «руководящей идеологией Китайской Народной Республики», в статье 14 провозглашалось, что «государство отстаивает руководящую роль марксизма-ленинизма во всех областях идеологии и культуры», а в статье 16 содержалось требование к работникам государственных органов «серьезно изучать марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна... правильно проводить в жизнь политические установки государства». Было сохранено положение о том, что НОАК является «руководимыми Коммунистической партией Китая вооруженными силами рабочих и крестьян, опорой диктатуры пролетариата», «возглавляемыми» Председателем ЦК КПК [3, с. 46, 48, 52—53].

В то же время из раздела о ВСНП было изъято положение о руководстве КПК и представлении ЦК КПК на утверждение ВСНП высших должностных лиц в правительстве [3, с. 53—57].

Очевидно, что Конституция 1978 г., из которой были убраны некоторые наиболее одиозные положения в духе «культурной революции», носила компромиссный характер, отражавший всю противоречивость момента, предшествовавшего вступлению Китая в период проведения политики реформ и открытости.

В ходе ожесточенной дискуссии о практике как критерии истины была расчищена идеологическая «почва» для утверждения на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. прагматической линии группировки в партийно-государственном руководстве во главе с Дэн Сяопином на «перенесение центра тяжести всей работы на четыре модернизации», что открыло путь для проведения политики реформ и открытости. В 1980 г. в связи с объявленной Дэн Сяопином реформой политической системы началась подготовка новой Конституции, принятой в 1982 г.

Как отмечает К.А. Кокарев, «эта Конституция по своей сути продолжала и в определенном смысле развивала Конституцию 1954 г.», воплощая в практику накопленный опыт социалистического строительства [7, с. 100]. Это нашло свое отражение и в освещении в новой Конституции руководящей роли КПК. Как и в Конституции 1954 г., о КПК говорится только во Введении как о руководящей силе новодемократической революции, а «хозяин страны» — «китайский народ», «взявший в свои руки государственную власть» [1, с. 3—5]. Эта власть представляет собой «руководимую рабочим классом и основанную на союзе рабочих и крестьян демократическую диктатуру народа, то есть диктатуру пролетариата по существу». «Победа новодемократической революции и достижение дела социализма в Китае стали возможными» благодаря тому, что КПК «руководствовалась марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна». В дальнейшем «народы Китая, руководимые Коммунистической партией Китая и направляемые марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, будут и впредь твердо придерживаться демократической диктатуры народа и социалистического пути... постепенно модернизировать промышленность, сельское хозяйство, национальную оборону, науку и технику и превратить нашу страну в высокоцивилизованное, высокодемократическое социалистическое государство», то есть «сосредоточенными силами» выполнять «коренную задачу нашей страны» — социалистическую модернизацию». [1, с. 4—6]. Во Введении также говорится о том, что «в ходе длительной революции и строительства сформировался руководимый Коммунистической партией Китая широкий патриотический единый фронт всех демократических партий и народных организа-

ций», который «будет и впредь укрепляться и развиваться» [1, с. 6—7]. В остальных же разделах конституции 1982 г. о руководстве КПК упоминаний нет.

Таким образом, нигде прямо в Конституции не говорится о руководящей роли КПК, эта роль, по сути, подразумевается во Введении к Конституции, что само собой вытекает из исторического процесса революции и строительства социализма и будет сохраняться и дальше — на этапе социалистической модернизации.

В принятой в 1993 г. поправке к Конституции 1982 г. была сделана вставка о «руководимой КПК системе многопартийного сотрудничества и политических консультаций», которая будет «существовать и развиваться длительное время» [4, с. 34]. Как пишет К.А. Егоров, это было сделано для того, чтобы вместо «неясного положения о руководстве КПК» Единым фронтом, требующего четкой «легитимации» отношений между КПК и демократическими партиями, зафиксировать в Конституции «абсолютное доминирование КПК» [6, с. 165—166] в настоящем и будущем.

По мере обновления идеологической платформы КПК в процессе развития политики проведения реформ и открытости Конституция КНР дополнялась положениями о теории Дэн Сяопина, «важной идее тройного представительства КПК», концепции научного развития и, наконец, в ходе внесения поправок в Конституцию в 2018 г., «идеей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи». Как отмечает П.В. Трощинский, прижизненное закрепление имени Си Цзиньпина в Конституции КНР (как и в Уставе КПК)» свидетельствует о том, что он становится самым влиятельным лидером нового Китая после Мао Цзэдуна» [5, с. 118].

Важнейшим моментом в обновлении Конституции стало принятие тогда же поправки о том, что «руководящая роль Коммунистической партии Китая является самой сущностной отличительной особенностью социализма с китайской спецификой» в статью 1 [9]. Это в полной мере отражает общий курс пятого поколения партийно-государственного руководства КНР на укрепление и повышение руководящей роли КПК не только на текущем этапе завершения претворения в жизнь программы построения среднезажиточного общества

(«общества малого благосостояния»), но и на длительную перспективу до середины XXI в.

Важнейшей задачей для правящей в Китае партии является решение проблемы воссоединения страны, прежде всего Тайваня. Впервые эта задача была прямо поставлена в Конституции [3, с. 48] и закреплена в ныне действующей Конституции 1982 г., где Тайвань провозглашается «частью священной территории Китайской Народной Республики», а «свершение великого дела объединения Родины — священным долгом всего китайского народа», в том числе и тайваньских соотечественников [1, с. 6]. Будучи вписанной в Конституцию КНР, задача воссоединения Тайваня с материковым Китаем стала конституционной обязанностью государственного руководства КНР, а значит, КПК как руководящей силы китайского государства и общества. Это предопределяет неуклонность проведения КПК политики объединения двух берегов и не оставляет пространства для компромиссных формулировок, двойных толкований, поскольку цель в Конституции КНР обозначена однозначно — воссоединение Китая, понятно, что только в смысле полного и недвусмысленного возвращения Тайваня под реальный государственный суверенитет КНР в той или иной форме, с официальным отказом от всех признаков государственности разгромленной в ходе Гражданской войны 1946—1949 гг. Китайской Республики, закрепленной в поныне действующей на Тайване Конституции КР 1947 г. То есть это — категорический императив для руководства КПК, и прошлого, и нынешнего, и последующего, и составляющая часть наряду с проведением социалистической модернизации и построением среднезажиточного общества, легитимности правления КПК в условиях отсутствия сменяемости власти.

Библиографический список

1. Конституция Китайской Народной Республики (Обнародована для исполнения 4 декабря 1982 г.). Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1983.

2. Конституция Китайской Народной Республики. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1954.

3. Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов. М.: Наука, 1983.

4. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа [Конституция Китайской Народной Республики]. Бэйцзин: Фалю чубаньшэ, 2011.

5. *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949—2018 гг.). Историко-правовой аспект. М.: ВКН, 2018.

6. *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность. М.: Спарк, 1998.

7. *Кокарев К.А.* Политический режим Китая и модернизация. М.: ИДВ РАН, 2004.

8. *Гудошников Л.М.* История конституционного регулирования государственного строя: Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1988.

9. [Лян хуэй шоу цюань фабу] Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа ([Две сессии получили полномочия на опубликование] Конституция Китайской Народной Республики). URL: http://www.xinhuanet.com/2018-03/22/c_1122572202_3.htm (дата обращения: 04.06.2020).

10. *Гудошников Л.М.* Политический механизм Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1974.

References

1. Konstituciya Kitajskoj Narodnoj Respubliki (Constitution of the People's Republic of China (December 4, 1982). Beijing: Publishing House of Foreign Literature, 1983.

2. Konstituciya Kitajskoj Narodnoj Respubliki (Constitution of the People's Republic of China). Beijing: Publishing House of Foreign Literature, 1954.

3. Konstitucii Kitajskoj Narodnoj Respubliki 1954, 1975, 1978 i 1982 godov (Constitution of the People's Republic of China 1954, 1975, 1978 and 1982). Moscow: Publishing House “Science”, Ch. edition of the eastern literature, 1983.

4. Zhonghua renmin gongheguo xianfa (Constitution of the People's Republic of China). Beijing: falv chubanshe, 2011.

5. *Troshchinskiy Pavel V.* Evolyuciya pravovoj sistemy Kitajskoj Narodnoj Respubliki (1949—2018 gg.). Istoriko-pravovoj aspect (The evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949—2018). Historical and legal aspect.). M.: VKN, 2018.

6. *Egorov Kim A.* Predstavitel'naya sistema Kitaya: istoriya i sovremennost' (Representative system of China: history and modernity.). M.: Spark, 1998.

7. *Kokarev Konstantin A*. Politicheskij rezhim Kitaya i modernizaciya (The political regime of China and modernization.). M.: IFES RAS, 2004.

8. *Gudoshnikov Leonid M*. Istoriya konstitucionnogo regulirovaniya gosudarstvennogo stroya / Gosudarstvennyj stroj Kitajskoj Narodnoj Respubliki (History of constitutional regulation of the political system / Political system of the People's Republic of China). M .: Publishing House "Science", Ch. edition of the eastern literature, 1988.

9. [Liang hui shouquan fabu] Zhonghua renmin gongheguo xianfa ([Two sessions were authorized to publish] Constitution of the People's Republic of China). URL: http://www.xinhuanet.com/2018-03/22/c_1122572202_3.htm (accessed: 04.06.2020).

10. *Gudoshnikov Leonid M*. Politicheskij mekhanizm Kitajskoj Narodnoj Respubliki (The political mechanism of the People's Republic of China). M.: Publishing House "Science", Ch. edition of eastern literature, 1974.

А.П. Алексеенко

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ТОКЕНОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КНР[1]

Аннотация. Активное развитие цифровых технологий оказало значительное влияние на сферу инвестиций. Изобретение цифровых инвестиционных токенов открыло возможность для предпринимателей привлекать в реализуемые ими проекты инвестиции от неограниченного круга инвесторов. При этом такие проекты, как правило, являются высокорисковыми, информация о них, в виду отсутствия контроля, не соответствует принятым на финансовом рынке стандартам, а инвесторы, участвующие в их финансировании, неспособны полностью оценить свои риски. Кроме того, соответствующими технологиями стали пользоваться мошенники, привлекающие вложения в несуществующие проекты. Эти обстоятельства привели к запрету Народным Банком КНР привлечения финансирования посредством выпуска инвестиционных токенов.

Анализ нормотворчества Госсовета, Народного Банка и Управления по вопросам киберпространства КНР показал, что в Китае

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00454 «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ и ведущих финансовых центрах Восточной Азии: сравнительно-правовой аспект».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00454 «Ensuring the rights of investors in the banking and financial sectors in the context of the digitalization of the economy in the Russian Federation and the leading financial centers of East Asia: a comparative legal aspect».

сложилась устойчивая позиция на счет того, что инвестиционные цифровые токены используются как средство обмана граждан. Процедура их выпуска объявлена разновидностью незаконного финансирования, а эмитенты и финансовые организации, обменивающие деньги на токены, подлежат привлечению к уголовной или административной ответственности. Что касается использования технологии блокчейн, то она находится под особым контролем, предполагающим информирование государственных органов о программных продуктах, созданных по этой технологии.

В виду того, что операции с инвестиционными цифровыми токенами в КНР запрещены, граждане Китая сталкиваются с тем, что они не могут рассчитывать на судебную защиту и самостоятельно несут все связанные с этим риски. Запрет на ICO, несмотря на то, что инвесторы в таких условиях могут уходить в юрисдикции, где разрешено использование цифровых токенов и предоставляется правовая защита, показывает, что в текущих условиях Китай считает более безопасным для национальной экономики не допускать в стране возникновения параллельно с рынком ценных бумаг и фьючерсов еще одного финансового рынка.

Ключевые слова: Китай, инвестиции, криптовалюта, цифровизация, токен, Народный Банк Китая, биткойн, блокчейн, цифровая экономика, ICO.

Автор: *Алексеенко Александр Петрович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса; ORCID: 0000-0003-0707-8372. E-mail: alekseenko.a.p@gmail.com

Alekseenko Aleksandr P.

LEGAL REGIME OF DIGITAL INVESTMENT TOKENS UNDER LAW OF THE PRC

Abstract. The rapid development of digital technologies has a significant impact on the sphere of investments. Creation of digital investment tokens gave the entrepreneurs a possibility to attract investments from an unlimited number of investors in their projects. Such projects, as a rule, contain high risks; information about them does not meet the standards accepted in the financial market due to the lack of control; and investors participating in their financing are unable to assess their risks. Furthermore, digital tokens are used by persons who launch illegal financing to attract investments in non-existent projects. These circumstances led to

the situation, when People's Bank of China put a ban on financing by issuing investment tokens.

The analysis of regulations issued by the State Council, the People's Bank and Cyberspace Administration of the PRC showed that China developed a position that investments via digital tokens are used as a means of deceiving. The procedure of digital tokens issuing is declared as a form of illegal financing, thus, issuers and financial organizations which exchange money for tokens are subjects to criminal or administrative liability. Moreover, blockchain industry organizations are under the strict control and ought to inform Cyberspace Administration about any new products, applications or functions.

Due to the fact that operations with investment digital tokens are prohibited in PRC, Chinese citizens are faced with the situation when they cannot receive judicial protection and bear all the risks associated with this. The ban on ICO, despite the fact that investors can choose jurisdictions where the use of digital tokens is allowed and legal protection is provided, shows that China considers it more appropriate for the national economy to prevent the emergence of parallel financial market inbound of country, than protection of a group of private investors.

Keywords: China, investments, cryptocurrency, digitalization, token, People's Bank of China, bitcoin, blockchain, digital economy, ICO.

Author: *Aleksandr P. Alekseenko*, Ph.D (Law), Associate professor of the Department of Civil Law Disciplines, Vladivostok State University of Economics and Service; ORCID: 0000-0003-0707-8372.

E-mail: alekseenko.a.p@gmail.com

Цифровые технологии в сфере инвестиций приобретают все большее значение, что нашло отражение в Указе Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» и Паспорте национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». Для реализации заявленных в них целей был разработан законопроект «О цифровых финансовых активах», который направлен на легализацию ICO (initial coin offering — первичное размещение токенов) и предполагает возможность использования цифровых токенов для удостоверения прав, закрепленных в эмиссионных ценных бумагах, а также иных прав.

Предложение цифровых токенов может позволить проектам в сети интернет привлекать средства для развития сети, платформы или сервиса проекта; создавать пользовательскую базу; стимулировать рассредоточенные по всему миру сообщества разработчиков участвовать в проекте. Все это говорит о многообразии видов токенов, которые вводятся в оборот через ICO. В научной литературе выделяют три основных вида токенов: платежные, инвестиционные и утилитарные [1, с. 29—44]. Под платежными токенами понимается криптовалюта, наиболее популярным представителем которой является биткойн. Утилитарные токены позволяют их владельцам получить доступ к определенной услуге, использованию программы и т. д. Их выпуск осуществляется прежде всего для привлечения и удержания клиентской базы, а также получения финансирования проекта в обмен на предоставление некоего потребляемого блага. Инвестиционные токены подтверждают право их владельца на участие в каком-либо проекте и обладают схожей правовой природой с акциями и долями [2, с. 34—41]. Заметим, что появление технологии ICO во многом обязано желанию получать инвестиции от неограниченного круга лиц в обход законодательства о рынке ценных бумаг.

В России, несмотря на имеющуюся потребность в правовом регулировании сферы цифровых финансовых активов, законодатель до сих пор не принял соответствующий закон. С одной стороны, это может быть оценено негативно, так как остается вне правовых рамок целая сфера общественных отношений, с другой стороны, такое замедление позволяет изучить опыт иностранных государств, в частности, Китая. КНР является лидером в сфере цифровизации экономики. Как сообщило издание Жэньминь жибао, объем китайской цифровой экономики в 2019 г. достиг 35 трлн юаней, что составило 35,4 % от ВВП страны. Между тем, данное государство негативно относится к ICO (首次代币发行). Хотя Россия идет по пути легализации инвестиционных токенов, важно понимать, почему КНР придерживается абсолютно иного подхода.

В отличие от РФ, КНР осуществляет регулирование общественных отношений посредством принятия подзаконных актов, которые «легко и быстро принимаются и так же легко и быстро отменяются» [3, с. 40]. Сфера цифровых токенов не стала исключением. Народным

Банком КНР (далее — НБ КНР) совместно с другими ведомствами 04.09.2017 было принято Извещение «О мерах по предотвращению рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования» (关于防范代币发行融资风险的公告). В ст. 1 данного документа закреплено, что финансирование посредством ICO — это акт незаконного финансирования. Действительно, если обратиться к Мерам «О запрете незаконных финансовых учреждений и незаконной финансовой деятельности» (非法金融机构和非法金融业务活动取缔办法), то из ст. 4 следует, что запрещено любое привлечение средств от инвесторов без получения разрешения в соответствии с законом. Нарушители данного запрета согласно ст. 22 Мер подлежат привлечению к уголовной ответственности, если в их действиях содержится состав преступления, например, мошенничество. Если преступление не совершено, то НБ КНР конфискует незаконные доходы и налагает штраф в размере не менее суммы незаконных доходов, но не более чем в 5 раз превышающий сумму незаконных доходов; если незаконных доходов нет, то налагается штраф в размере от 100 до 500 тыс. юаней.

В ст. 4 Извещения «О мерах по предотвращению рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования» закреплено, что банкам и иным финансовым организациям Китая следует прекратить обслуживание бирж по обращению токенов и не открывать им счета. Нарушители этого требования согласно ст. 24 Мер «О запрете незаконных финансовых учреждений и незаконной финансовой деятельности» несут риск конфискации незаконных доходов и привлечения к административной ответственности с наложением штрафа в размере не менее суммы незаконных доходов, но не более чем в 5 раз превышающего сумму незаконных доходов; а если незаконных доходов нет, то в размере от 100 до 500 тыс. юаней. В отношении должностных лиц и сотрудников организации должны быть приняты дисциплинарные меры.

Извещение «О мерах по предотвращению рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования» в ст. 3 закрепляет, что компетентные органы должны блокировать сайты и мобильные приложения, которые используются для привлечения средств на проведение ICO. Учитывая то, что ICO осуществляется с

использованием технологии блокчейн, таким компетентным органом является Управление по вопросам киберпространства КНР. В 2019 г. оно издало «Положение об управлении информационными услугами на базе блокчейн» (区块链信息服务管理规定), которое закрепляет жесткие требования для тех, кто осуществляет использование блокчейн технологий, в том числе, необходимость информировать Управление о запуске каких-либо новых продуктов, приложений или функций. Такое требование предотвращает возможность появления китайских продуктов, позволяющих проводить ICO.

Извещение «О мерах по предотвращению рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования» содержит понятие виртуальных валют, под которыми понимаются монеты, используемые в финансировании ICO, не выпускающиеся монетарными властями, не имеющие денежных атрибутов, таких как юридическая компенсация и обязательный характер, не имеющие равного правового статуса с валютами, которые не могут и не должны распространяться и использоваться на рынке в качестве валюты. Примечательно, что понятие виртуальных валют (虚拟货币) смешивается в рассматриваемом документе с понятием токенов (代币), что размывает границу между криптовалютами и инвестиционными токенами. Между тем, исходя из содержания документа, все же можно сделать вывод, что виртуальные валюты — это, прежде всего, средства, за счет которых происходит финансирование ICO и в обмен на которые инвестору предоставляются цифровые монеты (токены). Поэтому под инвестиционными цифровыми токенами будем понимать те цифровые финансовые активы, которые вводятся в оборот через ICO и целью выпуска которых является привлечение финансов без предоставления взамен потребляемого права.

Указанная ситуация демонстрирует, что НБ КНР не сформулировал четких критериев, позволяющих отличить криптовалюту от иных цифровых токенов, возможно именно это является одной из причин, объясняющих запрет ICO. Примечательно, что в России данная проблема тоже не решена. Поэтому исследователи, говоря об отечественном проекте закона «О цифровых финансовых активах» отмечают, что «экономическая природа понятия “цифровой финансовый актив” противоречит его правовому опре-

делению и предполагаемому в проектах законов правовому режиму» [4, с. 23—28].

Извещение «О мерах по предотвращению рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования» является не единственным актом НБ КНР в рассматриваемой сфере. В 2018 г. он совместно с рядом других ведомств опубликовал Извещение «О предупреждении рисков против незаконного сбора средств посредством использования наименований виртуальная валюта и блокчейн» (于防范以“虚拟货币”“区块链”名义进行非法集资的风险提示). В Извещении обращается внимание на то, что ICO может использоваться для создания мошенничества. Указывается, что это современный способ реализации «схемы Понци», то есть финансовой пирамиды, основывающейся на том, что прибыль от проекта, под который собирается финансирование, нулевая, а сам проект не реализуется.

В Извещении также обращается внимание на то, что некоторые правонарушители создают веб-сайты, арендуя зарубежные серверы для осуществления деятельности в КНР. При этом они предлагают услуги посредника, «помогая» китайским гражданам от их имени инвестировать в «высокодоходные» зарубежные блокчейн проекты. Понятно, что собранные таким способом средства уже никогда не вернутся к инвестору. В этом плане представляет интерес то, как китайские суды реагируют на иски обманутых инвесторов. Так, в своем решении Народный суд средней ступени г. Санья указал, что так как указанные операции не являются законными, то граждане, торгующие виртуальными валютами, должны сами нести свои риски, а значит, инвестиционные операции заявителя не защищены законом (см.: 张也芳与梁文委托合同纠纷二审民事裁定书).

Аналогичные дела рассматриваются и другими судами. В решении Народного суда средней ступени г. Ханчжоу указано, что физическое лицо поручило другому создать аккаунт для приобретения токенов Markcoin, для чего произвело перечисление ему денежных средств. Аккаунт был создан, цифровые токены зачислены на счет, но желаемой прибыли в виде денег инвестор не получил. В этом деле суд указал, что иных обязательств, кроме как передачи и покупки кода активации токенов, между сторонами не существует. Требования истца о взыскании обещанных, но не полученных им доходов не

могут быть удовлетворены, так как не может быть взыскан доход от незаконной деятельности (см.: 李玲亚、曹杏贤委托理财合同纠纷二审民事判决书). Отдельный интерес представляет решение Народного Суда средней ступени г. Уси провинции Цзянсу. Суд указал, что в соответствии со ст.ст. 122 и 153 «Основных положений гражданского права» перевод средств, основанный на инвестировании виртуальной валюты между двумя сторонами, должен быть признан недействительным из-за нарушения обязательных положений законов и административных положений (см.: 5292 何耀新与邓邵杰不当得利纠纷二审民事判决书). Как видим, в данном решении суд не просто отказал в защите, но и указал на недействительность заключенного между сторонами договора.

Анализ судебной практики КНР показывает, что в Китае владельцам цифровых инвестиционных токенов защита не предоставляется. Государство не признает их интересы законными и не поощряет инвестиционную деятельность с использованием блокчейн технологий. Возможно, такой подход используется для того, чтобы показать гражданам, что использовать цифровые инвестиционные токены не стоит. Однако это может стимулировать их использовать другие юрисдикции для защиты своих прав. Ведь как верно отмечают исследователи, надзор или запрет цифровых токенов со стороны государства не могут играть существенную роль в регулировании ICO, так как это приведет к тому, что инвестор перенаправит поток своих средств в страны со свободными правилами оборота токенов [5, с. 16].

Решение НБ КНР о запрете ICO в виду указанного выше подвергается критике. Так, некоторые китайские исследователи предлагают не запрещать использование цифровых инвестиционных токенов, а сделать процесс их выпуска контролируемым [6, с. 63—67]. Действительно, в этом случае инвесторы получат защиту, а кредиторы смогут провести взыскание с должников, хранящих свои сбережения в цифровых токенах. Включение цифровых токенов в объекты гражданских прав также заложит правовую основу для создания системы регулирования налогообложения таких объектов [7, с. 23]. В этой связи китайские исследователи предлагают провести правовой эксперимент, разрешив проводить ICO ограниченному кругу лиц [8, с. 52].

Таким образом, опыт КНР показывает, что запрет ICO ведет к тому, что граждане рискуют лишиться своих средств. С одной стороны, это выступает своеобразным наказанием за неисполнение запрета, установленного Народным Банком КНР, и позволяет не допустить перегрева финансового рынка. С другой стороны, инвесторы будут уходить в юрисдикции, где разрешено использование цифровых токенов. В такой ситуации государству важно определиться с тем, что является более безопасным для национальной экономики.

Библиографический список

1. *Новоселова Л.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12.

2. *Цинделиани И.А.* Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // Юрист. 2019. № 3.

3. *Трощинский П.В.* Законодательное развитие нового Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5—1.

4. *Белых В.С., Болобонова М.О.* Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3.

5. *Ли Хай, Ху Лукэ.* Переосмысление надзора за первичным предложением монет (ICO) — с точки зрения действующего законодательства Германии (Шоуцы дай би фасин (ICO) цзяньгуань цзай сыкао — и дэго сяньсинфа вэй шицзяо) // Цайцзин фасюэ. 2019. № 2.

6. *Лунь Бэй.* Международный опыт надзора ICO и выбора пути Китая (ICO цзяньгуань дэ гоцзи цзинянь юй вого дэ луцзин сюаньцзэ) // Цзиньжун фачжань яньцзю. 2018. № 8.

7. *Чжан Цзяньвэнь.* Как регулировать цифровые финансовые активы: криптовалюты и смарт-контракты — комментарий к проекту «Закона о цифровых финансовых активах» Российской Федерации (Жухэ гуйчжи шуцзы цзиньжун цзычань: цзями хоби юй чжинэн циюэ — элосы ляньбан «шуцзы цзиньжун цзычань фа цао'ань пиншу») // Шанхай чжэнфа сюэюань сюэбао (фачжи лунь цун). 2018. № 5.

8. *Чэнь Чжиминь, Цзян Ливэнь.* Размышления о запрете ICO и надзоре за инновациями в сфере финансов (ICO бэй цзинь ся дэ цзиньжун схуансинь юй цзяньгуань дэ фалюй сыкао) // Фуцзянь цзиньжун гуаньли ганьбу сюэюань сюэбао. 2018. № 3.

References

1. *Novoselova L.* «Tokenizatsiya» obyektov grazhdanskogo prava [Tokenization of civil law objects] // Business and Law. 2017. № 12.

2. *Tsindeliani I.A.* Pravovaya priroda tsifrovykh finansovykh aktivov: chastno-pravovoy aspekt [The Legal Nature of Digital Financial Assets: A Private Law Aspect] // Jurist. 2019. № 3.

3. *Troshhinskij P.V.* Zakonodatelnoye razvitiye novogo Kitaya [Legislative Development in the New China] // The Far Eastern Affairs. 2019. № 5—1.

4. *Belykh V.S., Bolobonova M.O.* Problemy opredeleniya pravovogo rezhima kriptovalyut [The problems of determining the legal regime for cryptocurrencies] // Journal of entrepreneurship and corporate law. 2019. № 3.

5. *Li Hai, Hu Luke*. Shouci dai bi faxing (ICO) jianguan zai sikao — yi Deguo xianxingfa wei shijiao [Rethinking Initial Coin Offering (ICO) Oversight — From the Perspective of Current German Law] // Caijing Faxue. 2019. № 2.

6. *Lun Bei*. ICO jianguan de guoji jingyan yu wo guo de lujing xuanze [International experience in ICO supervision and China's path choices] // Jinrong fazhan yanjiu. 2018. № 8.

7. *Zhang Jianwen*. Ruhe guzhi shuzi jinrong zichan: jiamihuobi yu zhi neng qiyue — Eluosi lianbang “shuzi jinrong zichan fa cao’an pingshu” [How to regulate digital financial assets: cryptocurrencies and smart contracts — commentary on the draft Law “On Digital Financial Assets” of the Russian Federation] // Journal of Shanghai University of Political Science & Law (The Rule of Law Forum). 2018. № 5.

8. *Chen Zhimin, Jiang Liwen*. ICO bei jin xia de jinrong sihuanxin yu jianguan de falu sikao [Reflections on ICO Ban and Supervision of Innovation in Finance] // Fujian jinrong guanli ganbu xueyuan xuebao. 2018. № 3.

Н.В. Анисимцев

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО КНР: БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ И НОРМЫ

Аннотация. В статье анализируется система патентного законодательства КНР на современном этапе. Рассматриваются вопросы: субъекты и объекты регулирования, условия присуждения прав патентообладателя, процесс подачи заявки и получения патентных прав, содержание патентных прав и их ограничения, методы защиты названных прав.

Субъекты патентовладения — изобретатели, организации по месту изобретения, законные правопреемники,; иностранцы. Объектами патентного права являются изобретения, полезные модели, промышленные образцы/дизайн. Многоступенчатый процесс присуждения патентных прав.

Специально анализируются условия выдачи государством принудительных лицензий на использование патентов, а также, прекращения патентных прав. Дается характеристика действий, которые подпадают под определение нарушения патентных прав. Представлены и конкретные примеры, когда несанкционированное использование патента не рассматривается как нарушение прав и не требует компенсации. Перечисляются основные пути защиты прав в случае их нарушения.

Ключевые слова: КНР, патентное право, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, патентообладатели, принудительная лицензия, нарушение патентных прав, пути защиты прав, компенсации.

Автор: *Анисимцев Николай Владимирович,* кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН.

E-mail: nickans1@mail.ru

Anisimtsev Nikolay V.

PATENT LAW OF PRC: BASIC CATEGORIES AND REGULATIONS

Abstract. The article analyzes the system of patent legislation of the PRC at the present stage. The following issues are presented: subjects and objects of regulation, conditions for awarding the rights of the patent owner, the process of applying for and obtaining patent rights, the content of patent rights and their limitations, and methods for protecting those rights.

Subjects of patent ownership ? inventors; organizations at the place of invention; legal successors; foreigners. The objects of patent law are inventions, utility models and industrial designs. Multi-stage process for awarding patent rights.

Special analysis is made of the conditions for issuing compulsory licenses for the use of patents by the state, as well as the termination of patent rights. The characteristic of actions that fall under the definition of patent infringement is given. Specific examples are also presented when unauthorized use of a patent is not considered as a violation of rights and does not require compensation. The main ways to protect rights in case of violation are listed.

Keywords: PRC, patent law, inventions, utility models, industrial designs, patent owners, compulsory license, patent infringement, ways to protect rights, compensation.

Author: *Anisimtsev Nikolay V.*, Ph.D (of History), Senior Research Fellow of the Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: nickans1@mail.ru

Действующее законодательство КНР в области патентно-правового регулирования опирается на два основных документа. Это «**Закон КНР о патентах**» (中华人民共和国专利法) (Чжуанлифа) (принят ПК ВСНП 12.03.1984, с последующими изменениями от 04.09.1992, 25.08.2000 и 27.12.2008) [1], который содержит восемь глав, объем-

лющих 76 статей, и «**Подробные правила применения Закона КНР о патентах**» (专利法实施细则) (Чжуанлифа шиши сицзэ) (приняты Государственным советом КНР 15.06.2001, с последующими изменениями от 28.12.2002 и 09.01.2010) [2], содержащие 11 глав, включающих 123 статьи.

В документах представлены основные вопросы, как то: субъекты и объекты регулирования, условия присуждения прав патентообладателя, процесс подачи заявки и получения патентных прав, содержание патентных прав и их ограничения, методы защиты названных прав.

Субъектами патентного права являются лица, получившие патентное право и принявшие соответствующие обязанности. К ним относятся четыре основных группы лиц.

Во-первых, изобретатели или создатели проекта — лица, непосредственно участвовавшие в творческой изобретательской деятельности или разработке дизайна и внесшие творческий вклад в создание нового знания или технологий. Изобретателями и проектировщиками не считаются лица, которые осуществляли организационную работу, предоставляли материально-технологическое содействие, выполняли всякую иную вспомогательную работу.

Во-вторых, субъектом может стать и организация по месту пребывания изобретателя, создателя проекта. Если изобретение или проект были выполнены в процессе исполнения обязанностей работы по найму или, главным образом, путем использования материалов и технических средств, принадлежащих нанимателю, и если наниматель заключил с изобретателем или проектировщиком соглашение, что право на подачу заявки на патент будет принадлежать нанимателю, то изобретение или проект считаются служебными, наниматель подает заявку на регистрацию патента и после одобрения заявки становится собственником изобретения.

Третье — законные правопреемники. Это физические лица или организации, получившие права патентовладельца путем заключения контракта или получения наследства. Поскольку закон рассматривает патентное право как разновидность прав собственности, то наследники или стороны договора могут стать законными правообладателями.

Четвертое — иностранцы. Согласно законодательству Китая и международным соглашениям, иностранные государства и иностранные организации, которые находятся постоянно или ведут бизнес на китайской территории, получают на китайской территории принцип национального обращения. Если они не находятся постоянно на китайской территории или не ведут здесь бизнес, они должны подпадать под соглашения, заключенные их государством с Китаем, или международные соглашения, в которых оба государства являются участниками, или они получают характер субъектов патентного права по принципу взаимности.

Объектами патентного права являются изобретения, полезные модели, промышленные образцы/дизайн. Понимание данной правовой категории в китайском патентном праве соответствует традиционным и универсальным дефинициям.

Присуждение прав патентовладения предполагает соответствие ряду требований, условий. Три основных критерия патентоспособности — новизна изобретения, изобретательский уровень, и наконец, практичность (т. е. промышленная применимость).

Критерий новизны понимается достаточно традиционно. Нужно отметить, что критерий новизны сохраняется и не утрачивается, даже если в течение шести месяцев до подачи заявки об изобретении имели место следующие события или обстоятельства. А именно: если изобретение или полезная модель уже выставлялись ранее на выставке, проводимой под управлением правительства КНР или на авторитетной международной выставке. Также, если изобретение было представлено на официальной научной или технологической конференции. Или, если вдруг некий иной человек без согласия подателя заявки самочинно разгласил содержание изобретения. Во всех перечисленных случаях новизна изобретения не считается утраченной; однако, несколько умаляются юридические права подателя заявки: заявку на данное изобретение в таких случаях могут подать и иные лица.

Изобретение или полезная модель должны продемонстрировать и достойный изобретательский уровень, новаторский «шаг»: новшество обладает качественной новизной и обеспечивает значимый

прогресс в данной сфере, оно не вытекает очевидным образом из ранее известной информации.

Критерий практичности отражает применимость новшества в производстве и его способность дать значительный эффект.

Процесс подачи заявки на регистрацию и присвоения прав патентовладения имеет длительный и многоступенчатый характер.

Он начинается с подачи заявки. Днем подачи заявки считается день отправления заявки по почте, указанный на почтовой марке. Если дата на почтовой марке не ясна, не читаема, то за день подачи заявки принимается день получения конверта в Патентном бюро (в крайнем случае, податель заявки должен каким-либо иным способом подтвердить дату отправления). Или же день получения заявки непосредственно в Патентном бюро становится датой получения заявки.

В случае, если двое и более заявителей раздельно подают заявку на одинаковое изобретение, то патентное право вручается самому первому заявителю. На одно и то же изобретение может быть присвоен только один патент.

Практика подачи заявок на регистрацию патента в КНР обычно такова: новшество одновременно оформляется и подается и на патент изобретения, и на патент полезной модели, заявка на оба варианта регистрации подается в один день, при этом необходимо сообщить, что подана параллельная заявка на изобретение или модель. В случае, если получен отказ на регистрацию полезной модели, то может сработать регистрация изобретения, или наоборот.

Правила установления приоритета. Приоритет устанавливается по дню подачи первой заявки. Международный приоритет устанавливается: в случае первой подачи за рубежом патентной заявки на изобретение или полезную модель — в течение 12 месяцев со дня подачи; или в случае первой патентной заявки на дизайнерский образец — в течение 6 месяцев со дня подачи заявки; а также, при подаче таких же заявок внутри Китая — на основе взаимных консультаций между Китаем и иностранным государством или же по международному соглашению, в котором обе стороны участвуют.

Если заявитель на патентное право на изобретение, полезную модель (исключая дизайн), впервые подает патентную заявку в Китае — то в течение 12 месяцев с этого дня.

Подача зарубежных заявок может подчиняться ряду особых правил.

Если иностранец, иностранное предприятие или иные иностранные организации (включая жителей районов Сянган, Аомень, Тайвань), не имеющие регулярного проживания или бизнес-площадки в Китае, подают заявку на патент в Китае или совершают другие действия, касающиеся патентовладения в Китае, они должны поручить ведение своих дел законно учрежденному патентному агентству. Если китайская организация или индивид намерены подать заявку на патент в Китае или совершают другие действия, касающиеся патента в Китае, они могут (но не обязаны) поручить ведение их дела законно учрежденному патентному агентству (но могут и сами подавать заявку).

Любая организация или индивид, намеревающиеся подать заявку на патент в иностранном государстве на изобретение или полезную модель, совершенные и созданные в Китае, должны передать вопрос в отдел управления патентами при Госсовете для проверки на конфиденциальность. Такая проверка осуществляется соответственно процедурам, временным условиям, и т. п., установленным Госсоветом.

Принятие к рассмотрению. После принятия заявки на патент в Патентном бюро — следует процесс рассмотрения.

Первичное рассмотрение. Объектом первичного рассмотрения являются изобретения, полезные модели, дизайн. Если применительно к полезным моделям, дизайну после первичного обследования не выявлено причин для отказа, то может быть принято решение о присвоении патентного права.

Рассмотрение по существу. Объектом рассмотрения по существу может быть лишь патентная заявка на изобретение. В течение 3 лет со дня подачи заявки заявитель может в любое время запросить приступить к рассмотрению по существу. Если заявитель без законных причин просрочил и не запросил рассмотрение, считается, что заявка отклонена. Когда Патентное бюро считает необходимым, оно может, полагаясь на свои полномочия, автоматически приступить к рассмотрению.

Присуждение прав патентовладения. Через рассмотрение по существу патентной заявки, через первичное обследование полезной

модели, дизайна, если не выявлено причин для отказа, Патентное бюро государства принимает решение о присвоении права патентовладения.

Право патентовладения действительно со дня опубликования.

Правила присвоения. Одна патентная заявка на изобретение или полезную модель должна ограничиваться одним изобретением или полезной моделью. Принадлежащие к одной общей концепции два и более изобретения или полезные модели могут быть представлены в одной заявке.

Одна патентная заявка на дизайн должна быть ограничена одним дизайном. Два и более сходных дизайнерских решений в одном продукте, или же два и более дизайнерских/ промышленных образца в изделии, если они являются однородными, а также, используются в одном комплекте, могут быть поданы в одной заявке.

Повторное рассмотрение и апелляция. При несогласии с отказом Патентного бюро на заявку, можно в течение 3-х месяцев со дня получения уведомления потребовать повторного рассмотрения заявки Комитетом по апелляциям на патенты. При несогласии с решением по апелляции можно в течение трех месяцев со дня получения уведомления подать административную апелляцию в Народный суд.

Подача заявки связана и с определенными платежами — плата за подачу заявки и плюс ежегодные платежи в «СНИПА» за патент, также, дополнительные платежи.

Аннулирование и прекращение прав патентовладения. Признание прав патентовладения недействительными (аннулирование) означает, что они считаются изначально не существовавшими.

Однако, перед тем как Народный суд признает патентное право недействительным, он принимает решения для урегулирования уже осуществляемых или должных осуществляться споров по нарушениям патентных прав, споров как материального, так и процессуального характера. Поскольку же речь касается уже реализованных договоров-лицензий на использование патента или о передаче (цессии) патента, то они не имеют обратной силы.

Прекращение по закону (законоустановленное). Срок действия патентного права на изобретение ограничен 20 годами, срок патентных прав на полезные модели и промышленные образцы ограничен

10 годами, сроки считаются со дня подачи заявки; по истечении срока право автоматически прекращается. Следует учитывать, что срок охраны патентного права продлен быть не может.

Досрочное прекращение права совершается, когда полагающаяся по закону годовая плата не внесена; обладатель патентного права письменно заявил об отказе от права.

Обладателю патентного права принадлежат *исключительные права на его реализацию.* Никто не имеет права на использование патента без разрешения законного правообладателя, кроме случаев, установленных законом.

Поскольку речь касается изобретений и полезных моделей, дизайна, то запрещается их использовать для производства (производить запатентованную продукцию), также использовать запатентованные методы в производстве и ведении бизнеса, запрещается делать оферты (предлагать другим патентные продукты и технологии), запрещается сбыт и импорт патентованных продуктов без разрешения патентообладателя.

При некоторых обстоятельствах допускается *принудительное использование патента.* Власти императивным образом предоставляют права на патент без разрешения от законного обладателя прав. Необходимость выдачи принудительной лицензии на использование патента может возникать в нижеследующих обстоятельствах.

Прежде всего, если со времени присвоения патентного права прошло три года, или со времени подачи патентной заявки прошло четыре года, но правообладатель патента без законных причин не смог реализовать свое право, использовать патент в полной мере или частично. Или, во-вторых, если реализация патентного права правообладателем определена как монополия и выявлено ее негативное влияние на конкуренцию, она должна быть устранена или ограничена.

Далее, в случае если в стране возникло чрезвычайное положение и общественные интересы требуют пожаловать обязательную лицензию для использования патента на изобретение или полезной модели.

Также, руководствуясь благом общественного здравоохранения, Патентное бюро при Госсовете может пожаловать принудительную лицензию на производство запатентованных лекарств для экспорта.

Наконец, если изобретение или полезная модель, представляют собой большое технологическое достижение заметной экономической значимости, по сравнению с другим более ранним изобретением или полезной моделью, на которые патентные права уже были получены, а эксплуатация первого опирается на эксплуатацию второго (более раннего), то Патентное бюро при Госсовете в отношении заявки, сделанной вторым изобретателем (позже), предоставляет обязательную лицензию на эксплуатацию более ранних изобретения или полезной модели.

При условии, когда принудительная лицензия на эксплуатацию предоставлена в соответствии с условиями предыдущего параграфа, Патентное бюро при Госсовете может и в отношении заявки более раннего патентовладельца выдать принудительную лицензию для использования второго (позже) изобретения или полезной модели.

Получение принудительной лицензии обусловлено рядом прав и обязательств. Лицензиат (получатель лицензии) не имеет монополии на ее использование. Лицензиат не может предоставлять право ее использования каким-либо «третьим» лицам. Лицензиат должен выплачивать лицензиару (обладателю патента) разумное вознаграждение за использование патента. Размер оплаты определяется консультациями двух сторон, либо через судебное решение.

Не любые открытия, нововведения могут быть запатентованы. *Патентное право* в ряде особых случаев *не присваивается.*

Вопросы защиты прав патентовладения в случае их нарушения. Нарушение патентного права означает действия по реализации патента без разрешения патентообладателя. Подобные действия характеризуются следующими особенностями.

Объектом нарушения является действительный патент. Должно наличествовать само действие нарушения, т. е. субъект осуществил объективные действия, нарушающие патентное право другого человека. Нарушение совершено для целей производственной деятельности, но если действия не ставили своею целью производственную деятельность, то они не образуют нарушения. Нарушены положения закона, т. е. субъект совершил патентные действия без разрешения патентообладателя и не опираясь на закон.

Права патентообладателя включают в себя права на производство или деловые цели, изготовление, использование, предложение на продажу, продажу, импорт патентованных продуктов. Нарушение их образует конкретный непосредственный ущерб.

Существует и косвенный ущерб — нарушитель может причинить ущерб и через руководство, провоцирование, подстрекательство, помощь действиям других людей, наносящим ущерб.

В некоторых основных конкретных случаях несанкционированное использование патента не рассматривается как нарушение прав и не требует компенсации.

Согласно статье 69 «Закона о патентах», нижеприведенные ситуации и образ действий не являются правонарушением:

1. В случае полного исчерпания патентного права (например, патент продан);

2. Реализация права приоритетности. То есть до дня подачи заявки на патент любое другое лицо, которое уже производило идентичный продукт, использовало идентичный метод;

3. Временный транзит, т. е. когда и если любые иностранные средства транспорта временно проходят через территорию, территориальные воды, или авиационное пространство Китая, и соответствующий патент используется в устройствах или установках для их собственных нужд;

4. Если любое лицо использует соответствующий патент для целей научного исследования или экспериментов;

5. Когда для целей обеспечения информации, необходимой для административной проверки и одобрения, некое лицо производит, использует, импортирует запатентованные лекарства или патентованную медицинскую аппаратуру и инструменты. Кроме того, когда некое лицо для целей производства и деловых операций использует, предлагает на продажу или продает продукт, нарушающий патент, не зная при этом, что данный продукт произведен и продан без разрешения патентообладателя, он не обязан компенсацией при условии, что законный источник продукта может быть подтвержден.

Размер компенсации за нарушение патентного права должен устанавливаться соответственно действительным потерям, причиненным нарушением. Когда потери патентовладельца и выгоды наруши-

теля не определимы, то народный суд может установить размер компенсации в диапазоне от 10 тыс. юаней до одного миллиона юаней.

Срок апелляции за нарушение патентного права составляет три года, начиная отсчет со дня, когда патентовладелец или заинтересованная сторона узнали или должны были узнать о нарушении.

Практика показывает, что в КНР применяются пять основных методов борьбы с нарушением прав интеллектуальной собственности: Административные действия, гражданская судебная тяжба, уголовное преследование, таможенный арест контрафактного товара, и наконец, частное посредничество с помощью профессионального юриста для урегулирования с нарушителем прав.

Патентное право и его защита в КНР год за годом совершенствуются.

Библиографический список

1. Чжуанлифа [Закон о патентах]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2008-12/28/content_1189755.htm (дата обращения: 12.05.2020).

2. Чжуанлифа шиши сицзэ [Подробные правила применения Закона о патентах]. URL: http://www.sipo.gov.cn/zcfg/zcfgflfg/flfgzl/xzfg_zl/1063512.htm (дата обращения: 12.05.2020).

References

1. Zhuanglifa [Patent Law of the People`s Republic of China]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2008-12/28/content_1189755.htm (accessed: 12.05.2020).

2. Zhuanglifa shishi xize. [Implementing Regulations of the Patent Law of the People`s Republic of China]. URL: http://www.sipo.gov.cn/zcfg/zcfgflfg/flfgzl/xzfg_zl/1063512.htm (accessed: 12.05.2020).

Л.А. Афонина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ ПОСЛЕ XIX СЪЕЗДА КПК

Аннотация. Для решения задач политики китаизации религий власти Китая пересматривают действующие и принимают новые нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность религиозных организаций. Наиболее значительным событием последнего времени в этой связи стало принятие «Положения о религиозной деятельности» в новой редакции, которое вступило в силу в феврале 2018 г. В настоящее время оно представляет собой основной документ, регулирующий религиозную сферу в КНР. Выработка нового Положения была направлена на усиление превентивного контроля в отношении религиозных общин. Был принят и ряд других важных документов, отражающих основные тенденции современной религиозной политики КНР — укрепление руководящей роли партии, повышение роли патриотических религиозных объединений, усиление контроля над общинами на низовом уровне, идеологическое воспитание служителей культа, борьба с незарегистрированными общинами, сдерживание распространения религиозных идей в обществе, регламентация публикаций о религиях в китайском сегменте интернета.

Власти КНР видят в религиях потенциальную идеологическую угрозу. Они связывают религиозный фактор с угрозой национальной безопасности, пропагандой религиозного экстремизма, прово-

кациями внутриполитических конфликтов, террористической деятельностью. Можно говорить о стремлении властей КНР загнать религии в некое гетто, обозначить для их деятельности рамки и установить унифицированные правила их функционирования, чтобы таким образом обеспечить идеологическую безопасность религий и снизить их влияние на общество.

Ключевые слова: религия, единый фронт, китаизация религий, отдел единого фронта, ГУДР, административная реформа, Положение о религиозной деятельности, цензура, идеологическая борьба.

Автор: *Афонина Любовь Александровна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: liubov.afonina@gmail.com

Afonina Liubov A.

LEGAL REGULATION OF THE RELIGIOUS SPHERE AFTER THE 19TH CPC NATIONAL CONGRESS

Abstract. To achieve the goals of the policy of sinicization of religions, the authorities of China are reviewing existing and adopting new legal acts regulating the activities of religious organizations. The most significant recent event in this regard has been the adoption of a new version of the Regulation on Religious Affairs, which came into effect in February 2018. At present, it is the main document regulating the religious sphere in China. The development of the new Regulation was aimed at strengthening preventive control in relation to religious communities. A number of other important documents were adopted reflecting the main trends of the PRC's modern religious policy — strengthening the party's leadership, increasing the role of patriotic religious associations, strengthening control over communities at the grassroots level, ideological education of clergy, combating unregistered communities, restraint the spread of religious ideas in society, and regulation of publications on religions in the Chinese segment of the Internet.

Chinese authorities regard religions as a potential ideological threat. They associate the religious factor with a threat to national security, propaganda of religious extremism, provocations of internal political conflicts, and terrorist activities. We can talk about the attempt of the authorities of the PRC to drive religions into a certain ghetto, to designate a framework for their activities and establish unified rules for their functioning, so as to ensure the ideological security of religions and reduce their impact on society.

Keywords: religion, United front, sinicization of religions, United Front Work Department, SARA, administrative reform, Regulation on Religious Affairs, censorship, ideological struggle.

Author: *Liubov Afonina*, PhD (History), staff scientist at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: liubov.afonina@gmail.com

На XIX съезде КПК (18—24 октября 2017 г.) генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин выступил с докладом, в котором призвал усилить власть партии и повысить уровень ее руководства. В соответствии с решениями съезда было запущено реформирование системы власти, содержание которого было определено на 3-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва (26—28 февраля 2018 г.).

Пленум принял «Проект углубления реформы партийных и государственных органов». В частности, было принято решение об упразднении Государственного управления КНР по делам религий (ГУДР) — органа прямого подчинения Госсовету.

ГУДР включили в состав Отдела единого фронта ЦК КПК. Таким образом из органа структуры исполнительной власти Управление превратилось в часть партийного аппарата. При этом для внешнего использования новое подразделение Отдела Единого фронта сохранило свое прежнее название. Аналогичным образом произошло переподчинение управлений и отделов по делам религий и на других уровнях власти.

Усиление руководящей роли КПК в контроле над религиозной сферой было направлено на достижение успеха в реализации курса китаизации религий, провозглашенного в масштабах всей страны. Для решения задач политики китаизации власти пересматривают действующие и принимают новые нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность религиозных организаций.

С 1 февраля 2018 г. в КНР действует **«Положение о религиозной деятельности»** (宗教事务条例) в новой редакции. В настоящее время, оно представляет собой основной документ, регламентирующий религиозную сферу в КНР.

Регулирование религиозной сферы является частью работы с единым фронтом, цель которой заключается в контроле и сдержива-

ния общественных и политических групп, представляющих потенциальную идеологическую опасность для власти КПК.

Выработка нового Положения была направлена на усиление превентивного контроля в отношении религиозных общин. Видя в религиях идеологическую угрозу, власти стремятся обезопасить себя от негативных явлений, причиной которых, по их мнению, могут стать религиозные убеждения. В документе указывается, что религиозный фактор может быть связан с угрозой национальной безопасности, пропагандой религиозного экстремизма, провокациями внутриполитических конфликтов, террористической деятельностью.

Акценты документа отражают тенденции современной религиозной политики КПК — укрепление руководящей роли партии, повышение роли патриотических религиозных объединений, усиление контроля над общинами на низовом уровне, идеологическое воспитание служителей культа, борьба с незарегистрированными общинами, сдерживание распространения религиозных идей в обществе.

Религиозные объединения представляют собой созданные партийной властью центры руководства общинами в рамках административно-территориальной единицы. Они контролируют активность верующих, организуют обучение служителей культа, решают административные задачи, выполняют представительскую функцию. С появлением нового Положения повысились их роль и статус.

Впервые было сформулировано указание на обязанность служителей культа, общин верующих и религиозных учебных заведений подчиняться религиозным объединениям.

В полномочия религиозных объединений включили толкование вероучительных догматов и осуществление религиозно-идеологического строительства. Это стало развитием одной из составляющих провозглашенного в 1950-х годах принципа «трех самостоятельностей» — самостоятельной проповеди. В условиях политики китаизации религий эта составляющая обретает новое значение, раскрывается как независимость в ревизии вероучительных истин с целью соответствия текущему политическому контексту.

Появилась отсутствовавшая в прежней версии Положения отдельная глава, посвященная религиозным учебным заведениям, что демонстрирует повышенное внимание к идеологическому воспита-

нию служителей культа и к теме дальнейшей интерпретации ими доктрин веры.

Только религиозные объединения провинциального уровня могут принимать решения об открытии учебных заведений религиозной направленности. При этом ГУДР регламентирует требования к преподавателям, утверждает правила отбора студентов, правила привлечения иностранных преподавателей и другие вопросы. Объединения уровня провинций имеют монопольное право решать о направлении за границу учащихся и принятии иностранных студентов в религиозные школы Китая.

Несанкционированное религиозное образование после вступления в силу документа карается штрафом в размере от 200 до 300 тыс. юаней. Реализация этого пункта Положения может повлечь принудительное закрытие многочисленных нелегальных семинарий и учебных центров по всей стране.

В китайском законодательстве в качестве первичной религиозной организации регистрируются не общины верующих, а объекты религиозной деятельности (храмы) с их органами демократического управления.

Законодательство КНР позволяет совершать религиозные обряды только в храмах, имеющих государственную аккредитацию. Регистрация объекта религиозной деятельности является сложной и многоэтапной процедурой, зависящей от административно-территориальной принадлежности и сопряженной с получением одобрения со стороны религиозного объединения и органов власти.

Бюрократические процедуры регистрации храма часто на практике оказываются непреодолимыми для общин верующих. При этом несогласованное и нелегальное проведение религиозных мероприятий, совершение обрядов в незарегистрированных зданиях теперь карается штрафом от 100 до 300 тыс. юаней.

В новом Положении впервые говорится о возможности регистрации объекта религиозной деятельности и религиозного учебного заведения в качестве юридического лица, для чего также требуется согласие курирующего религиозного объединения и отдела по делам религий соответствующего административно-территориального уровня.

Объекты религиозной деятельности обязаны формировать орган демократического управления, члены которого избираются в результате демократических консультаций и подлежат постановке на учет в органе регистрации. Таким образом, власти имеют возможность влиять на состав руководящих групп в общинах.

Впервые в обязанность органа демократического управления вменяется отчитываться перед отделом по делам религий уездного уровня о фактах нарушения общественного порядка внутри храмов и прочих происшествиях.

Положение обязывает объекты религиозной деятельности принимать контроль со стороны органов власти в отношении финансовых, имущественных, санитарно-эпидемиологических вопросов, вопросов общественной безопасности, пожарной безопасности, сохранения культурного наследия и пр. Очевидно, что любой из перечисленных аспектов может использоваться в качестве аргумента в пользу закрытия храма в случае необходимости.

Акцентируется, что религиозную деятельность могут возглавлять только служители, имеющие специальное свидетельство, т. е. получившие признание религиозных объединений и органов государственной и партийной власти. Остается неясным, что в данном случае подразумевается под религиозной деятельностью, и может ли человек без свидетельства возглавлять общую молитву (например, в христианстве — мирским чином), коллективное чтение вслух священных книг или пение религиозных песен, беседы на тему веры.

Не имеющие официального статуса религиозного служителя люди, совершающие несанкционированные обряды или иные противоправные действия, в том числе направленные на вымогательство денег у граждан, подвергаются штрафу до 10 тыс. юаней.

В целях ограничения влияния религий на общество общинам категорически запрещается ведение проповеди вне стен храмов.

Для проведения религиозных мероприятий за пределами храма или межрегиональных мероприятий нужно получить разрешение. Соответствующее ходатайство за 30 дней до проведения должно быть направлено в отдел по делам религий городского уровня, который в 15-дневный срок проводит согласование с орга-

нами общественной безопасности. При положительном решении информация регистрируется в отделе по делам религий провинциального уровня. Такая мера значительно затрудняет легальное проведение, например, панихид на кладбище, соборование дома и другие обряды.

Несогласованное открытие храмов, ведение деятельности в лишенных регистрации храмах, самовольное открытие религиозных учебных заведений пресекается отделом по делам религии совместно с органом общественной безопасности с изъятием незаконного имущества.

Отдельное внимание уделяется вопросу распространения печатной продукции. Религиозные организации могут производить печатную продукцию для внутреннего использования и не имеют права распространять ее вне своих пределов. Ввоз религиозной атрибутики и книг на территорию Китая частными лицами ограничивается объемом, предполагаемым для личного использования. Ввозимая печатная продукция сверх нормы подлежит конфискации.

В светских учебных заведениях запрещается любая религиозная практика. Проповедь в учебных заведениях карается отзывом лицензии, а при наличии состава преступления привлечением к уголовной ответственности.

В текущей версии Положения появились статьи, затрагивающие миссионерскую деятельность в интернете. Теперь для публикации информации религиозного содержания в сети необходимо получить одобрение отдела по делам религий народного правительства уровня провинции и выше.

Одним из акцентов нового документа стала борьба с коммерциализацией религий. Подчеркивается, что религиозные объединения, учебные заведения, храмы и монастыри являются некоммерческими организациями. Их имущество и доход не подлежат распределению, должны использоваться в соответствии с уставными целями и на благотворительность. Никакие организации и частные лица, жертвовавшие на строительство храма, не могут иметь прав владения, пользования или получения дивидендов. Используемые общинами помещения, здания и строения не могут передаваться, закладываться или выступать в качестве объекта инвестирования.

В документе содержится ряд пунктов, направленных на сужение пространства для деятельности незарегистрированных общин. Наиболее подрывающим основы их существования стало внедрение штрафов в размере от 20 до 200 тыс. юаней в отношении лиц, предоставляющих условия для нелегальных молитвенных собраний. Под ними в первую очередь подразумеваются арендодатели помещений. В городах долгое время существовали многоэтажные здания, специализирующиеся на аренде помещений для молитвенных собраний. Сложности с арендой помещений, возникшие у общин после принятия документа, значительно сказались на их деятельности.

Новым Положением запрещается получение пожертвований религиозными организациями, не имеющими официального статуса. Такое указание ставит под удар существование подпольных общин в их прежнем виде.

Отмечается, что не имеющим статуса религиозной организации общинам не разрешается организовывать выезд граждан за рубеж для участия в религиозных мероприятиях, конференциях, тренингах. Несанкционированные коллективные выезды за рубеж с паломническими целями подлежат пресечению отделами по делам религий совместно с органами общественной безопасности с наложением штрафа от 20 тыс. до 200 тыс. юаней.

В последние годы подпольные протестантские и различные псевдохристианские организации проводили мероприятия для верующих в Гонконге, на Тайване, в Тайланде, Сингапуре. Ранее власти в разных регионах практиковали задержания в аэропорту или конфискацию паспортов у граждан перед поездками за границу с религиозными мотивами. Теперь у чиновников появляется формальный повод препятствовать подобным выездам.

Религиозные деятели и организации имеют право заниматься благотворительностью. Однако в новом Положении появился запрет заниматься социальной благотворительностью в целях проповеди веры. Этот пункт может стать удобным предлогом для расправы с неугодными подпольными общинами, поскольку многие из них ведут активную социальную работу. В то же время он направлен и против привлечения через благотворительность новых адептов официальными зарегистрированными храмами.

Статья об ответственности в отношении тех, кто «принимает управление внешних сил» и «принимает священный сан от иностранных религиозных организаций без согласования» демонстрирует нежелание китайской стороны уступать в деле рукоположения епископов католической церкви Китая и ставит под сомнение скорую нормализацию отношений между КНР и Ватиканом.

Органы власти осуществляют контроль в отношении финансов религиозных организаций. Органы демократического управления храмами должны отчитываться перед отделами по делам религий о своих доходах и расходах, об использовании пожертвований.

Положение разрешает религиозным организациям принимать пожертвования. При этом содержится новое предписание, согласно которому о пожертвованиях от иностранных организаций или физических лиц, превышающих 100 тыс. юаней, нужно сообщать местному отделу по делам религий.

Новой политической мерой стала возможность согласования временных мест для молитвы и религиозных обрядов в условиях активной застройки и расширения городов. Такая мера может быть применима, например, к мусульманам, временно выполняющим работы в регионе, где нет мечетей.

Возможно, этой мерой власти надеются посредством давления и пропагандисткой работы определить под управление религиозных объединений часть незарегистрированных общин со статусом временных молитвенных собраний. В последние годы участилась практика проведения доверительных бесед представителями органов безопасности и отделов по делам религий с лидерами неофициальных церквей, в которых им рекомендуется подать ходатайство на регистрацию общины.

Для регламентации выдачи разрешений на открытие временных молитвенных собраний 22 февраля 2018 г. ГУДР были приняты и вступили в силу **«Правила утверждения временных молитвенных собраний»** (宗教临时活动地点审批管理办法).

В документе подчеркивается, что организаторами религиозных мероприятий могут выступать только общины зарегистрированных храмов, религиозные объединения и религиозные учебные заведения. При этом при отсутствии храма на определенной территории,

но при наличии потребности у граждан участвовать в регулярных религиозных мероприятиях можно обратиться в отдел по делам религий с прошением об открытии места временных молитвенных собраний.

Такое ходатайство может быть подано представителем группы верующих, который обладает гражданской дееспособностью, не имеет судимостей и прописан в районе расположения предполагаемого места собраний общины.

Для открытия временного молитвенного собрания необходимо соответствовать следующим условиям:

1) наличие достаточного количества верующих, нуждающихся в регулярных коллективных религиозных мероприятиях (количество определяется отделом по делам религий уровня провинции);

2) отсутствие на близлежащих территориях храма или временного молитвенного собрания этой же религии;

3) наличие группы ответственных лиц (2—3 человека);

4) наличие законного, отвечающего требованиям безопасности помещения;

5) отсутствие факторов, препятствующих работе соседних предприятий, учебных заведений, жизни жителей близлежащих домов.

При подаче ходатайства в отдел по делам религий предоставляются следующие сведения:

1) удостоверение личности, выписка из домовой книги представителя группы верующих;

2) копии удостоверений личности, адреса проживания и подписи предполагаемых участников молитвенных собраний;

3) документы, подтверждающие право собственности или пользования на помещения, а также подтверждающие безопасность помещений;

4) время проведения и характер религиозных мероприятий, количество участников;

5) гарантийное письмо от имени ответственных лиц с обязательством следить за соблюдением участниками собраний законов, не препятствовать нормальной жизни близлежащих домов, работе школ и предприятий, а также принимать руководство отдела по де-

лам религий уездного уровня власти, народного правительства волостного уровня и домового/сельского комитета.

Ходатайство об открытии временного молитвенного собрания подается в отдел по делам религий уездного уровня, который письменно запрашивает мнения у местного религиозного объединения и народного правительства волостного уровня.

Отдел по делам религий должен вынести решение в течение 20 дней, в сложных случаях рассмотрение может быть продлено на 10 дней по решению ответственного лица с уведомлением автора ходатайства. При вынесении положительного решения податель ходатайства письменно уведомляется в течение 10 дней с передачей информации в народное правительство, религиозное объединение волостного уровня и отдел по делам религий уровня городов с районным делением. При отказе должно быть подготовлено письменное аргументированное объяснение.

Временные молитвенные собрания регистрируются сроком на 3 года, после чего община может получить продление или подать заявление на регистрацию объекта религиозной деятельности при наличии соответствующих условий.

Общины временных молитвенных собраний не могут: проводить массовые религиозные мероприятия; публиковать и распространять печатные материалы, продавать религиозную атрибутику; возводить скульптуру под открытым небом; помещать религиозную символику на фасадах своих зданий; проводить обучение; вести социальную деятельность; приглашать людей без статуса религиозного служителя для проведения молитвенных мероприятий; принимать материальную помощь от иностранных организаций или частных лиц, позволять иностранцам вести религиозную деятельность в своих помещениях.

Народные правительства волостного уровня обязаны осуществлять контроль в отношении временных молитвенных собраний, а домовые/сельские комитеты содействовать правительствам в осуществлении контроля. Представитель группы верующих обязан на регулярной основе предоставлять в народное правительство волостного уровня отчеты о проводимой деятельности и финансах.

Религиозные объединения выполняют курирующую функцию в отношении временных молитвенных собраний. Отдельно отмечается, что владелец помещений, сдаваемых под временные молитвенные собрания, должен следить за ними и своевременно докладывать о возможных незаконных действиях.

Другим важным документом стали «**Правила регулирования религиозных объединений**» (宗教团体管理办法). Они были приняты ГУДР 1 ноября 2019 г., обнародованы 20 ноября 2019 г. и вступили в силу 1 февраля 2020 г. Этот документ дополняет соответствующие пункты «Положения о религиозной деятельности».

Религиозные объединения характеризуются в документе как связующее звено между КПК и правительством с одной стороны и верующими и религиозными деятелями с другой. Они обязаны принимать руководство КПК, соблюдать Конституцию и законы страны, придерживаться принципа самостоятельности и независимости от иностранных сил, следовать курсу на китаизацию религий, проводить в жизнь базовые социалистические ценности, отстаивать государственное единство, сплоченность нации, гармонию в религиозной сфере и общественную стабильность.

Религиозные объединения обязаны доносить до служителей культа и верующих информацию о политике КПК, государственных законах и нормативных актах, направлять их по пути социализма с китайской спецификой, защиты руководства КПК и социалистического строя.

Религиозные объединения призваны поддерживать связь с религиозными последователями, собирать и отражать мнения представителей религиозных кругов, защищать законные права и интересы верующих граждан и призывать их выполнять свои гражданские обязанности.

Религиозные объединения подотчетны отделам по делам религий. Они отвечают за учреждение и упразднение религиозных объединений, утверждение их уставов, изучение ежегодных отчетов о работе, контроль за соблюдением ими законов в процессе ведения уставной деятельности. Необходимо получение согласия отдела по делам религий при изменении руководящего состава объединения, при проведении ими крупных мероприятий или обучающих про-

грамм, при осуществлении зарубежных контактов, получении в подарок из-за рубежа печатных материалов, видео или аудио продукции, а также денежных средств на сумму свыше 10 тыс. юаней.

Для основания религиозного объединения необходимо пройти процедуру регистрации в народном правительстве при наличии согласия отдела по делам религий по месту регистрации.

Высшим административным органом религиозного объединения является представительное собрание, исполнительным органом — комитет. При большом количестве членов комитета может формироваться постоянный комитет. Представительное собрание, комитет и постоянный комитет должны на регулярной основе проводить совещания для исполнения своих функций.

Глава религиозного объединения и его заместители, секретарь и его заместители, члены комитета избираются и исполняют свои обязанности на основании устава религиозного объединения и государственных постановлений об общественных объединениях.

Глава религиозного объединения избирается сроком на 5 лет с возможностью переизбрания на один срок. Он не имеет права совмещать эту должность с руководством любыми другими общественными объединениями. Глава религиозного объединения обязан быть гражданином КНР и проживать на территории страны, его возраст не должен превышать 70 лет.

Религиозным объединениям позволяется создавать свои отделения и представительства в рамках определенной территории без статуса юридического лица. Вести какую-либо деятельность они могут только от имени религиозного объединения.

Сфера деятельности религиозных объединений общенационального уровня, уровня провинций, автономных районов, городов центрального подчинения включает работу с религиозными учебными заведениями, они выступают их единственными возможными учредителями.

Религиозные объединения играют руководящую роль в отношении первичных религиозных организаций. Под их руководством в храмовых общинах КНР формируются управляющие группы, осуществляется демократическое управление, контроль финансов, а также унифицируется религиозная деятельность. Открытие нового

храма возможно исключительно по ходатайству религиозного объединения.

Религиозные объединения призваны заниматься исследованиями вероучительных книг, а также «религиозно-идеологическим строительством». Перед ними поставлены задачи изыскивать «благоприятствующее социальной гармонии, прогрессу и здоровой цивилизации» содержание в догматах и канонах, истолковывать религиозные постулаты исходя из требований прогресса и развития Китая и в соответствии с традиционной китайской культурой.

Религиозные объединения на основании принятых в 2006 г. «Правил утверждения религиозных служителей» (宗教教职人员认定办法) назначают служителей с регистрацией их данных в отделах по делам религий. Они же ответственны за идеологическую работу со служителями культа.

Для ведения интернет-ресурсов религиозные объединения должны сформировать ответственный за эту работу орган и придерживаться соответствующих нормативных актов.

Вообще китайские власти в последние годы озадачились сдерживанием распространения религиозных идей через интернет-сайты, приложения для смартфонов, блоги, микроблоги, форумы, публичные аккаунты, мессенджеры, потоковое вещание, фото и видеообменники. Си Цзиньпин еще в апреле 2016 г. на Всекитайском собрании по религиозной работе заострил внимание на вопросе присутствия религий в сети Интернет.

А в сентябре 2018 г. был опубликован проект документа **«Меры регулирования интернет-сервисов о религиях»** (互联网宗教信息服务管理办法). Документ пока не принят, однако на основании предварительно опубликованного проекта мы можем отследить основные направления развития политики сдерживания.

Предполагается ввести правило, согласно которому религиозной проповедью в интернете могут заниматься только признаваемые властью религиозные организации. Для деятельности в интернете они должны подать соответствующее ходатайство в отдел по делам религий.

Всекитайские религиозные объединения и организованные ими учебные заведения должны обращаться с ходатайствами такого рода

непосредственно в ГУДР. Все прочие заявители — в отделы по делам религий уровня провинций, которые в течение 20 дней с момента получения ходатайства должны вынести решение — выдать свидетельство или письменный мотивированный отказ.

Предполагается выдача свидетельства сроком на 3 года. Ответственность за печать пронумерованных свидетельств возлагается непосредственно на ГУДР.

На легализованной информационной интернет-площадке о религиях публиковать материалы могут только религиозные служители тех организаций, на чье имя выдано свидетельство. Другие лица не могут использовать этот ресурс для проповеди или распространения информации, также запрещается публиковать ссылки на другие ресурсы.

Не имеющие свидетельства организации или частные лица не должны публиковать статьи о религиях, иллюстрации и записи религиозных служб, обрядов, молитв.

Отделы по делам религий должны контролировать публикации информационных ресурсов о религиях. Они призваны создавать базы незаконных сайтов и блогов и передавать информацию в структуры, отвечающие за безопасность. В рамках своей компетенции контроль над публикациями в интернете о религиях должны осуществлять Канцелярия комитета информатизации и сетевой безопасности, органы общественной и государственной безопасности.

Проект документа запрещает публиковать на ресурсах информацию о религиях подстрекательства к подрыву суверенитета страны, к борьбе против власти КПК, к свержению социалистического строя, к разделению страны, экстремизму, терроризму, национальному сепаратизму, религиозному фанатизму. Также должны пресекаться нападки на религиозную политику КНР, провоцирующую к межрелигиозной или внутрирелигиозной распре, дискриминирующую или оскорбляющую верующих или неверующих граждан информацию. Запрещается пропаганда участия несовершеннолетних в религиозных обрядах и нарушения принципов независимости религиозных организаций от иностранцев. Кроме этого, налагается запрет на распространение религиозной атрибутики, незаконных печатных изданий и материалов, предназначенных для внутреннего пользования;

ведение деятельности, направленной на расширение числа верующих, и т. д.

Принцип независимости Китая в религиозной сфере в проекте документа проявился в запрете публикаций на религиозную тематику в китайском сегменте Интернета иностранными организациям или частными лицами.

При анализе принимаемых китайскими властями в последние годы документов становится ясно, что политика «китаизации религий» направлена не только на изменение вероучительной и обрядовой составляющих с целью адаптации их политическому режиму и китайской традиционной культуре. Современный курс религиозной политики КНР ставит целью сдерживать распространение религиозных идей в китайском обществе, ограничить активность верующих уже сформировавшимися общинами при попытке сузить каналы пополнения их новыми адептами.

Все более жестко пресекается возможность участия несовершеннолетних граждан КНР в религиозной практике. Священнослужители под угрозой аннулирования аккредитации вынуждены ограничивать их доступ в храмы и мечети. Парткомы университетов следят за идеологическим воспитанием студентов, принимая меры для пресечения проповеди в учебных заведениях и участия студентов в религиозных собрания вне университетских стен. Во многих регионах страны власти под разными предлогами добиваются демонтажа религиозной символики с культовых сооружений, сносе храмовых зданий, закрытия мест массовых паломничеств, стараясь сделать храмы, мечети и монастыри менее привлекающими внимание и менее доступными.

Отдельным полем битвы с религиозным влиянием стал интернет, в котором на протяжении многих лет негласно осуществлялся мониторинг публикаций на религиозную тему, подвергавшихся цензуре в случае необходимости. В настоящее время власти КПК стремятся формализовать и ужесточить работу в этом направлении.

Особое внимание уделяется незарегистрированным общинам. С одними власти непримиримо борются, других стремятся подчинить религиозным объединениям. За деятельностью как официальных, так и неофициальных общин осуществляется пристальный

контроль на все уровнях власти, современными партийными идеологами акцентируется необходимость усиления контроля над верующими на низовом уровне как со стороны государственных, так и партийных структур.

Можно говорить о стремлении властей КНР загнать религии в некое гетто, обозначить для их деятельности рамки и установить унифицированные правила их функционирования, чтобы таким образом обеспечить идеологическую безопасность религий и снизить их влияние на общество.

Библиографический список

1. *Бородич В.Ф.* Современная административная реформа и структура Госсовета КНР в 2018 году // Китайская Народная Республика: Политика, Экономика, Культура 2017—2018. М.: ФОРУМ, 2018.

2. Цзунцзяо шиу тяоли [Положение о религиозной деятельности]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm (дата обращения: 12.05.2020).

3. *Афонина Л.А.* «Положение о религиозной деятельности» 2018 года в КНР» // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. Сс. 138—154.

4. Цзунзцяо линьши ходун дидянь шэньпи гуаньли баньфа [Правила утверждения временных молитвенных собраний]. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2018/content_5317120.htm (дата обращения: 12.05.2020).

5. Цзунзцяо туаньти гуаньли баньфа [Правила регулирования религиозных объединений]. URL: http://www.sara.gov.cn/ywdt/322201.jhtml (дата обращения: 12.05.2020).

6. Хуляньван синьси фуву гуаньли баньфа [Меры регулирования интернет-сервисов о религиях] (互联网信息服务管理办法). URL: https://www.lawxp.com/statute/s182202 9.html (дата обращения: 12.05.2020).

References

1. *Borodich V.F.* Sovremennaya administrativnaya reforma i struktura Gossoveta KNR v 2018 godu (Modern administrative reform and structure of the PRC State Council in 2018). Moscow, 2018.

2. Zongjiao shiwu tiaoli (Regulation on religious affairs). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm (accessed: 12.05.2020).

3. *Afonina L.A.* Polozhenie o religioznoj deyatel'nosti» 2018 goda v KNR (Regulation on religious affairs in PRC 2018) // Far Eastern Affairs. 2018. № 5. Pp. 138—154.

4. Zongjiao linshi huodong didian shenpi guanli banfa (Rules on approval of contemporary places for religious activities). URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2018/content_5317120.htm (accessed: 12.05.2020).

5. Zongjiao tuanti guanli banfa (Rules on regulation of religious associations). URL: http://www.sara.gov.cn/ywdt/322201.jhtml (accessed: 12.05.2020).

6. Hulianwang xinxi fuwu guanli banfa (Rules on regulation of Internet-services about religions). URL: https://www.lawxp.com/statute/s1822029.html (accessed: 12.05.2020).

М.А. Амурская

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Аннотация. Представленное исследование раскрывает основные элементы организации правовой системы бухгалтерского учета в КНР. Формирование китайской нормативной правовой базы для учетной деятельности, с одной стороны, тесно связано с экономическими преобразованиями последних 40 лет, с другой, опирается на многовековой национальный опыт нормативно-правового и этического регулирования учетных практик. На современном этапе развития Правительство КНР стремится создать систему законодательства о бухгалтерском учете, которая будет содействовать дальнейшему развитию социалистической рыночной экономики и, одновременно с этим, будет гармонизировать с международными практиками. Автор делает особый акцент на том, что китайская нормативная правовая система учетной деятельности развивается в согласии с экономическими реформами в стране и приводит примеры пересмотра Закона о бухгалтерском учете версий 1985 г., 1993 г. и 1999 г.

Автор раскрывает два подхода к представлению системы нормативного правового регулирования учета в Китае. Первый подход представляет собой группировку нормативно-правовых актов по иерархическому принципу согласно уровню государственного органа, который их принял: законы (ВСНП и ПК ВСНП), подзаконный

(Госсовет КНР), методический (нормативный) (Министерство Финансов КНР) и организационный уровень (СНП провинций). Автор также приводит таблицу, в которой по данному принципу сгруппированы основные нормативные правовые акты по бухгалтерскому учету. Второй подход представляет правовую систему бухгалтерского учета в виде крупных тематических блоков: национальные руководящие принципы бухгалтерской работы, законы узкой направленности по видам учета, регламенты корректировки учетных отношений в определенных аспектах хозяйственной жизни, правила управления учетной деятельностью, нормы конкретных хозяйственных практик, местные правила учета. Автор отмечает, что в таком понимании системы бухгалтерского права ключевыми становятся не государственные органы, а такие понятия как «полномочия» бухгалтерского права и «профессиональная этика» бухгалтерского учета. Представленная в таком виде система отражает не взаимоотношения бухгалтерских служб с государственными органами власти, а взаимоотношения между правовой системой бухгалтерского учета и национальной системой управления бухгалтерским трудом.

Ключевые слова: Китай, экономические развитие, бухгалтерский учет, система права, нормативно-правовой акт, бухгалтерский регламент, стандарты бухгалтерского учета, Министерством финансов КНР, бухгалтерский надзор, качество бухгалтерской информации.

Автор: *Амурская Марина Александровна*, к.э.н., доцент Департамента языковой подготовки, Финансовый университет при Правительстве РФ. ORCID: 0000-0003-2497-8209.

E-mail: amurskaiam@mail.ru

Amurskaya Marina A.

ABOUT THE FEATURES OF THE CHINESE ACCOUNTING REGULATORY SYSTEM

Abstract. The presented study reveals the main elements of organization of the accounting legal system in China. The formation of the Chinese regulatory framework for accounting activities, on the one hand, is closely related to the economic transformations of the last 40 years, on the other hand, it relies on the centuries-old national experience in the legal and ethical regulation of accounting practices. At the present stage of development, the Central Government of the PRC is striving to create

a system of accounting legislation that will contribute to the further development of a socialist market economy and, at the same time, will be harmonized with international practices. The author places particular emphasis on the fact that the Chinese regulatory legal system of accounting activities is developing in accordance with the economic reforms in the country and gives revision's examples of the Chinese Accounting Law in 1985, 1993 and 1999.

The author reveals two approaches to presentation of the accounting regulatory system in China. The first approach is a grouping of legal acts in a hierarchical order according to the level of the state body that adopted them: laws (NPC and NPCSC), bylaw (The State Council of the PRC), methodological (normative) (The Ministry of Finance of the PRC) and organizational levels (PC of provinces). The author also gives a table in which, according to this principle, the main regulatory legal acts on accounting are grouped. The second approach represents the legal accounting system in the major thematic blocks: national accounting guidelines, narrow focus laws on types of accounting, rules for adjusting accounting relationships in certain aspects of economic life, accounting management rules, specific business practices, local accounting rules. The author notes that in this understanding of the system of accounting laws, government bodies does not play a key role, and the concepts such as the «powers of accounting law» and the «professional ethics of accounting» become the main ones. The system presented in this form does not reflect the relationship between accounting services and government bodies, but reflect the relationship between the legal system of accounting and the national system of accounting management.

Keywords: China, economic development, accounting, the legal system, regulatory act, accounting regulations, accounting standards, the Ministry of Finance of the PRC, accounting supervision, quality of accounting information.

Author: *Amurskaya Marina Alexandrovna*, Ph.D in Economics, Associate Professor, Department of language training, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-2497-8209. E-mail: amurskaiam@mail.ru

Фон исследования

Экономические преобразования в Китае последних трех десятилетий способствовали активному реформированию системы нор-

мативно-правового регулирования бухгалтерского учета в стране. Одновременно с этим распространение международных учетных стандартов оказало и продолжает оказывать огромное влияние на формирование системы законодательства о бухгалтерском учете, отчетности и аудите.

Легализация бухгалтерского учета в Китае вступила в новый период. Были достигнуты исторические успехи в совершенствовании системы надзора за бухгалтерским учетом, стандартизации учетной деятельности, уточнении обязанностей работников бухгалтерских служб и т. д. Китайское национальное законодательство о бухгалтерском учете гарантирует достоверность бухгалтерской информации. Однако в условиях реализуемой Китаем сложной экономической системы, из-за усиления требований рынка капитала к учетной информации, быстрого развития технологии обработки бухгалтерской информации, постоянного появления новых финансовых инструментов, национальные традиционные нормы и правила бухгалтерского учета становятся недостаточными. Правительство КНР стремится создать систему законодательства о бухгалтерском учете, которая будет содействовать здоровому развитию социалистической рыночной экономики, а также гармонизировать с международной нормативной практикой регулирования учетной деятельности [1, с. 7].

Правовая система регулирования учета (классический подход)

Правовая система регулирования учета в Китае представляет собой систему нормативно-правовых актов, которые можно представить в иерархически упорядоченных уровнях, выделенных согласно предмету регулирования и государственным органам, принявшим тот или иной нормативно-правовой акт. Рассмотрим китайскую систему нормативного правового регулирования бухгалтерского учета и отчетности посредством выделения основных четырех уровней в самом общем виде [2, с. 28].

1. *Уровень законов*. Представлен законами, которые принимаются ВСНП и его Постоянным комитетом (ПК ВСНП), устанавливают единые национальные нормы организации и ведения бухгалтерского учета. К ним относят, например, Закон «О регистрации бухгалтеров» «注册会计师法», Закон «О бухгалтерском учете» «会计法» и другие.

2. *Подзаконный уровень*. Это нормы, которые утверждены Государственным Советом КНР, содержатся в Положениях по бухгалтерскому учету в других подзаконных актах, не противоречат Закону КНР «О бухгалтерском учете» [3, с. 731]. К ним относят, например, «Положение о бухгалтерской финансовой отчетности предприятий» «企业财务会计报告条例» и «Положение о главных бухгалтерах» «总会计师条例».

3. *Нормативный (методический) уровень*. К нему относят правила и положения по ведению бухгалтерского учета и составлению отчетности, которые разрабатываются и утверждаются Министерством финансов КНР. Это, например, «Система отраслевых стандартов бухгалтерского учета» «行业会计制度系列», «Стандарты бухгалтерского учета для малых предприятий» «小企业会计准则» и другие.

4. *Организационный уровень*. Он представлен рабочими документами уровня провинции, автономного района, города и организации, которые предназначены для внутреннего пользования, утверждаются главой региона / города или руководителем организации и соответствуют реализуемой учетной политике.

Примеры законодательных и нормативных актов, входящих в систему регулирования учета в КНР представлены в табл.1.

Таблица 1. **Система нормативных правовых актов о бухгалтерском учете и отчетности в КНР (примеры нормативных актов разного уровня)**

Название закона	Принявший орган	Уровень	Предмет регулирования	Дата принятия/издания/редакции
Закон о бухгалтерском учете «会计法»	Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП)	Закон	Общие положения о бухгалтерском учете	21.01.1985 принят 04.11.2017 редакция

Продолжение табл. 1

Название закона	Принявший орган	Уровень	Предмет регулирования	Дата принятия/издания/редакции
Закон о регистрации бухгалтеров «注册会计师法»	Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП)	Закон	Требования и функционал лиц, предоставляющих бухгалтерские услуги	31.10.1993 принят 31.08.2014 редакция
Положение о главных бухгалтерах «总会计师条例»	Государственный совет КНР	Подзаконный	Деятельность главных бухгалтеров и сотрудников бухгалтерских служб	31.12.1990 принят 08.01.2011 редакция
Положение о бухгалтерской финансовой отчетности предприятий «企业财务会计报告条例»	Государственный совет КНР	Подзаконный	Бухгалтерский учет и бухгалтерская отчетность	21.06.2000 принят
Стандарты бухгалтерского учета для предприятий — основные положения «企业会计准则——基本准则»	Государственный совет КНР (утверждает), Министерство Финансов КНР (контролирует исполнение)	Нормативный/методический	Бухгалтерский учет (общие правила счетоводства)	30.11.1992 принят 15.02.2006 редакция
Система отраслевых стандартов бухгалтерского учета «行业会计制度系列»	Министерство Финансов КНР	Нормативный/методический	Бухгалтерский учет (по отраслям)	15.02.2006 принят 23.07.2014 редакция
Порядок управления бухгалтерскими архивами «会计档案管理办法»	Министерство Финансов КНР. Государственное архивное управление	Нормативный/методический	Прочие аспекты счетоводства	1.06.1984 принят 11.12.2015 редакция
Порядок осуществления бухгалтерского контроля государственными финансовыми органами «财政部门实施会计监督办法»	Министерство Финансов КНР	Нормативный/методический	Бухгалтерский контроль	20.02.2001 принят

Окончание табл. 1

Название закона	Принявший орган	Уровень	Предмет регулирования	Дата принятия/издания/редакции
Стандарты ведения бухгалтерского учета для малых предприятий «小企业会计准则»	Министерство Финансов КНР	Нормативный/методический	Бухгалтерский учет (малые предприятия)	18.10.2011 принят
Система бухгалтерского учета в неправительственных некоммерческих организациях «民间非营利组织会计制度»	Министерство Финансов КНР	Нормативный/методический	Счетоводство (неправительственные некоммерческие организации)	19.10.2004 принят
Система бухгалтерского учета для профсоюзов «工会会计制度»	Министерство Финансов КНР	Нормативный/методический	Счетоводство	31.05.2009 принят
Правила проведения единого государственного экзамена для дипломированных общественных бухгалтеров «注册会计师全国统一考试办法»	Министерство Финансов КНР	Нормативный/методический	Бухгалтерские организации (сертифицированные бухгалтеры)	23.03.2009 принят 23.04.2014 редакция
Положение «О порядке сертификации бухгалтеров в г. Тяньцзинь» «天津市会计从业资格管理实施办法»	Финансовое управление г. Тяньцзинь	Организационный	Квалификация бухгалтеров	06.03.2013 принят

Источник: разработано автором на основе материалов официального сайта Министерства Финансов КНР. URL: www.mof.gov.cn

Нормативно-правовая система регулирования учетной деятельности (альтернативный подход)

Предыдущий подход исходил из тех иерархических уровней, которые, как правило, присущи любой нормативной правовой системе, регулирующей ту или иную специфическую сферу правоотношений. Существует также альтернативный подход к представлению системы нормативного правового регулирования учета в Китае.

Согласно данному подходу правовая система бухгалтерского учета представляет собой «единый организм» законов, положений, правил и нормативных документов по бухгалтерскому учету, которые разработаны и изданы органами государственной власти и местного самоуправления [4, с. 23]. Правовые нормы такой системы служат для корректировки учетных отношений, т. е. экономических отношений, которые возникают между экономическими субъектами и бухгалтерами в ходе ведения бухгалтерских дел и в процессе управления бухгалтерскими работами.

Такая нормативно-правовая система бухгалтерского учета страны включает крупные тематические блоки бухгалтерского учета, бухгалтерского надзора, бухгалтерского учета персонала, а также подсистему управления учетными работами [5, с. 15].

Правовая система регулирования бухгалтерского учета и отчетности представляет собой систему взаимосвязанных элементов, которые можно представить не столько в виде иерархии нормативных актов, как это принято в европейском праве, сколько в виде некого целостного организма, состоящего из нескольких равноправных элементов.

1. Первый элемент — законы, регулирующие бухгалтерский учет на территории КНР. Впервые обнародованный в 1985 г. Закон о бухгалтерском учете был пересмотрен в 1993 г., в 1999 г. и в 2017 г. Он представляет собой высший уровень правовых норм, регулирующих бухгалтерский учет, и служит основой для разработки административных правил и положений, касающихся бухгалтерского учета, а также обеспечивает высшие руководящие принципы по бухгалтерской работе.

2. Второй элемент — другие законы, частично либо полностью регулирующие различные аспекты бухгалтерского учета в КНР.

Это целый ряд соответствующих законов:

Закон о регистрации бухгалтеров «注册会计师法» (принят 31.10.1993, с изменениями от 31.08.2014);

Закон об аудите «审计法» (принят 31.08.1994, с изменениями от 28.02.2006);

Закон о компаниях «公司法» (принят 29.12.1993, с последующими изменениями);

Закон о ценных бумагах «证券法» (принят 29.12.1988, с последующими изменениями);

Общие положения гражданского права «民法通则» (приняты 12.04.1986, с изменением от 27.08.2009);

Общая часть гражданского права «民法总则» (принята 03.03.2017);

Закон о регулировании налогообложения «税收征税管理法» (принят 04.09.1992, с последующими изменениями)

и другие.

Вместе они составляют базис экономического законодательства Китая, регулирующего различные аспекты национального хозяйства, в том числе и бухгалтерскую работу.

3 элемент — Государственные административные регламенты. Под административными правилами и регламентами бухгалтерского учета понимаются подзаконные акты, разработанные или изданные Государственным советом КНР (или соответствующими департаментами Государственного совета) для корректировки учетных отношений в определенных аспектах экономической жизни. Например, это «Положение о главных бухгалтерах» «总会计师条例», «Положение о бухгалтерской финансовой отчетности предприятия» «企业财务会计报告条例».

4 элемент — Правила управления учетной деятельностью. Например, Положение «Об организации бухгалтерского учета по агентским договорам» «代理记账管理办法», «Порядок управления бухгалтерскими архивами» «会计档案管理办法», «Основные правила внутреннего контроля на предприятии» «企业内部控制基本规范» и другие. Они выпускаются различными государственными органами и регулируют уровень управления учетной деятельностью на предприятии.

5 элемент — Нормы, регулирующие конкретные хозяйственные практики. К ним относятся нормативные документы, регулирующие национальную бухгалтерскую работу. Также выпускаются различными государственными органами. Это, например, Стандарты бухгалтерского учета для предприятий «企业会计准则», разрабатываемые Министерством финансов КНР.

6 элемент — Местные правила бухгалтерского учета. Местные правила бухгалтерского учета относятся к нормативным докумен-

там, разработанным народными правительствами провинций, автономных районов и муниципалитетов непосредственно при центральном правительстве. Они имеют юридическую силу только в своих собственных юрисдикциях, при условии, что они не противоречат национальным законам о бухгалтерском учете и административным нормам. Это, например, Положение «О порядке сертификации бухгалтеров в г. Тяньцзинь» «天津市会计从业资格管理实施办法».

Стоит отметить, что в таком понимании системы бухгалтерского права ключевыми становятся не государственные органы, принявшие тот или иной нормативный акт, а такие понятия как «полномочия» бухгалтерского права и «профессиональная этика» бухгалтерского учета. Таким образом, представленная система отражает не взаимоотношения бухгалтерских служб с государственными органами власти посредством нормативных актов, а взаимоотношения между правовой системой бухгалтерского учета и системой управления бухгалтерским трудом, который опирается на профессиональную этику.

Бухгалтерский надзор в такой системе не сводится к контролю формального соблюдения положений нормативно-правовых актов, а представляет из себя модель, состоящую из трех уровней [6, с. 18]:

Бухгалтерский надзор. Под ним понимают надзор, который осуществляет персонал бухгалтерии экономического субъекта, применяющий в своей деятельности содержание законов о бухгалтерском учете, в отношении правильности, законности, достоверности и эффективности экономических действий подразделения. Этот надзор осуществляется как в отношении действующего субъекта, так и в отношении контрагентов, т. е. бухгалтерские работники имеют право не принимать недостоверные и незаконные оригиналы документов, предоставленные третьими лицами.

Государственный надзор [7, с. 71]. Это внешний надзор со стороны государства, который в основном заключается в проверках, проводимым государственными ведомствами от имени государства, и административном/уголовном наказании за обнаруженные незаконные действия в учетной деятельности. Это важный аспект экономического надзора в Китае, который дополняет учетный надзор,

осуществляемый внутренними органами и персоналом хозяйствующих субъектов.

Социальный надзор [8, с. 174]. Под ним понимается надзор, при котором учреждения социального посредничества, такие как бухгалтерские фирмы и сертифицированные бухгалтеры, проводят аудит экономической деятельности доверенных единиц в соответствии с законом, т. е. объективную оценку. Кроме того, к данному виду надзора относится и обращения сознательных граждан, которые в рамках данного вида надзора имеют право сообщать в соответствующие органы о нарушениях бухгалтерского законодательства и национальной единой системы бухгалтерского учета.

Все три вида надзора формируют органичное целое.

Взаимосвязь законодательства о бухгалтерском учете с экономическим развитием КНР

История экономического развития Китая последних 40 лет показывает, что бухгалтерское законодательство постоянно реформируется согласно новым реалиям экономической системы страны. Основные моменты можно выделить следующие.

1. Бухгалтерское законодательство реформируется согласно трансформации самого национального режима хозяйствования [9, с. 15]. В Законе о бухгалтерском учете 1985 г. были сделаны акценты на стабильность национальной финансовой системы, защиту общественной собственности и повышение экономической эффективности. В пересмотренном Законе о бухгалтерском учете 1993 г. декларировалось поддержание социалистического рыночного экономического порядка. В Законе о бухгалтерском учете 1999 г. сделан акцент на том, что обеспечение достоверности бухгалтерской информации становится первоочередной задачей (редакция 2017 г. оставила это положение без изменений) [10].

2. Бухгалтерское законодательство в Китае также адекватно адаптируется к развитию различных форм хозяйственной организации. Сфера применения Закона о бухгалтерском учете распростра-

няется на все хозяйственные единицы. По мере углубления реформ открытости и развития национальной экономики в стране постоянно возникают новые организационного-правовые формы предприятий. Поэтому статья 1 Закона, раскрывающая сферу его применения, претерпевает советующие изменения: в редакции 1993 г. в сферу его применения были добавлены новые хозяйственные единицы, в том числе отдельные производственные и коммерческие хозяйства; поправки от 1999 г. расширили сферу применения на все виды корпоративных организаций (в последней редакции от 2017 г. данная статья не претерпела изменений).

3. Бухгалтерское законодательство развивается согласно правилу соблюдения «правовой экономии», стремления к минимизации количества нормативных актов по бухгалтерскому учету и создания четкой и лаконичной системы. Во многом это достигается путем своевременного приведения в соответствие трансформирующихся функций государственного управления с системой управления бухгалтерским учетом, путем контроля за адаптацией системы бухгалтерского надзора к системе экономического контроля в стране и другими мерами. Бухгалтерская правовая система является неотъемлемой частью правовой системы для национального хозяйства, успешное функционирование которого должно опираться на понятную систему прав и обязанностей для субъектов с четкими интересами и правилами игры.

4. Основная цель создания правовой системы бухгалтерского учета состоит в том, чтобы регулировать бухгалтерское поведение и обеспечивать качество бухгалтерской информации. Поэтому особое внимание в Китае уделяется деятельности научных и исследовательских организаций, ученых и преподавателей вузов. Они на постоянной основе привлекаются к разработке нормативно-правовых актов, входят в консультативную группа экспертов Методологического совета по бухгалтерскому учету при Министерстве финансов, которая занимается разработкой правовой и методологической основы национального бухгалтерского учета. Такой подход реализуется во избежание реформирования правовой основы учета по принципу «头痛医头, 脚痛医脚» (дословно «голова болит — лечить голову, ноги болят — лечить ноги»), т. е. решая вопросы паллиативно, зани-

маясь каждой проблемой по отдельности, вместо того чтобы искать системное решение.

5. Разработчики положений законов о бухгалтерском учете стремятся к тому, чтобы они соответствовали требованиям различных заинтересованных групп. Система регулирования бухгалтерского учета нацелена на удовлетворение информационных потребностей кредиторов, предприятий, государства, национальных и международных инвесторов. Данное стремление сформировалось в последние два десятилетия, когда китайские компании заняли активные и прочные позиции на мировом рынке, и национальная система стала демонстрировать стремление к гармонизации с международной практикой нормативного регулирования учета.

Заключение

Китайская нормативная правовая система учетной деятельности представляет особый интерес для российских специалистов. Те особенности системы, которые в первом приближении раскрыл автор данного материала, отражают китайскую специфику понимания задач и функций нормативного регулирования национального бухгалтерского учета. На современном этапе китайская система, с одной стороны, стремится к гармонизации с международными стандартами нормативного регулирования учета, а с другой стороны, сохраняет свои национальные методы управления учетной деятельностью, традиции которых уходят в глубь веков.

Библиографический список

1. *Лю Юйтин*. Гуаньюй чжунго цие Куайцзи чжуньцзэ юй гоцзи цайу баогао чжуньцзэ чисюй цюаньмянь цюйтун вэньти [К вопросу о продолжающемся комплексном сближении китайских стандартов бухгалтерского учета предприятий и международных стандартов финансовой отчетности]. Куайцзи яньцзю, № 09, 2009. С. 6—9.

2. *Бакаев, А.С., Безруких П.С., Врублевский Н.Д.* Бухгалтерский учет: учебник / под ред. П.С. Безруких. 4-е изд. М.: Бухгалтерский учет, 2004. 719 с.

3. *У Синьяо*. Нормативное регулирование бухгалтерского учета Китая // Теория и практика современной науки. 2017. № 5(23). С. 730—733.

4. *Чжэн Даси*. Куайцзи фалюй чжиду цюэсянь юй куайцзи чэнсинь цзяньшэ [Недостатки бухгалтерской правовой системы и построение бухгалтерской целостности] // Гуанси Куайцзи. № 03. 2003. С. 22—24.

5. *Цао Юэ, У Чжунсинь, Чжан Сяофэй, Чжоу Хуа*. Лян дафа си куайцзи фалюй чжиду: цзягоу, тэчжэн юй шиинсин сяолюй [Две основные правовые системы бухгалтерского учета: структура, характеристики и адаптивная эффективность] // Куайцзи яньцзю. № 10. 2014. С.13—19.

6. *Шао Ицюнь*. Куайцзи цзяньду кэсюэ сюаньху дэ юаньцзэ хэ бучжоу [Принципы и этапы выбора научного учета в бухгалтерском надзоре] // Цайчжэн цзяньду. № 03. 2009. С. 16—21.

7. *Чжан Вэньчжун*. «Куайцзи Фа», гоцзя куайцзи цзяньду юй куайцзи вэйпай чжи [«Закон о бухгалтерском учете», национальная система бухгалтерского надзора и система назначения бухгалтеров] // Дандай цзинцзи яньцзю. № 04. 2001. С. 70—72.

8. *Чжу Чжаохуэй*. Куайцзи шэхуэй цзяньду цзичжи дэ ваньшань луцзин [Пути совершенствования механизма социального надзора в бухгалтерском учете] // Чжунго сянчжэнь цие куайцзи. № 11. 2013. С. 173—175.

9. *Бай Цзинмин, Ли Мин, Сюй Юйдэ, Хань Сяомин*. Гэго куайцзи фалюй чжиду яньцзю [Исследование правовых систем бухгалтерского учета в разных странах] // Цайчжэн кэсюэ. № 04. 2017. С.14—30.

10. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Куайцзи Фа, 1985, 1993 Сючжэн, 1999 Сючжэн, 2017 Сючжэн [Закон о бухгалтерском учете Китайской Народной Республики, 1985 г., редакция 1993 г., редакция 1999 г., редакция 2017 г.].

References

1. *Liu Yuting*. Guanyu zhongguo qiye kuaiji zhunze yu guoji caiwu baogao zhunze chixu quanmian qutong wenti. [Concerning the continuous and comprehensive convergence of Chinese enterprise accounting standards and international financial reporting standards]. *Accounting Research*, 2009, No.09. Pp. 6—9.

2. *Bakaev, A.S., Bezrukikh P.S., Vrublevsky N.D.* Buhgalterskij uchet: Uchebnik [Accounting: Textbook] / Ed. P.S. Bezrukikh. 4th ed. M.: Accounting, 2004. 719 p.

3. *Wu Xinyao*. Normativnoe regulirovanie buhgalterskogo ucheta Kitaya [China Accounting Regulatory Framework]. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki*, 2017, No. 5 (23). Pp. 730—733.

4. *Zheng Daxi*. Kuaiji falu zhidu quexian yu kuaiji chengxin jianshe [Defects of accounting legal system and construction of accounting integrity]. *Guangxi Kuaiji*, 2003, No. 03. Pp. 22—24.

5. *Cao Yue, Wu Zhongxin, Zhang Xiaofei, Zhou Hua*. Liang da faxi kuaiji falu zhidu: jia gou, tezheng yu shiyingxing xiaolu [The two major legal systems of accounting: structure, characteristics and adaptive efficiency]. *Accounting Research,* 2014, No. 10. Pp. 13—19.

6. *Shao Yiqun*. Kuaiji jiandu kexue xuanhu de yuanze he buzhou [Principles and steps of scientific account selection for accounting supervision]. *Caizheng jiandu*, 2009, No. 03. Pp. 16—21.

7. *Zhang Wenzhong*. Kuaijifa, guojia kuaiji jiandu yu kuaiji weipaizhi ["Accounting Law", National Accounting supervision and accounting appointment system. *Dangdai jingji yanjiu,* 2001, No. 04. Pp. 70—72.

8. *Zhu Zhaohui*. Kuaiji shehui jiandu jizhi4 de wanshan lujing [The ways to improve accounting social supervision mechanism]. *Zhongguo xiangzhen qiye kuaiji*, 2013, No. 11. Pp. 173—175.

9. *Bai Jingming, Li Ming, Xu Yude, Han Xiaoming*. Ge guo kuaiji falu zhidu yanjiu [Research on accounting legal systems in various countries]. *Fiscal Science*, 2017, No. 04. Pp. 14—30.

10. Accounting Law of the PRC (1985), amended in 1993, amended in 1999, amended in 2017.

А.А. Трофимов

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В КИТАЕ И РОССИИ[1]

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых основ для повышения эффективности использования бюджетных средств в Китае и России. Обозначенные в Китае задачи по созданию современной бюджетно-финансовой системы, а также введению системы результативного управления предопределяют необходимость совершенствования правовых механизмов обеспечения эффективности в сфере публичных финансов государства. Китайское бюджетное законодательство устанавливает, что бюджеты всех уровней должны основываться, среди прочего, на принципах эффективности, экономии и бережливости (ст. 12, 37 Закона КНР о бюджете). В свою очередь в российском Бюджетном кодексе закреплен принцип эффективности использования бюджетных средств (ст. 34). Однако ни российское, ни китайское законодательное регулирование не содержит достаточно определенных критериев для оценки такой эффективности, зачастую допуская смешение с понятиями «результативности», «экономности» и т. п.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90054.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90054.

В статье предпринимается попытка выявить актуальные юридические направления повышения эффективности использования средств бюджетов в двух странах. В перечне актуальных механизмов обнаруживаются внедрение мониторинга эффективности (в КНР) и обзора бюджетных расходов (в РФ); повышение качества администрирования доходов бюджетов (в КНР) и правила учета налоговых расходов (в РФ); совершенствование правового регулирования государственных закупок (в обеих странах) и т. д. Отмечается, что согласованная реализация принципа эффективности и принципа открытости (прозрачности) бюджетной системы создает предпосылки для повышения эффективности бюджетных расходов как в Китае, так и в России.

Ключевые слова: КНР, Россия, бюджетное право Китая, бюджет, бюджетная система, эффективность расходования бюджетных средств, результативность, обзор налоговых расходов, мониторинг эффективности, бюджетирование, ориентация на результат.

Автор: *Трофимов Альберт Алексеевич*, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Юридический факультет). ORCID: 0000-0002-3575-6743.

E-mail: albert.trofimov@gmail.com

Trofimov Albert A.

LEGAL BASIS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF BUDGET FUNDS IN CHINA AND RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the study of the legal basis for improving the efficiency of using budget funds in China and Russia. The tasks outlined in China to create a modern budget system, as well as to introduce a system of effective management, determine the need to improve legal mechanisms to ensure efficiency in the field of public finance. Chinese budget legislation stipulates that budgets at all levels should be based on (among others) the principles of efficiency, economy and thrift (articles 12, 37 of the Budget Law of the PRC). In turn, the Russian Budget code establishes the principle of efficient use of budget funds (article 34). However, neither Russian nor Chinese legislation contains sufficiently defined criteria for evaluating such effectiveness, often allowing confusion with the concepts of “efficiency”, “economy”, etc.

The article attempts to identify current legal directions for improving the efficiency of using budget funds in two countries. The list of relevant mechanisms includes the introduction of efficiency monitoring (in

the PRC) and budget expenditure review (in the Russian Federation); improving the quality of budget revenue administration (in the PRC) and tax expense accounting rules (in the Russian Federation); improving the legal regulation of public procurement (in both countries), etc. It is noted that the coordinated implementation of the principle of efficiency and the principle of openness (transparency) of the budget system creates prerequisites for improving the efficiency of budget expenditures in both China and Russia.

Keywords: China, Russia, Chinese budget law, budget, budget system, efficiency of budget spending, effectiveness, review of tax expenditures, efficiency monitoring, results based budgeting (RBB).

Author: *Trofimov Albert A.*, junior research scientist Saint-Petersburg state university (Faculty of law). ORCID: 0000-0002-3575-6743.

E-mail: albert.trofimov@gmail.com

В своем выступлении на XIX съезде КПК Си Цзиньпин указал на необходимость форсирования создания современной бюджетно-финансовой системы, а также повсеместного введения системы результативного управления. Безусловно, одним из векторов приложения усилий стала работа по обеспечению эффективности расходования средств бюджетов различных уровней бюджетной системы КНР.

Принцип эффективности может быть обнаружен в качестве самостоятельного принципа бюджетной системы КНР. Так, бюджеты всех уровней должны основываться среди прочего на принципах эффективности, экономии и бережливости (ст. 12, 37 Закона КНР о бюджете). Приходится констатировать, что конкретизация понятий «эффективность», «экономия», «бережливость» и критерии их разграничения в законодательстве не приводятся, в связи с чем детализация нормативного содержания этого принципа может быть установлена в подзаконном регулировании. Более того, в Решении Госсовета КНР от 26.09.2014 № 45 «Об углублении реформы системы управления бюджетом» обнаруживается использование термина «результативность» при проведении анализа эффективности расходов, смысл которого также однозначно не раскрывается, что в очередной раз иллюстрирует особенности юридической техники китайского нормотворчества.

Проведение бюджетной реформы в Китае в последнее десятилетие сопряжено с развитием ранее запущенной реформы так называемого «бюджетирования, ориентированного на результат (БОР)»[1]. [4, с. 83, 85]. В значительной степени реакцией на осознанную потребность создания системы оценки эффективности использования бюджетных средств [7, с. 116—121] стало принятие ряда государственных и партийных актов.

Китайский законодатель возложил на правительства разных уровней, все ведомства и подведомственные им учреждения обязанность по проведению оценки эффективности бюджетных расходов (абзац третий статьи 57 Закона КНР о бюджете). Порядок такой оценки установлен среди прочего Мерами по проведению финансового контроля от 26.01.2006, утвержденными Минфином КНР. Результаты оценки подлежат учету при планировании на очередной бюджетный год, совершенствовании финансовой политики и научно-обоснованном формировании бюджета. Кроме того, результаты могут стать основанием для привлечения виновных лиц к юридической ответственности за нарушения законодательства (глава 10 Закона КНР о бюджете).

В соответствии с Мнениями ЦК КПК от 01.09.2018 «О комплексной реализации управления бюджетными показателями» были сформированы предложения по совершенствованию системы оценки эффективности использования средств бюджетов, эффективности отдельных проектов с использованием государственных средств (государственно-частное партнерство, государственные закупки, го-

[1] Сунь Линь констатирует, что «позиция Китая относительно реформы [БОР] достаточно противоречива: с одной стороны, реальные предпосылки для осуществления БОР пока отсутствуют, с другой — правительственные органы все больше выступают за ускорение реформы». Также исследователь указывает, что «в Китае реформа БОР осуществляется снизу вверх. Оценка эффективности администрирования бюджетных средств начинается с анализа тех показателей, которые наиболее непосредственно отражают уровень эффективности объекта оценки... Например, в провинции Гуандун оценка результативности производится лишь в отношении бюджетных программ, объем финансирования которых превышает 5 млн юаней, такая избирательность не только позволяет приобрести ценный опыт из практики реформы на экспериментальном участке, но и способствует определению приоритетных направлений бюджетной политики» [4].

сударственный долг и т. д.). Планируется, что в течение 3—5 лет в Китае будет создана единая система показателей эффективности (на основе сочетания качественных и количественных характеристик). Правительствам всех уровней предписывается включать в систему оценки эффективности бюджеты правительственных фондов, бюджеты фондов социального страхования, бюджеты по операциям с государственным капиталом в целях укрепления связи между четырьмя видами бюджетов и выстраивания стандартизированной бюджетной системы.

Кроме этого, Временными мерами Минфина КНР от 26.07.2019 № 136 «О проведении мониторинга исполнения центрального бюджета» вводится понятие и содержание мониторинга эффективности, конкретизируется подход «кто тратит, тот несет ответственность». Мониторинг определяется как непрерывная деятельность Минфина КНР, подведомственных ему подразделений по надзору, контролю и управлению исполнением бюджета и достижением целевых показателей эффективности в процессе исполнения бюджета (ст. 2, 10). Содержание мониторинга эффективности включает в себя проверку достижения целевых показателей эффективности, использования бюджетных средств, расширенный мониторинг крупных проектов и т. д. (статья 7).

В свою очередь Мерами Минфина КНР от 25.02.2020 № 10 «Об оценке эффективности расходов по проекту» пересмотрен подход к оценке эффективности расходов, осуществляемых из основного бюджета, бюджетов правительственных фондов, бюджетов по операциям с государственным капиталом.

Указанное в своей совокупности означает, что особенно в последние годы китайским руководством уделяется особое внимание формированию правовых основ для обеспечения и повышения использования бюджетных средств. Все большая сфера общественных отношений в сфере перераспределения публичных финансовых ресурсов так или иначе начинается подпадать под действие принципа эффективности. Следует отметить, что в научной литературе высказывается позиция о том, что принцип эффективности подлежит применению не только к расходам, но и к доходам различных бюджетов [8, с. 130—142]. Тем самым принцип эффективности предлагается

сводить не только к оценке расходования бюджетных ресурсов, но и проверке эффективности наполнения доходной части бюджетов.

При обращении к российскому правовому регулированию следует обратить внимание на действующий принцип эффективности использования бюджетных средств (статья 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ))[1], который включает в себя требования экономности (необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств) и результативности (достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств) [3]. При этом дискуссия [1] о соотношении понятий «эффективность», «результативность», «экономность», «экономичность», а также роли количественных и качественных показателей [2] для российского бюджетного права как и для китайского также до сих пор не завершена.

В целях разъяснения содержания российского принципа Высший Арбитражный Суд Российской Федерации указал на необходимость учета того, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции[2]. В то же время действующее законодательство не содержит однозначного ответа на вопрос, ограничивается ли перечень субъектов, на которых распространяется данный принцип, только участниками бюджетного процесса, а в случае, если не ограничивается, то каковы пределы его применения к иным (например, частным) субъектам.

Представляется, что субъекты расходования бюджетных средств в КНР также обладают самостоятельностью в определении анало-

[1] Российский законодатель неоднократно обновлял наименование самого принципа: до 2013 г. именовался принципом результативности и эффективности использования бюджетных средств, а до 2008 г. — принципом эффективности и экономности использования бюджетных средств.

[2] См. пункт 23 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2019).

гичных параметров, которая может стать предметом контроля со стороны уполномоченных органов в условиях действия принципов самостоятельности и обязательности осуществления контроля.

Имея основным предметом своего регулирования использование бюджетных средств, российский принцип формально обнаруживает более узкое содержательное наполнение, чем аналогичный принцип в Китае. В то же время нельзя ограничиваться анализом положений ст. 34 БК РФ. В настоящее время актуальные мероприятия по обеспечению эффективности использования бюджетных средств можно обнаружить в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019—2024 гг.[1] (далее — Концепция повышения эффективности). Среди основных направлений реформирования системы управления общественными финансами следует выделить: внедрение механизмов обеспечения долгосрочной устойчивости бюджетной системы, формирование бюджетной политики на основании и во взаимосвязи с показателями государственных программ Российской Федерации, совершенствование финансовых взаимоотношений с субъектами Российской Федерации, формирование единого информационного контура системы управления общественными финансами, повышение открытости и прозрачности бюджетного процесса.

Анализ указанных в Концепции повышения эффективности ключевых направлений реформы и конкретных мер показывает, что они касаются различных вопросов, как напрямую связанных с оценкой эффективности непосредственно бюджетных средств (введение обзоров бюджетных расходов (раздел III Концепции повышения эффективности), так и вопросов, напрямую не относящихся к реализации рассматриваемого принципа. Среди последних можно выделить: формирование системы управления налоговыми расходами, повышение качества оказания государственных услуг в социальной сфере, развитие межбюджетных отношений, совершенствование форм и методов государственного управления. Это указывает на

[1] См. распоряжение Правительства РФ от 30.01.2019 № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019—2024 гг». // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2019)

фактическое распространение действия принципа эффективности использования бюджетных средств на все более широкий перечень общественных отношений, напрямую не связанных с предметом регулирования ст. 34 БК РФ. Такой подход обнаруживает большее сходство с китайским, при котором понятие эффективности применимо не только к вопросу непосредственного использования бюджетных средств.

Помимо указанного, все более отчетливо начинает прослеживаться укрепляющаяся взаимосвязь принципа эффективности и принципа открытости бюджетной системы КНР. Специальные правила опубликования правительственной информации предусмотрены соответствующими подзаконными актами КНР (Правила КНР от 03.04.2019 № 711 «Об опубликовании государственной информации» (приняты Госсоветом КНР), Меры Минфина КНР от 23.04.2020 № 32 «О раскрытии правительственной информации»), которые согласуются с тенденциями функционирования открытого правительства, повышением открытости информации в отдельных отраслях экономики, что свидетельствует о принципе открытости как о самостоятельной правовой ценности. Реализация принципа открытости способна решить некоторые укоренившиеся проблемы через повышение осведомленности граждан о публичных финансах, привлечение общественности к осуществлению финансового контроля, усиление роли собраний народных представителей [6, с. 99—100]. Одной из сфер очевидного положительного влияния повышения открытости и прозрачности бюджетирования является борьба с коррупцией [5, с. 19], которая соответственно влияет на повышение эффективности использования публичных финансовых ресурсов в стране. Представляется, что согласованная реализация принципа эффективности и принципа открытости (прозрачности) бюджетной системы создает предпосылки для повышения эффективности бюджетных расходов как в Китае, так и в России.

В заключение отметим, что в обоих государствах вопросам обеспечения эффективности использования бюджетных средств и ее повышения уделяется все более пристальное внимание. Это выражается, в первую очередь, во внедрении новых юридических механизмов обеспечения эффективности (например, внедрение мониторинга

эффективности и повышение качества администрирования доходов бюджетов (в Китае), введение обзора бюджетных расходов и правил учета налоговых расходов (в России)).

Библиографический список

1. *Афанасьев Р.С., Голованова Н.В.* Понятие эффективности бюджетных расходов: теория и законодательство // Финансовый журнал. 2016. № 1. С. 61—69.

2. *Омелехина Н.В.* Денежные обязательства в системе финансовых правоотношений. Новосибирск: Наука, 2015. 116 с.

3. *Поветкина Н.А.* Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. 2015. № 3. С. 16—22.

4. *Сунь Линь*. Бюджетирование, ориентированное на результат: опыт Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, 2013. № 2. С. 79—89.

5. *Ji Zhang.* The Illusion and the Reality of Chinese Budget Reforms: Does Budgeting Influence Corruption Perception? [Иллюзия и реальность китайских бюджетных реформ: влияет ли бюджетирование на восприятие коррупции?] // Chinese Public Administration Review. 2017. Vol. 8. № 1. P. 1—22.

6. *Liu Jianwen, Hou Zhuo.* Revising the Budget Law: A public finance perspective [Пересмотр Закона «О бюджете»: будущее публичных финансов] // China law. 2012. № 1. P. 98—101.

7. *Ван Дунхуэй*. Юйсуаньфа дэ цзинцзисюэ фэньси [Экономический анализ бюджетного права]. Диссертация PhD. Цзилинь дасюэ, 2010.

8. *Чжан Цинжун*. Чжунго гунгун цайчжэнь дэ фали цзичу [Правовые основы государственных финансов в Китае]. Диссертация PhD. Цзилинь дасюэ, 2008.

References

1. *Afanasev R.S., Golovanova N.V.* Ponyatie effektivnosti byudzhetnyh raskhodov: teoriya i zakonodatel'stvo [The concept of efficiency of budget expenditures: theory and legislation] // Finansovyj zhurnal. 2016. № 1. S. 61—69.

2. *Omelyohina N.V.* Denezhnye obyazatelstva v sisteme finansovyh pravootnoshenij [Monetary obligations in the system of financial legal relations]. Novosibirsk: Nauka, 2015. 116 s.

3. *Povetkina N.A.* Effektivnost raskhodovaniya byudzhetnyh sredstv: problemy pravovoj kvalifikacii [Efficiency of spending budget funds: problems of legal qualification] // Finansovoe pravo. 2015. № 3. S. 16—22.

4. *Sun Lin*. Byudzhetirovanie, orientirovannoe na rezultat: opyt Kitaya [Results-based budgeting: China's experience] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika, 2013. № 2. S. 79—89.

5. *Ji Zhang*. The Illusion and the Reality of Chinese Budget Reforms: Does Budgeting Influence Corruption Perception? // Chinese Public Administration Review. 2017. Vol. 8. № 1. P. 1—22.

6. *Liu Jianwen, Hou Zhuo*. Revising the Budget Law: A public finance perspective // China law. 2012. № 1. P. 98—101.

7. *Wang Donghui*. Yusuanfa de jingjixue fenxi (Economic analysis of budget law). Dissert. PhD. 2010. Jilin daxue.

8. *Zhang Qingrong*. Zhongguo gonggong caizheng de fali jichu (The legal basis of Chinese public finance). Dissert. PhD. Jilin daxue, 2008.

А.Н. Родионов

ИССЛЕДОВАНИЕ РИСКОВ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. Риски, с которыми сталкивается компания в процессе реализации проекта в другой стране, являются одним из основных факторов, влияющих на принятие решения о вхождении в проект. Риск ГЧП проектов — это возможное возникновение неблагоприятной ситуации, способной повлиять на ход реализации ГЧП проекта. В данной статье анализируются риски ГЧП проектов относительно российской бизнес-среды. С помощью экспертного анализа выявляются основные факторы, способные повлиять на реализацию ГЧП проектов с участием китайских инвесторов и компаний в России. Целью представленной статья является исследование мнений российских и китайских экспертов относительно современного состояния российской бизнес-среды. Также предпринята попытка выявить наиболее важные факторы, влияющие на российско-китайское сотрудничество и подготовку предложений с целью улучшения сотрудничества в сфере реализации ГЧП проектов.

Сравнение двух экспертных групп по количественным шкалам проводилось на основе непараметрического критерия Манна-Уитни. Сравнение трех и более групп по количественным шкалам проводилось на основе непараметрического критерия Краскела-Уоллеса. Для описания количественных показателей использовалось среднее значение и стандартное отклонение в формате «M±S». Для выявления структуры данных использовался эксплораторный (раз-

ведочный) факторный анализ (метод главных компонент) с последующим вращением Варимакс. Уровень статистической значимости был зафиксирован на уровне вероятности ошибки 0.05.

Недооценка рисков всегда приводит к финансовым потерям, что сказывается на репутации и будущих инвестициях. Автор предлагает продолжить исследование в сфере подготовки бизнес-кейсов в центрах по привлечению инвестиций на региональных уровнях, так как выявленные риски показывают явную недооценку или переоценку определенных факторов.

Ключевые слова: Инвестиции, экономика КНР, риски ГЧП проектов, BOT проекты, законы о ГЧП, инновации, инфраструктурные проекты, агломерации.

Автор: *Родионов Антон Николаевич*, магистр делового администрирования, старший преподаватель, Государственный университет управления. ORCID: 0000-0001-9480-0575.

E-mail: antrod@mail.ru, antrod200@yandex.ru

Rodionov Anton N.

RISK STUDY OF MODERN RUSSIAN-CHINESE INFRASTRUCTURE PROJECTS

Abstract. The risks faced by the company in implementing a project in other countries, are one of the main factors in the decision to join the project. PPP project risk is the possible adverse situations that could affect the progress of the project. The author analyzes the risks of PPP projects in relation to the Russian business environment. The expert analysis identifies the main factors that can influence the implementation of PPP projects involving Chinese investors and companies in Russia. Objectives: Study purpose is to research Russian and Chinese experts' opinions regarding the current state of the Russian business environment and to identify the most important factors affecting Russian-Chinese cooperation and preparation of proposals in order to improve cooperation in the implementation of PPP projects.

The comparison of the two expert groups on the quantitative scale was based on the Mann—Whitney nonparametric criterion. The comparison of three or more quantitative scale groups is based on the Kruskal—Wallis nonparametric criterion. The average value and standard deviation in the «M±S» format were used to describe quantitative indicators. Exploratory factor analysis (main component method) followed by Varimax rotation, a multi-dimensional method used to study the relationships bet-

ween the variables, was used to determine the structure of the data. The statistical significance level was fixed at the error probability level of 0.05.

Underestimation of risks always leads to financial losses, which affects the reputation and future investments. The author proposes to continue research on the preparation of business case method at investment attraction centers at regional levels, as the risks identified reveal a clear underestimation or reassessment of certain factors.

Keywords: Investment, Chinese economy, risks of PPP projects, BOT projects, laws on PPP, innovation, infrastructure projects, agglomerations.

Author: *Rodionov Anton N.*, MBA, Senior lecturer, State University of Management. ORCID: 0000-0001-9480-0575.

E-mail: antrod@mail.ru, antrod200@yandex.ru

На сегодняшний день в открытых источниках очень мало информации об оценке рисков совместных российско-китайских ГЧП проектов. Это, в первую очередь, связано с небольшим количеством реализованных проектов. Интерес к двустороннему сотрудничеству в сфере ГЧП проектов со стороны руководства и бизнеса двух стран только нарастает. В настоящий момент совместных проектов между РФ и КНР очень мало, однако при этом в РФ реализует более 2183 проектов ГЧП на 2017 г. [1, с. 34], а в КНР — около 7000 [2].

В России закон о концессии был принят в 1993 г., а закон о ГЧП — в 2015 г. После принятия закона о ГЧП и дополнительных законодательных актов в данной сфере в РФ резко увеличилось количество реализуемых ГЧП проектов. Разрабатываемая стратегия развития 20 городских агломераций РФ и инвестиционные вливания в эту сферу обуславливает перспективы сотрудничества с компаниями из КНР, но на сегодняшний день совместных проектов очень мало.

КНР также реализует большую программу по увеличению 19 городских агломераций. Данная программа и механизм ГЧП стали одним из главных драйверов в экономике КНР. Для реализации масштабной программы в КНР после финансового кризиса в 2014 г. было принято самое большое количество законодательных актов в сфере ГЧП.

Сравнивая ситуацию в РФ и КНР, можно сделать вывод, что обе страны сделали ставку на механизм ГЧП как один из главных меха-

низмов развития экономики в условиях международной нестабильности. У двух стран есть готовая законодательная платформа, ресурсы и технологии, что в дальнейшем обеспечит увеличение количества совместных проектов.

Безусловно, при входе в проект инвесторы сталкиваются с другой бизнес-средой, однако зачастую их оценка бизнес-среды другого государства строится на представлениях и знаниях о механизмах и законах своей страны.

Автор настоящей статьи анализировал риски ГЧП проектов, составил матрицу рисков и распределил риски между участниками ГЧП проекта. В ходе работы автор изучил опыт зарубежных исследователей в данной сфере и учел их опыт при подготовке матрицы рисков. После формирования матрицы, была подготовлена анкета для опроса российских и китайских экспертов. В ходе экспертного опроса 20 экспертов с российской и 21 эксперт с китайской стороны ответили на 44 вопроса относительно возможных рисков ГЧП проекта, которые могут возникнуть в случае, если китайская компания решит принять участие в реализации ГЧП проекта в России.

В ходе исследования было выявлено 8 основных групп рисков, которые были разделены на контролируемые и неконтролируемые риски. К рискам, которые можно контролировать относятся:

коррупционные, риск завершения строительства, операционные риски, рыночные риски.

Рисками, которые нельзя контролировать являются:

политические риски, финансовые риски, кредитные риски, форс-мажорные риски.

Для каждой группы были выявлены дополнительные риски. Данное исследование позволило составить первоначальную таблицу рисков ГЧП проектов, на основе которой возможно осуществление дальнейших исследований по данной тематике.

Каждый эксперт должен был ответить на вопрос относительно степени возникновения и влияния рисков на проект. В качестве примера был взят перспективный проект «Трансграничной канатно-подвесной дороги через реку Амур между городами Благовещенск (РФ) — Хэйхэ (КНР)». Предполагается, что данный проект будет использовать механизм ГЧП, а структура проекта имеет самую

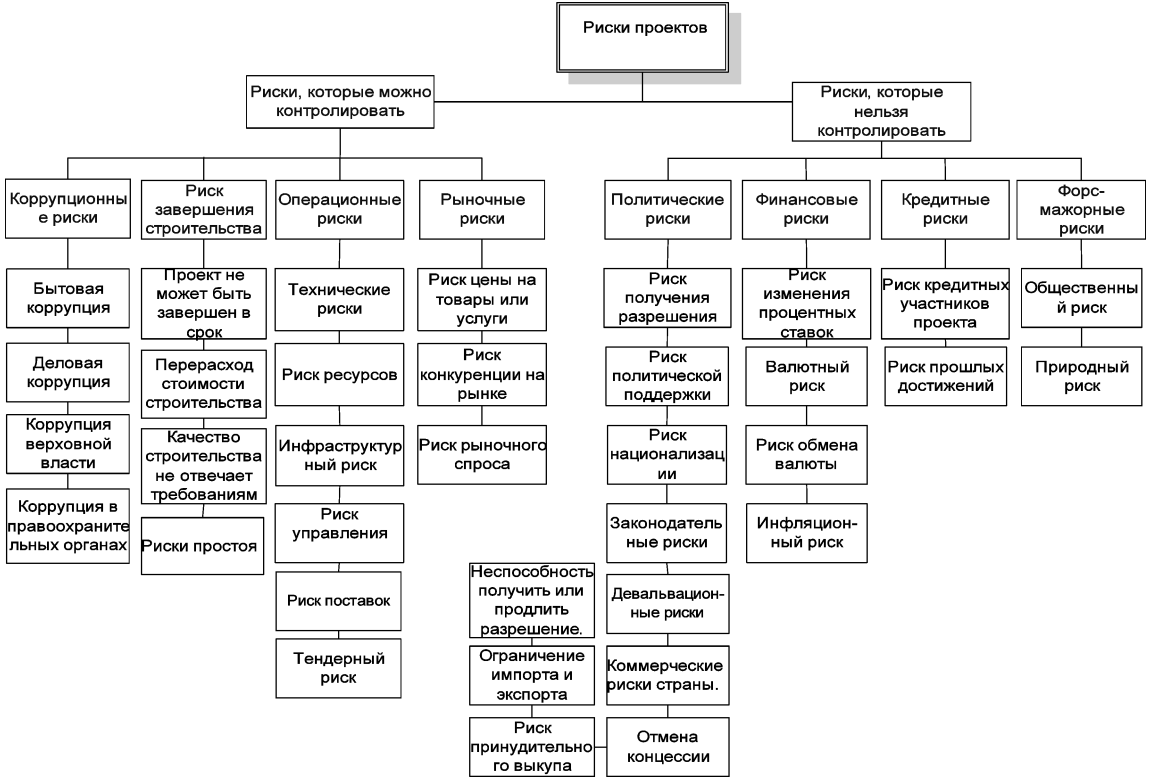


Рис. 1. Риски ГЧП проектов в российских условиях

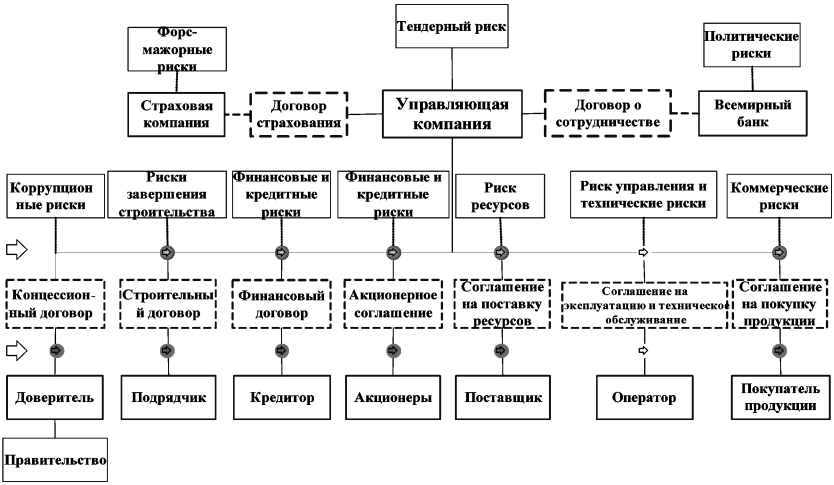


Рис. 2. Общая структура управляющей компании и схема распределения рисков по заключаемым соглашениям

распространенную схему реализации ГЧП проекта BOT (Build-Operate-Transfer).

Многие эксперты, исследующие риски проектов ГЧП, приходят к мнению, что одним из наиболее удобных и быстрых методов оценки рисков является метод экспертной оценки. Это связано с тем, что эксперт, обладающий опытом в данной сфере, может быстро оценить проект и дать заключение, опираясь на опыт, полученный ранее.

В ходе проведенного исследования автор получил топ-10 рисков российских и китайских экспертов с учетом факторов возникновения и влияние на проект.

Анализ рисков в категории «Вероятность»

Стоит отметить, что китайские компании и бизнесмены регулярно пытаются выйти на российский рынок. У них накоплен большой опыт взаимодействия с российским бизнесом, администрацией и правоохранительными органами. При рассмотрении трех главных рисков в категории «вероятность», такие как 1) перерасход стоимо-

Таблица 1. **ТОП-10 показателей, отражающих вероятности возникновения рисков по результатам опроса экспертов из РФ**

№	Категории	Показатель	Среднее
1	Риски, связанные с завершением строительства	Перерасход стоимости строительства проекта. Вероятность	4,05
2		Проект не может быть завершен в срок. Вероятность	3,95
3	Коррупционные риски	Деловая коррупция. Вероятность	3,52
4		Административная коррупция. Вероятность	3,05
5	Операционные риски	Тендерный риск. Вероятность	3,00
6	Рыночные риски	Риск цены на товары или услуги. Вероятность	3,00
7	Финансовые и кредитные риски	Валютный риск. Вероятность	3,00
8		Кредитный риск. Вероятность	3,00
9	Политические риски	Девальвационные риски. Вероятность	2,95
10	Операционные риски	Риск поставок. Вероятность	2,90

Таблица 2. **ТОП-10 показателей, отражающих вероятности возникновения рисков по результатам опроса экспертов из КНР**

№	Категории	Показатель	Среднее
1	Риски, связанные с завершением строительства	Перерасход стоимости строительства проекта. Вероятность	3,16
2		Качество строительства не отвечает требованиям. Вероятность	2,84
3	Рыночные риски	Риск рыночного спроса. Вероятность	2,79
4	Операционные риски	Риск ресурсов. Вероятность	2,74
5	Коррупционные риски	Административная коррупция. Вероятность	2,68
6		Деловая коррупция. Вероятность	2,68
7		Коррупция верховной власти. Вероятность	2,68
8		Коррупция правоохранительных органов. Вероятность	2,68
9	Риски, связанные с завершением строительства	Риск простоя. Вероятность	2,68

сти строительства проекта; 2) качество строительства не отвечает требованиям; 3) риск рыночного спроса. Можно увидеть явный акцент на стоимостную оценку проекта.

С точки зрения теории управления проектами и накопленных статистических данных в сфере реализации различных строительных проектов, в более 80 % случаев происходит перерасход средств. Это случается даже с учетом управленческого резерва. Также сдвигаются сроки окончания проектов.

В открытых источниках регулярно появляется информация о перерасходе средств относительно реализации инфраструктурных проектов в РФ.

Руководители на высшем уровне сдвигают даты окончания строительства инфраструктурных объектов. Безусловно, данная информация поступает и в китайские источники, что сказывается на оценке китайскими экспертами российской среды. По результатам опроса российские эксперты гораздо выше оценили проблемы с завершением проекта, чем китайские коллеги. Это может свидетельствовать о том, что китайские эксперты оценивают среду другого государства, опираясь на реалии в своей стране. Риск рыночного спроса относительно данного проекта еще раз подчеркивает возможные изменения на макроэкономическом уровне. В данной категории рос-

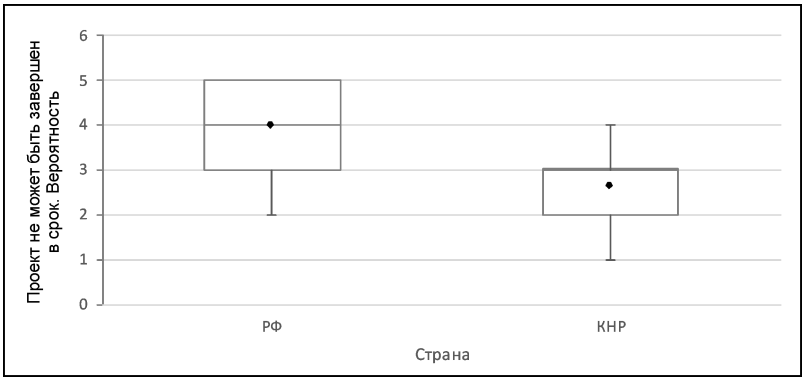


Рис. 3. Статистические показатели для каждого значения переменной «Страна» по показателю «Проект не может быть завершен в срок. Вероятность»

сийские эксперты к трем основным факторам с высокой степенью вероятности отнесли риск, связанный с перерасходом стоимости строительства, риск отсрочки завершения проекта, а также риск деловой коррупции.

Стоит отметить, что российские и китайские эксперты оценили степень возникновения коррупционных рисков как очень высокую. Российские эксперты были более критичны в своих оценках. Коррупционные риски не являются чем-то новым или экстраординарным для экономики любой страны, однако, чем ниже окажется влияние данных рисков на проекты, тем выше будет инвестиционная привлекательность регионов.

Разные регионы России сильно продвинулись в сфере привлечения инвестиций и создания благоприятных условий для иностранных инвесторов. Например, в Амурской области реализуется стратегия «Одного окна», когда инвестору не требуется большое количество времени для продвижения своей идеи и выхода на региональные власти. Чтобы снизить возможность возникновения коррупционных рисков и создать доверительную среду, по мнению автора статьи, одним из возможных способов решения может быть создание в региональных центрах дополнительных бизнес-кейсов по инвестиро-

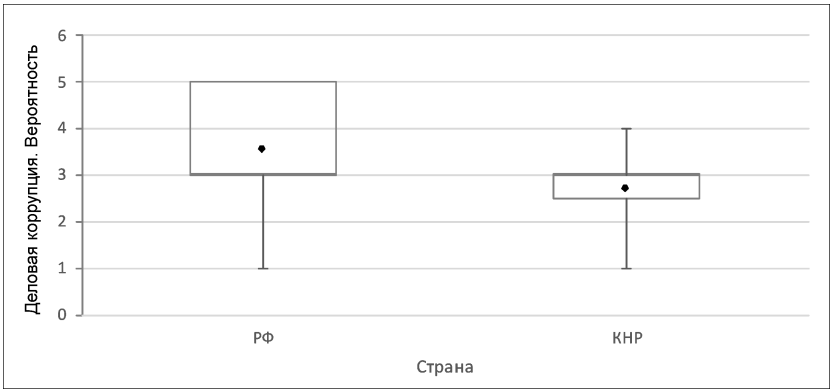


Рис. 4. Статистические показатели для каждого значения переменной «Страна» по показателю «Деловая коррупция. Вероятность»

ванию в проекты на территории Российской Федерации. Создание бизнес-кейсов потребует дополнительного взаимодействия между российской и китайской сторонами. У китайской стороны существуют определенные институты, через которые реализуются стратегии и способы поддержки китайских инвестиций и бизнесменов. Подобный уровень взаимодействия потребует привлечения к данной проблеме сторонних участников из научной среды и бизнеса.

Анализ рисков в категории «Влияние»

В категории «Влияние» тремя основными рисками с российской и китайской стороны, по мнению экспертов, являются риски, связанные с завершением строительства инфраструктурного объекта.

Как видно из представленных выше данных, российские эксперты предполагают, что уровень влияния данного риска будет выше. Как уже отмечал автор статьи, многие проекты сталкиваются с подобной проблемой. Однако учитывая тот факт, что многие комплектующие закупаются за рубежом, курсовая разница будет напрямую влиять на конечную стоимость проекта. Китайские эксперты оценивают влияние данного риска ниже, чем российские. Это может быть связанно с относительно стабильной стоимостью китайского юаня.

Еще одна оценка экспертов, которая вызывает интерес, связана с риском получения разрешения на проект. Зная особенности работы различных ведомств и подразделений, российские эксперты также оценили степень влияния данного риска на проект как очень высокую. В основе мнения китайских экспертов может лежать то, что в Китае иностранным компаниям предоставляются специальные условия в решении вопросов, связанных с получением разрешения. То есть эксперты полагают, что российская сторона будет содействовать в решении данных вопросов, поэтому они оценили степень влияния данного риска на уровне среднего.

Использование экспертных методов при расчете рисков проекта выявило как плюсы, так и минусы данного метода. К плюсам относятся универсальность метода, возможность анализировать большое количество факторов, способность учитывать мнение большого числа экспертов. К минусам можно отнести субъективность мнения оценки экспертов.

Таблица 3. **ТОП-10 показателей, отражающих влияние рисков по результатам опроса экспертов из РФ**

№	Категории	Показатель	Среднее
1	Риски, связанные с завершением строительства	Перерасход стоимости строительства проекта. Влияние	4,14
2		Проект не может быть завершен в срок. Влияние	3,81
3	Дополнительные риски	Банкротство компании. Влияние	3,76
4	Политические риски	Риск получения разрешения. Влияние	3,71
5	Операционные риски	Тендерный риск. Влияние	3,48
6	Коррупционные риски	Деловая коррупция. Влияние	3,43
7	Политические риски	Законодательные риски. Влияние	3,43
8	Кредитные риски	Кредитный риск. Влияние	3,43
9	Политические риски	Девальвационные риски. Влияние	3,38
10	Коррупционные риски	Административная коррупция. Влияние	3,33

Таблица 4. **ТОП-10 показателей, отражающих влияние рисков по результатам опроса экспертов из КНР**

№	Категории	Показатель	Среднее
1	Риски, связанные с завершением строительства	Качество строительства не отвечает требованиям. Влияние	3,84
2		Риск простоя. Влияние	3,47
3		Проект не может быть завершен в срок. Влияние	3,32
4	Операционные риски	Технические риски. Влияние	3,21
5	Дополнительные риски	Банкротство компании. Влияние	3,21
6	Рыночные риски	Риск рыночного спроса. Влияние	3,16
7	Риски, связанные с завершением строительства	Перерасход стоимости строительства проекта. Влияние	3,11
8	Коррупционные риски	Коррупция правоохранительных органов. Влияние	3,05

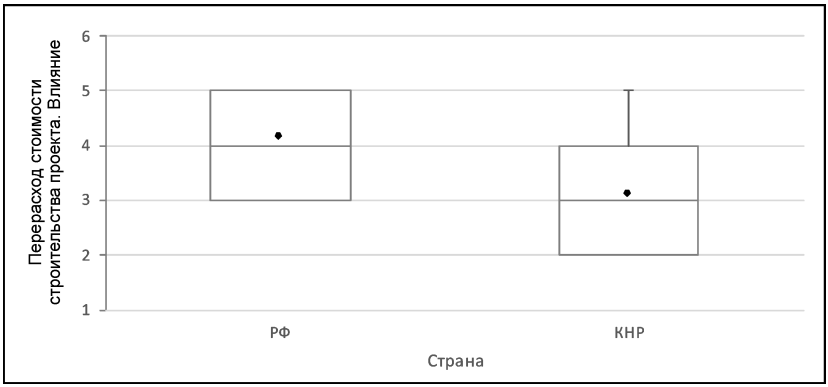


Рис. 5. Статистические показатели для каждого значения переменной «Страна» по показателю «Перерасход стоимости строительства проекта. Влияние»

По результатам проведенного анализа сравнения двух стран было получено, что статистически значимые различия наблюдаются по следующим количественным показателям: «Деловая коррупция. Вероятность», «Проект не может быть завершен в срок. Вероятность», «Перерасход стоимости строительства проекта. Вероятность», «Перерасход стоимости строительства проекта. Влияние», «Риск ресурсов.

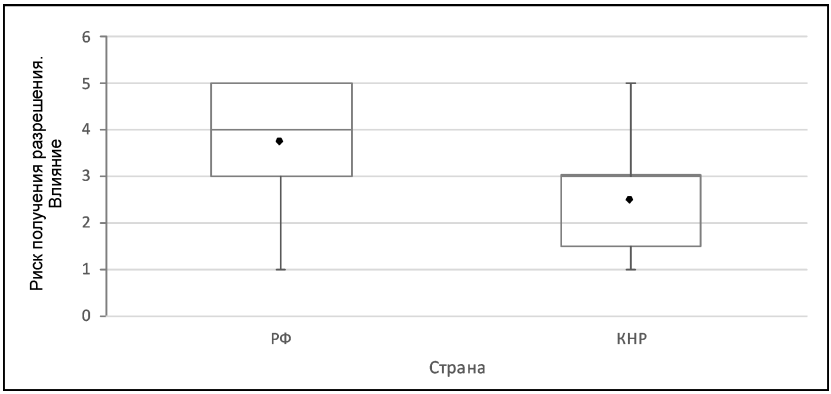


Рис. 6. Статистические показатели для каждого значения переменной «Страна» по показателю «Риск получения разрешения. Влияние»

Вероятность», «Риск получения разрешения. Влияние», «Риск национализации. Вероятность», «Отмена концессии. Вероятность», «Риск прошлых достижений. Влияние», «Банкротство компании. Вероятность».

По результатам факторного анализа для категории «вероятность возникновения рисков» экспертами из РФ было выделено три фактора: «Макроэкономические изменения. Вероятность», «Политический риск», «Коррупция правоохранительных органов», которые в совокупности объясняют 59 % всех изменений исходных показателей; эксперты из КНР выделили следующие факторы: «Политэкономический риск», «Инфраструктурный риск», «Коррупционный риск», которые в совокупности объясняют 65 % всех изменений исходных показателей.

На сегодняшний день в открытых источниках очень мало информации об оценке рисков совместных российско-китайских ГЧП проектов. Это в первую очередь связано с небольшим количеством реализованных проектов. Интерес к двустороннему сотрудничеству в сфере ГЧП проектов со стороны руководства и бизнеса двух стран нарастает.

Подобные исследования могут помочь не только определить оптимальные бизнес-модели для сотрудничества в перспективе, но и снизить уровень влияния рисков на проект. Безусловно, входя в проект, инвесторы сталкиваются с другой бизнес-средой, однако зачастую их оценка бизнес-среды другого государства строится на представлениях и знаниях о механизмах и законах в своей стране. Подобные исследования расширяют представление о рисках бизнес-среды в РФ для инвесторов и компаний из КНР, а также иллюстрируют оценку китайских экспертов по отношению к ситуации в России.

Недооценка рисков всегда приводит к финансовым потерям, что сказывается на репутации и будущих инвестициях. Автор предлагает продолжить исследования в сфере разработки бизнес-кейсов в центрах по привлечению инвестиций на региональных уровнях, а также активизировать работу с научными организациями двух стран с целью расширения сотрудничества между нашими государствами.

Библиографический список

1. Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике России: учебник / под ред. О.В.Иванова; П.Л. Селезнев, А.А. Галкин и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. экономич. политики и государственно-частного партнерства. М.: МГИМО-Университет, 2018.

2. Статистика изменений в количестве и масштабе сделок в сфере ГЧП проектов в 300 городах Китая в 2017 г. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1590007335958115343&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 15.04.2020).

References

1. Mekhanizmy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v ekonomicheskoy politike Rossii: uchebnik [Mechanisms of public-private partnership in the economic policy of Russia] / pod red. O.V. Ivanova; [pod red. O.V.Ivanova, P.L.Seleznev, A.A.Galkin i dr.] ; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnosheniy (un-t) MID Rossii, kaf. ekonomich. Politiki i gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. M.: MGIMO University, 2018.

2. Statistics of changes in the number and volume of transactions in the field of PPP projects in 300 cities of China in 2017. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1590007335958115343&wfr=spider&for=pc (accessed: 15.04.2020).

С.Н. Жилкибаев

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНА КНР «ОБ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЯХ»

Аннотация. В статье исследуется новинка инвестиционного законодательства КНР: закон «Об иностранных инвестициях» 2019 г., вступивший в силу с 2020 г. на позициях континентальной и советской правовой семьи, и смешанного статуса экономики. Подчеркивается положительная линия прогресса на дарование иностранным инвесторам национального статуса (с возможностью преференциального режима и единым негативным списком) при широком толковании понятий «инвестиции» и «инвестор» при современной корпоративной правосубъектности иностранных инвестиций в КНР в лице компаний и товариществ плюс филиалы и представительства иностранных компаний. При этом старые советские организационно-правовые формы иностранных инвестиций в лице совместных и иностранных предприятий прекращают свою обязательную силу.

Повышается степень либерализации, открытости, управляемости, сервисности и правовой защиты иностранных инвестиций в КНР согласно международным стандартам. Полномочия государственного управления иностранными инвестициями сформулированы достаточно обобщенно и расплывчато, распределены с немалой автономией региональных и местных властей.

Иностранные эксперты, выделяя неблагоприятную политэкономическую ситуацию принятия современного закона в области иностранных инвестиций, считают, что данное решение политического руководства КНР несколько запоздало, ибо мировая экономика скатывается в состояние всеобщей рецессии и кризиса. Одна-

ко с помощью данного инструмента Китай лишним образом показал свою основную роль в использовании методов и системы глобализации в оппонировании политике национального протекционизма США.

Таким образом, на фоне понижательной тенденции китайского экономического роста, тесно связанного с международной торговлей и инвестициями, китайское руководство модернизирует государственно-правовое регулирование внешнеэкономической деятельностью, оставляя при этом широкий простор для административного усмотрения в силу политэкономической конъюнктуры.

Ключевые слова: Китай, КНР, экономика, внешнеэкономическая деятельность, иностранные инвестиции, законодательство, гражданское право, предпринимательское право, корпоративное право, коммерческие организации с иностранными инвестициями.

Автор: *Жилкибаев Санат Нурболович*, аспирант, Департамент правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: prozrach@mail.ru

Zhilkibaev Sanat N.

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE CHINESE FOREIGN INVESTMENTS LAW

Abstract. The article examines the novelty of the investment legislation of the PRC: «Foreign Investments Law» of 2019, which entered into force in 2020 on the positions of the continental and Soviet legal families, and the mixed status of the economy. A positive line of progress is emphasized on granting foreign investors national status (with the possibility of preferential treatment and a single negative list) with a broad interpretation of the concepts of "investment" and "investor" with the modern corporate personality of foreign investment in China represented by companies and partnerships plus branches and representative offices of foreign companies. At the same time, the old Soviet organizational and legal forms of foreign investment in the face of joint and foreign enterprises cease to be binding.

The degree of liberalization, openness, manageability, serviceability and legal protection of foreign investment in China is increasing in accordance with international standards. The powers of public administration (control and supervision plus directions with the help of economic methods) by foreign investments are formulated quite generalized and vague, distributed with considerable autonomy of regional and local authorities.

Foreign experts, highlighting the unfavorable political and economic situation of the adoption of a modern law in the field of foreign investment, believe that this decision of the political leadership of the PRC is somewhat late, because the global economy is slipping into a state of general recession and crisis. However, with this tool, China has once again shown its main role in using the methods and system of globalization in opposing the US national protectionism policy.

Thus, against the background of a downward trend in Chinese economic growth, closely associated with international trade and investment, the Chinese leadership is modernizing the state-legal regulation of China's foreign economic activity, leaving, at the same time, wide scope for administrative discretion due to the political economic situation.

Keywords: China, PRC, economy, foreign economic activity, foreign investment, legislation, civil law, business law, corporate law, commercial organizations with foreign investment.

Author: *Zhilkibaev Sanat Nurbolovich*, postgraduate student, Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: prozrach@mail.ru

Долгосрочной целью экономической политики современного российского государства и общества является переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели социально-ориентированного типа экономического развития, что связано с формированием нового механизма социального прогресса. Одним из направлений этого процесса является расширение и укрепление внешнеэкономических позиций РФ, повышение эффективности ее участия в мировом разделении труда, в том числе использование возможностей глобализации для привлечения в страну капиталов, технологий и квалифицированных кадров, т. е. активное привлечение и накопление иностранных инвестиций.

В последнее время одним из самых главных внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров России является Китай. Крайне поучителен сравнительно-правовой опыт наших стран в области привлечения и накопления иностранных инвестиций в качестве одного из основных драйверов развития национальной экономики в современное время. По данным Всемирного банка, Китай

занял 46 место в мире по легкости ведения бизнеса в 2018 г. по сравнению с 78 в 2017 г. Так, к концу 2018 г. иностранные компании создали в Китае около 960 тыс. предприятий в соответствии с объемом инвестиций более 2 трлн долл. Они сыграли значительную роль в содействии устойчивому развитию экономики Китая, оптимизации промышленной структуры страны и совершенствованию рыночных механизмов [9].

В процессе этого двустороннего политико-экономического сотрудничества и партнерства многие акторы сталкиваются с большими трудностями экономического, языкового, социокультурного, а также правового характера. Для эффективного ведения инвестиционной деятельности КНР в РФ и наоборот необходимо знание основ двусторонних договоров, национального законодательства и, прежде всего, важно разумно выбрать организационно-правовую форму прямых иностранных инвестиций в странах-партнерах в различных видах коммерческих организаций с иностранными инвестициями.

В настоящее время право КНР в целом находится на пятом этапе своего развития (2011 г. — по н.в.), который связан с усилиями развития права в целях достижения верховенства закона, повышения государственной безопасности, достижения общественной стабильности и конструктивного обслуживания экономического развития [4, с. 37—39] [8, с. 91—126]. Данный период выделяется принятием Закона КНР «Об иностранных инвестициях» в 2019 г. и правила его применения (законопроект стал разрабатываться с 2011 г. [9] [11] [7], поэтапным принятием Гражданского Кодекса КНР (законопроект стал разрабатываться с 2014 г.): в 2017 г. была принята «Общая часть гражданского права» (с развернутой главой «Юридические лица») и серьезно модернизованы остальные институциональные законы (в том числе о разновидностях юридических лиц), регулирующие разновидности юридических лиц с последующими планами принять полноценный Гражданский Кодекс КНР в 2020 г. [3] [8, с. 115].

Помимо данных законов в раздел «Право иностранных инвестиций» входят следующие нормативные правовые акты: Закон о подоходном налоге с предприятий и правила его применения; Каталог руководящих материалов для иностранных инвестиционных компаний; Закон о защите инвестиций соотечественников Тайваня и пра-

вила его применения; Положения о слияниях и поглощениях отечественного предприятия иностранными инвесторами; Положение об учреждении инвестиционных компаний иностранными инвесторами; Временные положения, касающиеся некоторых вопросов создания акционерных обществ с иностранными инвестициями; Управление положениями предприятий с иностранными инвестициями; Меры по стратегическому инвестированию иностранных инвесторов в листинговые компании; Временное положение о реинвестировании территорий с иностранными инвестициями; Временное положение Министерства торговли об акционерном капитале предприятий с иностранными инвестициями [12].

В настоящее время иностранные инвесторы в КНР не вправе быть зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП), а иностранные юридические лица (включая филиалы и представительства) ограничены в возможностях ведения деятельности в силу действия единого негативного списка отраслей для иностранных инвестиций [1, с. 61—93] [5, с. 176—201] [6, с. 336—368].

Новейший системный закон КНР «Об иностранных инвестициях» от 15.03.2019 г., который вступит в силу 01.01.2020 г., сформулированный в соответствии с Конституцией КНР с целью дальнейшего расширения открытости, энергичного поощрения иностранных инвестиций, защиты законных прав и интересов иностранных инвесторов, стандартизирует управление иностранными инвестициями, мотивирует к формированию новой модели всестороннего открытия и стимулируют устойчивое развитие социалистической рыночной экономики в Китае.

Подчеркивается положительная линия прогресса на дарование иностранным инвесторам национального правового статуса: полное равноправие предприятий с иностранным капиталом и национальных предприятий как в аспектах производства и коммерции, так и финансов, налогообложении (с возможностью преференциального режима согласно международной договоренности с единым негативным списком отраслей экономики (ограниченных для иностранных инвестиций) постоянно уменьшающимся правительством — ранее был лишь режим наибольшего благоприятствования плюс были отрасли экономики, полностью запрещенные для иностранного ин-

вестирования) при широком понимании инвестиций (без ее количественного и качественного показателей) и инвестора при современной однотипной корпоративной правосубъектности иностранных инвестиций в КНР в лице компаний и товариществ плюс филиалы и представительства иностранных компаний. При этом старые советские организационно-правовые формы иностранных инвестиций в лице совместных и иностранных предприятий прекращают свою обязательную необходимость.

Закон под иностранными инвестициями понимает инвестиционную деятельность, прямо или косвенно осуществляемую иностранным физическим лицом, предприятием или другой организацией («иностранные инвесторы»), включает широкий список форм иностранных инвестиций:

1. Иностранный инвестор создает предприятие с иностранным капиталом на территории Китая самостоятельно или совместно с любым другим инвестором;

2. Иностранный инвестор приобретает акции, имущественные доли/паи или любые другие аналогичные имущественные права и интересы на территории Китая;

3. Иностранный инвестор осуществляет инвестиции для инициирования нового проекта на территории Китая независимо или совместно с любым другим инвестором;

4. Иностранный инвестор может осуществлять инвестиции любым другим способом, предусмотренным законодательством КНР.

Под предприятием с иностранным капиталом понимается предприятие, которое зарегистрировано в соответствии с китайским законодательством на территории Китая с полным или частичным (без указания нормативной минимальной доли) иностранным капиталом. Организационно-правовая форма, институциональные рамки и стандарты функционирования предприятия, финансируемого из-за рубежа, регулируются положениями законов КНР «О компаниях», «О товариществе» и других законов: т. е. в форме компаний с ограниченной ответственностью, акционерных компаний с ограниченной ответственностью, полных и ограниченных товариществ, как и в РФ.

Новейший закон с вступлением в силу аннулирует действие морально устаревших законов КНР «О совместных паевых предприяти-

ях китайско-иностранного капитала», «О предприятиях иностранного капитала», и «О совместных кооперационных предприятиях китайско-иностранного капитала». При этом указано, что предприятия с иностранными инвестициями старых организационно-правовых форм, учрежденные до вступления закона КНР «Об иностранных инвестициях», могут сохранить свою первоначальную организационно-правовую форму в течение 5 лет.

Процесс учреждения и государственной регистрации предприятия с иностранными инвестициями максимально упрощен и полностью аналогичен процедурам для китайского предприятия (для полностью открытых для иностранного инвестирования отраслей экономики).

Плюс «Общей частью гражданского права» установлено, что юридическое лицо может создавать филиалы своей организации в соответствии с законом. В «Общих положениях гражданского права» 1986 г. положений о филиале юридического лица вообще не существовало. В случаях, установленных законом или административными нормами, предусматривается регистрация филиалов. Специальные нормы по данной тематике содержатся в законе КНР «О компаниях» 1993 г. В тех случаях, когда филиал участвует в гражданских правоотношениях от своего имени, возникшую гражданскую ответственность несет юридическое лицо или филиал с субсидиарной ответственностью юридического лица. Филиал компании (включая филиал иностранной компании и смешанной компании с совместным капиталом, совместные предприятия, дочерние фирмы, подразделения розничной торговли, отделы сбыта) не является юридическим лицом. Они обладают ограниченной правосубъектностью в целях расширения и увеличения объемов деятельности, гражданско-правовую ответственность за которую несет сама иностранная компания. Представительство предусмотрено лишь для иностранных юридических лиц [1, с. 86—90] [5, с. 186—201] [6, с. 360].

Повышается степень либерализации, открытости, управляемости, сервисности и правовой защиты иностранных инвестиций (особенно в области защиты прав интеллектуальной собственности при совместном использовании технологий и их передаче китайским коллегам, а также во взаимоотношениях с национальными властя-

ми) в КНР согласно международным стандартам. Иностранные инвесторы уполномочены на равноправный диалог, как с китайским бизнесом, так и с китайским государством, как лично, так и через торгово-промышленные палаты и ассоциации (союзы) посредством права на заявления, жалобы, предложения и переговоры по касающимся их интересов вопросов и правоотношений, а также к системе государственных услуг бизнесу плюс равноправное участие в системе государственных закупок.

Полномочия государственного управления по привлечению, поощрению накоплению, а также контролю и надзору плюс управления с помощью экономических методов иностранными инвестициями достаточно обще и расплывчато распределены с немалой автономией для региональных и местных властей [2].

Таким образом, Китай в течение долгого переходного периода от плановой к рыночной экономике при большой роли иностранных инвестиций и в силу родства национальных правовых систем — романо-германской (континентальной) правовой семьи — в итоге, установил систему инвестиционного права (в том числе касательно организационно-правовых форм иностранных инвестиций): компании и товарищества с полным или частичным (без указания нормативной минимальной доли) иностранным капиталом.

При этом в отсутствие единого системного НПА, регулирующего иностранные инвестиции КНР, а также корпоративного и в целом гражданского законодательства достигла максимума полезного эффекта от них, что увенчало принятие новейшего системного закона «Об иностранных инвестициях» в условиях глубоко изменившейся мировой политики и экономики (взаимоотношения КНР и США). Это приводит к тому, что проблемы привлечения и накопления прямых иностранных инвестиций (ПИИ) лежат не только и не столько в области права, сколько в области политики, культуры, но в основном, экономики.

Иностранные эксперты удовлетворительно оценивают юридическую технику и функционал данного закона, выделяя неблагоприятную политэкономическую ситуацию принятия современного закона в области иностранных инвестиций, считают, что данное решение политического руководства КПК несколько запоздало, ибо

мировая экономика скатывается в состояние всеобщей рецессии и кризиса. Однако с помощью данного инструмента Китай лишний раз показал свою основную роль в использовании метода и системы глобализации со свободной торговлей и инвестициями в оппонирование усиливающемуся национальному протекционизму США, что положительно скажется на китайской экономике в долгосрочной перспективе [10] [13] [14] [15] [16] [17] [18] [19].

Таким образом, на фоне понижательной тенденции китайского экономического роста, тесно связанного с международной торговлей и инвестициями, китайское руководство модернизирует государственно-правовое регулирование внешнеэкономической деятельностью Китая, оставляя при этом широкий простор для административного усмотрения в силу политэкономической конъюнктуры.

Библиографический список

1. *Бажанов П.В.* Ведение бизнеса в Китае: правовые аспекты. Выпуск 1: Обзор правовой среды для бизнеса: книга для юристов, сопровождающих бизнес. М.: Инфотропик Медиа, 2015.

2. Гоуюань гуаньюй цзиньибу цзуо хао лиюн вайцзы гунцзуо дэ ицзянь [Мнения Госсовета о дальнейшем улучшении использования иностранного капитала]: Распоряжение Правительства КНР № 23 от 30 октября 2019 г., принят Госсоветом КНР // Гоуюань (Государственный совет КНР). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-11/07/content_5449754.htm (дата обращения: 10.11.2019).

3. Китай принял Общие положения гражданского права // Синьхуа Новости. 15.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-03/15/c_136131834.htm (дата обращения: 22.09.2017).

4. *Трощинский П.В.* Правовая система Китая: монография. М.: ИДВ РАН, 2016.

5. Правовые основы бизнеса в Китае: коллективная монография / отв. ред. А.Е. Молотников, В. Шань. М.: Изд-во РКЮО, 2018.

6. 100 вопросов о российском и китайском праве: Краткое сравнительно-правовое исследование гражданского и торгового права: коллективная монография / Бужинская Е.В., Васильев А.С., Губарева А.В. [и др.]; под ред. С.А. Степанова, Ю. Фейтао. М.: Проспект; Екб.: Институт частного права, 2016.

7. Чжунхуа жэньминь гунхэго вайшан тоуцзы фа шиши тяоли [«Правила реализации Закона об иностранных инвестициях Китайской Народной Республ-

лики»]: Постановление Правительства КНР № 723 от 12 декабря 2019 г., принят 74-м исполнительным заседанием Государственного совета // Гоуюань (Государственный совет КНР). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-12/31/content_5465449.htm (дата обращения: 10.10.2019).

8. *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949—2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР): монография. М.: Издательский дом ВКН, 2018.

9. China Focus: China adopts foreign investment law [Фокус Китая: Китай принимает закон об иностранных инвестициях] // Xinhua. 15.03.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-03/15/c_137897089.htm (дата обращения: 10.10.2019).

10. China Introduces New Foreign Investment Law, Negative Lists, and Encouraged Industries Catalogue [Китай вводит закон об иностранных инвестициях, негативный лист и каталог для поощрения инвестиций] // Latham & Watkins. 2019. № 2531 P. 1—9.

11. Foreign Investment Law of the People's Republic of China [закон КНР «Об иностранных инвестициях»]: закон КНР от 15 марта 2019 г., принят Всекитайским собранием народных представителей 13-го созыва // Invest in China. URL: http://www.fdi.gov.cn/1800000121_39_4872_0_7.html (дата обращения: 10.10.2019).

12. Foreign investment-related laws and regulations [Законы и положения, относящиеся к законодательству об иностранных инвестициях] // Invest in China. URL: http://investinchina.chinadaily.com.cn/a/201805/29/WS5c7e2a81498e27e3380399ec.html (дата обращения: 10.10.2019).

13. *Glueck Ulrike, Chen Angela*. Introduction to the Foreign Investment Law [Глюэк Ульрике, Чэнь Анджела. Введение в закон об иностранных инвестициях] // Lexology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=cbc9d8aa-a243-420b-b9d4-0fe2f23486a2 (дата обращения: 03.12.2019).

14. *Koty Alexander Chipman.* China Announces New Foreign Investment Law [Коти Александр Чипман. Китай объявляет о принятии нового закона об иностранных инвестициях] // China Briefing. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-announces-new-foreign-investment-law/ (дата обращения: 03.12.2019).

15. New legislation preps China as an attractive investment destination [Новое законодательство создает Китай в качестве привлекательного места для инвестиций]. London: Ernst & Young Global Limited, 2019. — 16 p.

16. The new Chinese Foreign Investment Law [Новый китайский закон об иностранных инвестициях] // Newsletter Lorenz & Partners. 2019. № 223. P. 1—10.

17. *Schaub Mark, Zhao Atticus, Xueyun Dai, Wei Zheng.* China Foreign Investment Law: How Will It Impact the Existing FIEs? (Шауб Марк, Чжао Аттикус, Сюэюнь Дай, Вэй Чжан. Закон Китая об иностранных инвестициях: как он повлияет на существование предприятий с иностранными инвестициями) // King & Wood

Mallesons. URL: https://www.chinalawinsight.com/2019/06/articles/foreign-investment/china-foreign-investment-law-how-will-it-impact-the-existing-fies/ (дата обращения: 03.12.2019).

18. *Zhang Z. Alex, Tsoi Vivian.* China Adopts New Foreign Investment Law [Чжан Ц. Алекс, Цой Вивиан. Китай принимает новый закон об иностранных инвестициях] // White & Case LLP. URL: https://www.whitecase.com/publications/alert/china-adopts-new-foreign-investment-law (дата обращения: 03.12.2019).

19. *Zhou Qian*. China's New Foreign Investment Law: A Backgrounder [Чжоу Цян. Новый китайский закон об иностранных инвестициях: обзор] // China Briefing. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-new-foreign-investment-law-backgrounder/ (дата обращения: 03.12.2019).

References

1. *Bazhanov, P.V.* Vedenie biznesa v Kitae: pravovye aspekty. Vypusk 1: Obzor pravovoj sredy dlya biznesa: kniga dlya yuristov, soprovozhdayushchih biznes. [Doing business in China: legal aspects. Issue 1: Overview of the legal environment for business: a book for lawyers accompanying the business] M.: Infotropik Media, 2015.

2. Guowuyuan guanyu jinyibu zuohao liyong waizi gongzuo de yijian [State Council of China Opinions on Further Improving the Use of Foreign Capital] // Gouyuan' (Gosudarstvennyj sovet KNR). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-11/07/content_5449754.htm (data obrashcheniya: 10.11.2019).

3. Kitaj prinyal Obshchie polozheniya grazhdanskogo prava. [China has adopted the General Provisions of Civil Law.] // Sin'hua Novosti. 2017. 15 marta. URL: http://russian.news.cn/2017-03/15/c_136131834.htm (data obrashcheniya: 22.09.2017).

4. *Troshchunskiy P.V.* Pravovaya sistema Kitaya: monografiya [The legal system of China]. M.: IDV RAN, 2016.

5. Pravovye osnovy biznesa v Kitae: kollektivnaya monografiya [The legal basis of business in China: a collective monograph] / otv. red. A.E. Molotnikov, V. SHan'. M.: Izdatel'stvo RKYUO, 2018.

6. 100 voprosov o rossijskom i kitajskom prave: Kratkoe sravnitel'no-pravovoe issledovanie grazhdanskogo i torgovogo prava: kollektivnaya monografiya / 3. Buzhinskaya E.V., Vasil'ev A.S., Gubareva A.V. [i dr.]; pod red. S.A. Stepanova, YU. Fejtao [100 questions about Russian and Chinese law: A brief comparative legal study of civil and commercial law: a collective monograph]. M.: Prospekt. Ekb.: Institut chastnogo prava, 2016.

7. Zhonghua renmin gongheguo waishang touzifa shishi tiaoli [Rules for Implementing the Foreign Investment Law of the People's Republic of China: Decree of the Government of the PRC] // Gouyuan' (Gosudarstvennyj sovet KNR). URL: http://

www.gov.cn/zhengce/content/2019-12/31/content_5465449.htm (data obrashcheniya: 10.10.2019).

8. *Troshchinskiy P.V.* Evolyuciya pravovoj sistemy Kitajskoj Narodnoj Respubliki (1949—2018 gg.): istoriko-pravovoj aspekt (s perechnem dejstvuyushchih zakonov KNR): monografiya [Evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949—2018): historical and legal aspect (with a list of applicable laws of the PRC): monograph.] M.: Izdatel'skij dom VKN, 2018.

9. China Focus: China adopts foreign investment law // Xinhua. 2019. 15 marta. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-03/15/c_137897089.htm (data obrashcheniya: 10.10.2019).

10. China Introduces New Foreign Investment Law, Negative Lists, and Encouraged Industries Catalogue // Latham & Watkins. 2019. № 2531. R. 1—9.

11. Foreign Investment Law of the People's Republic of China // Invest in China. URL: http://www.fdi.gov.cn/1800000121_39_4872_0_7.html (data obrashcheniya: 10.10.2019).

12. Foreign investment-related laws and regulations // Invest in China. URL: http://investinchina.chinadaily.com.cn/a/201805/29/WS5c7e2a81498e27e3380399ec.html (data obrashcheniya: 10.10.2019).

13. *Glueck Ulrike, Chen Angela*. Introduction to the Foreign Investment Law // Lexology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=cbc9d8aa-a243-420b-b9d4-0fe2f23486a2 (data obrashcheniya: 03.12.2019).

14. *Koty Alexander Chipman*. China Announces New Foreign Investment Law // China Briefing. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-announces-new-foreign-investment-law/ (data obrashcheniya: 03.12.2019).

15. New legislation preps China as an attractive investment destination. London: Ernst & Young Global Limited, 2019. — 16 r.

16. The new Chinese Foreign Investment Law // Newsletter Lorenz & Partners. 2019. № 223. P. 1—10.

17. *Schaub Mark, Zhao Atticus, Xueyun Dai, Wei Zheng*. China Foreign Investment Law: How Will It Impact the Existing FIEs? // King & Wood Mallesons. URL: https://www.chinalawinsight.com/2019/06/articles/foreign-investment/china-foreign-investment-law-how-will-it-impact-the-existing-fies/ (data obrashcheniya: 03.12.2019).

18. *Zhang Z. Alex, Tsoi Vivian*. China Adopts New Foreign Investment Law // White & Case LLP. URL: https://www.whitecase.com/publications/alert/china-adopts-new-foreign-investment-law (data obrashcheniya: 03.12.2019).

19. *Zhou Qian*. China's New Foreign Investment Law: A Backgrounder // China Briefing. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-new-foreign-investment-law-backgrounder/ (data obrashcheniya: 03.12.2019).

Приложение

Д.С. Соседов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСНП О СОЗДАНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЯНГАНСКОГО ОСОБОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА (ГОНКОНГ)

Аннотация. В 2019 г. в Сянганском особом административном районе КНР (Гонконг) произошла серия протестных демонстраций против законопроекта об экстрадиции, предложенного местным правительством. Идеология протестов при этом была тесно связана с движением за независимость Сянгана, которое поддерживается частью местного населения. 15 июля 2019 г. рассмотрение законопроекта было приостановлено, однако протестующие не прекратили свою активность и выдвинули новые требования. В ходе демонстраций их участники неоднократно прибегали к актам хулиганства, вандализма и насилия в отношении представителей правоохранительных органов. Более того, протестующие открыто обращались с просьбами к иностранным государствам вмешаться в процесс и оказать необходимую поддержку. Официальные лица некоторых стран мира неоднократно высказывались в СМИ с осуждением действий полиции Сянгана и центральных властей КНР в отношении протестов. Протестная активность продолжилась и в 2020 г., хотя и в меньших масштабах.

Результатом развития вышеуказанных событий стало принятие третьей сессией ВСНП 13-го созыва постановления «О создании и укреплении законодательной системы и исполнительных механизмов для обеспечения государственной безопасности Сянганского особого административного района» 28 мая 2020 г., более известного в СМИ как «Закон о безопасности Гонконга». Ст. 23 Основного закона Сянганского особого административного района Китайской Народной Республики предусматривает обязанность Сянгана по предупреждению и предотвращению сепаратистской и мятежной деятельности, а также иностранного вмешательства в дела Сянгана. Конституция КНР также содержит ряд норм, направленных на защиту от сепаратизма и иностранного вмешательства. Таким образом, принятие постановления ВСНП явилось следствием обострения ситуации в Сянгане. Перевод на русский язык содержания этого важного для российской науки правового документа приводится в настоящей публикации. Знание его положений будет способствовать более глубокому пониманию происходящих в Сянганском особом административном районе событий и реакции центрального правительства КНР на них.

Ключевые слова: Китай, Гонконг, ВСНП, закон, правовое регулирование, протесты, демонстрации, государственная безопасность.

Автор: *Соседов Дмитрий Сергеевич*, независимый исследователь.
E-mail: ds.sosedov@yandex.ru

Sosedov Dmitry S.

THE NPC DECISION ON ESTABLISHING AND IMPROVING THE LEGAL SYSTEM AND ENFORCEMENT MECHANISMS FOR THE HONG KONG SPECIAL ADMINISTRATIVE REGION TO SAFEGUARD NATIONAL SECURITY

Abstract. In 2019, a series of protests took place in the Hong Kong Special Administrative Region of China against the extradition bill proposed by the local government. The ideology of the protests was closely connected with the independence movement of Hong Kong, which is being supported by a part of the local population. On the 15th of July 2019, the consideration of the bill was suspended, but the protesters did not stop their activity and put forward new demands. During the demonstrations, their participants repeatedly resorted to acts of hooliganism, vandalism

and violence against representatives of law enforcement agencies. Moreover, protesters openly requested foreign states to intervene in the process and provide the necessary support. Officials in several countries of the world have repeatedly spoken out in the media condemning the actions of the Hong Kong police and the central authorities of the PRC regarding protests. The protest activity continued in 2020, albeit on a smaller scale.

The development of the above events resulted in the adoption of the resolution "On Establishing and Improving the Legal System and Enforcement Mechanisms for the Hong Kong Special Administrative Region to Safeguard National Security" by the third session of the 13th National People's Congress (NPC) on May 28, 2020, better known in the media as the "Hong Kong national security law". Art. 23 of the "Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China" provides for the obligation of Hong Kong to prevent separatist and rebellious activities, as well as foreign interference in the affairs of Hong Kong. The PRC Constitution also contains a number of rules aimed at protecting against separatism and foreign interference. Thus, the adoption of the NPC decision was a result of the aggravation of the situation in Hong Kong. The Russian translation of this important for Russian science legal document is given in this publication. Knowledge of its provisions will contribute to a deeper understanding of the events taking place in the Hong Kong Special Administrative Region and the related reaction of the Central Government of China.

Keywords: China, Hong Kong, NPC, law, regulation, protests, demonstrations, state security.

Author: *Sosedov Dmitry Sergeevich*, independent researcher.

E-mail: ds.sosedov@yandex.ru

Постановление Всекитайского собрания народных представителей «О создании и укреплении законодательной системы и исполнительных механизмов для обеспечения государственной безопасности Сянганского особого административного района»

(принято 28 мая 2020 г. на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва)

Третья сессия Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва рассмотрела предложение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о принятии «Постановления Всекитайского собрания народных представителей о создании и ук-

реплении законодательной системы и исполнительных механизмов для обеспечения государственной безопасности Сянганского особого административного района (проект)». Сессия считает, что в последнее время стали очевидными риски в сфере государственной безопасности в Сянганском особом административном районе. Движение за независимость Сянгана, раскол страны, насилие и терроризм, иная различная противозаконная деятельность наносит серьезный вред суверенитету, единству и территориальной целостности государства. Некоторые иностранные государства и зарубежные силы открыто вмешиваются в дела Сянгана, используют Сянган для осуществления деятельности, направленной на подрыв государственной безопасности Китая. В целях защиты суверенитета, безопасности и интересов развития государства, поддержания и совершенствования политики «одна страна — две системы», охраны долгосрочного процветания и стабильности Сянгана, обеспечения законных прав и интересов жителей Сянгана в соответствии с положениями ст. 31 и ч. 2, ч. 14, ч. 16 ст. 62 Конституции Китайской Народной Республики, а также на основе соответствующих положений «Основного закона Сянганского особого административного района Китайской Народной Республики» Всекитайское собрание народных представителей приняло нижеследующее решение:

1. Государство непреклонно, всесторонне и точно проводит курс, основанный на принципах «одна страна — две системы», «Сянганом управляют жители Сянгана» и на высокой автономии придерживается управления Сянганом на основе закона, охраняет установленный Конституцией и Основным законом Сянганского особого административного района Китайской Народной Республики конституционный порядок, принимает необходимые меры для создания и укрепления законодательной системы и исполнительных механизмов для обеспечения государственной безопасности Сянганского особого административного района, в соответствии с законом предупреждает и пресекает деятельность, посягающую на государственную безопасность, а также применяет наказания за ее осуществление.

2. Государство решительно противостоит вмешательству каким-либо способом любых иностранных государств и зарубежных сил в дела Сянганского особого административного района, принимает необходимые меры по его сдерживанию, в соответствии с законом предупреждает

и пресекает деятельность, направленную на использование Сянгана для осуществления раскола, подрыва, внедрения и разрушения, а также применяет наказания за осуществление подобной деятельности.

3. Защита суверенитета, единства и территориальной целостности государства является конституционной обязанностью Сянганского особого административного района. Сянганский особый административный район должен как можно быстрее завершить принятие законодательства в сфере обеспечения государственной безопасности, предусмотренное Основным законом Сянганского особого административного района. Административные, законодательные и судебные органы Сянганского особого административного района должны на основании соответствующих положений закона предупреждать и пресекать деятельность, угрожающую государственной безопасности, а также применять наказания за ее осуществление.

4. Сянганский особый административный район должен создавать и укреплять органы обеспечения государственной безопасности и соответствующие исполнительные механизмы, повышать правоприменительные навыки в сфере защиты государственной безопасности, усиливать правоприменительную работу по защите государственной безопасности. Соответствующие органы обеспечения государственной безопасности Центрального народного правительства при необходимости создают свои структурные подразделения в Сянганском особом административном районе, которые в соответствии с законом исполняют обязанности по защите государственной безопасности.

5. Глава Сянганского особого административного района должен регулярно представлять Центральному народному правительству доклад о положении дел в части исполнения Сянганским особым административным районом обязанностей по обеспечению государственной безопасности, проведения обучения в сфере государственной безопасности, пресечения в соответствии с законом деятельности, угрожающей государственной безопасности.

6. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей наделяется полномочиями принимать соответствующие законы по созданию и укреплению законодательной системы и исполнительных механизмов для обеспечения государственной безопасности

Сянганского особого административного района в целях надлежащего предупреждения, пресечения любой деятельности по расколу государства, подрыву государственной власти, организации, осуществления терроризма и иной серьезно посягающей на государственную безопасность деятельности и деятельности по вмешательству иностранных государств и зарубежных сил в дела Сянганского особого административного района, а также применения наказаний за осуществление подобной деятельности. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей постановил включить вышеуказанные законодательные положения в приложение 3 «Основного закона Сянганского особого административного региона Китайской Народной Республики», которые обнародуются и применяются в Сянганском особом административном районе.

7. Настоящее Постановление вступает в силу момента его обнародования.

Summary

Galenovich Yu.M.
D.Sc. (History), Professor, Head Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

BRIEF ABOUT "A CONCISE HISTORY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (1949—2019)"

Abstract. In 2019 the Institute of Contemporary China Studies published «A Concise History of the People's Republic of China (1949—2019)» (were published by Contemporary China Publishing House). The publication of this book adds a valuable general reference for the study of PRC history. In fact, this is a history book of the PRC, its official interpretation. The history of the PRC and the history of the Communist Party of China are inseparable. The book to describe how the Communist Party of China has led the people toward grand achievements through self-reliance and arduous struggle over the past 70 years. Therefore, there is reason to consider this book a modern "Short Course on the History of CPC—PRC". In China, it is recommended as a concise account of the 70 years of the history of «New China». It is also intended to eradicate "historical nihilism". Nihilistic historical views have at times emerged within China. Many people have been hoodwinked by one-sided comments or had their minds poisoned by rumors, leading them to believe in falsehoods. The periods of this 70-year history: First period: 1949—1956 — "The establishment of New China and the establishment of the basic socialist system". The second period: 1956—1978 — "Hard exploration and tortuous development of socialist construction". Third period: 1978—1992 — "The beginning of reform and opening up and the creation of socialism with Chinese characteristics". Fourth period: 1992—2002 — "Deepening reform and opening up and pushing socialism with Chinese characteristics to the 21st century". Fifth period: 2002—2012 — "Building a well-off society in an all-round way and adhering

to the development of socialism with Chinese characteristics". Sixth period: 2012—2019 — "Socialism with Chinese characteristics enters a New era". This is also the interpretation of the concept of socialism in China. The book contains a number of provisions related to our country and to our relations with CPC—PRC. Therefore, its study is extremely important and relevant for Russian sinology. This article provides only a brief overview of the published book.

Keywords: China, PRC, CPC, Mao Zedong, socialism, marxism, Deng Xiaoping, USA, USSR, history.

Karneev A.N.
Ph.D. (History), Professor, Head of the School of Asian Studies,
National Research University "Higher School of Economics";
Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: andrei_karneev@mail.ru

MAJOR PERIODS IN THE EVOLUTION OF CHINESE IDEOLOGICAL SPHERE IN THE ERA OF REFORMS AND OPENNES

Abstract. Starting from the 40th anniversary of the politics of reforms in China, and probably even before that, a serious discussion began in academic circles regarding the different facets of China's experience in pursuing reforms. In this article we undertook an attempt to track certain trends in the ideological evolution of the country, drawing upon the idea that the last four decades of PRC history could be dissected into four distinct periods and they are corresponding to the rules of the successive generations of PRC leaders. Such a bird's-eye-view approach can actually help an observer to see elements of continuity as well as manifestations of change and even disconnect. The main changes in trends are connected with the policy changes as well as shifts in social and economic environment. In the evolution of the ideas realm and intellectual atmosphere one could also discern certain cyclical elements, sometimes going back to the tendencies of the past periods.

The fourth period of ideological evolution which corresponds to the rule of the current leadership, is treated with a slightly more detailed approach. This period which actually had started with a kind of rhetorics making observers suggest a turn on the government level to a more liberal policy, in the direction of a closer integration with the Western-led international order, it later

showed some mutually contradictory initiatives and pronouncements, that persuaded many observers to suggest a «turn to the Left». None of this materialised however, as the «New Chinese authoritarianism» would rather make everything possible to ensure that all major ideological camps surrender their positions, sacrificing them in favour of the great unity of the people united behind the CPC's leadership and its programmatic slogan of «the great rejuvenation of the Chinese Nation». Nevertheless, even under the conditions of trade war with the US and coronavirus debate, the public atmosphere in China still allows some room for pluralism and debate, although in a way, not easily comprehended by outside observers.

Keywords: politics of reforms and openness, "liberation of mind", intellectuals in the social sphere, the period of "enlightenment", struggle against "bourgeois liberalization", "don't argue" policies, the Left and the Liberal camps, the New Left, Nationalists, Neo-traditionalists, "China's new authoritarianism".

Mikhalev M.S.
Ph.D. (Law), Assistant to Professor at the Center for Social Anthropology,
Russian State University for Humanities (Moscow)
E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

**RUSSIAN MINORITY IN XINJIANG:
ETHNOPOLITICAL AND ETHNOSOCIAL POTENTIAL**

Abstract. This paper introduces a local ethnic group of Russians living in Xinjiang-Uighur Autonomous District of China. It provides information on the population and the historical origin of this distinctive community and explores the level of proficiency in native language and the acquaintance with traditional culture of the group members. The paper draws attention to the fact that, unlike similar group of Russians living in Inner Mongolia Autonomous District of China, those in Xinjiang have not been properly studied by the social scientists. It attributes this phenomenon to geographical and political isolation of the region of their residence from Russia proper as well as to comprehensive political situation in Xinjiang. This paper also points out that at the same time Xinjiang Russians live in the proximity of Khorgas, the biggest transition point for the commodities travelling from China to Kazakhstan, other post-Soviet countries and as far as Western Europe. The paper stresses out that within the Transborder Trade Zone located in a buffer area between China and

Kazakhstan, it is Russian language that became a lingua-franca for the businessmen both from Chinese and Central Asian countries. It concludes that this fact could have boosted both native language proficiency and standards of living for the local Russians as they could leverage on their linguistic skills to become more involved in transborder trade. In fact, their potential as mediators has already been used by both local Chinese authorities and by local businessmen from both sides of the border. However, neither Russian government, nor entrepreneurs from Russia look motivated in exploring this opportunity at the moment. One of the reasons for this is the unavailability of up-to-date information about Russians living in Xinjiang. This paper aims to bridge this gap with the hope that further research and publications on the topic will help unleashing the economic and political potential of this tiny, yet unique ethnic group.

Keywords: Russians in China, Xinjiang, Yining, Khorgas, transborder people, diasporas, Belt and Road, transport corridors, ethno-social potential, ethno-political potential.

Smirnov D.A.
Ph.D. (History), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences;
Senior Researcher,
Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (MSU)
E-mail: smirnov_da@inbox.ru

TAIWAN. TO THE RESULTS OF THE ELECTIONS 2020

Abstract. In the article the author reviews the peculiarities of the Taiwan modern political system development and the conditions of the "normal" opposition to DDP ideological platform formation in the presence of the "deep-state" management and the mass media influence in the electoral campaigns on the island, in conducting of which (as well as in the main parties' structures) there are outlined some changes in the nearest future. Also, there are analyzed the main perspectives of Taiwan development especially under the influence of the already arisen world economic crisis at the background of the pandemic COVID-19 consequences.

At the general elections held in Taiwan on January the 11, 2020 there won the victory Tsai Ing-wen, the candidate from the DPP and current President

of the Republic of China in Taiwan since 2016, and represented by her party which won more than half seats in the Legislative Yuan. Guomindang party, which won only one third of seats, remains the main opposition force. The DPP victory fixed and strengthened the course on turning away from the policy on gradual rapprochement between the two sides of the Strait pursued by the Guomindang former administration of the island. The DPP victory also aggravated the main contradiction inside Taiwan socium concerning the development of the cross-Strait relations, apparently revealed itself in the opposite approach to these relations on the part of the considerable number of the young voters and on the part of the aged generation.

Tsai Ing-wen and the DPP got the demonstrative support on the part of the officials of the USA, Japan, France and other states and expected negative reaction on the part of Beijing administration, the more so, after Tsai Ing-wen and Taiwan administration other representatives' sharp declarations, which followed the DPP victory at the elections, containing demonstrative non-recognition of Beijing formula "one state — two systems".

At the background of the existed on the island social-political contradictions and external situation, which is characterized by the aggravation of the global economic crisis, being deepened by the growing contradictions between the USA and the PRC and the COVID-19 global pandemic outbreak, simultaneously there is growing the factor of uncertainty in the further situation development in Taiwan and around it.

Keywords: "utilized" democracy, "defensive" democracy, normal opposition, government's pillars, deep-state management, modern challenging problems to Taiwan.

Stepanova E.N.
Ph.D. (Political Science), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: helenstepanova@bk.ru

HONG KONG. PROTEST MOTIVE FORCES

Abstract. In the article there is analyzed Hong Kong religious (Catholic) organizations' experience in attracting the potentially protesting part of the population with the aim of social changes achievement. Filling the space in the thoughts, theory and strategy of the participants of the social movements for

asserting Hong Kong's right for its own future, the religious organizations herewith managed to become part of the SAR's arising civil society.

The reason for the high civil activity (in this research it is considered since 2013) in Hong Kong is not only in the "generations distrust", but also in the growth of inequality and difficulties in finding employment, in the disbelief in the justice, low belief in the government and elites, in the apprehension about reinforcement of suppression for the part of the Central government and curtailment of the main human rights and freedoms. The appearance of the youth protest movements representing "a new generation of local identity", autonomous and critically minded, is quite natural. It is just that very growth of a strong local identity of a *Hongkonger* which the continental China authorities are so anxious about to the extent of not permitting to introduce universal suffrage in the SAR in order to avoid Hong Kong secession simultaneously to avoid similar things in the contiguous regions of the continental China.

The difference of the protest movements lies in the management and in the "generations conflict": the movement "Occupy Central" in 2013 used to have efficient managing force and organizational structure, when the "Umbrella Revolution" in 2014 was relatively loose, the participants acted proceeding from their own motivation without special leadership. In the second movement there dominated the young people distinguished by ideological persuasion, while the movement itself was more intensive and large-scaled.

Catholic Church actively participates in the social movements, including their participation in the management on a definite stage for the purpose of fundamental and universal values preservation such as human rights and freedom. Catholic Church happened to be involved in the struggle for democracy and religious freedom, as middle and professional class has become politically active because of the fear facing the authoritarian Communist management of the continental China and this class required Church's support. This Catholic Church's role, isn't played due to the political motives, but religious ones, thus there are made efforts to defend the main Christian values and human rights. At the same time Buddhists and Taoists didn't participate in the social movements (though among Taoists there were exceptions) as they have been in quite a long time agreement with the government's activity.

Keywords: Xiang gang (Hong Kong SAR), Catholicism, civil activity, generations' distrust, new identity, protests, demonstrations, religion.

Guruleva T.L.
D.Sc. (Education), Associate Professor, Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE EDUCATION REFORM PROGRAM IN CHINA AND OBJECTIVES OF EDUCATION DEVELOPMENT TILL 2022

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of the implementation in China of the "Outline of the National Medium and Long-term Education Reform and Development Plan 2010—2020" and studying the tasks of developing education in the near future until 2020. This study is relevant and in demand in connection with the implementation by China of a long-term strategy of transforming the country by 2035 into a world educational power.

An analysis of the achievement of quantitative indicators of the Program showed that China has practically reached all the planned indicators. In the field of preschool education, China was able in less than 10 years to increase the gross enrollment rate for three-year preschool education to 81.7 % (2018), which exceeded the programmed coefficient of 70 %. Exceeding the target indicator also occurred in terms of the gross enrollment ratio of higher education, which was already in 2018 amounted to 48.1 %, exceeding the planned figure (40 %) by more than 8 %. In terms of the strength coefficient of compulsory nine-year education and the gross enrollment ratio of senior secondary school students, China showed a planned increase in indicators, which amounted to 94.2 % and 88.8 % in 2018, respectively, which almost reaches the coefficients indicated by the Program (95 % and 90 %). Among the main quantitative indicators of the Program, two indicators turned out to be unfulfilled: the number of students receiving secondary and higher professional education, which against the background of an increase in general education indicators can be explained by the outflow of students from vocational education to general education, and the Chinese analytics interpret it as a paradigm shift in vocational education.

In the plans until 2022, China basically sets the task of improving the quality of moral, ideological and political education of students, the quality of all types of education: general basic, professional and higher, the quality of teachers, the quality of regional and international education.

Keywords: China; educational reform in China; educational system of the PRC; modernization of education in China; pre-school, primary, secondary, higher education in China; world educational power.

Guleva M.A.
Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: guleva.m@gmail.com

PRC EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT AS AN INSTRUMENT FOR BUILDING A MODERATELY PROSPEROUS SOCIETY

Abstract. In 2020, China will take stock of the 13th Five-Year Plan (2016—2020), within which the country plans to build a "Moderately prosperous society". The leaders of the PRC put forward the concept of the "Chinese dream", which reflects the ideals and aspirations of all generations of Chinese people about the great revival of the Chinese nation. The concept of the "Chinese dream" means that people will be able to get a better education, have a more stable job and a higher salary, and social guarantees will become more reliable. Among the most important priorities for the development of the country, the authorities noted the need for the development of the educational system and the transformation of China into one of the leading powers in this area.

The main goals in the beginning of the 21st century were identified as: ensuring the uniform development of basic education in all regions of the country, expanding the coverage of compulsory nine-year and higher education, in recent years, it has also become relevant to stimulate the process of informatization of education.

Since the early 2000s China has managed to significantly focus on the development of the education system and gradually begin to solve the problems that have accumulated over the years of reform and openness. Active reforms of the curriculum, the training of teaching staff, the construction of new schools and universities were carried out. The 9-year compulsory school enrollment rate has grown and has reached almost 95 %, more and more young people have the opportunity to receive higher education.

Over the past few years, online learning in a variety of formats has begun to develop rapidly in the country, so by the time the coronavirus epidemic broke out in January-February 2020, the authorities were able to quickly and centrally provide schoolchildren and students with the opportunity to continue their studies remotely.

The authorities of the country certainly managed to achieve considerable successes in the education of the largest population in the world, but there is still a long way to go for the further development of this industry, including solving the problems of uneven financing of the regions, increasing the volume of investments in education, and also conducting a lot of reforms in educational process.

Keywords: PRC, China, education, reform, the 13th five-year plan, new trends, online education, Gaokao, the coronavirus epidemic, funding of education, the burden of schoolchildren.

Troshchinskiy P.V.
Ph.D. (Law), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: troshc@mail.ru

THE ACTUAL STATUS OF THE CHAIRMAN OF THE PRC IN THE SYSTEM OF HIGHER GOVERNMENT AUTHORITIES AND ADMINISTRATION

Abstract. The article is devoted to the study of the formal legal and actual status of the (State) Chairman of the PRC in the state mechanism. Attention is the (State) Chairman is not the head of state (chief of state). According to the Constitution of the PRC, the head of state (chief of state) is the National People's Congress. The (State) Chairman of the PRC is only the executive and administrative organ under him. The National People's Congress to elects all the highest authorities, including the (State) Chairman of the PRC, the Premier of the State Council, the Chairman of the Central Military Commission, the Chairman of the National Supervisory Commission, the Chairman of the Supreme People's Court, the Chairman of the Supreme People's Procuratorate and others. The National People's Congress has the right to remove them from their posts.

According to the first Constitution of the PRC of 1954, the head of state (chief of state) was a collegial organ represented by the NPC and the (State) Chairman of the PRC. However, the role of the chairman of the state in political processes of that time was invisible. In 1968, the (State) Chairman of the PRC Liu Shaoqi was declared to be removed from chairmanship by the CCP by unconstitutional means. The Constitution of the PRC of 1975 (the period of the "cultural revolution") abolished the post of the (State) Chairman. He was not even in the Constitution of 1978. Only the 1982 Constitution restored the (State)

Chairman of the PRC to the system of higher government authorities and administration (the office of state chairman was not re-installed until a fourth Constitution was made in 1982). The powers of the (State) Chairman are extremely limited and he acts mainly in accordance with the decisions of the NPC. In fact (not legally) the head of state (chief of state) is the General Secretary of the CPC, the head of the ruling Communist Party, which determines the direction of the country's development as a whole. The post of the (State) Chairman of the PRC is formal and not important in the political system of China.

Keywords: PRC, head of state, NPC, State Chairman of the PRC, Constitution, Chinese law, General Secretary, legal regulation.

Borodich V.F.
Ph.D. (Law), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: borodich@rambler.ru

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF CHINA IN THE FIRST DECADE OF REFORMS (DECEMBER 1978 — JUNE 1989)

Abstract. At the end of the active phase of the "cultural revolution" in 1969, the public administration system was an eclectic mix of party-state institutions. The State Council, solving the tasks of state administration, could only partially regulate the activities of provincial and grassroots revolutionary committees. Towards the end of the 1970s, forces oriented towards socialist modernization won the battle in the acute domestic political struggle. An integral part of modernization was the restoration and development of the public administration system.

At the same time, three groups of tasks were solved: 1) the creation of political prerequisites for the restoration of a competent structure of state administration bodies; 2) the participation of the State Council in developing a strategy for the restoration of the country and its development on the path to reform; 3) the formation and implementation of an effective model of public administration.

The solution of these problems transformed the public administration system in the spirit of a "romantic experiment" based on the denial of the practices and institutions of totalitarian government in the country, the intention to use the experience of advanced states with a market economy and a democratic political system to solve the problem. The ruling elite of the PRC, having

familiarized themselves with the model of transformations proposed by the reformers, did not risk their implementation. However, the decade of reform has armed the public administration system with a number of innovations that have played a positive role in China's reform policy and external openness.

Keywords: China, cultural revolution, CPC, State Council, system, public administration, transformation, Zhao Ziyang.

Bazhenova E.S.
Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

POVERTY ELIMINATION IN CHINA: FINAL STAGE

Abstract. The article contains a brief analysis of the situation concerning elimination of poverty and living conditions in China. It outlined basic tasks, which were posed for improvement living conditions and poverty eradication by 2021. General plan for future socio-economic development of China up to 2050 was determined by the 19th National Congress of CPC and the 5th plenum of Central Committee of CPC in 2017. First of all it included decisions how to win "three great battles": among the main tasks are poverty eradication, environment and financial problems. The CPC leadership believes that poverty eradication is an important and necessary work to secure social stability. The Chairman Xi Jinping considers that for decision of all these problems it is worth to use new technologies, especially to work with "big data". The General Secretary proposed to make big data the basis for all reforms. These plans concern poverty eradication. It is necessary to calculate carefully a number of poor regions, villages and households and to determine the level of poverty; to make all efforts for help to the poorest areas and to the most poor people. The effectiveness of this help must be controlled by corresponding structures of local authorities.

2021 year is a significant data, this is the 100-years anniversary of founding the Communist Party of China. Deng Xiaoping planned to build "xiaokang" society up to this date, and this plan means poverty eradication. Xi Jinping repeatedly confirmed that he devoted to this aim. Poverty eradication efforts are especially important now because in 2018 China celebrated the 40th anniversary of "policy of reform and openness" which was the driver for raising economic development.

Keywords: China, population number, poverty elimination, economic development, population distribution, living conditions, population income, Western regions.

Sushchenko M.A.
Ph.D. (Political science), Head of the KRIPKiPRO Laboratory,
Kemerovo
E-mail: spacemirror@mail.ru

POLITICAL CULTURE OF MODERN CHINA: CONTENT AND DEVELOPMENT TRENDS

Abstract. Changes in the political system of the people's Republic of China under the fifth generation of its leaders determined the development processes in the structure of its political culture. After the XIX Congress of the Communist party, there were a number of trends in the development of political culture in modern China. They are developing in accordance with the task of asserting political legitimacy in the mass consciousness after the unprecedented strengthening of the vertical of power of the PRC in the 2010s. The strengthening of the power vertical in the 2010s allowed the CPC to quickly develop the right strategy for political response to global challenges in the emergency conditions of 2019—2020.

The political culture of the PRC can be understand as a systemic phenomenon, an essential factor in the development of the state and society. China has developed a special type of «socialist political culture with Chinese characteristics» that preserves the stability of its basic components. Changes in their structure are part of the political process of the PRC, managed by the leadership of the party-state apparatus. They reflect the desire of the national leadership for greater stability and manageability of the political system, the integrity and control of Chinese society.

The normative and evaluative component of the political culture of the people's Republic of China was subject to transformation after the XIX Congress of the CPC. Changes in this structural component occur by expanding the scope of the political process and its elements-political values and traditions.

One can observe a more active appeal of the Chinese authorities after the XIX Congress of the CPC to the value resources of the national political culture in order to strengthen the power of their political statuses. The Chinese authorities base their political activities on another important component — the political traditions of society, which they use as a means of strengthening the legitimacy of the political regime and expanding the power of the Chinese lea-

ders. In the modern Chinese political system, traditions of two levels function — elements of political and cultural continuity that have developed in Chinese traditional society and the socio-political practice of the CPC of the XX century. The behavioral component in the form of political attitudes of the power elite is also subject to expansion of the scope of action. The behavioral component in the form of political attitudes of the power elite is also subject to expansion of the scope of action.

Keywords: China, Xi Jinping, political culture, 4th Plenum of the CPC Central Committee of the 19th convocation, political system, political traditions, values, attitudes, political development, transformation.

Sharipov F.F.
Ph.D. (Economics), Associate Professor,
Head of International Industrial Business Department,
State University of Management
E-mail: fanissh@rambler.ru
Timofeev O.A.
Ph.D. (History), Associate Professor,
Associate Professor at the International Industrial Business Department,
State University of Management
E-mail: timooa@mail.ru
Sazanova S.L.
Ph.D. (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Institutional Economics,
State University of Management
E-mail: sazanova@nail.ru

MAJOR TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF NON-FERROUS METALLURGY IN CHINA

Abstract. Possessing significant reserves of all types of non-ferrous metals in its own territory and pursuing a consistent policy in the field of industrial development and modern technologies, in particular, "Made in China — 2025" and "Program for the Development of Non-Ferrous Metallurgy in China," the People's Republic of China has become a leader in the field of non-ferrous metal production, almost all of which are used in the national economy, and non-ferrous metallurgy has become one of the basic sectors of the national economy of China and Industry significantly surpasses most other non-ferrous metal producing countries in many respects. The growth in the

extraction and production of non-ferrous metals, as well as the development of the production of high-tech products, is gradually making China the largest consumer of non-ferrous metals, which also affects the increase in imports.

But the active development and use of their own non-ferrous metal deposits over time leads to their depletion, which in turn leads to the need to increase the costs of organizing the extraction and primary processing of a number of non-ferrous metals abroad and the search for alternative sources of raw materials for enterprises.

The PRC government, recognizing the importance of non-ferrous metallurgy for the national economy and its key role in implementing the plan to make the PRC the world's largest exporter of high-tech products, is making efforts to optimize, modernize and digitalize the industry, as well as reduce environmental damage within the framework of the "Green Development Goals".

In this article, the authors considered the main results and current trends in the development of the non-ferrous metallurgy of the PRC, a development program aimed at improving the industry's efficiency. Indicators and a review of the current situation, challenges and development prospects for the aluminum, copper, lead and zinc industries of China are presented.

Keywords: non-ferrous metallurgy of the PRC, metallurgical industry of China, the development of the PRC industry, the extraction of non-ferrous metals in the PRC, "Made in China — 2025", "Program for the development of non-ferrous metallurgy in China", aluminum production, copper industry, lead production, zinc production.

Petrunko K.A.
Ph.D. student,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru
Sazonov S.L.
Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: sazonovch@mail.ru

CHINA DEVELOPS THE PRODUCTION OF «GREEN» CARS, USING HYDROGEN FUELL

Abstract. Faced with global environmental and energy challenges, the Chinese leadership is striving to accelerate the development and introduction of new-generation of vehicles using alternative energy sources, in particular,

those powered by hydrogen fuel, and is striving to overtake world leaders in the creation of production and refueling infrastructure. Realizing that the development of an innovative industry of the production of cars powered by hydrogen is impossible without creating an appropriate base for the production of hydrogen fuel cells and hydrogen gas stations, the State Committee for the development and reform has launched a targeted state investment and economic policy in the field of creating elements of urban infrastructure that supply hydrogen for a new type of transport, and has actively encouraged the construction of plants for the production of hydrogen fuel cells. Today, the growth rate of the innovative hydrogen charging stations' number in China is comparable to the growth rate of the fleet of new «green» cars, which demonstrates the importance of charging infrastructure for the further development of Chinese hydrogen transport and allows the country to become a world leader in creating advanced technologies that provide charging of «green» cars.

While implementing the plans of the Chinese leadership for the large-scale construction of plants for the production and storage of hydrogen for «green» cars, as well as developing the adequate service infrastructure, in the coming years we should expect the appearance of a large number of cars running on on public roads in China, using a new type of fuel — hydrogen.

Keywords: China, cars that use alternative energy sources, hydrogen fuel, emission, ecology, import of petroleum products, filling stations, batteries, hydrogenation.

Gracheva Yu.A.
Junior Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: link2k3@list.ru

BRAND WITH NATIONAL SPECIFICS IN THE MODERN TIBET AUTONOMOUS REGION (THE CONTEXT OF THE MENBA AND LOBA PEOPLES' VILLAGES)

Abstract. The article is devoted to the study of the creation and development of a brand with national specifics in the modern Tibet Autonomous region on the example of the villages of the national minorities of Menba and Loba. The main regulatory and legal acts that state the need for the production of the above-mentioned type of products are considered. In modern China, the formation of a brand with national specifics is one of the main tools for the

economic development of national regions, which was mentioned in "The plan of promotion of the development of national regions and relatively small national minorities [within] the 13th five-year plan" (2016).

Creating a brand with national specifics in China is closely related to traditional crafts, artistic crafts of national minorities living in territories that occupy about 64 % of the area of China. Which products of traditional crafts undergo transformation and become a modern brand with national specifics in a particular territory is of interest for research in the field of Economics, Anthropology, Ethnography, History and other scientific fields. The article provides examples of products of the most famous local brands with national specifics, produced in the villages of Menba and LobA. The article emphasizes that there is no complete correspondence between the "ethnic brands" of the past and the present. The article analyzes the main sources of creating a brand with national specifics in modern Tibet: local natural resources; products traditionally imported to China from Tibet throughout history; products created by Tibetans for local consumption. The economic effect of the development of enterprises that produce products of brands with national specifics is considered.

The author of the article raises the question — what factors do influence the formation of a brand with national specifics in Tibet? What does the concept itself include? The article presents various forms of implementation of the brand concept with national specifics: from traditional ethnic household items to the creation of entire villages with national specifics. In addition, the paper deals with the topic of product contact with a geographical indicator and a brand with national specifics.

Keywords: China, PRC, Tibet, Tibet Autonomous region, economy of China, national regions, national policy, brand with national specifics, pharmaceuticals, Tibetan medicine, economy of Tibet.

Skosyrev V.A.
Ph.D. candidate,
Institute of Asian and African Studies of Moscow State University
E-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com

THE NEW NORMAL: IDEOLOGY AND DISCUSSION OF ECONOMIC REFORMS IN CHINA

Abstract. This article offers perspective on the establishment of the New Normal theory in Chinese ideological sphere. China experienced a drop in it's

GDP growth rate after Xi Jinping assumed power in 2012. Chinese authorities faced a threat of not accomplishing the goal of building a moderately prosperous society by 2020. This understanding led to the introduction of new ideological doctrine — the New Normal. It's goal is to convince the public both in China and abroad that Chinese economy is healthy and moving from high growth rates to medium-to-high growth does not mean crises, but opens new possibilities instead. The term New Normality appeared in the United States in 2009. It described the negative aspects of the 2008 economic crisis. In 2013 the term made its way to China. Chinese mass media sources started to disseminate the New Normal theory in august 2014. The goal was to present the economic slowdown in positive light. In that form the New Normality theory spread in Chinese academic environment. The theory is adequate for analyzing ideology of China, but not the economy of the country.

The "real" discussions among the Chinese economists proves the point. In this article we also analyze the Wechat debate between Lin Yifu and his colleagues. The economists talked over the future of Chinese reforms. Lin Yifu and Wang Yong defended the status quo, while Guo Qiang disagreed with them. He argued against adopting a wait-and-see attitude. In his view, the reform should be forced. Lin Yifu's and Wang Yong's indigenous system reform proposal actually blocks further progress. The analysis of the discussion allows us to suppose that Chinese experts are not certain about how to deal with the economic situation in the country.

Keywords: China, ideology, New Normal, economy, reforms, discussions, Moderately prosperous society, Xi Jinping.

Portyakov V.Ya.
D.Sc. (Economics), Professor, Head Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: p481nov@mail.ru

FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN RECENT YEARS

Abstract. China's foreign policy in recent years is characterized by a number of distinctive features. First, the preparation for the anniversary and the celebration of the 70th anniversary of the country allowed Beijing to clarify the periodization of the People's Republic of China foreign policy's history and to bring it in line with the general periodization of the history of the state. Secon-

dly, the coinciding forty years of establishing diplomatic relations with the United States and the exacerbation of the so-called Sino-American trade war have predetermined the preservation of Washington's leading position in the circle of Beijing's foreign policy priorities. Third, China's growing interest in deepening and intensifying ties with Russia has given grounds to declare the transition of bilateral Russian-Chinese relations to a new stage. The COVID 19 coronavirus epidemic has had a significant impact on many areas of Chinese society and state life, including foreign policy. However, its important features of recent years, such as the growing confrontation with the United States and the promotion of the concept of "community of the common destiny of mankind", have not changed.

Keywords: China, foreign policy, periodization, USA, 40th anniversary of establishment of diplomatic relations, trade war, Russia, new stage of strategic cooperation.

Rumyantsev E.N.
Ph.D. (Linguistics), Senior Research Fellow,
Russian Institute for Strategic Studies (RISS)
E-mail: evgrum@yahoo.com

CHINA'S FOREIGN POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF CORONAVIRUS

Abstract. The article deals with the PRC's foreign policy and propaganda during the coronavirus pandemics. In accordance with statements by highest authorities the Chinese foreign policy and propaganda departments insist on the "undisputed superiority of the guidance by the CPC and socialism with Chinese characteristics". At the beginning of the pandemics the Chinese side condemned restrictions on the exchanges with China being introduced by some other countries, tried to exert pressure upon them, claimed that "complete closure of the borders is not an effective method for countering the infection". Further on Beijing began to copy their methods condemned earlier. That time a wave of nationalism and xenophobia raised in China. The rights of the foreign citizens were abused.

As it became clear that the Chinese authorities had covered up the time of the pandemics' beginning and its dimensions, some countries began to blame the PRC government for negligence and demand an investigation. China, on her part, claimed that the origins of the coronavirus is a scientific problem

which needs further studies. As to demands for damage compensation by China to other countries, this is "a shame for civilization".

A report by the Chinese academy of contemporary international relations leaked to Western media warns that global anti-China sentiment is at its highest since the 1989 Tiananmen Square crackdown. According to the article, it could not be ruled out that in the near future Beijing could face "united front" of Western countries and Japan. It is possible that in the future many countries could make a point to develop their own economy at the expense of "global supply chains". Beijing is alarmed by such a prospect. China as a big winner of globalization in previous decades in the new circumstances may turn out as a loser.

Keywords: pandemics, coronavirus, globalization, decoupling, racism, xenophobia, World Health Organization, WHO, global supply chains, "Five eyes".

Morozova V.S.
D.Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Visiting Professor of Department of Asian and African Studies,
National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg)
E-mail: morozova1550@mail.ru

«COMMUNITY OF COMMON DESTINY» CONCEPT AS A REFLECTION OF CHINA'S FOREIGN POLICY SOCIOCULTURAL SPECIFICS

Abstract. The article focuses on the relatively new "community of common destiny" concept implementation, put forward by China as an answer to the solution of many civilizational problems. The author considers it not only as an economic project, but as a project integrating the sociocultural specifics of Chinese civilization in the context of its foreign policy projections. The article considers the unique definition of this concept (Chinese scientists stress on the highest role of such core values as peace, development, equality, justice), as well as clarifies its main theoretical aspects (value, development goal and construction logic). Applying the term "powerful cultural state", the author tries to clarify China's peaceful position in achieving its goals, which were previously enshrined in plans of building a harmonious world, achieving the "Chinese dream", implementing the "One Belt, One Road" project, and at the present stage — implementing "community of common destiny" concept.

The main feature of this context is the reflection of China's domestic policy in the implementation of its foreign policy, that is the incorporation of sociocultural potential into the international cooperation mechanisms. The article characterizes a number of concepts that focus our attention on their applying in the practice of building a "community of common destiny" (for example, "harmony as a preciousness"). Further, the author analyzes complex attitude to this concept from outside, as there are countries, which are afraid of its exclusively economic orientation, without recognizing the sociocultural principle of its organization. As a result, author concludes about the main goal of building a "community of common destiny" stressing on strengthening common world values and developing global culture, establishing a new type of international relations based on harmony and balance of interests.

Keywords: China, sociocultural specifics, core values, foreign policy, harmonious world, China's dream, "One Belt — One road", community of common destiny, powerful cultural state.

Petrunina Zh.V.
D.Sc. (History), Professor,
Professor of the Department of History and Cultural Studies,
Komsomolsk-na-Amure State University
E-mail: petrunina71@bk.ru
Shusharina G.A.
Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Head of the Linguistics and Cross-cultural Communication Department,
Komsomolsk-na-Amure State University
E-mail: galinalmk@yandex.ru

CHINA'S POLICY IN VENEZUELA: MECHANISMS TO STRENGTHEN RELATIONS IN THE LONG RUN

Abstract. The proposed study is devoted to Chinese policy towards Venezuela in the 21st century. It is noted that the modern leadership of the PRC pays great attention to expanding relations with the countries of Latin America. Venezuela is one of the world leaders in oil reserves. China is interested in gaining access to those oil reserves, considering Venezuela as one of the leading areas of its energy diplomacy. It has been determined that in achieving its goals, China builds relations not only with the official regime, but also with representatives of the Venezuelan opposition. The paper gives a characteristic of

the specifics of the bilateral relations development at the present stage, and identifies priority areas of interaction. Since the beginning of the 21st century, China has become a leading lender of major economic and social projects and programs in Venezuela. The result of this policy was a marked increase in the influence of China on the economy of Venezuela. Strengthening the position of China in Venezuela is carried out in various ways. In recent years, China has diversified its presence in Venezuela; the parties began to actively develop military-technical cooperation and expand intercultural dialogue, paying attention to the field of education, science and culture. Relations between China and Venezuela are mutually beneficial. China is strengthening its position in the international arena, and Venezuela is receiving guarantees of political stability in the state and in the Latin American region.

Keywords: China, Venezuela, Latin American region, energy diplomacy, energy cooperation, trade and economic cooperation, military-technical cooperation, intercultural dialogue, foreign policy, international relations.

Vinogradov A.O.
Ph.D. (History), Associate Professor of the School of Oriental Studies
at the Higher School of Economics;
Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: vinandr@mail.ru

WHY TODAY'S RUSSIAN-CHINESE RELATIONS NOT BETTER THAN SINO-SOVIET RELATIONS?

Abstract. Russian-Chinese relations have been developing progressively since their normalization in the late 1980s. This fact lead the Chinese side in the last 6—7 years to say that the relations of our countries achieved the "highest level of relations" and the relations between the PRC and the Russian Federation today are the "best" in the history. That means, that the current relations are compared with the period of relations between the USSR and the People 's Republic of China in the 1950s, which in Russian and Soviet historiography were called "relations of friendship and union between the two brotherly countries."

This raises the question of why the Chinese side, from experts and ambassadors to the highest leaders of the Party and the State, need to persistently compare in fact completely different periods in the history of relations between

our two countries? Is this related only to the political traditions of China, which is used to looking at relations with surrounding countries through the lens of history? And why this comparison causes a persistent rejection from the Russian Sinologue experts community?

According to the author, the comparison has two objectives. First, to consolidate the understanding that there is no fault of the Chinese side and Mao Zedong himself in the break-up of friendly relations of the 1950s. According to that the guilt was mutual, and the break-up of relations was caused by objective reasons — the existence of an ideological component, which generated the ground for disputes, inequality of relations, expressed in the pressure of the Soviet Union on an independent China, the existence of territorial disputes and the personal resentment of the highest leaders of the USSR and the People 's Republic of China (Khrushchev and Mao Zedong) to each other. Second, to show that there are no serious problems in today 's Russian-Chinese bilateral relations.

Keywords: Russia, China, the Soviet Union, Russian-Chinese relations, Sino-Soviet relations, Mao Zedong, Nikita Khrushchev, history of, XI Jinping, Putin.

Balakin V.I.
Ph.D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: prof_bvi@mail.ru

CHINA'S GEOPOLITICAL ADVANCEMENT TO THE EUROPEAN UNION

Abstract. EU has finally "dissolved" among two powerful rivals: USA and PRC that practically deprive Europeans real possibility to become sovereign force competing with both greatest economic world powers. Since EU countries bought cheap but quality enough Chinese goods big state corporations from PRC acquire high-tech European enterprises and create new industrial giants of world level. The great success has been achieved by China in Italy through penetration toward Triest and Genuya, that give Beijing unique possibility greatly enlarge the volumes of trade on the European direction. According to the international experts in Europe PRC has been first of all interested in transportation ways and information nets but that suppose the building of gigantic ground and sea infrastructure linking different parts of Eurasian continent. China

attempts to attract on its side much more partners in European Union in order that make European rules less definite especially in the sphere of investments and approach to state orders. Advancing to the EU markets, PRC doesn't intend to refuse from its effective model of state capitalism in economy which has already afforded Beijing to involve some countries of Eastern and Southern Europe into the programme for receipt of Chinese direct investments. In EU has already grasped China not like huge market, trade partner and perspective investor but on the contrary PRC is most often considered as tough competitor and so called system rival. In Germany China and European Union are now estimated not like two rivaling economic centers but like rivaling economic systems having straightly opposite approaches to the role of state in economical processes. Owing to that EU passes to more pragmatic strategy in relations with China orientating itself first of all on non-admission of Chinese direct investments in those sectors of European economy penetrating in which afford Beijing to be at the head of the forth industrial revolution.

Keywords: China, EU, geopolitics, sovereignty, infrastructure, East and South Europe, Germany, Beijing, the forth industrial revolution, investment.

Merkulov K.K.
D.Sc. (Economics), Ph.D. (History),
Active Member of the Academy of the Problems of Diplomatic Sciences and International Relations (1998);
Senior Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: katenariymerkulov@gmail.com

THE PRC SCHOLARS ON THE GLOBAL GOVERNANCE NEW MODEL IN THE PLAN OF BEIJING IDEAS ABOUT "THE NEW GLOBALIZATION EPOCH", "THE NEW GLOBALIZATION", ETC. ON THE BASIS OF THE SPECIAL REVIEW OF THE JOURNAL "SOCIAL SCIENCES IN CHINA")

Abstract. A special review on Global Governance and Strategic Mutual Trust was published in the final issue of the journal "Social Sciences in China" dated November 2018. The main feature of this material is that it scientifically explores some of the newest approaches of a group of prominent scholars of the PRC to a set of issues related to the genesis of the "new model of global governance" in the context of the onset of the "new era of globalization", "new

globalization", etc. in response to phenomena, processes and trends of "de-globalization" and "anti-globalization".

At the same time, some Chinese experts, including those authoring this review, claim the vision of almost "a new end of world history" in the form of the triumph of the initiatives of the "One Belt, One Road", "Community of the Single Destiny of Humanity", "International Relationships of a New Type", etc. initiatives proclaimed by the modern leadership of China (PRC) and CPC, evidently, in the spirit of well-known ultra-nationalist ambitions of the "Great China".

These potentially extremely dangerous conceptual neo-hegemonic illusions (essentially in the spirit of the ideas of the "pax cinica" as, according to some Chinese extremist-minded scholars, the historical alternative to the theory and practice of the "pax america") should be given a timely and adequate theoretical and practical repulse in domestic and world science and practice from the standpoint of the inter-patriotic ideology of the true good in the spirit of "the world truly good idea-dream". Herewith, it's necessary to remember than at least a sizable part of the Earth population in general and of the great Chinese nation in particular bears a notable potential of the true good.

Keywords: China (PRC); CPC; the new model of global governance; the new era of globalization; the new globalization; de-globalization; anti-globalization; the "pax cinica"; the inter-patriotic ideology of the true good; "the world truly good idea-dream".

Wang Jingwei (PRC) (王景伟)
Ph.D. student,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: wjw07@yandex.ru
Sazonov S.L.
Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: sazonovch@mail.ru

THE CENTRAL ROUTE OF THE AUTOMOBILE TRANSPORT IN THE FRAMEWORK OF THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

Abstract. Integration processes in the field of road transport development, aimed at merging the road networks of China and Central Asian countries, have been rapidly developing in recent years, and the formation of a unified

road infrastructure of China and Central Asian countries creates real prerequisites for future full-fledged road integration, which will create new contours and new borders of the region. Chinese foreign investment directed within the framework of the initiative of Chinese President XI Jinping on the construction of the silk road Economic belt to create and modernize the road networks of Central Asian countries, allows China to develop the economy of Western administrative units at the provincial level, and through the construction of a foreign highway network and increasing the volume of road transport to the countries of Central Asia (CA), the growth of China's entire foreign trade will be stimulated. This, in turn, will boost the economic development of the Central Asian countries located along the routes being created, help strengthen transport integration at the regional and sub — regional levels and ensure their independent access to new world markets there is no doubt that the initiative of Chinese President XI Jinping on the construction of the «one belt and one road» represents a «win-win cooperation» for all Central Asian countries participating in this megaproject.

In recent decades, trade relations between the two largest world centers — the EU and the Asia-Pacific region-have started to develop rapidly, and China and Kazakhstan have become the main distributors of cargo flows. Despite the fact that Russia, whose territory is the shortest and most convenient route for road transport along the international transport corridor of the Asia—Pacific region—China-Europe is China's main partner, however, China, within the framework of the silk road economic belt initiative, does not exclude the possibility of building and using alternative road routes through the territory of Central Asian countries, which allows it to increase the volume of export supplies to European countries, benefit from the construction of foreign road networks and the sale of road transport to Central Asian transit countries. This cooperation is mutually beneficial — the Central Asian countries adjacent to the EPSHP road routes are developing a network of national highways through Chinese investment, ensuring that their budgets are replenished through transit fees, and as integration with Chinese highways develops, they are able to increase their export volumes by transporting goods by road to the Western and Central provinces of the PRC, as well as to Chinese ports on the East coast for subsequent transportation to the Asia-Pacific countries.

Keywords: China, Central Asian countries, Asia-Pacific region, Europe, road transport, infrastructure, international transit corridor, integration, road construction and modernization, investments.

Kozhukhova K.E.
Lecturer at the Department of Political Science,
Moscow State Linguistic University
E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

**SILK ROAD ECONOMIC BELT
OF THE 21ST CENTURY AS A MANIFISTATION
OF CHINESE STRATEGIC CULTURE**

Abstract. The article is devoted to the Chinese strategic culture and its manifestation in the implementation of the "one belt, one road" initiative as one of the most important directions of the modern foreign policy of the People's Republic of China.

Strategic culture is defined as an appeal to ways of thinking and acting when dealing with issues of the use of force (including military) and security, rooted in the national historical experience, mentality and traditions of the people, reflecting the behavior of the state in critical situations.

China's strategic culture is a body of elements of traditional Chinese culture that are applied in relations with other countries, which in reality is expressed in the struggle for the "historical" primacy and "central position" of China in the world. The desire to "revive the great Chinese nation" and return the country's "well-deserved" world championship is being implemented in the "One Belt — One Road " project, which combines the "land" and "sea" silk road. The initiative is a veiled external expansion of Chinese influence, as well as a tool of "soft power" of the ideological components inherent in Chinese strategic culture, extrapolating to the countries of the Eurasian continent. China is showing its new role in the international arena: China is becoming a different type of global hegemon, a "good" growing power, a reliable partner that leads humanity to a mutually beneficial community of common destiny.

The "age of humiliation" gave rise to the desire of the Chinese people to restore global status and power, as evidenced by the slogans "revival of the great Chinese nation", "creation of a community of common destiny of humanity" led by the PRC, and the implementation of the "Chinese dream" of world domination. Confucius and Sun Tzu emphasized in their teachings that strategic defense, Alliance building, and the restrained use of force for clearly defined political purposes were preferred at the national level. The elements of Chinese philosophy clearly reflect the features of China's strategic culture.

Keywords: strategic culture, China, foreign policy, OBOR, Eurasia, sinocentrism, community of the common destiny of mankind, Xi Jinping, Confucius, Sun Tzu.

Troshchinskiy P.V.
Ph.D. (Law), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: troshc@mail.ru

CINSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF THE CHINA'S ELECTORAL SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the study of the features of legal regulation of the electoral system in modern Chinese state. The article analyzes the basic principles of the electoral system, the mechanism of recall of deputy, discusses the current regulatory legal acts regulating for elections to China's public authority (the people's congress system or the People's Republic of China). The China's electoral system is based on an indirect (electoral choice) and direct (popular choice) elections. Highest agency of State power — the National People's Congress — is elected indirectly. The National People's Congress is composed of deputies elected from the provinces, autonomous regions and municipalities directly under the Central Government and of deputies elected from the armed forces. Deputies to the people's congresses of provinces, autonomous regions, municipalities directly under the Central Government, cities divided into districts and autonomous prefectures are also elected (indirect election means deputies to the people's congresses at the next higher level are elected by deputies to the people's congresses at the next lower level). Deputies to the people's congresses of counties, cities not divided into districts, municipal districts, townships, nationality townships and towns are elected directly by their constituencies (popular choice).

The basis of the electoral system of the PRC were created in the period of the China's sovet districts and the Chinese Soviet Republic. After founded the People's Republic of China in 1949, the electoral system was regulated in the first Constitution of the PRC (1954) and some other legal acts. However, during various destructive political campaigns, especially during the "cultural revolution", there were no parliamentary elections in country, the electoral system was destroyed. For the adoption of the Constitution 1975 in violation of electoral legislation, the deputies of the NPC session were not elected, but ap-

pointed by the "revolutionary committees". Only after the end of the "cultural revolution" and the beginning of the "policy of reform and openness" the electoral system begin to recover on the principles and rules laid down in the early years of the PRC.

The election legislation adopted in the years of reform and openness in a slightly modified form continues to exist to the present time. The country's population participates in elections only at the county level. At a higher level, the population does not participate in elections. This allows the Chinese Communist Party to tightly and totally control the electoral process, opposition cannot get into people's congress system. The Chinese Communist Party is not interested in giving up its monopoly on political power to experiment with multiparty democratic competition.

Keywords: China, PRC, electoral system, election process, elections, legislation, legal regulation, Constitution, CCP, NPC.

Smirnov D.A.
Ph.D. (History), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences;
Senior Researcher,
Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (MSU)
E-mail: smirnov_da@inbox.ru

THE PRC CONSTITUTION ABOUT THE CCP LEADING ROLE

Abstract. The article is devoted to the secured in the PRC Constitution political and ideological principals of the CCP power and suggested by the party directions and tasks on the state management. First of all, the question is about the place and the role of the CCP in the PRC political system, about the party, which came to power as a result of the victory over the Guomindang after a long-term revolutionary war, which for so many years has been leading the state along the "curving way" of socialism with Chinese specifics construction. Here calls attention the absence or on the contrary the presence of the direct indication of the CCP leading role in the first Constitution of 1954 adopted soon after the PRC formation, in the Constitution of 1975 adopted at the end of the "cultural revolution" period, in the Constitution of 1978 adopted after the "cultural revolution" coming to an end and in the Constitution of

1982 adopted at the beginning of the policy of reforms and opening conduction before amendments introduction in 2018.

Also, in the article, there are discussed secured in the Constitution main compounds of the CCP ideological-political platform. In fact, it means, the compounds forming the PRC official state ideology from "Mao Zedong's ideas" to "Xi Jinping ideas about the socialism with Chinese specifics of a new epoch". This ideology, as it is seen from the process of Constitutions adoption and amendments introduction in them, is being continuously reviewed following the deep changes in China's political and economic life, including at the current stage of its historic development.

Besides, in the article, there is touched upon the subject of the happening during the last quarter of the century process of the state unification which, in fact, means assumed by the CCP constitutional obligation to complete this process.

Keywords: Constitution, the CCP leading role, the CCP ideological-political platform, socialism with Chinese specifics, "the Motherland unification'.

Alekseenko A.P.
Ph.D. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Vladivostok State University of Economics and Service
E-mail: alekseenko.a.p@gmail.com

LEGAL REGIME OF DIGITAL INVESTMENT TOKENS UNDER LAW OF THE PRC

Abstract. The rapid development of digital technologies has a significant impact on the sphere of investments. Creation of digital investment tokens gave the entrepreneurs a possibility to attract investments from an unlimited number of investors in their projects. Such projects, as a rule, contain high risks; information about them does not meet the standards accepted in the financial market due to the lack of control; and investors participating in their financing are unable to assess their risks. Furthermore, digital tokens are used by persons who launch illegal financing to attract investments in non-existent projects. These circumstances led to the situation, when People's Bank of China put a ban on financing by issuing investment tokens.

The analysis of regulations issued by the State Council, the People's Bank and Cyberspace Administration of the PRC showed that China develo-

ped a position that investments via digital tokens are used as a means of deceiving. The procedure of digital tokens issuing is declared as a form of illegal financing, thus, issuers and financial organizations which exchange money for tokens are subjects to criminal or administrative liability. Moreover, blockchain industry organizations are under the strict control and ought to inform Cyberspace Administration about any new products, applications or functions.

Due to the fact that operations with investment digital tokens are prohibited in PRC, Chinese citizens are faced with the situation when they cannot receive judicial protection and bear all the risks associated with this. The ban on ICO, despite the fact that investors can choose jurisdictions where the use of digital tokens is allowed and legal protection is provided, shows that China considers it more appropriate for the national economy to prevent the emergence of parallel financial market inbound of country, than protection of a group of private investors.

Keywords: China, investments, cryptocurrency, digitalization, token, People's Bank of China, bitcoin, blockchain, digital economy, ICO.

Anisimtsev N.V.
Ph.D. (History), Senior Research Fellow
Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: nickans1@mail.ru

PATENT LAW OF PRC:
BASIC CATEGORIES AND REGULATIONS

Abstract. The article analyzes the system of patent legislation of the PRC at the present stage. The following issues are presented: subjects and objects of regulation, conditions for awarding the rights of the patent owner, the process of applying for and obtaining patent rights, the content of patent rights and their limitations, and methods for protecting those rights.

Subjects of patent ownership - inventors; organizations at the place of invention; legal successors; foreigners. The objects of patent law are inventions, utility models and industrial designs. Multi-stage process for awarding patent rights.

Special analysis is made of the conditions for issuing compulsory licenses for the use of patents by the state, as well as the termination of patent rights.

The characteristic of actions that fall under the definition of patent infringement is given. Specific examples are also presented when unauthorized use of a patent is not considered as a violation of rights and does not require compensation. The main ways to protect rights in case of violation are listed.

Keywords: PRC, patent law, inventions, utility models, industrial designs, patent owners, compulsory license, patent infringement, ways to protect rights, compensation.

Afonina L.A.
Ph.D. (History), Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: liubov.afonina@gmail.com

LEGAL REGULATION OF THE RELIGIOUS SPHERE AFTER THE 19TH CPC NATIONAL CONGRESS

Abstract. To achieve the goals of the policy of sinicization of religions, the authorities of China are reviewing existing and adopting new legal acts regulating the activities of religious organizations. The most significant recent event in this regard has been the adoption of a new version of the Regulation on Religious Affairs, which came into effect in February 2018. At present, it is the main document regulating the religious sphere in China. The development of the new Regulation was aimed at strengthening preventive control in relation to religious communities. A number of other important documents were adopted reflecting the main trends of the PRC's modern religious policy — strengthening the party's leadership, increasing the role of patriotic religious associations, strengthening control over communities at the grassroots level, ideological education of clergy, combating unregistered communities, restraint the spread of religious ideas in society, and regulation of publications on religions in the Chinese segment of the Internet.

Chinese authorities regard religions as a potential ideological threat. They associate the religious factor with a threat to national security, propaganda of religious extremism, provocations of internal political conflicts, and terrorist activities. We can talk about the attempt of the authorities of the PRC to drive religions into a certain ghetto, to designate a framework for their activities and establish unified rules for their functioning, so as to ensure the ideological security of religions and reduce their impact on society.

Keywords: Religion, United front, sinicization of religions, United Front Work Department, SARA, administrative reform, Regulation on Religious Affairs, censorship, ideological struggle.

Amurskaya M.A.
Ph.D. (Economics), Associate Professor, Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: amurskaiam@mail.ru

ABOUT THE FEATURES OF THE CHINESE ACCOUNTING REGULATORY SYSTEM

Abstract. The presented study reveals the main elements of organization of the accounting legal system in China. The formation of the Chinese regulatory framework for accounting activities, on the one hand, is closely related to the economic transformations of the last 40 years, on the other hand, it relies on the centuries-old national experience in the legal and ethical regulation of accounting practices. At the present stage of development, the Central Government of the PRC is striving to create a system of accounting legislation that will contribute to the further development of a socialist market economy and, at the same time, will be harmonized with international practices. The author places particular emphasis on the fact that the Chinese regulatory legal system of accounting activities is developing in accordance with the economic reforms in the country and gives revision's examples of the Chinese Accounting Law in 1985, 1993 and 1999.

The author reveals two approaches to presentation of the accounting regulatory system in China. The first approach is a grouping of legal acts in a hierarchical order according to the level of the state body that adopted them: laws (NPC and NPCSC), bylaw (The State Council of the PRC), methodological (normative) (The Ministry of Finance of the PRC) and organizational levels (PC of provinces). The author also gives a table in which, according to this principle, the main regulatory legal acts on accounting are grouped. The second approach represents the legal accounting system in the major thematic blocks: national accounting guidelines, narrow focus laws on types of accounting, rules for adjusting accounting relationships in certain aspects of economic life, accounting management rules, specific business practices, local accounting rules. The author notes that in this understanding of the system of accounting laws, government bodies does not play a key role, and the concepts

such as the «powers of accounting law» and the «professional ethics of accounting» become the main ones. The system presented in this form does not reflect the relationship between accounting services and government bodies, but reflect the relationship between the legal system of accounting and the national system of accounting management.

Keywords: China, economic development, accounting, the legal system, regulatory act, accounting regulations, accounting standards, the Ministry of Finance of the PRC, accounting supervision, quality of accounting information.

Trofimov A.A.
Junior Research Scientist,
Saint-Petersburg State University (Faculty of Law)
E-mail: albert.trofimov@gmail.com

LEGAL BASIS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF BUDGET FUNDS IN CHINA AND RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the study of the legal basis for improving the efficiency of using budget funds in China and Russia. The tasks outlined in China to create a modern budget system, as well as to introduce a system of effective management, determine the need to improve legal mechanisms to ensure efficiency in the field of public finance. Chinese budget legislation stipulates that budgets at all levels should be based on (among others) the principles of efficiency, economy and thrift (articles 12, 37 of the Budget Law of the PRC). In turn, the Russian Budget code establishes the principle of efficient use of budget funds (article 34). However, neither Russian nor Chinese legislation contains sufficiently defined criteria for evaluating such effectiveness, often allowing confusion with the concepts of "efficiency", "economy", etc.

The article attempts to identify current legal directions for improving the efficiency of using budget funds in two countries. The list of relevant mechanisms includes the introduction of efficiency monitoring (in the PRC) and budget expenditure review (in the Russian Federation); improving the quality of budget revenue administration (in the PRC) and tax expense accounting rules (in the Russian Federation); improving the legal regulation of public procurement (in both countries), etc. It is noted that the coordinated implementation of the principle of efficiency and the principle of openness (transparen-

cy) of the budget system creates prerequisites for improving the efficiency of budget expenditures in both China and Russia.

Keywords: China, Russia, Chinese budget law, budget, budget system, efficiency of budget spending, effectiveness, review of tax expenditures, efficiency monitoring, results based budgeting (RBB).

Rodionov A.N.
MBA, Senior Lecturer,
State University of Management
E-mail: antrod@mail.ru, antrod200@yandex.ru

RISK STUDY OF MODERN RUSSIAN-CHINESE INFRASTRUCTURE PROJECTS

Abstract. The risks faced by the company in implementing a project in other countries, are one of the main factors in the decision to join the project. PPP project risk is the possible adverse situations that could affect the progress of the project. The author analyzes the risks of PPP projects in relation to the Russian business environment. The expert analysis identifies the main factors that can influence the implementation of PPP projects involving Chinese investors and companies in Russia. Objectives: Study purpose is to research Russian and Chinese experts' opinions regarding the current state of the Russian business environment and to identify the most important factors affecting Russian-Chinese cooperation and preparation of proposals in order to improve cooperation in the implementation of PPP projects.

The comparison of the two expert groups on the quantitative scale was based on the Mann—Whitney nonparametric criterion. The comparison of three or more quantitative scale groups is based on the Kruskal—Wallis nonparametric criterion. The average value and standard deviation in the «M ± S» format were used to describe quantitative indicators. Exploratory factor analysis (main component method) followed by Varimax rotation, a multi-dimensional method used to study the relationships between the variables, was used to determine the structure of the data. The statistical significance level was fixed at the error probability level of 0.05.

Underestimation of risks always leads to financial losses, which affects the reputation and future investments. The author proposes to continue research on the preparation of business case method at investment attraction centers at

regional levels, as the risks identified reveal a clear underestimation or reassessment of certain factors.

Keywords: Investment, Chinese economy, risks of PPP projects, BOT projects, laws on PPP, innovation, infrastructure projects, agglomerations.

Zhilkibaev S.N.
Postgraduate Student,
Department of Legal Regulation of Economic Activities of the
Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: prozrach@mail.ru

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE CHINESE FOREIGN INVESTMENTS LAW

Abstract. The article examines the novelty of the investment legislation of the PRC: «Foreign Investments Law» of 2019, which entered into force in 2020 on the positions of the continental and Soviet legal families, and the mixed status of the economy. A positive line of progress is emphasized on granting foreign investors national status (with the possibility of preferential treatment and a single negative list) with a broad interpretation of the concepts of "investment" and "investor" with the modern corporate personality of foreign investment in China represented by companies and partnerships plus branches and representative offices of foreign companies. At the same time, the old Soviet organizational and legal forms of foreign investment in the face of joint and foreign enterprises cease to be binding.

The degree of liberalization, openness, manageability, serviceability and legal protection of foreign investment in China is increasing in accordance with international standards. The powers of public administration (control and supervision plus directions with the help of economic methods) by foreign investments are formulated quite generalized and vague, distributed with considerable autonomy of regional and local authorities.

Foreign experts, highlighting the unfavorable political and economic situation of the adoption of a modern law in the field of foreign investment, believe that this decision of the political leadership of the PRC is somewhat late, because the global economy is slipping into a state of general recession and crisis. However, with this tool, China has once again shown its main role in using the methods and system of globalization in opposing the US national protectionism policy.

Thus, against the background of a downward trend in Chinese economic growth, closely associated with international trade and investment, the Chinese leadership is modernizing the state-legal regulation of China's foreign economic activity, leaving, at the same time, wide scope for administrative discretion due to the political economic situation.

Keywords: China, PRC, economy, foreign economic activity, foreign investment, legislation, civil law, business law, corporate law, commercial organizations with foreign investment.

Sosedov D.S.
Independent Researcher
E-mail: ds.sosedov@yandex.ru

THE NPC DECISION ON ESTABLISHING AND IMPROVING THE LEGAL SYSTEM AND ENFORCEMENT MECHANISMS FOR THE HONG KONG SPECIAL ADMINISTRATIVE REGION TO SAFEGUARD NATIONAL SECURITY

Abstract. In 2019, a series of protests took place in the Hong Kong Special Administrative Region of China against the extradition bill proposed by the local government. The ideology of the protests was closely connected with the independence movement of Hong Kong, which is being supported by a part of the local population. On the 15th of July 2019, the consideration of the bill was suspended, but the protesters did not stop their activity and put forward new demands. During the demonstrations, their participants repeatedly resorted to acts of hooliganism, vandalism and violence against representatives of law enforcement agencies. Moreover, protesters openly requested foreign states to intervene in the process and provide the necessary support. Officials in several countries of the world have repeatedly spoken out in the media condemning the actions of the Hong Kong police and the central authorities of the PRC regarding protests. The protest activity continued in 2020, albeit on a smaller scale.

The development of the above events resulted in the adoption of the resolution "On Establishing and Improving the Legal System and Enforcement Mechanisms for the Hong Kong Special Administrative Region to Safeguard National Security" by the third session of the 13th National People's Congress (NPC) on May 28, 2020, better known in the media as the "Hong Kong national security law". Art. 23 of the "Basic Law of the Hong Kong Special Admi-

nistrative Region of the People's Republic of China" provides for the obligation of Hong Kong to prevent separatist and rebellious activities, as well as foreign interference in the affairs of Hong Kong. The PRC Constitution also contains a number of rules aimed at protecting against separatism and foreign interference. Thus, the adoption of the NPC decision was a result of the aggravation of the situation in Hong Kong. The Russian translation of this important for Russian science legal document is given in this publication. Knowledge of its provisions will contribute to a deeper understanding of the events taking place in the Hong Kong Special Administrative Region and the related reaction of the Central Government of China.

Keywords: China, Hong Kong, NPC, law, regulation, protests, demonstrations, state security.

Список авторов

Алексеенко Александр Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

E-mail: alekseenko.a.p@gmail.com

Амурская Марина Александровна — кандидат экономических наук, доцент Департамента языковой подготовки, Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: amurskaiam@mail.ru

Анисимцев Николай Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: nickans1@mail.ru

Афонина Любовь Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: liubov.afonina@gmail.com

Баженова Елена Степановна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: prof_bvi@mail.ru

Бородич Владимир Федорович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: borodich@rambler.ru

Ван Цзинвэй (КНР) *(王景伟)* — аспирант Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: wjw07@yandex.ru

Виноградов Андрей Олегович — кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: vinandr@mail.ru

Галенович Юрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Грачева Юлия Александровна — младший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: link2k3@list.ru

Гулева Мария Александровна — кандидат экономических наук, доцент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: guleva.m@gmail.com

Гурулева Татьяна Леонидовна — доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Жилкибаев Санат Нурболович — аспирант, Департамент правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: prozrach@mail.ru

Карнеев Андрей Ниязович — кандидат исторических наук, профессор, руководитель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: andrei_karneev@mail.ru

Кожухова Кира Евгеньевна — преподаватель кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет.
E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

Меркулов Катенарий Катенарьевич — доктор экономических наук (МАН Сан-Марино), кандидат исторических наук, действительный член Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (1998), старший научный сотрудник Центра научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: katenariymerkulov@gmail.com

Михалев Максим Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент Центра социальной антропологии РГГУ.

E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Морозова Валентина Сергеевна — доктор философских наук, доцент, приглашенный преподаватель департамента востоковедения и африканистики научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

E-mail: morozova1550@mail.ru

Петрунина Жанна Валерьяновна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и культурология», Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

E-mail: petrunina71@bk.ru

Петрунько Ксения Александровна — аспирант Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: p481nov@mail.ru

Родионов Антон Николаевич — магистр делового администрирования, старший преподаватель, Государственный университет управления.

E-mail: antrod@mail.ru, antrod200@yandex.ru

Румянцев Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ).

E-mail: evgrum@yahoo.com

Сазанова Светлана Леонидовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры институциональной экономики, Государственный университет управления.

E-mail: sazanova@nail.ru

Сазонов Сергей Леонидович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: sazonovch@mail.ru

Скосырев Владимир Алексеевич — аспирант ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com

Смирнов Дмитрий Анатольевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН; старший научный сотрудник Кафедры политологии Востока ИСАА МГУ.

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Соседов Дмитрий Сергеевич — независимый исследователь.

E-mail: ds.sosedov@yandex.ru

Степанова Елена Николаевна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

E-mwail: helenstepanova@bk.ru

Сущенко Максим Алексеевич — кандидат политических наук, заведующий лабораторией КРИПКиПРО, г. Кемерово.

E-mail: spacemirror@mail.ru

Тимофеев Олег Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного производственного бизнеса, Государственный университет управления.

E-mail: timooa@mail.ru

Трофимов Альберт Алексеевич — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Юридический факультет).

E-mail: albert.trofimov@gmail.com

Трощинский Павел Владимирович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: troshc@mail.ru

Шарипов Фанис Фалихович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международного производственного бизнеса, Государственный университет управления.

E-mail: fanissh@rambler.ru

Шушарина Галина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

E-mail: galinalmk@yandex.ru

Научное издание

Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества»

Материалы ежегодной научной конференции
Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор/корректор *Г.П. Манчха*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 18.08.2020.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 30,5. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)
Заказ № 7

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:
по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.